

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

А. В. ЕФИМОВ

ИЗ ИСТОРИИ
ВЕЛИКИХ РУССКИХ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ОТКРЫТИЙ

704389

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

МОСКВА

1971

На картах мира долгое время огромные пространства Северо-Западной Америки, побережья Северного Ледовитого океана и районы Дальнего Востока оставались белыми пятнами. В XVII — XVIII вв. героические походы русских землепроходцев, мореходов, экспедиций Академии наук, кораблей российского военно-морского флота позволили детально изучить малоисследованные территории. Сделанные открытия стали подлинным завоеванием географической науки.

Истории этих великих открытий и посвящена книга А. В. Ефимова — автора известных историко-географических трудов, награжденного за выдающиеся труды в области географических наук премией им. С. Дежнева Географического общества СССР. Работа основана на многочисленных документах, в ней использованы материалы картографических коллекций советских архивов и учтены последние научные изыскания.

Книга рассчитана на широкие круги читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В связи с пожеланиями ряда историков и географов переиздается книга «Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах»¹.

Со времени выхода в свет данной книги прошло два десятка лет, она стала библиографической редкостью, а между тем ею пользуются пишущие по данной тематике. К этой монографии добавлено небольшое исследование «Вопрос об открытии Америки», напечатанное в журнале «Новая и новейшая история», в № 4 за 1966 г.

Более двадцати лет назад из работ советских географов и историков по этой теме наибольшее значение имели, как мне представляется, книги президента Всесоюзного географического общества академика Л. С. Берга, особенно «Открытие Камчатки и экспедиция Беринга (1725—1742)» (первое издание в 1935 г., второе — в 1946 г.)².

В своих замечательных исследованиях, отличающихся точным установлением фактов и обоснованностью выводов, Л. С. Берг обычно изучал открытия и географические исследования тех или иных, подчас весьма больших, географических регионов, однако лишь в малой мере связывая эти открытия и исследования с общим ходом истории России и только спорадически пользуясь архивными источниками. Кроме Л. С. Берга, о географических открытиях писал проф. А. И. Андреев. А. И. Андреев (1887—1959 гг.), блестящий знаток архивов, стал заниматься материалами по истории географических открытий с конца 30-х годов, и уже в 1939 г. вышла в свет его книга «Очерки по истории источниковедения Сибири XVII века»³.

После этого А. И. Андреев написал ряд статей, по преимуществу источниковедческого характера, об истории открытий в

XVIII в. Эти статьи опубликованы в посмертном издании его книги «Очерки по источниковедению Сибири» (вып. 2, М., 1965).

А. И. Андреев замыслил продолжение этих очерков для второй половины XVIII в. и для XIX в., но смерть помешала ему осуществить этот план. Он намеревался объединить свои исследования по истории географических открытий в общую сводную работу, но безвременная смерть не дала ему возможности осуществить и этот замысел.

В годы Великой Отечественной войны мне приходилось много писать и выступать по вопросам истории русской дипломатии, особенно по русско-американским отношениям. После выхода в свет первого тома «Истории дипломатии», где я был одним из авторов, я стал собирать материал о русско-американских отношениях в широком международном плане, начав с периода 1763—1783 гг.

В архивах удалось найти много интересных материалов об изучении Америки русскими мореплавателями и ряд неопубликованных карт.

Включение в научный оборот новых документальных и картографических материалов дало возможность по-новому поставить ряд вопросов географических открытий в связи с общим ходом истории России и всеобщей истории.

В наших работах по истории и географии Сибири и Дальнего Востока опубликованы архивные карты, ранее неизвестные или такие, о которых имелись упоминания с оговоркой, что авторство этих карт не установлено. Между тем, кроме анализа бумаги, водяных знаков, а также манеры исполнения и письма, почерков (картографического и обычного), тематики карт, принадлежности их к тому или иному архивному фонду и т. п., основным способом для определения авторства и значения карт являлся анализ круга географических знаний, отраженных на исследуемых картах.

Пользуясь этим приемом, мы смогли ввести в научный оборот ряд ранее вовсе не обнаруженных карт или таких, содержание и значение которых не было раскрыто.

Содержание карт подвергалось перекрестной проверке данными архивных документов, причем иной раз те или иные ошибки на картах помогали определить источники, на основании которых эти карты составлены. Например, нанесение на карту сплошного

массива, который, начинаясь на некотором расстоянии от побережья Северного Ледовитого океана и огибая Чукотский полуостров, переходит в материк, находящийся против северо-восточной оконечности Азии, дает возможность датировать происхождение этого неправильного представления, так как те же сведения сообщены в расспросных речах казака Малгина в Анадырском остроге в 1710 г.

Работа над картами была продолжена при издании трудов С. П. Крашенинникова⁴, при публикации документального сборника «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии» (М., 1951)⁵, при написании статьи «Из истории картографии Дальнего Востока»⁶ и других статей, а также при составлении совместно с М. И. Беловым и О. М. Медушевской и редактировании «Атласа географических открытий Сибири и Северо-Западной Америки (XVII—XVIII вв.)» (М., 1954).

После издания настоящей книги «Из истории великих русских географических открытий» вышел ряд работ, которые в той или иной степени учтены при переиздании данной монографии.

Из капитальных исследований по истории русских географических открытий прежде всего отметим работу М. И. Белова «Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в.»⁷ и другие, а также В. И. Грекова «Очерки по истории русских географических исследований в 1725—1765 гг.»⁸

Исследование М. И. Белова охватывает историю открытия и освоения Северного морского пути с древнейших времен до середины XIX в. В нем уделено большое внимание и технике арктического мореплавания. Подняв огромный архивный материал, изучив имеющуюся научную литературу, автор приходит к выводу, что исторические условия России требовали открытия и использования морских, речных и сухопутных путей в самые отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока. Автор высоко оценивает роль русских народных масс в движении «встреч солнцу» и указывает на их сближение с населением Сибири вопреки желанию царской администрации. М. И. Белов описывает большие достижения в исследованиях ледового режима северных вод и устанавливает значение торгово-промышленных и правительственных северо-восточных экспедиций. М. И. Белов также считает, что русские географические открытия «составляют одну из

ярких страниц... в истории мировых географических открытий и мореплавания»⁹.

Кроме того, М. И. Белов написал ряд исследовательских статей по отдельным вопросам и осуществил весьма важные документальные публикации.

Монография В. И. Грекова охватывает более ограниченный хронологический период с 1725 по 1765 г., период после петровских реформ и до смерти Ломоносова. Исследование В. И. Грекова посвящено не только арктическому мореплаванию и экспедициям в Сибирь и на Дальний Восток, но и русским географическим исследованиям на юго-востоке России, в Средней Азии, на побережье Каспийского моря. Автор освещает ход картирования Балтики и Белого моря и дает оценку научной и учебной географической литературе рассматриваемого периода. Наибольшее значение в монографии В. И. Грекова имеет, как нам представляется, не привлечение неизвестных ранее материалов, а тщательный анализ уже известных данных на основе перекрестной проверки документов и карт и материалов, опубликованных в научной литературе. Даже примечания в монографии В. И. Грекова имеют самостоятельную научную ценность.

Основные его выводы следующие. Как и другие авторы, В. И. Греков отмечает значение русских открытий и исследований для исправления, улучшения карты мира. Эти исследования, по его мнению, явились также основанием для комплексных описаний отдельных областей России. Был заложен ряд научных основ физической географии, было преодолено отставание русской географической науки, а в ряде отношений эта наука в России вышла на передовое место.

Отметим две весьма ценные монографии Л. А. Гольденберга: «Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ (1642—после 1720 г.)» (М., 1965) и «Ф. И. Соймонов» (М., 1966).

Автор показал замечательное умение находить в архивном бумажном океане интересные документы, сопоставлять их и делать обобщения.

Появилась целая серия исследований о географических открытиях в Сибири и на Дальнем Востоке Б. П. Полевого, который дал новую постановку ряда проблем.

Изучение русских географических открытий на Тихом океане и во второй половине XVIII в. успешно велось О. М. Медушевской¹⁰ и Р. В. Макаровой¹¹.

Вышли в свет «Очерки по истории географии России XVIII в. (1725—1800)» Д. М. Лебедева (М., 1957) и второе дополненное издание монографии М. И. Белова «Семен Дежнев» (М., 1953).

Многие вопросы истории географических открытий и исследований изучены А. И. Алексеевым, опубликовавшим ряд статей и книг и подготовившим капитальный труд по истории экспедиции Невельского.

Кроме названных выше работ, вышло значительное число исследований советских ученых по отдельным вопросам. Назовем лишь некоторых их авторов — Г. А. Агранат, С. И. Баскин, Э. Ф. Вареп, В. А. Дивин, Н. Н. Диков (Магадан), Б. О. Долгих, О. А. Евтеев, Е. А. Княжецкая, Л. П. Каманин, Ф. А. Кудрявцев, И. П. Магидович, С. Е. Мостахов, Ю. А. Мочанов, М. И. Наврот, Новиков-Даурский (Благовещенск), М. Г. Новлянская, И. И. Огрызко, С. Б. Окунь, Ф. Г. Софронов (Якутск), А. А. Степанов (Хабаровск), В. М. Пасецкий, А. Н. Рожков, Г. С. Тихомиров, С. Г. Федорова, В. Н. Федчина, С. Е. Фель, Н. Г. Фрадкин, В. Н. Ченокал, Ф. А. Шиганов. Кроме того, вышло много ценных работ других авторов.

Опубликованы новые документальные сборники: «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океане», составитель М. И. Белов (М.—Л., 1952) и «Русские арктические экспедиции XVII—XX вв.» под редакцией М. И. Белова (Л., 1964).

Продолжена публикация «Дневника путешествий Мессершмидта», на этот раз совместно с учеными ГДР¹².

Много нового внесла экспедиция А. П. Окладникова на Таймыр. Ее результаты обобщены в книге: «Исторический памятник арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса» (М.—Л., 1951) с вступительной статьей и заключением А. П. Окладникова. В этом сборнике помещены статьи М. И. Белова, С. В. Бахрушина, С. И. Руденко, М. В. Фармаковского, Б. О. Долгих и других видных ученых — археологов, историков, этнографов, биологов и представителей иных специальностей.

В результате находок у восточного побережья Таймыра и изучения их установлено, что русские полярные мореходы совершали плаванье вдоль Таймырского полуострова еще в начале XVII в., т. е. достигли больших успехов в области арктического мореплавания.

Событием явилась организация археологической экспедиции в «Златокипящую Мангазею» под руководством М. И. Белова. Это одна из первых в ряде отношений экспедиция. Во-первых, как специальная археологическая экспедиция по проблемам истории географического открытия и освоения Сибири. Во-вторых, как экспедиция в условиях вечной мерзлоты. Экспедиция эта еще не закончена, но уже первые ее два этапа дали важные результаты. Удалось установить, что основание старой Мангазеи¹³ датируется 1600 г., что она была не только острогом (крепостью), но и большим ремесленным и торговым поселком. Раскопки дали материал о высоком уровне ремесла в Мангазее. В настоящее время уже начат второй этап Мангазейской экспедиции. Предварительные итоги первого этапа экспедиции подведены М. И. Беловым в его статье «Златокипящая Мангазея»¹⁴ и в докладе на XIII Международном конгрессе исторических наук 19 августа 1970 г.

В 1969 г. в нашей прессе появились сведения о другой чрезвычайно интересной археологической экспедиции на Крайнем Севере Сибири. 11 сентября в «Правде» была напечатана статья академика А. П. Окладникова об экспедиции в местах, где был Зашиверский острог. За «шиверами», т. е. за бурными порогами р. Индигирки, в результате начатой экспедиции найдены остатки значительного ремесленного и торгового центра и типичные ламутские и юкагирские каменные скребки для выделки шкур, медные монеты, стеклянные украшения и др.

Несмотря на отсутствие у нас исследовательского центра, изучающего историю географических открытий, в последние годы вышло много ценных историко-географических работ. Это свидетельствует о том, что такие исследования весьма нужны, почему они и привлекают к себе внимание многих квалифицированных географов и историков, работающих на стыке истории, географии и ряда естественных наук.

На Западе за последние два десятка лет не появилось работ по истории русских географических открытий, основанных на русских источниках. Исключением являются публикация Л. Багровым «Хорографической книги» С. У. Ремезова¹⁵ и некоторые статьи в «Imago Mundi»¹⁶.

В зарубежной литературе последних лет русские географические открытия представлены в различном освещении. Так, Джон

Бартлет Бребнер, канадский географ и историк, в своей книге об исследователях Северной Америки (1492—1806 гг.)¹⁷ русским географическим открытиям уделяет две страницы из 409. Его очерк по этому вопросу основан на скудной устарелой литературе: автор упоминает только один общий очерк по этому вопросу — книгу Ф. Голдера¹⁸, ссылаясь также на публикации Голдером «Путешествия Беринга»¹⁹.

Дж. Бартлет Бребнер высоко оценивает устарелую и не свободную от многих недостатков монографию Ф. Голдера и считает, что история русских географических открытий в Америке это a neglected field — забытое поле, игнорируя все то, что опубликовано на основе архивных источников советскими исследователями.

Иначе подходит к проблеме русских географических открытий редактор труда «Открытие и исследование земли» Вальтер Кремер²⁰.

В этой книге, изданной в ГДР, использованы и новые советские исследования. После кратких очерков географических открытий в основных регионах нашей планеты, в книге помещен словарь «открывателей» и исследователей. В нем встречаются статьи не только о С. Дежнев, В. Беринге, но и о А. Ф. Трешникове и В. Ю. Визе.

Большой документальный материал использован в многочисленных интересных исследованиях Джорджа Лензена, но они относятся к южной тихоокеанской зоне.

Наконец, как новый и весьма положительный этап в изучении географических открытий можно отметить сотрудничество в исследовательской работе американских, советских ученых и ученых других стран, осуществленное в издании Американского географического общества «The Pacific Basin» (история его географического исследования) под редакцией Германа Р. Фриис²¹.

¹ А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. М., 1950.

² См. также: «Академик Л. С. Берг. Избр. труды», т. I. М., 1956 и «Очерки по истории русских географических открытий». М.—Л., 1946.

³ В 1963 г. был издан 2-й выпуск его «Очерков по источниковедению Сибири» (первая половина XVIII в.). Первый выпуск этого же труда по XVII в. был переиздан ранее — М., 1960.

- ⁴ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, т. I, II. М.—Л., 1949.
- ⁵ Составлен Н. С. Орловой под редакцией и с предисловием А. В. Ефимова и опубликованными им картами.
- ⁶ Опубликовано в «Сборнике статей по истории Дальнего Востока». М., 1958.
- ⁷ М. И. Белов. История русских географических открытий, т. I. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956.
- ⁸ В. И. Греков. Очерки по истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.
- ⁹ М. И. Белов. Указ. соч., стр. 518.
- ¹⁰ О. М. Медушевская. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во второй половине XVIII в. «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. VII. М., 1954.
- ¹¹ Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во II половине XVIII в. М., 1968.
- ¹² D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil I. Berlin, 1962.
- ¹³ В 1672 г. в связи с исчерпыванием возможности соболиной охоты и запрещением плавания Мангазея была перенесена на новое место в Туруханск.
- ¹⁴ «Наука и жизнь», 1959, № 7.
- ¹⁵ «Хорографический атлас» С. У. Ремезова. «The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov». Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. Imago Mundi. A review of early cartography. Supplement 1. Gravenhage, 1958. Термином хорография, как указывается в «Imago Mundi», в противоположность термину география, т. е. мировая карта, еще римляне и Птолемей обозначали карту и описания отдельных стран и районов (см. Л. А. Гольденберг. Первый атлас «Карт»—чертежей Сибири. «Изв. Всесоюзного географического общества», 1964, № 1, стр. 39—45).
- ¹⁶ «Imago Mundi», 1952, N 9; 1954, N 11; 1959, N 14 и др.
- ¹⁷ John Bartlett Brebner. The Explorers of North America, 1492—1806. New York, 1955.
- ¹⁸ F. Golder. Russian Expansion on the Pacific, 1641—1850. Cleveland, 1914.
- ¹⁹ F. Golder. Bering's Voyages, vol. 1, 2. New York, 1922—1925.
- ²⁰ W. Krämer. Die Entdeckung und Erforschung der Erde. Leipzig, 1967.
- ²¹ «The Pacific Basin. A History of its Geographical Exploration». New York, 1967.

ВОПРОС ОБ ОТКРЫТИИ АМЕРИКИ

Может показаться странным, что история открытия Америки заняла в последнее время видное место в научных и популярных изданиях и что по этому вопросу палата представителей США 17 августа 1964 г. вынесла даже особое решение.

Для правильной датировки географического открытия имеют значение не столько новые факты, сколько понимание самого существа этой проблемы. От этой общей концепции и от преодоления некоторых предубеждений зависит и ответ на поставленный вопрос.

В последнее ли только время стало ясно, что почти за пять веков до Колумба норманны достигли (или почти достигли) северо-восточного побережья Америки?

О плаваниях норманнов по Атлантике знали уже давно, общеизвестно, что они жили в Исландии и Гренландии. Теперь доказано, что они селились и на острове Ньюфаундленд, откуда легко могли добраться и до материка Америки. Сведения об этих плаваниях норманнов основывались главным образом на исландских сагах «Об Эрике» и «О гренландцах». Теперь мы располагаем и другими свидетельствами. Начиная с 1953 г., норвежский писатель и путешественник Хельге Ингстад систематически обследовал побережье Северной Америки от Род-Айленда до Ньюфаундленда. Он пришел к выводу, что упоминаемый в сагах загадочный мыс Винланд — это мыс Медоус на крайнем севере Ньюфаундленда. Там, около рыбацкого поселка Л'Анс о-Медоу, Ингстад нашел остатки древнего норманнского поселения. С 1961 г. он производил в этом месте раскопки и нашел много предметов, которые признал норманнскими¹. Данные Ингстада проверили и подтвердили известные американские археологи Г. Коллинз и Дж. Берд.

Таким образом, достижение Америки около 1000 г. н. э. норманнами, о чем говорили саги, теперь подтверждено археологически.

17 августа 1964 г. палата представителей конгресса США приняла следующую резолюцию:

«Поскольку Лейф Эриксон около 1000 г. после Р. Х. действительно первым из неприрожденных американцев совершил открытие Североамериканского материка, а затем исследовал часть его; и

Поскольку доказательство этого исторического факта прочно покоится не только на двух независимых сообщениях норвежских саг, но на археологических открытиях и данных из архивов европейских библиотек; и

Поскольку факт этого открытия подтверждается далее тем, что написано многочисленными историками, а также в энциклопедиях и школьных учебниках; и

Поскольку этот подвиг из древней истории Америки надлежит признать должным образом: Поэтому да будет

Постановлено сенатом и палатой представителей Соединенных Штатов Америки, собравшимися в конгрессе, что президент Соединенных Штатов уполномочен и его просят официально провозгласить 9 октября каждого года днем Лейфа Эриксона и ежегодно издавать прокламацию, призывающую правительственных должностных лиц вывешивать в этот день на всех правительственных зданиях флаг Соединенных Штатов, а население Соединенных Штатов — отмечать этот день в школах, церквях и других подходящих местах соответствующими церемониями и действиями»².

Президент США принял эту рекомендацию.

К открытиям Ингстада прибавились находки так называемой базельской карты 1440 г., т. е. доколумбовой, на которой, как доказывают некоторые ученые, изображена Америка в виде острова³. Карта ставится в связь с открытием Лейфа Эриксона. По мнению ее исследователей, сотрудников Иейльского университета и Британского музея, это копия оригинальной карты начала XII в., выполненная в 1440 г.

Однако испанский писатель и ученый, знаток истории открытий Колумба С. де Мадарьяга вступился за честь Колумба и решительно заявил, что карта — фальшивка, изготовленная в корыстных целях⁴.

В дальнейшем к числу сторонников того, что эта карта не имеет научного значения и что ряд крупных ученых был введен в заблуждение, присоединились исландский ученый Бьерн Торстенсон, гренландский ученый Гаэтано Ферри, итальянский профессор Аминатор Фанфани, английский проф. Эва Тейлор и др.⁵

Известный специалист по истории географических открытий Р. А. Скелтон допускает возможность сомнений в подлинности базельской карты. Он пишет, что очертания Исландии и Южной Гренландии на ней, «по-видимому, опираются на опытные данные и скопированы с карты, первоначально изготовленной, веро-

ятно, в XIII или начале XIV в. до упадка норвежских поселений в Гренландии... Очертания Винланда отражают, вероятно, еще более старые сведения, восходящие самое позднее к XII в., и нанесены, по-видимому, целиком по устным или письменным данным саг, а не по карте, отражающей опыт»⁶.

На сторону противников приоритета викингов в открытии Америки встал датский исследователь граф Эйгель Кнут. По его мнению, базельская карта отражает лишь старую норвежскую традицию о «Винланде», но вовсе не доказывает, что викинги достигли Америки⁷.

Таким образом, споры о пребывании норманнов в Америке после Лейфа Эриксона продолжают. Так, Э. Тейлор⁸ признал достоверными сведения из письма итальянского моряка Николо Зено (опубликованные в 1558 г. одним из его потомков) о путешествии рыбака с Фарерских островов в предполагаемый Марк-ланд (на полуострове Лабрадор) около 1354 г. Рыбак этот нашел там норманнскую колонию.

Вообще до Ингстада о Винланде писало более 50 авторов, искавших его в самых разных пунктах⁹.

Теперь местонахождение Винланда, по-видимому, установлено, но осталось еще достаточно неразрешенных проблем. Так, долго считали, что название Винланд означает «страна вина» (или виноградной лозы). Шведский филолог Сердерберг, с которым согласился Ингстад, возводит Винланд к древнескандинавскому *vin* («пастбище»). Однако проф. Гвин Джоунз обратил внимание на то, что в этом значении термин *vin* уже в XI в. вышел из употребления в норвежских землях¹⁰.

Спорами о викингах проблема открытия Америки далеко не исчерпывается.

Испанские историки воскрешают версию об открытии Америки в 1484 г. испанским моряком Алонсо Санчесом де Уэльва. Т. Лука де Тена написал об этом в мадридской газете «АВС», ссылаясь на старинные хроники и поэмы XVI и XVII вв. Андалузский капитан Санчес де Уэльва плыл из Испании в Англию. Бурей его судно отнесло к Вест-Индии, где Уэльву приняли некие «раскрашенные люди». На обратном пути он будто бы побывал на Мадейре или Порту-Санту у Колумба, который действительно жил там до 1484 г.¹¹

Имеются упоминания о том, что до Америки в VI—VII и IX вв. добирались искатели наживы и приключений из Португалии, Испании, Ирландии, что баскские рыбаки посещали отмели Ньюфаундленда еще с 1000 г., что на территории нынешнего Перу в XII в. побывали полинезийцы¹².

Есть известие¹³ о том, что арабы с Мадагаскара достигли заокеанской страны с «краснокожими жителями» и встретили там соотечественников, прибывших туда ранее. В свое время по моей просьбе крупнейший знаток рукописей арабских географов

академик И. Ю. Крачковский проверил, имеется ли такое сведение у Идриси, и пришел к категорическому заключению, что ничего подобного там нет.

Трудно, разумеется, поверить фольклорному сказанию о настоятеле ирландского монастыря Брендане, который в VI в. н. э., совершив молебен на спине кита, собрал своих монахов, поплыл в неведомые дали на корабле, впереди которого летел ангел, и открыл Америку. Конечно, кит и ангел — фольклорные украшения, но существенно то, что рукопись о плавании VI в. появилась только в XI в.

Недавно итальянский лингвист Марк Гаттони Челли в Институте этрусских исследований заявил, что свыше 3 тыс. лет тому назад, в XII в. до н. э., в Америку будто бы эмигрировало население этрусского типа, что обычаи и религиозные обряды индейцев акавайо будто бы весьма близки к обычаям и обрядам этрусов¹⁴.

В китайских источниках упоминается о путешествии пяти буддийских монахов в страну Фусан в начале нашей эры¹⁵. О том, что это за страна, спорили долго — не менее десятка историков энергично доказывали, что это Америка, в частности Калифорния или Мексика, столько же специалистов упорно возражали им. Еще А. Кордье, разобрав аргументы за и против, пришел к убедительному выводу, что Фусан никоим образом не может быть Америкой, так как в описании монахов фигурирует к востоку от Фусан морское течение, в котором следует признать Куро-Сиво. Следовательно, Фусан скорее всего Японские или какие-нибудь другие острова Тихого океана.

Известный американский археолог Фрелих Рейни сделал сообщение о кремневых микролитах, найденных во время землеройных работ на Аляске. Предполагается, что они относятся примерно к 6000 г. до н. э. и принадлежат к тому же типу, что и микролиты, найденные ранее на Алеутских островах и на восточном побережье Японии¹⁶.

Супруги Б. Меггерс и К. Эванс из Смитсоновского института (Вашингтон) изучали керамику, найденную в Эквадоре, и отнесли ее к периоду 3000—2300 лет до н. э. По технике изготовления и орнаменту она сходна с японской керамикой неолитической культуры Дзёмон. Поскольку эквадорская керамика более поздняя, чем японская, они пришли к выводу, что изделия эти были завезены в Эквадор с Японских островов приблизительно за 4500 лет до Колумба. Не исключено, что эта версия сыграет в будущем немалую роль, может быть такую же для Южной Америки, как открытие Ингстада для Северной.

Приводя данные о сходстве ряда черт древней материальной культуры Эквадора и Азии и сославшись на примеры дальних плаваний из азиатских стран в древности и на возможность остаться в живых при длительных случайных морских дрейфах, археолог Э. Эстрада и Б. Меггерс утверждают, что нельзя боль-

ше оспаривать, что «имелись средства и возможности совершать путешествия из Азии в Америку через океан. Рассмотрев все обстоятельства, можно только удивляться, что ученые обоих полушарий так мало серьезного внимания уделяли этой проблеме. Мы надеемся, что представленные здесь свидетельства побудят археологов Нового света обратить внимание на подобные комплексы в различных районах, а археологов Азии проследить разгадку до конца и определить район, из которого прибыли эти люди»¹⁷.

Э. Эстрада и К. Эванс, подводя итоги предшествующих исследований, установили, что керамика культуры Вальдивия на северном побережье Эквадора необычна для Нового света за 3 тыс. лет до н. э. (такова ее датировка). «Однако,— пишут они,— существует значительное сходство между культурой Вальдивия и ранне-средней культурой Дзёмон (Южная Япония), которая существовала приблизительно между 3000 и 2000 гг. до н. э. Следовательно, они — современницы. Конечно, существование трансокеанских связей за 3 тыс. лет до н. э.— утверждение весьма радикальное, но это — единственный вывод, допустимый при соблюдении принципов сравнительного анализа»¹⁸. Около 200 г. до н. э., говорится далее в статье, в высокоразвитой культуре Байя появляется комплекс обрядовых предметов с такими чертами, «равных которым по древности нет в Новом свете, тогда как на западной стороне Тихого океана они были распространены еще раньше. Самое разумное — это объяснить их появление в Америке прибытием судна из Азии».

Подводя итоги, Б. Меггерс писала: «Первые гончарные изделия появились в Мезоамерике, по-видимому, несколько раньше, чем в Южной Америке, и независимо, хотя рискованно считать известные сейчас доказательства этого окончательными. Отсутствие соответствия в формах сосудов, технике их выполнения и мотивах орнаментации внушает убеждение, что источник мезоамериканской керамики не в Южной Америке. Некоторые археологи склоняются к тому, что она проникла сюда из Азии — либо по суше через Северную Америку, либо непосредственно по морю».

В последнее время Б. Меггерс и К. Эванс¹⁹ находят, что с успехами археологии обнаруживаются все больше сходных черт в цивилизациях Азии и Америки. Вывод из этого, по их мнению, может быть один: примерно за 4500 лет до прибытия Кортеса в Мексику судно с невольными путешественниками из Японии ненароком попало в Новый свет. По-видимому, люди японской культуры Дзёмон за 3 тыс. лет до н. э. «жили во многих отношениях так же, как жители эквадорского и перуанского побережий того времени. Но керамика культуры Дзёмон — результат нескольких тысячелетий развития, а керамика Вальдивии не имеет предшественниц в Америке. Между тем весьма вероятно, что древние японские рыбаки, унесенные в океан, чувствовали себя

там, подобно современным микронезийцам, как дома, и могли просуществовать долго. Попав на берег Эквадора, они могли без большого труда сжиться с местным населением, так как культурное развитие тех и других находилось на примерно одинаковом уровне».

Таким образом, авторы выдвигают предположение о возможности древних транстихоокеанских связей и влияния развитых азиатских культур на цивилизации Нового света²⁰.

Приведенные выше выступления археологов не вызвали сначала широких откликов в печати и привлекли к себе внимание лишь недавно, в связи с проблемой открытия Америки норманнами. У многих возник вопрос, не были ли первыми колумбами предки современных японцев 4500—5000 лет тому назад.

Известия эти вызвали множество споров, характер которых нетрудно установить. Так, Ла Кортте, президент Итальянского исторического общества в Нью-Йорке, заявил, что «день (Колумба), когда мир чтит человека, открывшего двери Америки для колонизации, оказывается весьма досадным днем». Член Верховного суда США М. А. Мусманно назвал идею о том, что предки японцев открыли Америку, «бредом сумасшедшего». «Чем они (Меггерс и Эванс.— *А. Е.*) подтверждают свое заявление, что японцы высадились здесь 5000 лет назад? Тем, что нашли обломок красной керамики. Удивительно, как это они не пришли к выводу, что Америку открыли коммунисты — керамика-то красная»²¹.

Когда появляются новые сведения о ранних посещениях Америки, то ставится вопрос об открытии как о перводостижении. Но что если попробовать не просто сопоставить сведения об отдельных появлениях людей с других континентов в доколумбовой Америке, а рассмотреть всю цепь информации о ранних посещениях Америки?

Возможно и даже вероятно, что не все эти сведения достоверны, но трудно предположить, что все они — плод разгоряченного воображения моряков, хронистов, археологов, лингвистов, этнографов, географов, историков. Скорее можно сделать другой вывод — что история Америки с самых ранних ее этапов протекала менее изолированно, чем обычно принято считать, что отдельные связи Америки с другими частями света и отдельные, возможно локальные, влияния извне могли иметь место и в доколумбово время²². В этом отношении глубокий смысл имеют смелые плаванья Тура Хейердала и его спутников.

Позволю себе высказать уверенность в том, что с дальнейшими успехами науки, особенно археологии, лингвистики и этнографии, сведений об этом будет все больше и больше и к тому же более исторически достоверных, чем данные фольклора и хроник.

Как ни интересны данные об эпизодических посещениях Америки, эти сведения, даже если они все достоверны, не ведут нас к решению вопроса о том, когда была открыта Америка.

Дело в том, что открытие населенного региона — это двусторонний акт, это первая встреча народов разных континентов, стран, начало или новый этап отношений их населения, в то время как открытие ненаселенного географического объекта — это его первооткрытие²³.

Путешествия викингов лишь в малой степени отразились на судьбах Америки и самих норманнов.

Открытие Колумбом населенной Америки положило начало широким связям народов Америки и неамериканских стран, колонизации Америки европейцами, открыло новый этап в истории Америки и мировой истории.

Но если иметь в виду только первооткрытие Америки, то приоритет Колумба отпадает. Ведь мы не разделяем, подобно Гегелю, народы на исторические и неисторические, не ставим вопрос так, что до известной поры народы не имели истории и лишь затем, в ходе развития, поднялись на более высокую, уже историческую ступень. А следовательно, огромные незаселенные еще материи Америки были открыты теми, кто их впервые заселил. Как известно, остатков антропоидных обезьян в обеих Америках не найдено. Человек пришел в Америку извне 35—12 тыс. лет тому назад. Америку открыли и заселили протомонголоиды в эпоху плейстоцена, возможно перейдя из Азии посуху в районе образовавшегося позже Берингова пролива. При этом волны миграции из Азии в Америку могли включать в себя и этнические компоненты из более южных районов Азии. Связи между населением Азии и Америки до начала ее колонизации поддерживались не только миграциями, но и путем торговли, военных набегов и т. п.

Кроме того, открытие Америки было не однократным актом, а многоступенчатым процессом, длительным, имевшим различные этапы²⁴.

Одно дело открытие того или иного определенного пункта, а другое — открытие огромного континента, а что касается Америки — то двух громадных материков. Открыть одновременно всю Америку было просто невозможно — неизбежной являлась многоступенчатость этого процесса. Даже первооткрытие огромного ненаселенного Американского материка монголоидами было лишь началом его заселения и открытия, длительного движения от Аляски до Патагонии и архипелага Огненной Земли.

Естественно, что географические открытия, сделанные народами, не имевшими письменности, никак обычно не фиксировались, и о них можно судить лишь по косвенным данным — археологическим, антропологическим и др. У народов, имевших письменность уже на ранних ступенях своего классового развития, — финикийцев, египтян, греков, римлян, китайцев, индийцев, у народов средневековой Европы, Африки и Азии — географические открытия закреплялись в летописях, литературных памятниках, описаниях, в примитивных безмасштабных картах, а затем в кар-

тах с масштабами и с градусными сетками (первоначально малой точности). У таких народов географическое открытие обычно оставалось достоянием его культуры, иногда и соседних народов, но сведения об открытиях, совершенных в отдаленных районах, как правило, были случайными, неполными, иной раз баснословными.

Однако в XV в. возникает мировая наука западного мира, обретшая единый язык — латинский. На этом языке были зафиксированы великие открытия того времени, в частности географические. Но и после того, как они стали фиксироваться наукой, история знает немало случаев повторных открытий одного и того же объекта. Канарские острова, например, были известны древним грекам и римлянам, а также африканцам, а в XIV в. они вновь были открыты смешанной португало-итальянской экспедицией. Остров Питкэрн был открыт полинезийцами примерно в XIII в., а вторично — в 1767 г. командиром британского шлюпа «Суоллоу» Картеретом. Жители Гавайских и Гильбертовых островов открыли и заселили ряд островов Центральной Полинезии примерно в V в. н. э., а больше чем через тысячу лет открытие островов приписали англичанину Уоллису²⁵. Южная оконечность Африканского материка за много лет до Бартоломео Диаса и Васко да Гама была известна арабам, индонезийцам, индийцам, а также, вероятно, древним карфагенянам.

К проблеме многоступенчатости географических открытий я обращался неоднократно в своих работах по истории географических открытий, в «Очерках истории США» (1957), монографии «США. Пути развития капитализма» (М., 1969), а также во введении к «Атласу географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке в XVII—XVIII вв.» (М., 1964). Там показано, что открытие Америки было не однократным актом, а процессом. Колумб в Северной Америке никогда не был, ее открыл Джон Кабот (Джованни Кабото), а в 1597 г. Северо-Западную Америку самостоятельно открыли «колумбы росские». Десятки колумбов и тысячи их спутников открыли, описали, картировали, изучали Америку. Но если говорить о первооткрывателях, то ими были, несомненно, предки современных индейцев и эскимосов.

Идею о первооткрытии как первозаселении можно встретить в некоторых старых работах. Так, проф. Конрад Кретчмэр в «Истории географии» в 1912 г. писал: «В Америке уже до 1492 г. жили миллионы людей, следовательно, для них не нужно было впервые открывать Америку... Понятие открытия относительно».

Или вот еще высказывание такого же порядка, сделанное путешественником и вдумчивым теоретиком географических открытий Вильямуром Стефанссоном: «Азия и Африка никогда не могли быть открыты человеком, так как он первоначально появился в одной из них... Эти люди, азиаты или африканцы, открыли Европу по крайней мере миллион лет тому назад»²⁶.

Однако если даже вся мировая наука придет к выводу о первооткрытии Америки ее первоначальными, то конгресс США, по крайней мере в его настоящем составе, вряд ли сможет принять резолюцию, учреждающую национальный праздник в честь открытия Америки протомонголоидами. Нетрудно представить, что произойдет, если какой-либо конгрессмен, скажем из 49-го штата США, Аляски, предложит считать, что Америка открыта предками современных индейцев и эскимосов. Возможно, тогда поднимется с места какой-либо джентльмен из южных штатов, например из Техаса или Алабамы, и скажет: «Как, Америку открыли цветные? Мы этого не допустим!».

Таким образом, установление факта географического открытия требует преодоления некоторых антинаучных предубеждений, признания всех народов историческими, отказа от всяких затемняющих вопрос националистических и расовых предрассудков, раскрытия корыстных целей псевдонаучных сенсаций. В позитивном плане здесь требуется определение теоретического содержания понятия «географическое открытие», различение открытий ненаселенных и населенных географических объектов, исторический подход не только к отдельным открытиям, но и ко всей цепи их, ко всему иной раз многоступенчатому процессу географических открытий и исследований.

-
- ¹ См., например: *H. Ingstad. Vinland Ruins Prove Vikings Found the New World. «National Geographic». Washington, November 1964, p. 708—734.* (сокращенный перевод этой богато иллюстрированной статьи см. «Наука и жизнь», 1965, № 7). Об оценке этого открытия см., например: *М. А. Коган. Винланд найден. Новые данные о норманнах в Америке. «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 97, 1965, вып. 5; G. Jones. The Norse Atlantic Saga. London—New York—Toronto, 1964, p. VI, 85—86, 91—92; см. также Г. И. Анохин. Кто же открыл Америку? «Природа», 1965, № 10.*
- ² «Congressional Record», 88th Congress, Second Session, p. 19257. 9 октября—предполагаемый день рождения Лейфа Эриксона.
- ³ Карта опубликована Александром Вьетором в «The Yale University Library Gazette», vol. 37, July 1962, N 1 (карта Генриха Мартелла Германуса).
- ⁴ «За рубежом», 1965, № 46, стр. 26.
- ⁵ См. *М. А. Коган. О так называемой карте Винланда. «Изв. Всесоюзного географического общества», 1966, № 6; он же. К вопросу о иейльской карте. Там же, 1968, т. 100, вып. 3, стр. 252—255.*
- ⁶ *R. A. Skelton. The Vinland Map and the Tartar Relation. «Geographical Magazine». London, January 1966, p. 668.*
- ⁷ «Daily Worker», 13.X 1965; см. также «За рубежом», 1966, № 17, стр. 27—28.
- ⁸ *E. G. R. Taylor. A Fourteenth Century Riddle — and its Solution. «Geographical Review», New York, October 1964, p. 573—576.* Популярное изложение той же статьи см. «Geographical Magazine», January 1965, p. 709—712.
- ⁹ *М. А. Коган. Винланд найден. «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 97, вып. 5, 1965.* Любопытно, что о местоположении Атлантиды

- к 1942 г. было высказано лишь около 40 различных предположений (*J. Imbelloni, A. Vivante, Les lèvres d'Atlantide. Paris, 1942*).
- ¹⁰ *G. Jones. The Norse Atlantic Saga. Being the Norse Voyages of Discovery and Settlement to Iceland, Greenland, America. London—New York—Toronto, 1964.*
- ¹¹ «The New York Times», 12.X 1965, p. 58.
- ¹² О разительном сходстве языков и обычаев племен Океании и Южной Америки писал П. Риве, Ж. Монтадон и Те Ранги Хироа (П. Бак). Разбор их концепций см. в кн.: «Народы Америки». М., 1959, т. I, стр. 11—17; т. II, стр. 285 и др.
- ¹³ Эту версию выдвинул американский историк А. В. Бабин (русский по происхождению) в своей работе «История САСШ». (СПб., 1907).
- ¹⁴ «За рубежом», 1965, № 46, стр. 26.
- ¹⁵ *Н. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М., 1952, стр. 45—48.*
- ¹⁶ «За рубежом», 1965, № 46, стр. 26; 1971, № 5.
- ¹⁷ «American Anthropologist», October 1961, p. 936.
- ¹⁸ См. также: «Aboriginal Cultural Development in Latin America». В. J. Meggers, C. Evans (Eds.). Washington, 1963.
- ¹⁹ *B. J. Meggers, C. Evans. A Transpacific Contact in 3000 B. C. «Scientific American». New York, 1966, N 1, p. 28—35.*
- ²⁰ *Ibid.*, p. 35. Профессор университета Васеда (Токио) Нобуа Ноара, комментируя эту статью Меггера и Эванса, допускает возможность того, что древние японцы, пользуясь дрейфующими плотами, могли достичь Америки («За рубежом», 1960, № 9, стр. 28, со ссылкой на «Майнити дейли Ньюс» (Токио); см. также *Г. Жуйков. Кто же, наконец, открыл Америку? «Новое время», 1966, № 9, стр. 27—28*).
- ²¹ «Daily Worker», 13.X 1965; *Г. Жуйков. Кто же, наконец, открыл Америку? «Новое время», 1966, № 9, стр. 28.*
- ²² Идея о доколумбовой истории связей Америки с другими континентами находит свое выражение у ряда авторов. Так, проф. Гримен опубликовал работу о древних связях Америки и Европы («Current Anthropology», vol. 4, 1963, N 1, p. 41—93). Используя большой материал палеолитических наскальных изображений, автор предлагает гипотезу о связи древних культур Европы и Америки. Уязвимым местом его концепции является малое внимание к данным физической антропологии. О связях доколумбовой Америки с другими континентами говорил С. Р. Варшавский в своем докладе, прочитанном в Московском филиале Географического общества СССР в 1964 г. (см. также «Вокруг света», 1961, № 12; «New World Antiquity», 1961, vol. 8, p. 101—105).
- ²³ Первооткрытием может быть не только перводостижение. Так, например, остров Визе был открыт теоретически В. Ю. Визе в 1924 г. и нанесен на карту на основании анализа движения льдов и ветров, а в 1930 г. он был найден в указанном ученым месте.
- ²⁴ Идея многократности географических открытий содержалась в докладе проф. Гиддингса «Семь открытий Берингова пролива» («Proceedings of the American Philosophical Society». Philadelphia, vol. 106, N 2, 1962). Разбор его концепции был дан мною в докладе на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве (см.: «Вопросы истории», 1965, № 3).
- ²⁵ *Те Ранги Хироа. Мореплаватели солнечного восхода. М., 1950, стр. 74.*
- ²⁶ *V. Stefansson. Great Adventures and Explorations. New York, 1947, p. IX;* ср. также: *Н. Плишкхе. Entdeckungsgeschichte von Alterum bis zur Neuzeit. Leipzig, 1933, S. 7: «Проникновение человека из известных в еще не известные области земли, а также к еще не известным человеческим группам называется в географии и этнографии открытием... Но первобытные народы исследуют только то, что лежит в непосредственном соседстве с ними, круг же открытий культурных народов гораздо шире».*

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

*В*опрос о великих географических открытиях разрабатывается историками давно. Собрано много интересного и ценного фактического материала, восстанавливающего картину открытия материков и омывающих их водных пространств. Однако нельзя сказать, что в основном вопрос об этих открытиях решен был правильно.

Западноевропейская и американская наука сводит весь вопрос о великих географических открытиях к тем завоеваниям человеческого знания о морях и землях нашей планеты, которые были сделаны в конце XV и в начале XVI в.

Что подразумевается обычно под великими географическими открытиями? Открытие Америки Колумбом в 1492 г., открытие морского пути в Индию португальцем Васко да Гама в 1498 г. и кругосветное плавание, начатое в 1519 г. португальцем Магелланом. Магеллан начал плавание, которое явилось кругосветным. Правда, сам он в пути погиб, но 16 его спутников из 234 все же в сентябре 1522 г. завершили кругосветное путешествие, впервые установив, что континенты Америки омываются огромным водным пространством.

К числу великих географических открытий, и не без основания, относят открытие Тихого океана со стороны Панамского перешейка. В 1513 г. Васко Нуньес Бальбоа, пересекший Панамский перешеек, вышел к безбрежным водным пространствам Тихого океана.

В той обычной версии о великих географических открытиях, которую можно найти в любом учебнике истории, и в том числе в наших учебниках по истории средних веков, не обращено внимания на один факт, относящийся к данным открытиям, на то, кто на самом деле является виновником открытия морского пути из Европы на Восток.

Одно из важнейших географических открытий этого периода, имевшее для своего времени колоссальное значение, — это открытие морского пути в Индию, совершенное, как всегда указывается, португальцем Васко да Гама. Следовало бы, и даже совершенно необходимо было бы, указать на то, что это открытие делает честь не только европейцам, но и арабам.

Когда Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды и прибыл в Малинди, он стал искать на побережье Африки местного лоцмана. В одной из старинных хроник записано, что король Малинди дал Васко да Гама хорошего лоцмана мавра из Гузерата. Имя его Ахмад ибн Маджид.

В 1948 г. академик И. Ю. Крачковский сделал доклад в Географическом обществе Союза ССР о наличии в наших рукописных фондах трех уникальных арабских лоций, принадлежащих морскому пилоту XV в. Ахмаду ибн Маджиду. Ибн Маджид неоднократно плавал из Африки в Индию (отметим, что сам по себе этот факт был известен и ранее, находка новых рукописей дала лишь новые детали), имел арабские лоции этого пути и хорошо был знаком с арабскими морскими трактатами, в основу которых были положены схемы иранских рахнамаджей (мореходных справочников).

Таким образом, испано-португальское открытие морского пути в Индию оказывается испано-португальско-арабским открытием. Однако хотя это и очень существенная, но все же частная поправка к широко распространенному представлению об одном из великих географических открытий.

Укоренившиеся взгляды на историю великих географических открытий подлежат критическому пересмотру в целом. В них следует внести не какое-либо отдельное изменение или исправление, их нужно пересмотреть от начала до конца. Великие географические открытия — это открытия, сделанные не только на Западе, но и на Востоке, где тоже имелись, а затем были исследованы «Море неизвестности» и «Страна мрака».

Так, например, в своей ценной работе «Очерки русского землеведения» проф. М. С. Боднарский говорит о великих русских географических открытиях, ограничивая, однако, их только XVII в., о великих русских географических открытиях пишут М. И. Белов, Д. М. Лебедев и другие историки географической науки. Однако важно не только самое название, но и научное раскрытие содержания понятия.

Если в конце XV и в начале XVI в. были сделаны великие географические открытия на Западе, то в XVII и в первой половине XVIII в. были сделаны великие географические открытия на Востоке, которые по своему значению и влиянию на судьбы мировой истории, на ход ее отнюдь не уступают географическим открытиям на Западе.

Во время великих географических открытий, сделанных с Запада, были открыты Америка в 1492 г., Австралия в начале XVII в., было начато открытие мировой океанической системы Магелланом. Однако названные выше открытия были не завершением, а лишь началом изучения мировой системы суши и водных пространств.

В этом изучении великие русские географические открытия занимают важнейшее место.

В 1581 г. Ермак Тимофеевич начал свой исторический поход на восток.

В то время Сибирь была заселена многими народами, находившимися в дофеодальной или феодальной стадии развития.

Русские проделали грандиозную работу по обследованию Азиатского материка, его северной и восточной частей. Русские мореходы и землепроходцы нанесли на карты все великие сибирские реки, впадающие в Северный Ледовитый океан, и ряд других, установив, каковы очертания северной и северо-восточной частей Азиатского континента, открыли огромные пространства континента Северной Америки и определили соотношение между Азиатским материком и Японскими островами.

Походы Москвитина, Дежнева, Беринга и Чирикова, Федорова и Гвоздева и других смелых русских исследователей позволили установить раздельность материков Азии и Америки и очертания тихоокеанского побережья северной части Америки, где не побывал еще никто из европейцев.

Географические открытия XVII—XVIII вв.— это исследование грандиозных белых пятен в центральных частях уже известных континентов. В качестве таких позднейших открытий в XIX в. можно назвать открытия Ливингстона и Стенли в Африке, Пржевальского, Потанина, Певцова в Центральной Азии. В то же время происходило открытие и многих островов. Особенно много островов было открыто русскими во время кругосветных плаваний. Как известно, в первой половине XIX в. корабли под русским флагом свыше 50 раз обошли вокруг земного шара.

Особняком в хронологическом отношении стоит одно из великих открытий XIX в.: открытие русскими шестой части света — Антарктиды. Хотя это открытие сделано в XIX в. (1820—1821 гг.), но по своему характеру, по типу, оно примыкает к великим географическим открытиям XVII—XVIII вв., когда были установлены соотношения массивов суши и моря нашей планеты.

Исключая из числа великих географических открытий открытия, сделанные русскими путешественниками и мореплавателями, мы оказываемся далекими от научного понимания сущности великих географических открытий вообще. А между тем еще в «Капитале» К. Маркс указывал на значение географических открытий.

Мы приведем это замечание Маркса: «Не подлежит никакому сомнению..., что великие революции, происшедшие в торговле в XVI—XVII веках в связи с географическими открытиями и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический»¹. Два мощных потока переселенцев стремились — один через Атлантический океан в Америку и кругом Африки в Индию, другой по сухопутью через Сибирь к побережью Тихого океана, причем одно из ответвлений этого потока стало пробивать себе путь на Восток по северной окраине Азиатского континента.

Русские географические открытия и в советской литературе прежде не всегда находили должное освещение. Так, в учебнике истории СССР, изданном в 1947 г. Институтом истории Академии наук СССР для вузов, мы прочтем, что одним из наиболее важных фактов в истории Московского государства XVI в. было открытие англичанами северного морского пути в Россию через Белое море (стр. 338). И дальше говорится об энергии английского купечества, которое искало новых рынков и неожиданно-негаданно сделало важнейшее географическое открытие. Но в том же 1947 г. в Москве вышла работа М. С. Боднарского «Очерки по истории русского земледелия». Там вопрос поставлен иначе: не англичане, а русские открыли путь из Белого моря в Балтийское.

В 1496 г. Григорий Истома совершил плавание из устья Северной Двины в обход Скандинавии в Копенгаген. Иван III Васильевич, великий князь Московский, снарядил посольство в 1496 г. к королю Дании: Поскольку в это время Швеция отложила от Дании, посол Истома не решился идти в Данию по Балтийскому морю, а избрал путь через Северный Ледовитый океан и, выйдя на четырех судах из устья Двины, достиг Копенгагена. Путешествие Истома подробно описано. Об этом же путешествии говорит и Герберштейн. Василий Власов вторично прошел тем же путем из Белого моря в Испанию, причем он сделал это до плавания Чанслера; Дмитрий Герасимов трижды плывал из Белого моря вокруг Скандинавии в Норвегию и Данию, а наши учебники еще недавно продолжали твердить о том, что англичане открыли морской путь в Белое море кругом Скандинавского полуострова.

При наличии многих походов русских кругом Скандинавского полуострова из Белого моря в Западную Европу надо полагать, что англичане использовали сведения об этих походах. Было бы невероятным думать, что английские моряки не знали о них.

Если открыть «Большую советскую энциклопедию» (изд. I) на слово «Антарктида», то там можно найти много интереснейших сведений об этой суровой и негостеприимной и в то же время грандиозной по своему протяжению, последней из открытых

человечеством частей света. Однако ни слова там не сказано о том, что Антарктиду открыли в 1820—1821 гг. русские (экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева).

Несмотря на то, что в библиотеке конгресса США имеются и русские карты, составленные во время русских тихоокеанских экспедиций, Генри Р. Вагнер² не опубликовал ни одной из них, хотя именно русские сделали важнейшие открытия в северо-западной части Америки. Нет анализа и объективной оценки географических открытий русских путешественников и мореплавателей и в работе К. Валло «Общая география морей», вышедшей в 1933 г. в Париже³.

Подобных примеров замалчивания русских географических открытий можно было бы привести много.

Однако не все ученые США игнорируют русские географические открытия в Сибири и Северо-Западной Америке. Так, Р. Х. Фишер в 1956 г. в журнале «Pacific Historical Review» поместил статью «Семен Дежнев и проф. Голдер». Автор названной выше статьи пришел к выводу: «Советские историки и географы безусловно правы, что приоритет плавания в Берингов пролив принадлежит Дежневу и его товарищам»⁴.

Г. А. Агранат в своей работе «Новая техника и освоение зарубежного Севера»⁵ показывает, что среди специалистов, занимающихся в США Арктикой, можно встретить ученых, благожелательно оценивающих современную советскую науку и успехи советской деятельности в Арктике.

«На Севере мы должны учиться у русских»,— пишет в своей книге «Канада и Россия в Арктике» Р. А. Филлипс, видный деятель канадского Севера⁶.

«Мы отстали от России в освоении Севера на 25 лет»,— заявлял один из крупнейших политических журналов Канады в 1959 г.⁷

Все же приходится признать, что великие географические открытия русских мореплавателей и путешественников не всегда находят должное освещение в научной литературе. Отсюда вытекает задача всемерного изучения и широкой популяризации истории великих русских географических открытий советскими историками и географами.

Величественная эпопея русских географических открытий в Восточной Сибири и на прилегающих островах и землях Ледовитого и Тихого океанов запечатлена на картах, составленных русскими картографами XVII—XVIII вв. Эти карты отразили продвижение границ Русского государства до Тихого океана, открытие будущего Великого северного морского пути вокруг севера Азии, открытие и исследование Северной Америки со стороны России, конкретное определение Великого северного угла между Студеным морем и морем Теплым, легендарного *Tabin Promontorium* (мыса Табин), как его называли древние. Русские зем-

лепроходцы и мореходы открыли, описали и нанесли на карты реки и северные берега Сибири, Камчатку, Курильские острова, Сахалин, Даурию (Амур), огромные территории суши и моря, о которых географическая наука до тех пор не имела достоверных сведений. Эти великие открытия русских в Сибири и на Ледовитом и Тихом океанах явились ценнейшим вкладом в развитие мировой культуры. Русские походы и экспедиции, русская картография и географическая наука в XVII—XVIII вв., а затем и в XIX в. заняли в ряде вопросов ведущее место.

Каждый новый этап этих открытий находил свое отражение на картах, сначала без обозначенного масштаба, а затем с масштабами, с ориентирами. Эти карты являются историческими документами, источниками, дающими ценнейшие историко-географические обобщения.

Ни одни хранилища в мире не обладают таким ценнейшим собранием карт о русских открытиях на Тихом океане, как советские архивы. Ни национальный архив в Вашингтоне, обладающий Аляскинским фондом Российско-Американской компании, ни библиотека конгресса, где сосредоточен фонд русской православной церкви в Америке⁸, ни библиотека Калифорнийского университета (в Беркли), где хранится коллекция Бэнкрофта⁹, ни национальный архив в Париже, ни Британский музей, поскольку об этом можно судить по изданным описям, картографическим коллекциям, картографическим публикациям и исследовательским трудам, таких исчерпывающих собраний не имеют.

Благодаря тому, что советские архивы и, в частности, картографические фонды, которыми мы пользовались, находятся в прекрасном состоянии, а работающий в архивах исследователь встречает полное содействие руководства и работников архивов, нам удалось найти карты, которые в течение ста лет и более тщательно разыскивались исследователями и считались утерянными, или же такие, которые до сих пор не были вовсе известны.

Выявленные новые карты и архивные документы дали возможность по-новому оценить и некоторые уже ранее найденные подобные материалы. Эти вновь найденные карты, подвергнутые анализу, как исторические источники, дали возможность сделать некоторые историко-географические обобщения.

Найденные в архивах неизвестные ранее карты, а также и документы позволили приступить к составлению исторического очерка великих русских географических открытий на Тихом океане, чтобы показать значение этих открытий в связи с общим ходом исторического развития.

До сих пор одним из наименее освещенных вопросов по истории географических открытий остается вопрос об открытии и начале исследования Северной Америки со стороны России.

Данное открытие падает на XVII и первую половину XVIII в., когда Соединенные Штаты еще не существовали. Была открыта

страница из истории Русской Америки. Вот почему в данном исследовании этому вопросу уделено особенно большое внимание. Вопрос об открытии Америки со стороны России русскими мореплавателями неразрывно связан с выходом русских на Тихий океан.

Америка заняла место во внешней политике России еще долго до образования североамериканской республики.

Экономические связи между Россией и Америкой завязались не в начале XIX в., когда впервые началась «директная» торговля русских купцов с Америкой через Атлантический океан¹⁰, а раньше. Первый корабль в Америку через Тихий океан из Сибири был отправлен мореходом и промышленником Прокопием Нагибиным от мыса Дежнева на Аляску еще в 1725 г. Его экспедиция потерпела неудачу — корабль Нагибина был зажат и разломан льдами, однако вслед за тем начинаются многочисленные морские экспедиции с Камчатки на Алеутские острова и на Аляску.

«Историческая табель о российских морских компаниях и об открытиях ими учиненных», имеющаяся в Центральном государственном архиве древних актов, в документах А. Р. Воронцова¹¹ (не ранее августа 1790 г.), сообщает в систематизированном виде, хотя и с некоторыми неточностями, данные о достижении русскими мореплавателями Аляски и о том, как там были основаны первые русские поселения. Как известно, впервые полуостров Аляска был посещен судном Бечевина.

В упомянутой исторической табели имеется сообщение о том, что бот «Святой Гавриил» иркутского купца Ивана Бечевина «с товарищами» совершил плавание из Нижне-Камчатска и возвратился туда же (в 1759—1762 гг.), достигнув больших успехов в зверином промысле. Судно «Гавриил», «прошед второй пролив между Курильскими островами, склонилось к Алеутским и доходило до Аляски, на котором россиана, огорчив островитян, подвергли опасности от диких островитян»¹².

В 1768—1769 гг. капитаны Креницын и Левашов посетили западную часть полуострова Аляски и составили карту этой части.

Наконец, в табели имеются данные о начале заселения Аляски русскими. Якутский купец Павел Лебедев-Ласточкин и рыльский купец Григорий Шелихов в 1784—1785 гг. «учинили заселение не только американских островов, но и на материке Северной Америки до 55° северной широты»¹³. Интересно отметить, что один из спутников Шелихова, прапорщик Линденау, собрал сведения о том, что первое поселение русских на Аляске было основано в XVII в. (об этом подробнее сказано дальше).

Первое казалось бы заселение Америки русскими описано в легенде карты Шелихова в 1788 г.¹⁴ В ней рассказывается о том, как Григорий Шелихов, который много раз плывал из Охотска до Алеутских островов и возвращался с «рухлядью», т. е.

пушниной, в 1783 г. первый отважился, не приставая к Алеутским островам, плыть к востоку и далее. Он надеялся найти какие-либо неизвестные земли и народы и получить прибыль «от промены вещей». Продолжая путь мимо мыса «Аляска», он увидел землю и вошел в залив, дав ему имя Трех святителей. Земля оказалась «немалым островом», рядом с которым лежали другие меньшие. Это остров Кыхтак, на котором жили коняги, «не подвластные никакому обладателю, но токмо старейшинам своих семейств, которые в важных случаях собираются на совет». Шелихов променял свои вещи на «рухлядь», а старейшин, как сказано в надписи, почтил небольшими дарами, а именно: разноцветным бисером. Весь народ, числом около 30 тыс., Шелихов привел в подданство России, причем, по его утверждению, помирил его с кенайцами и чугачами, которые жили на Американском материке. Их он тоже привел в подданство России. Там Шелихов перезимовал и, как упомянуто в надписи на карте, основал училище для тамошних отроков, где учили российской грамоте, математике и музыке.

Мы отнюдь не должны некритически верить идиллии Шелихова. Но в данном случае нас интересует не это, а другое — плавание служащих Шелихова в 1788 г., когда они с острова Кыхтак направились на галиоте к матерiku Америки. 9 мая галиот вошел в гавань, лежащую между островами Хликахлит и материком. В заливе Якутат служащие нашли жителей материка — колюжей, имеющих «повелителем» тойона Ильхяка. Когда тойон Ильхяк прибыл к галиоту Шелихова на байдарах со свитой в 170 человек, то русские были поражены, увидев в свите тойона много «белолицых и русоволосых». Как будто бы в 1788 г., учреждая поселение на Американском материке, промышленники Шелихова уже встретили там русских. Шелихов решил, что это потомки штурмана Дементьева и 12 матросов, которые в 1741 г. были посланы на шлюпке Чириковым и не вернулись, пропали без вести. Возможно, что вывод Шелихова правилен, но, как мы увидим из следующих глав, русские могли попасть в Америку не в 1741 г., а много раньше.

В конце XVIII в. уже началось систематическое заселение русскими Северной Америки и начали устанавливаться постоянные связи между Россией и ее колониями на Аляске. Рассмотрение этого процесса не может быть оторвано от изучения вопроса о том, как возникали связи между Россией и Америкой не только через Восток, но и через Запад, и не только через всю сферу товарного обращения, но и через систему дипломатических отношений.

Формально дипломатические отношения между Россией и США были установлены в 1809 г., когда Александр I назначил в Вашингтон послом графа Федора Петровича Палена, а сенат Соединенных Штатов по предложению Джефферсона утвер-

дил послом в Петербурге Джона Квинси Адамса¹⁵. Однако еще до этого, в 1803 г., в Петербурге находился генеральный консул США Левит Гаррис, который фактически был поверенным в делах. Первый посол США в России Джон Квинси Адамс приехал в Петербург вторично. Он уже был однажды в России в составе несколько необычной дипломатической миссии. В 1781—1783 гг. Джон Квинси Адамс приезжал в Россию в качестве секретаря и переводчика при Фрэнсисе Дейне, которого Континентальный конгресс, осуществляя политику «иррегулярной дипломатии», назначил послом в Россию не только без согласия российского правительства, без агемана, но даже до установления дипломатических отношений России с США. Фрэнсис Дейне не был принят Екатериной II, противопоставившей провозглашенному Американской республикой новому в дипломатии принципу «народного суверенитета» старый принцип признания только «законных» правительств, принцип легитимности¹⁶.

Вопросу о становлении русско-американских отношений посвящено основанное на архивных материалах выдающееся исследование Н. Н. Болховитинова, исчерпывающе использующего и специальную литературу. Болховитинов освещает в широком плане международную ситуацию и на этом фоне историю становления русско-американских дипломатических и культурных связей¹⁷.

Большое влияние на исход войны американцев за независимость оказало провозглашение Россией в 1780 г. вооруженного нейтралитета и настойчиво предложенное Екатериной II, хотя и не доведенное до конца, посредничество в целях прекращения войны Англии с США и их союзниками. В специальных работах история русско-американских дипломатических отношений изучается с 1780 г., начиная именно с этих событий¹⁸. Исключением являются статьи американского историка Франка А. Голдера, который начинает историю взаимоотношений России и США с 1775 г., когда Георг III обратился к Екатерине с просьбой послать 20 тыс. русских солдат в Америку для подавления восстания в колониях, но получил отказ¹⁹.

Ознакомление с архивными документами приводит к изменению целого ряда укоренившихся представлений. Так, оставался совершенно неизвестным факт, который имел, несомненно, большое значение. Мы имеем в виду письмо графа Н. И. Панина полномочному министру, т. е. послу князю Барятинскому, в Париж от 11 октября 1779 г.²⁰

Это письмо было вызвано появлением каких-то иностранных кораблей у Чукотского полуострова. Екатерина II, получив от иркутского губернатора Клички, которому была подчинена вся Восточная Сибирь, известие о том, что какие-то суда, возможно американские из Канады, подошли к этим берегам, предложила через Панина послу Барятинскому снестись с Франклином.

«Подлинно ли сии суда были американские, из какого места,— предлагалось узнать послу,— и когда спознает он действительно, что они были из Америки, то уже не можно ли будет ему в таком случае достать и доставить вам описание и карту их путешествия, дабы по соображению оных можно было увидеть, не представится ли удобства или возможности к установлению непосредственного мореплавания между здешними областями и самую Америкою прямым и сокращенным путем»²¹.

Это предложение могло привести к важным политическим последствиям. Предложение со стороны России о вступлении в прямые сношения с Америкой, т. е. с Соединенными Штатами, логически предполагало последующее дипломатическое признание Соединенных Штатов Россией, в чем США были чрезвычайно заинтересованы. К тому же все это совпадало с организацией Россией «лиги нейтральных», с проведением петербургским кабинетом подготовительных мер для провозглашения вооруженного нейтралитета.

Архивные документы позволяют проследить дальнейший ход переговоров по данному вопросу. Барятинский немедленно снесся с «доктором Франклином», который развивал огромную энергию в качестве посла Континентального конгресса и постоянно сносился с Барятинским, энергично борясь против распространения английским посольством информации, направленной против американцев.

«Поверенный американских селений», как его назвал Панин, доктор Франклин ответил, что хотя и есть старинное известие «якобы с пролива, называемого Гутзон, который лежит выше Канады на земле, называемой Лабрадор, выходили суда и доходили до Японии, но ему мнится, что сей путь если и найдут, будет весьма трудной, дабы не сказать, невозможной»²².

О показавшихся у Чукотского полуострова судах Франклин думает, что это суда или японские или англичанина Кука. «который поехал из Англии тому три года объезжать свет». Барятинский точно выполнил поручение, он разузнал у Франклина, чьи это суда, убедился, что не американские (это были суда экспедиции Кука). Барятинский осведомился, нет ли у Франклина карт пути из Камчатки в Соединенные Штаты, и узнал, что такого пути пока нет и что карт не существует. Барятинский, как явствует из его депеши, не сделал демарша, который мог бы повлечь установление дипломатических отношений России с молодой Американской республикой.

В период войны за независимость завязывались и культурные связи США с Россией. Еще до Французской революции написал свою оду «Вольность» мужественный борец против крепостничества в России Радищев, причем пошел по пути идеализации американской революции.

Побывавший в Америке Федор Васильевич Каржавин издавал книги, по видимости самого невинного содержания, вроде наставления к гаданию²³, критикуя рабство в Америке и с яростью выступая против самодержавия и крепостничества в России. Подписывался он «Русский американец». В начале 80-х годов XVIII в. в Америке побывал и нижегородский сапожник Василий Баранщиков²⁴, написавший об этом путешествии книгу.

В 1785 г., вскоре после окончания войны за независимость в Америке, Федор Васильевич Кречетов, писарь воеводской канцелярии, образовал «Общество благоденствия человечества», насчитывавшее свыше 50 человек, в котором отстаивал республиканский строй.

О своем сочувствии борьбе американцев за независимость открыто заявили Дмитрий Ладыгин в своих «Известиях об аглицких селениях в Америке», изданных в 1783 г., и Новиков.

В 60-х годах XVIII в. уже приходилось считаться с рядом вопросов, связанных с экономическими взаимоотношениями России и американских колоний других европейских держав. Эти вопросы освещены в донесениях русского посла в Лондоне Мусина-Пушкина, в проекте Теплова о заведении на Украине плантаций виргинского и мерилэндского табака и в других документах.

Во время войны за независимость американцы пробовали строить корабли в Архангельске. В этот период в России побывал Лидиард (Lediard), участник экспедиции Кука, и негр раб Денбар (Dunbar), получивший по решению архангельских властей свободу и затем принятый на русскую службу.

Отдельные эпизоды, свидетельствующие о существовании связей Америки с Россией через Сибирь, уходят еще дальше в глубь истории. Петр I, поставивший целью создание России своего морского флота и освоение техники постройки кораблей новейшего образца, приказал учить дворян различным «художествам» и мореплавательной науке.

В 1697 г. для практического обучения мореплаванию по указу Петра были посланы в Ост-Индию кн. Иван Шаховской, Александр Нестеров и Федор Леонтьев, а в Вест-Индию, т. е. в Америку, кн. Тимофей Шаховской.

И в более ранние времена возникали общие моменты в истории Америки и России²⁵.

Первоначальное население Америки не могло возникнуть на месте, быть автохтонным. Оно должно было прийти в Америку из какой-либо другой части света, так как никаких признаков появления человека от животных предков на всей территории Америки не обнаружено. Плосконосые обезьяны Америки не являются антропоидными, хотя некоторые экземпляры их и достигают значительной величины.

За последние годы метод радиоуглеродного анализа создал новые возможности для определения примерной даты первого

поселения человека в Америке. По этому вопросу редакция журнала «Curent Anthropology» в 1969 г. организовала дискуссию. По принятому в журнале порядку статья, намеченная для опубликования, рассылается примерно 50 виднейшим специалистам в данной области. Дискуссию открыла статья Алана М. Брайена «Первый человек в Америке и хронология позднего плейстоцена Западной Канады и Аляски». Автор этой статьи считает общепринятым положение о том, что человек пришел в Америку из Азии, по суше, которая на месте теперешнего Берингова пролива соединяла Азию и Америку. Учитывая данные геологии, возможности передвижения с Севера на Юг между ледяными грядками и скалистыми хребтами, проф. Брайен считает, что человек впервые появился в Америке 35 тыс. лет тому назад. В дискуссии, опубликованной вместе со статьей, указывалась как возможная и другая дата — 12 тыс. лет назад. Эта более близкая к нам дата дается на основе данных радиоуглеродного анализа материалов древнейших известных стоянок человека в Америке. При этом отмечалось, что данные радиоуглеродного анализа относятся еще к небольшому числу стоянок и что в дальнейшем возможны новые исследования и открытия, которые позволят уточнить примерную дату первооткрытий и первых заселений Америки.

Тот факт, что первоначальное население Америки пришло туда из Азии, у большинства ученых не вызывает сомнения²⁶.

Наряду с «The European Background», с «европейским прошлым» и с американским, индейским прошлым, Соединенные Штаты Америки имеют и свое азиатское и свое американское прошлое²⁷. Но сейчас эти вопросы мы оставляем в стороне.

Мы не претендуем на исчерпывающую полноту собранных нами сведений о ранних связях Азии с другими регионами. Напротив, теперь можно быть уверенным, что дальнейшие археологические исследования и поиски в архивах (особенно Дальнего Востока) и даже в печатных материалах позволят найти еще много данных, подкрепляющих наше положение о том, что в первой половине XVIII в. начался лишь новый этап связей Азии с другими отдаленными районами²⁸. Это же подтверждают и данные первой главы настоящей книги, особенно в отношении Центральной части Южной Америки²⁹.

В «Летописи Севера» (М., 1949), в отделе заметок, помещено сообщение Н. Береговой относительно раскопок в Ипиутаке. Эти раскопки были произведены на мысе Хоп (Аляска) в 200 милях к северу от Берингова пролива³⁰.

На полуострове Хоп, расположенном в 130 милях к северу от Полярного круга, находится мыс Тигара, что по-эскимосски значит указательный палец. Здесь около эскимосского поселка Тигара у косы из гравия, называемой Ипиутак, нашли остатки поселения более чем в 800 домов. В этом поселении могло жить

до 4 тыс. человек (в то время как в столице Аляски — Джуно — сейчас насчитывается 5 тыс. человек постоянного населения). Дома в Ипиутаке квадратные, со стенами от 3 до 5 м длиной. Эти дома сделаны из леса-плавника, их стены обложены дерном. Найденные на кладбище (где было собрано до 500 скелетов) черепа оказались монгольского типа. Предполагают, что Ипиутак — это древнейшее известное эскимосское поселение, просуществовавшее 2—3 тыс. лет. Некоторые данные заставляют предполагать, что поселок Ипиутак не был однородным по своему составу. Имеется ряд общих черт между предметами, найденными в Ипиутаке, и предметами, имеющимися на Камчатке, Амуре, Курильских островах и в других местах.

Таким образом, можно сделать вывод, что раскопки в Ипиутаке подтверждают проникновение древних эскимосов из Азии на Аляску, а также наличие каких-то связей между народом, жившим на крайнем севере Америки, и южными народами с южной стороны Тихого океана.

Вопрос о том, когда была открыта Америка со стороны России, не будет решен правильно, если он будет сводиться только к одной систематизации ранних сведений об Америке, планов путешествий и данных о самих путешествиях. Для того чтобы установить, когда была открыта Америка, надо предварительно решить другой вопрос: что считать открытием Америки со стороны России: получение ли первых сведений о ней или первые случаи фактического достижения берегов Америки со стороны Азии. Неизбежно встанет и такая проблема — всякое ли достижение Америки со стороны Азии можно считать ее открытием. Можем ли мы, например, считать открытием Америки получение о ней сведений или даже достижение ее, если открытый континент не ассоциировался с Новым светом, с Америкой. Но ведь Колумб ассоциировал свое открытие не с Новым светом, а со старой Индией, однако на этом основании нельзя отрицать его заслуг в деле открытия Нового света. Наконец, может встать и такой вопрос, была ли открыта Америка одним каким-либо лицом или одной какой-либо экспедицией, или это результат длительных попыток и усилий многих лиц, и открытие Америки связано с народной историей. А если это так, законен вопрос о выделении главных моментов и главных участников открытия Америки.

Не следует думать, что открытие пути в Америку со стороны России являлось результатом одного какого-либо плана или одной какой-либо экспедиции. Такие планы и такие экспедиции, непосредственно посвященные открытию пути в Америку через Сибирь или непосредственно связанные с разрешением этой задачи, еще до экспедиции Беринга насчитываются не единицами, а десятками.

Достижение русскими промышленниками и служилыми людьми северо-восточной оконечности Азии к концу XVII в. было за-

вершением длительного этапа открытия и освоения Сибири. В то же время возникла и новая задача — исследование и колонизация прилегающих к Азии островов и земель.

Ход нашего исследования показал, что вопрос об открытии Америки со стороны России заслуживает большого внимания. Именно при разрешении этой задачи были сделаны многие важнейшие географические открытия русскими землепроходцами и мореплавателями, открытия, имеющие громадное значение для развития мировой науки. Между тем эти заслуги русских путешественников и географов, как мы отмечали, замалчивались и даже иной раз оспаривались в трудах западноевропейских и американских историков. Поскольку, как мы это установили, вопрос об Америке, о связях с ней, о колонизации ее и до Беринга и в период двух экспедиций, связанных с его именем, стоял вполне реально, имел большое значение, то, естественно, возникает другой вопрос, чем объяснить, что еще в первой половине XVIII в. возникло такое большое число планов и экспедиций, относивших к Америке, притом не только к Северной, но и, что совсем не освещено в научной литературе, к Южной.

Ответ на вопрос о причине посылки в Америку экспедиций, хотя бы только тех, которые известны и зарегистрированы в исторических и географических исследованиях, в частности ответ на вопрос о целях экспедиции Беринга, давался много раз, и нельзя сказать, чтобы каждый раз по-новому — напротив, он давался в форме достаточно стереотипных версий. Наиболее старой, распространенной до сего дня и стойкой версией является «географическая».

Существует прочно укоренившаяся версия, что первопричиной посылки экспедиции в Америку в первой четверти XVIII в. был интерес Петра I к географическим знаниям. Будучи избран членом французской Академии, Петр I представил туда составленную по его заданию карту Каспийского моря, сообщив неизвестный западноевропейской науке факт о том, что существует Аральское море отдельно от Каспийского, и занялся разрешением другой географической задачи — сошлась ли Америка с Азией.

В начале XVIII в. ученые не знали еще многих вещей, хорошо известных в наше время любому школьнику. Не знали не только того, соединяется ли Америка с Азией, но сомневались, остров ли Япония или она соединена с Азиатским материком. Некоторые считали островом Китай. Островами полагали Калифорнию и Корею. О Сахалине в России еще в XVII в. знали, что это — остров, но в середине XIX в. многие в Западной Европе, в частности английские географы, полагали, что Сахалин полуостров³¹.

Часто незнание географии больше влияло на практическую деятельность, чем имевшиеся уже весьма ограниченные досто-

верные сведения. При таких условиях вопросы географии, несомненно, стояли весьма остро.

Версия о том, что Петр I предпринял экспедицию в Америку ради географических открытий, подтверждена свидетельскими показаниями близких к Петру лиц. Так, по словам учителя Петра в токарном деле Нартова, в начале января 1725 г. Петр сказал командующему флотом, генерал-адмиралу Апраксину: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, т. е. о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем, в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Ограждая отечество безопасностью от неприятеля, надлежит находить славу государству через искусство и науки. Не будем мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских». И Петр вручил Апраксину инструкцию о посылке экспедиции, чтобы узнать, сошлась ли Америка с Азией.

Вот эта инструкция³²:

«1725 г., февраля 5. Инструкция, высочайше данная флота капитану Берингу.— Об открытии соединения Азии с Америкой.

1) Надлежит на Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами.

2) На оных ботах возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города Европейских владений; или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной кюст³³ называют и взять на письме, а самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюды».

Выдающийся знаток истории этой экспедиции, Л. С. Берг, в 1935 г., приведя рассказ Нартова, восклицает: «Правдивость этого рассказа не вызывает никаких сомнений»³⁴.

Л. С. Берг прав в том отношении, что нет никаких оснований заподозрить Нартова в неправдивой передаче слов Петра³⁵. Однако не следует смешивать с этим вопроса о том, следует ли принять на веру заявление Петра I. Первоклассный дипломат, Петр I отнюдь не считал необходимым раскрывать свои сокровенные замыслы, особенно при обсуждении государственных дел, успех которых зависел во многом от сохранения тайны.

Версию, сообщенную в рассказе Нартова, совершенно некритически, полностью принял американский исследователь Ф. А. Голдер в своей работе «Русская экспансия на Тихом океане»³⁶.

Той же версии о географическом характере экспедиции в Америку придерживались крупнейшие исследователи XIX в. В. Н. Берх³⁷ и Александр Соколов³⁸.

В этом же плане освещают экспедиции Беринга американские географы и историки.

Большое значение могло иметь мнение участников Сибирско-тихоокеанской экспедиции о ее целях. Их высказывания отличаются категоричностью, определенностью, недвусмысленностью. Приведем отзыв одного из помощников Беринга, Свена Вакселя: «...не было никакой другой скрытой цели,— пишет Ваксель,— кроме пользы и помощи науке общей географии: надо было разбудить ученый мир от сна, в котором он покоился так долго...»³⁹.

Ваксель в подтверждение этой версии рассказывает, что он слышал, что основанием для посылки, как он называл ее, Камчатской экспедиции было желание французской академии получить у Петра I, когда он находился в 1716 г. во Франции, позволение на пропуск через Россию в Сибирь нескольких членов французской академии наук для разрешения двух научных вопросов:

- 1) определить расстояние между Азией и Америкой и
- 2) выяснить о происхождении коренного населения Америки.

«Великий и мудрый царь,— пишет Свен Ваксель,— отказал им в этой просьбе, обещая, однако, что Россия сама своими средствами произведет это исследование...»⁴⁰.

Профессора-академики, участвовавшие в экспедиции, все единодушны — и Миллер⁴¹, и Гмелин⁴², и Стеллер⁴³, так же как и другие участники экспедиции. Все они считают экспедицию лишь географическим предприятием. Участник экспедиции талантливый ученый Крашенинников умер, не успев написать задуманную им вводную часть к «Описанию земли Камчатки», в которой хотел изложить историю назначения экспедиции⁴⁴.

И сам Петр, и люди, участвовавшие в экспедиции, положили начало убедительной версии о чисто географическом назначении экспедиции. Однако то обстоятельство, что эти люди так близко стояли к экспедиции и так единодушны в своей оценке, может говорить не только за их версию, но и против нее.

Нельзя сказать, чтобы сторонникам географической версии была совершенно чужда мысль о политическом значении экспедиции — идеи такого рода но случайным поводам в этих работах иной раз фигурируют⁴⁵.

Географической версии придерживаются отнюдь не все историки и современники. Один из крупнейших русских и вообще европейских историков XIX в., С. М. Соловьев, считал, что русские экспедиции XVIII в. на Восток имели целью расширение торговли. «Петр не спускал глаз с Востока,— писал Соловьев,— зная хорошо его значение для России, зная, что материальное

благосостояние России поднимется, когда она станет посредницей в торговом отношении между Европой и Азией⁴⁶.

Интересен подход к вопросу о характере русских экспедиций у академика К. М. Бэра в его работе о заслугах Петра I в распространении географических познаний. Бэр в середине прошлого столетия сделал большой шаг вперед в науке, высказав, хотя и в самой общей форме, правильную мысль о связи экспедиции в Сибирь с общей системой географических планов и мероприятий Петра I⁴⁷. К. М. Бэр связал их с решением Петром I государственно-политических задач, однако он не развил этого положения. В одной из статей в газете «Северная пчела» за 1851 г. Бэр дал нить, которая указывает на происхождение его концепции, — он упоминает о докладной записке И. К. Кирилова. Этот документ опубликован впервые А. И. Добросмысловым, затем проф. А. И. Андреевым в 1943 г. в 75-м томе «Известий Всесоюзного географического общества»⁴⁸.

В своей статье «Экспедиции В. Беринга»⁴⁹ А. И. Андреев привел несколько версий, объясняющих задачи восточных экспедиций России первой половины XVIII в., но не дал им критической оценки.

Большой интерес представляет публикация документов проф. А. А. Покровского «Экспедиция Беринга», изданная в 1949 г.⁵⁰ Покровский вслед за Бэром правильно считает, что экспедиции в Америку имели большое государственно-политическое значение. Но целью экспедиции Беринга, как мы уже упоминали, Покровский объявил завязывание торговых отношений с Америкой.

Поставив большую проблему о значении экспедиции Беринга, А. А. Покровский в самой документации привел почему-то материал почти исключительно о географических и хозяйственно-организационных вопросах экспедиции. Ряд материалов, которые могли бы помочь решению проблемы, в частности проекты того времени о заведении поселений в Америке, Покровский не использовал. Возможно, это и отразилось на его выводах, которые являются неполными, хотя в целом труд весьма ценен. Между прочим, точку зрения А. А. Покровского о главном образом торговом значении русских экспедиций в Америку в первой половине XVIII в. подкрепляет свидетельство английского капитана, строившего корабли и доки в России, Джона Перри⁵¹, который писал, ссылаясь на слова самого Петра, что экспедиции на Восток наряду с составлением карт имели целью развитие торговли, а также докладная записка Беринга о второй экспедиции, где выдвинута та же версия.

Рассматривая вопрос о том, что летом 1724 г. русское правительство вело переговоры о заключении торгового договора с Испанией, А. А. Покровский пришел к выводу, что в то время «намечался проект обширной прямой морской торговли не толь-

ко с одной Испанией, но и с польскими, немецкими областями, а возможно, даже с Ост-Индией, причем Испания могла в таком случае представлять только один из промежуточных пунктов»⁵². Далее Покровский упоминает, что в 1716 г. «несколько торговых домов в Петербурге возбудили перед Сенатом ходатайство о предоставлении им права торговли с Японией и Ост-Индией»⁵³. Он останавливается и на вопросе о налаживании Россией непосредственной торговли с Францией. В результате вся проблема сибирской экспедиции Петра I сведена к вопросу о торговле и о месте сибирской экспедиции в общем плане развития торговли России. Главной целью экспедиции Беринга объявлено завязывание торговых отношений с Америкой⁵⁴.

Интересно замечание Б. Г. Островского⁵⁵, автора популярной работы, написанной не об экспедиции Беринга, а о самом Беринге. В. Г. Островский мимоходом, вскользь, обронил интересную мысль, правда не раскрыв ее, о том, что эта экспедиция имела целью разрешить важный в политическом отношении вопрос о выяснении границ Российского государства, наряду с вопросом о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию.

С. Б. Окунь в исследовании «Колониальная политика царизма на Камчатке» (Л., 1935) хотя и не обосновывает своего положения, но ставит вопрос о большом значении освоения Камчатки и ранних экспедиций в Америку. Однако он не учитывает, что на стыке Азии и Америки произошло столкновение интересов нескольких стран. Это весьма важное положение о столкновении на территории Америки в одних случаях непосредственно, а в других потенциально экспансии нескольких государств совершенно выпало из поля зрения С. Б. Окуня.

Объяснение экспедиций в Америку только якобы извечными торговыми задачами не выдерживает критики. В начале XVIII в. внешняя торговля России велась главным образом через посредников. Было открыто широчайшее поле для развития торговли со всем миром. Интересы торговли играли огромную роль и в других случаях — при отправке посольств в Индию и Китай. Несомненно, они учитывались, когда вставали вопросы, касавшиеся сношений с Японией. Но при экспедициях в Америку дело обстояло иначе.

Относительно цели экспедиций на Тихий океан и удельного веса торговли между Сибирью и Америкой участник Сибирско-тихоокеанской экспедиции Крашенинников писал: «По распространению российского владения на севере и по заведению селения по знатнейшим рекам, впадающим в Ледовитое море от Лены реки к востоку до Анадырска, час от часу более старания было прилагается, чтобы от Анадырска далее проведывать землю и живущих там иноверцов приводить в подданство»⁵⁶. Вот как понимал Крашенинников цель экспедиций. При этом Крашенинников сделал чрезвычайно интересное замечание о торговле:

«Хотя мелочники,— писал он,— езжали на Камчатку при сборщиках и с самого покорения Камчатки, однако их за купцов почитать нельзя, для того, что они не столько пеклись о купечестве, сколько о службе, которую и наряду с казаками служили»⁵⁷. А служба, как поясняет Крашенинников, заключалась в наложении и собирании ясака.

Экономический момент, несомненно, играл существенную роль в русских экспедициях на Тихом океане. Общий экономический кризис в России в конце XVII в. и огромное напряжение всех сил страны в связи с петровскими преобразованиями, вступлением России в мировую политику и обширными военными мероприятиями Петра I требовали большого количества золота. Запасы же русской пушнины, легко реализуемой на золото, были истощены. Вследствие того, что было невозможно получать ценную пушнину в прежнем количестве из уже освоенных районов Сибири, ставился вопрос о «проведывании» и приобретении новых земель и островов⁵⁸.

Вопросы географического исследования тоже, конечно, имели немалое значение при снаряжении сибирских экспедиций. Но к свидетельствам о чисто географическом или торговом характере этих экспедиций следует отнестись критически. Слепо доверять им нельзя.

Участники назначенной Петром I экспедиции прекрасно знали, что она является секретной, и вследствие этого должны были придерживаться официальной «географической» версии, выдвинутой Петром и поддержанной при Екатерине I и Анне Иоанновне.

Версия открыто, а может быть и нарочито открыто, выдвнутая человеком, которому больше других было положено знать о целях экспедиций в Америку, а с другой стороны, труды самих участников экспедиций в значительной мере объясняют то направление в историографии, которое раньше господствовало полностью, да и теперь еще занимает видное место, но не дает ответа на вопрос о подлинных целях экспедиций.

Сравним мнение Свена Вакселя о чисто географических заданиях экспедиции с содержанием одного из пунктов инструкции, где говорится: «...содержать им (командирам) их инструкции в секрете, и особливо во время вояжа во охранении. А для публичного показания Берингу и Чирикову, которые поедут к Америке, Шпанберху, до Японии и на ту шлюпку, коя из Лены к востоку и к Камчатке следовать будет, из той же коллегии дать особые инструкции, в которых объявить, что по требованиям и желанию как Санкт-Петербургской, так Парижской и иных академий, блаженные и вечно достойные памяти император Петр Великий для курьезите посылал осведомиться от своих берегов, сходятся ли берега американские с берегами Азии, но тогда оное в действие не произошло. А ныне е. и. в. ко удо-

вольству оных академий указала отправить их, и, уведомясь, возвратиться...»⁵⁹.

Достаточно одного этого бесспорного документального свидетельства, чтобы показать, какое излишнее доверие проявили к «географической» версии крупнейшие исследователи вопроса. Конечно, было бы смешно утверждать, что развитие географической науки и задачи торговли не играли никакой роли при посылке экспедиции в Тихий океан. Но эти моменты не были самоудовлетворяющими. Они были составной и подчиненной частью другой огромной и важной задачи.

В то время границы России простирались уже до Тихого океана. Если на Западе после войны за испанское наследство вместо Франции первенствующей державой стала Англия, то на Востоке такой державой являлась Россия. После «преславной викторины» 1709 г. под Полтавой и морской «виктории» 1714 г. у мыса Гангута, а затем полного разгрома Петром Швеции Россия стала мощной морской державой.

Конечно, вопрос о деньгах, о золоте был важен для Петра. «Денег как возможно собирать понеже деньги суть артериею войны,— писал Петр своему новому сенату. Деньги были нужны Петру не только для снаряжения армии и постройки флота, но и для того, чтобы финансовыми и дипломатическими мерами, путем выплаты субсидий, обеспечить свое влияние в западных пограничных государствах, особенно в Польше. Конечно, и вопросы географии, и вопросы торговли, и вопросы открытия у границ России неведомых еще стран, богатых пушшиной или золотом,— все эти моменты играли большую роль. Но все они были подчинены другой, гораздо более важной государственной задаче. На западе при Петре I Россия получила выходы к Балтийскому морю. Мы помним, что в июле 1710 г., сдалась русским войскам Рига, в августе — Пернов и главный город острова Эзеля Аренсбург, а в сентябре — Ревель. В том же году был взят Выборг, а со взятием его, как выразился Петр, «была устроена крепкая подушка Петербургу»⁶⁰.

Но как раз в начале XVIII в. шло бурное заселение Северной Америки со стороны Европы. Начиная с 1700—1702 гг. до Москвы доходили новые, весьма определенные и довольно подробные сведения о Японии.

Вспомним слова как бы ненароком сказанные Петром I командующему флотом Апраксину в связи с поисками дороги через Ледовитое море в Китай и Индию: «Ограда отечество безопасностью от неприятеля...» Тогда со всей остротой встал вопрос о безопасности границ России на Востоке, т. е. внешнеполитический вопрос стратегического значения.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 365.

² Henry B. Vagner. The Cartography of the Northwest Coast of America to the Year 1800, vol. I, II. Berkeley, California, 1937.

³ К. Валло. Общая география морей. М., 1947. То же можно отнести и к исследованию: *Laurens C. Wroth. The Early Cartography of the Pacific, «The Papers of the Bibliographical Society of America», 1944, vol. 38, N 2.*

⁴ М. И. Белов. Семен Дежнев и американская литература. «Изв. Всесоюзного географического общества», 1957, № 5, стр. 482.

⁵ Г. А. Агранат. Новая техника и освоение зарубежного Севера. М., 1960, стр. 7.

⁶ R. A. Phillips. Canada and Russia in the Arctic. Besides the Hed-lines, vol. XVII. Toronto, 1956, N 4.

⁷ «Maclean's Magazine», 1959, N 7.

⁸ В марте 1903 г. В. Базанов (Парижский университет) поместил статью в «Pacific Historical Review» (журнал, издаваемый четыре раза в год Тихоокеанской ветвью Американского исторического общества). В этой статье он сообщил, что несколько лет назад библиотека конгресса приобрела от должностных лиц русской церкви в Нью-Йорке коллекцию русских рукописей, заключающую аляскинский церковный архивный материал. Эти материалы хранились в подвалах библиотеки конгресса в неразобранном виде. В результате ознакомления с ними Базанов пришел к выводу, что они представляют ценность для интересующихся историей русских колоний в Америке, в частности социально-экономической историей Аляски.

Эти архивные материалы составляют 136 тюков, охватывают периоды с 1762 г. до относительно недавних времен. Большинство материалов в удовлетворительной сохранности, но некоторые из приходских книг, как указано, были повреждены сыростью, прежде чем попали в библиотеку конгресса. В наилучшей сохранности находятся старые документы. Большинство документов относится к XIX в. Основные разделы архива:

1. Метрические записи — о крещении, браках и смерти.

2. Исповедные росписи.

3. Ведомости клира — ежегодные донесения и отчеты епископа о духовенстве.

4. Различные документы, относящиеся к церковной юрисдикции.

5. Донесения миссионеров и документы о деятельности миссии и об обращении в христианство местного населения.

6. Отчеты о церковном имуществе. Расходные книги.

7. Разные документы. Письма, указы, входящие, дневники частных лиц, телеграммы и т. д.

В этих записях сообщаются сведения о жителях колонии, например о Чичиневе, Ротчеве, Кашеварове. В числе разных документов имеются указы сенату, а также синоду, начиная с царствования Екатерины II. В записях имеются документы о русских писателях Лескове и Щедрине и письмо русского крестьянина из Миннесоты к алеутскому и аляскинскому епископам в Сан-Франциско. Имеются дневники русских жителей Аляски за период 1874—1881 и 1883—1895 гг.

Секретное дело в 32 томах (12 апреля 1772 г.— 3 июня 1774 г.) касается восстания в Большерецком остроге. Как указывает Базанов, данные сведения о составе архивного фонда являются предварительными и неполными. См. также статью В. Л. Белобородько «Архив русской церкви на Аляске в библиотеке конгресса США» («Вопросы истории», 1969, № 8, стр. 189—192).

⁹ Бэнкрофт Губерт Хау — 1832—1918 гг. С 1852 г. служащий книжной фирмы в Сан-Франциско, позже крупный предприниматель. Собрал коллекцию, состоящую из 60 тыс. книг, карт и рукописей. На ул. Валенсии в Сан-Франциско построил для своей коллекции специальное здание. В настоящее время эта коллекция перешла в собственность Калифорнийского университета в Беркли.

12 историков и архивных работников находились на службе у Губерта Бэнкрофта, который с их помощью написал несколько десятков томов по истории западной половины Северной Америки, от Аляски до Панамы. Имеются тома, посвященные Аляске и Калифорнии.

В Америке имеются и другие фонды документов о Русской Америке. Например, на Аляске, в музее в Джуно, экспонированы такого рода документы. Имеется описание фондов Аляскинского исторического музея, изданное Аляскинским историческим обществом в 1936 г.

- ¹⁰ В 1806—1807 гг. слободский купец Ксенофонт Анфилов послал два корабля в Соединенные Штаты. Плавание это было успешным и принесло, по исчислениям таможни, Анфилову прибыль свыше 1 млн. руб., хотя сам Анфилов утверждал, что получил прибыли от этой операции 150 тыс. руб. В декабре 1805 г. Анфилов подал прошение Н. П. Румянцеву, министру коммерции, о своем желании «начать торговлю непосредственно в северо-американской области, и доставлять туда наши продукты и товары, а напротив того привозить оттоле наличные произведения на собственных российских кораблях» («Кайданов. Очерк его жизни и деятельности». СПб., 1910, стр. 76 и сл. См. также: Г. А. Замятин. Ксенофонт Алексеевич Анфилов. СПб., 1910, стр. 76 и сл.).

В докладе Румянцева Александру I по данному вопросу упоминалось, что в 1804 г. из Америки в Россию было привезено сахара на 5 млн. руб. и хлопчатой бумаги на 1,5 млн. руб. Интересен перечень товаров, привезенных на кораблях Анфилова из Америки: гвоздика, гвоздичная головка, мускатные орехи, перец, имбирь, какао, каролинское пшено, сахарный песок, сандал (красный, синий, желтый), брусковая краска, индиго, лавр, корица, красное дерево, кофе, ром, шоколад и ликеры. Первая партия товаров, привезенная из Америки, была освобождена от пошлин. Кроме того, Анфилов получил субсидию в 200 тыс. руб. (см.: Г. А. Замятин. Указ. соч., стр. 88).

- ¹¹ ЦГАДА, ф. Воронцовых, оп. 1, № 874, л. 1 и об.

¹² Там же.

- ¹³ Там же (приложение к таблице под заголовком: «Историческая табель о российских морских компаниях, отправляемых в звериные промысла по островам Северо-восточного моря и далее, важные открытия učinивших с приобщением некоторых исторических об них известий и приключений». Табель и текст к ней на одном большом листе). Все дело содержит материалы о Российско-Американской компании.

- ¹⁴ «Морская карта северо-восточной части Азии и северо-западной части Америки от Охотского порта до Нотки с вмещением западной части Америки от мыса Аляски до Чирикова мыса, обретенной и к Российской присоединенной именным гражданским Григорием Шелиховым в 1782 и 1788 гг. Знатнейшие места под разными номерами изображены пространно внизу сей карты» (Рукописный отдел Гос. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. карт, № 204).

- ¹⁵ Его назначение было связано с тем, что у Джефферсона возник план завязать торговлю с Россией через Азию.

- ¹⁶ Об этом подробно рассказано в кн.: В. Р. Thomas. Russo-American Relations 1815—1867. Baltimore, 1930.

- ¹⁷ Перевод ее готовит к выпуску в свет издательство Гарвардского университета (США).

- ¹⁸ F. P. Renaut. Les relations diplomatiques entre in Russie et les Etats-Unis (1776—1825); Catherine II et les insurgents. La mission Dana (1776—1783). Paris, 1922; L. R. A. Robertson. Kentuckian at the Court of the Tsars. The ministry of Cassius Marcellius Clay to Russia. Kentucky, 1932; B. R. Thomas. Russo-American Relations, 1815—1867.

- ¹⁹ F. A. Golder. Catherine II and the American Revolution. Baltimore, 1930; «The American Historical Review», XXI, 1915, p. 92—96.

- ²⁰ АВПР, ф. Сношения России с Францией, 1779, оп. 93/6, д. 345, лл. 91—92.

²¹ Там же, лл. 91 об.—92.

- ²² Письмо полномочного министра в Париже князя И. С. Барятинского пер-воприсутствующему в коллегии иностранных дел Н. И. Панину от 15—26 декабря 1779 г. АВПР, Архив Парижской миссии, 1779, кн. реляций и ведомостей № 1, лл. 240—242.

²³ Например: «Новоявленный ведун, поведающий гадания духов. Невинное упрямство во время скуки для людей, не желающих лучшим заниматься. Подражание другим сего рода иностранным сочинениям. В Санкт-Петербурге, с дозволения Управы благочиния, у Шнора, 1795 г.» О Каржавине в последнее время появились интересные брошюры В. Н. Рабиновича («Революционный просветитель Ф. В. Каржавин». М., 1966 и др.) и статьи других авторов.

²⁴ Баранчиков выехал из Петербурга в 1780 г., а в июне 1781 г. прибыл в качестве матроса в Америку на остров Санкто-Томас, принадлежащий датчанам. Баранщикова высадили на берег и поверстали в солдаты Христиана VII, а для большего удобства наименовали Мишелем Николаевым. Кормили его бананами («банана сытна», пишет «Мишель Николаев», «оную можно есть кроме сырой — соленую, вареную, печеную или жареную... а плод оного сырой вкусом как огурец и бывает длиной в поларшина»). Видел в Санкто-Томас Баранчиков еще и кокосовые орехи... «как известны в Санкт-Петербурге, да и всем почти россиянам: на каждый день производили всем солдатам по одному ореху». В дальнейшем Баранникову удалось выехать в Европу на итальянском корабле, но в 1784 г., в январе, его захватили в море тунисские разбойники, и начались его новые злоключения. После долгих странствований Баранников 23 февраля 1786 г. вернулся в Нижний Новгород, а затем поехал в Петербург, где и написал книжку о своих странствованиях. Название ее «Несчастные приключения Василия Баранщикова мещанина Нижнего Новгорода в 3-х частях света: в Америке, Азии и Европе, с 1780 по 1787 г.» (СПб., 1787; второе издание — СПб., 1788; третье издание — СПб., 1793).

²⁵ Так, например, одновременно протягивались нити из Англии и в Америку и в Россию. За сто лет до посылки первого русского в Америку Петром I Томас Смит, первый казначей Виргинской компании, начавший колонизацию Америки англичанами (в его доме помещался штаб Виргинской компании, и он лично в Джеймстауне основал первое в Америке постоянное английское поселение), был одновременно правителем Левантийской и Вест-Индской компаний. Имеется предположение, что Смит стоял во главе Московской компании, хотя некоторые историки это отрицают. В 1604—1605 гг., при Борисе Годунове, Смит преезжал в Россию. Он привез крупную сумму в виде займа. Он же послал в Америку Гудзона, Баффина, Томаса Баттона и др.

²⁶ См.: С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.

²⁷ «Современное состояние палеонтологического знания,— пишет проф. Боас,— не оставляет у нас сомнения, что американская раса не могла возникнуть на этом континенте. Нет указаний на находки каких бы то ни было видов, которые могут рассматриваться как непосредственные предки антропоидных обезьян. Дистанция, которая отделяет человека и последние (животные) формы, неизмеримо больше в Америке, чем в Старом свете. В Америке нет ничего, что соответствовало бы различным антропоидам — питекантропу, мауэр или неандертальской расе. Происхождение человека следует искать в Старом свете».

Проф. Боас указывает, что коренное население Америки имеет признаки тесной близости к большой группе, которая включает народы Малайского архипелага и всей Восточной и Центральной Азии, но исключает негроидный и австралоидный типы, которые встречаются в южной части Азиатского континента.

Монголоиды, по Боасу, появились в среднечетвертичный период.

На вопрос о том, мог ли человек попасть из Старого света в Новый через Атлантический океан, Боас отвечает отрицательно. «В период плейстоцена связь между Америкой и Старым светом через Атлантический океан была прервана. В третичный период, когда, возможно, связь имела, монголоиды как сформировавшийся этнический тип несомненно еще

не существовали. Эмигрировавшие предки современных индейцев должны поэтому были попасть в Америку со стороны Тихого океана. Этому могло способствовать и то обстоятельство, что геологическое строение Берингова пролива указывает на то, что некогда или даже в разные периоды между Азией и Америкой существовала сухопутная связь» (*Frans Boas. Race, Language and Culture. New York, 1944, p. 344*).

- ²⁸ О древних и весьма широких связях населения Камчатки с другими районами свидетельствуют новые данные, собранные советскими нумизматами, нуждающиеся, однако, в дальнейшей проверке. Сообщается, например, что нумизмат К. И. Панин из Петропавловска-на-Камчатке в 1948 г. получил несколько монет от сотрудника одного из рыбных заводов О. И. Орехова, который в 1944 г., находясь на среднем течении р. Камчатки, в 200 км от ее устья, на берегу озера Ушки нашел в осыпи одного мыса, состоящего из плотных каменных пород, четыре небольшие медные монеты. Экспертиза монет, произведенная в Эрмитаже, установила, что одна из них — из греческой азово-черноморской колонии Пантикапей и датируется III в. до н. э. Другая монета, тоже из Пантикапей, относится к 17 г. н. э., когда Пантикапей стал столицей Боспорского царства. Третья монета оказалась из Хорезма, причем дата ее чеканки не установлена. Четвертая монета не определена, но она восточного происхождения (*С. Н. Марков. О находке древних монет на Камчатке. «Летопись Севера». М., 1949, отдел заметок*).
- ²⁹ Но если даже будет найдено еще много и других материалов, подтверждающих данное положение, то они могут лишь подкрепить выдвинутое нами соображение.
- ³⁰ См. также «Исторический журнал», 1942, № 7, стр. 157—158.
- ³¹ В 1851 г. в Лондоне вышло «Наставление для навигации в Тихом океане» (*A Directory for the Navigation of the Pacific Ocean. См.: F. A. Golder. Russian Expansion on the Pacific. Cleveland, 1914, p. 261*), в котором утверждалось, что хотя точно неизвестно, остров Сахалин или полуостров, но что, по-видимому, это полуостров.
- ³² «Полное собрание законов Российской империи», т. VII, № 4649.
- ³³ В «Полном собрании законов Российской империи» пропущено слово (как неразобранное). В оригинальном тексте документа стоит «кюст» (т. е. берег).
- ³⁴ *Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга*, стр. 60.
- ³⁵ Издатель мемуаров А. К. Нартова Майков высказал предположение, что настоящим автором этих мемуаров был не токарь А. К. Нартов, а его сын, академик А. А. Нартов.
- ³⁶ *F. A. Golder. Russian Expansion on the Pacific, 1641—1850. Cleveland, Ohio, 1914, p. 133—134, footnote*. В позднейшей своей работе «*Bering's Voyage* (vol. I. New York, 1925) Голдер добавил соображение о том, что Петр I был также заинтересован в поиске благородных металлов. Голдер еще больше отошел от первоначальной версии, сославшись на новые мотивы — стремление к приобретению новых земель, расширению торговли и получению новых морских баз.
- ³⁷ *В. Берх. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи — соединяется ли Азия с Америкой, и совершенное в 1727—1728 и 1729 гг. под начальством флота капитана 1 ранга Витуса Беринга. СПб., 1823*. Самое название труда В. Берха уже показывает, что он является сторонником географической версии.
- ³⁸ *А. Соколов. Северная экспедиция, 1725—1743 гг. «Записки гидрографического департамента морского министерства», т. IX, 1851, стр. 190—469; он же. Беринг и Чириков. «Северная пчела», 1849, № 98 и 99*.
- ³⁹ *Свен Ваксель. Вторая камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.—М., 1940, стр. 27*.
- ⁴⁰ Там же, стр. 23.
- ⁴¹ *Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому океану и по Восточному морю с российской стороны учиненных. «Сочинения и перево-*

- ды к пользе и увеселению служащие». СПб., январь, 1758, при Академии наук, стр. 3 и сл.
- ⁴² *J. G. Gmelin*. Reise durch Sibirien (1733—1743), Erst. Theil. Göttingen, 1751, S. 2—3.
- ⁴³ *F. A. Golder*. Bering's voyages, vol. II, p. 10. См. также: *G. W. Steller*. Reise von Kamtschatka nach America mit Bering. SPb., 1793.
- ⁴⁴ *С. Крашенинников*. Описание земли Камчатки, т. 1, 2. М., 1949. Как видно будет из дальнейшего, Крашенинников все же дал свою оценку характера экспедиции.
- ⁴⁵ Та же чисто географическая версия изложена и в приложении к «Исторической табели о российских морских компаниях, отправляемых на звериные промыслы по островам Северо-восточного моря и далее, важные открытия učinивших, с приобщением некоторых исторических об них известий и приключений» (ЦГАДА, ф. 290, А. Р. Воронцова, дело без номера, в ближайшее время после 1790 г. На одном большом листе. Текст следует после таблицы).
- ⁴⁶ *С. М. Соловьев*. История России с древнейших времен, кн. IV. Изд. 2. СПб. [Б. г.], стр. 641.
- ⁴⁷ *К. М. Бэр*. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний. «Записки Русского географического общества за 1849 г.», кн. III, стр. 217—253; кн. IV, стр. 260—283.
- ⁴⁸ Полный текст этого документа (проекта) можно найти в ЦГАДА, Портфель Миллера, тетр. 512, ч. I (все дело). «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 2, 1943, стр. 7).
- ⁴⁹ «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 2, 1943, стр. 7.
- ⁵⁰ «Экспедиция Беринга». Сборник документов. М., 1941. Рецензия на этот сборник, принадлежащая проф. А. И. Андрееву, помещена в «Известиях Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 2, стр. 60—64.
- ⁵¹ *Джон Перри*. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871, стр. 40—41.
- ⁵² «Экспедиция Беринга», стр. 23—24.
- ⁵³ Там же, стр. 24.
- ⁵⁴ Между тем значительный интерес, проявленный Петром I к установлению «директной» торговли с Испанией, диктовался и экономическими, и политическими международными условиями того времени. Англия поддерживала враждебную тогда России Швецию и в то же время находилась в войне с Испанией. Это толкало Россию к сближению с Испанией. В 1717 г. в Голландии был подписан русско-французский договор о дружбе, вызвавший неудовольствие в английских правящих кругах. В следующем 1718 г. начались переговоры между Россией и Испанией о союзном договоре. В 1724 г. испанское правительство переслало российскому послу в Мадриде кн. Голицыну проект Франциска Перраты об организации непосредственной русско-испанской торговли. В ноябре 1723 г. Петр I дал указ коммерц-коллегии об открытии непосредственной торговли с Испанией и Францией, а в 1724 г. подтвердил необходимость организовать для этой цели особую торговую компанию. В 1725 г. в Испанию была послана экспедиция из трех судов с товарами. Два из них были военные фрегаты. Все эти суда прибыли в Испанию как корабли купца А. Семенникова. Даже самая посылка военных судов под видом торговых показывает, какое большое политическое значение имел вопрос об установлении прямой торговой связи с Испанией.
- ⁵⁵ *В. Г. Островский*. Беринг. Л., 1939, стр. 40—49.
- ⁵⁶ *С. Крашенинников*. Описание земли Камчатки, т. II. СПб., 1755, стр. 189.
- ⁵⁷ Там же, стр. 259.
- ⁵⁸ *С. Б. Окунь*. Очерки по истории колониальной политики в Камчатском крае. М., 1935, гл. I.
- ⁵⁹ «Полное собрание законов Российской империи», т. VIII, № 6291, декабря 28, 1732 г., стр. 1002—1013.
- ⁶⁰ *С. М. Соловьев*. История России с древнейших времен, кн. 4, т. XVI. Изд. 2. СПб. [Б. г.], стр. 38.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АНТИЧНОГО МИРА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ О СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ АЗИИ

 древней истории той области мира, где близко сходятся материка Азии и Америки, собрано много материалов. Много нового материала и ценных обобщений содержится в капитальных географических, исторических и источниковедческих трудах советских исследователей: С. В. Бахрушина, Л. С. Берга, В. Ю. Визе, А. И. Андреева, М. И. Белова, В. И. Грекова, Д. М. Лебедева и др. Большую ценность представляет теоретическая разработка ряда вопросов истории географической науки в трудах В. К. Яцунского. Огромный материал по интересующему нас вопросу имеется в таких сводных изданиях, как документальная публикация «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей» под редакцией М. П. Алексева, в картографических изданиях В. А. Кордта «Материалы по истории русской картографии», Ф. Г. Крэмп, Ф. Видера и Г. Каана, Г. Р. Вагнера, Л. С. Роса¹ и в других изданиях. Собраны и опубликованы «Сибирские летописи» и ряд других старинных рукописей о Сибири, имеется ценнейшее издание «Памятники сибирской истории XVIII века»². Вышли тома «Истории Сибири» под ред. А. П. Окладникова и В. И. Шункова. Однако публикаторы не ставили специальной задачей исследовать вопрос о том, как человечество приобрело знание о той части земного шара, где Азиатский и Американский континенты близко подошли друг к другу. А между тем это один из важных моментов истории развития культуры и истории вообще.

Та часть мира, где Азия и Америка ближе всего подошли друг к другу, играла в истории немалую роль, начиная с древнейших времен. Сведения же о ней были приобретены передовыми народами не сразу и с большим трудом.

«Древние не имели ни малейшего представления о севере и востоке Сибири», — написал почти 90 лет назад академик

А. Мидлендорф³. Хотя со времени этого утверждения прошло много лет, однако следует признать, что мнение Мидлендорфа о том, что античный мир не имел сведений о восточной окончательности Сибири, остается справедливым. Античный мир, так же как средние века, знал всего лишь три части света — Европу, Ливию (Африку) и Азию. Понятие «Сибирь» было незнакомо в Европе не только в период античного мира, но и в средние века; оно оставалось неизвестным примерно до начала XV в.

Геродот подробно рассказывал о полулегендарных плешивцах, людях, плешивых от рождения, плосконосых, с продолговатыми подбородками, живущих у подошвы высоких гор то ли Уральского хребта, то ли Алтая. «Что находится выше этого плешивого народа,— писал Геродот,— о том никто ничего ясно сказать не может. Путь туда пресечен высокими горами, которые никто не в силах перейти. Плешивцы рассказывают, чему я впрочем не верю, будто на горах живут люди с козьими ногами, а за ними другие, которые спят 6 месяцев в году»⁴.

На Крайнем Севере, сообщал Геродот, живут гиперборей, простирающиеся до моря (заметим, что в самом слове «гиперборей» содержится представление о сильнейших ветрах). На карте Геродота, составленной около 450 г. до н. э., Южная Азия показана до Инда. Северная часть карты даже не доходит до Азии. Скифия Геродота заканчивается около нынешних Черногории и Азовского морей, а вместе с тем обрывается и карта.

Эратосфен, живший в 276—194 гг. до н. э., считал, что в северо-восточном углу Индии, там, где среднеазиатский горный хребет вдается в океан, находится мыс Тамарос, у последующих авторов превратившийся в легендарный мыс Табин. На северо-запад от этого мыса начинается неизвестность. Карта Эратосфена наглядно свидетельствует, что сведения о южной части Азии сделались достоянием науки относительно скорее, чем сведения о севере Азии. На основании общей карты мира Эратосфена, который разработал свою географическую сетку и которому принадлежит название науки географии (его карта составлена около 220 г. до н. э.), нельзя судить о том, что представляет собой север Азии. Юг же ее показан до «Восточного моря» (т. е. Тихого океана), начинающегося сразу за «страной индийцев» без какого-либо намека на «страну китайцев».

Страбон, живший в I в. н. э., считал всю Сибирь необъятной снежной пустыней. Он сделал даже шаг назад по сравнению с Геродотом, который полагал север Азии не пустыней, а заселенной страной.

Античный мир и после Геродота и Эратосфена не знал ничего достоверного о Северо-Восточной Азии. Клавдий Птолемей, александрийский географ, живший в 87—150 гг. н. э., утверждал, что огромный хребет Иманус протянулся через всю Азию с запада на восток. Однако он не имел достоверных сведений об областях, расположенных к северу от этого грандиозного хребта.

Птолемей составил атлас из 87 карт. Атлас этот погиб во время пожара Александрийской библиотеки, но был восстановлен по копиям. Карты Птолемея получили большое распространение лишь в позднейший период, больше чем через тысячу лет, в XV—XVI вв., в связи с тремя обстоятельствами: возрождением наук и искусств античности, изобретением книгопечатания и тиснения карт и началом великих географических открытий.

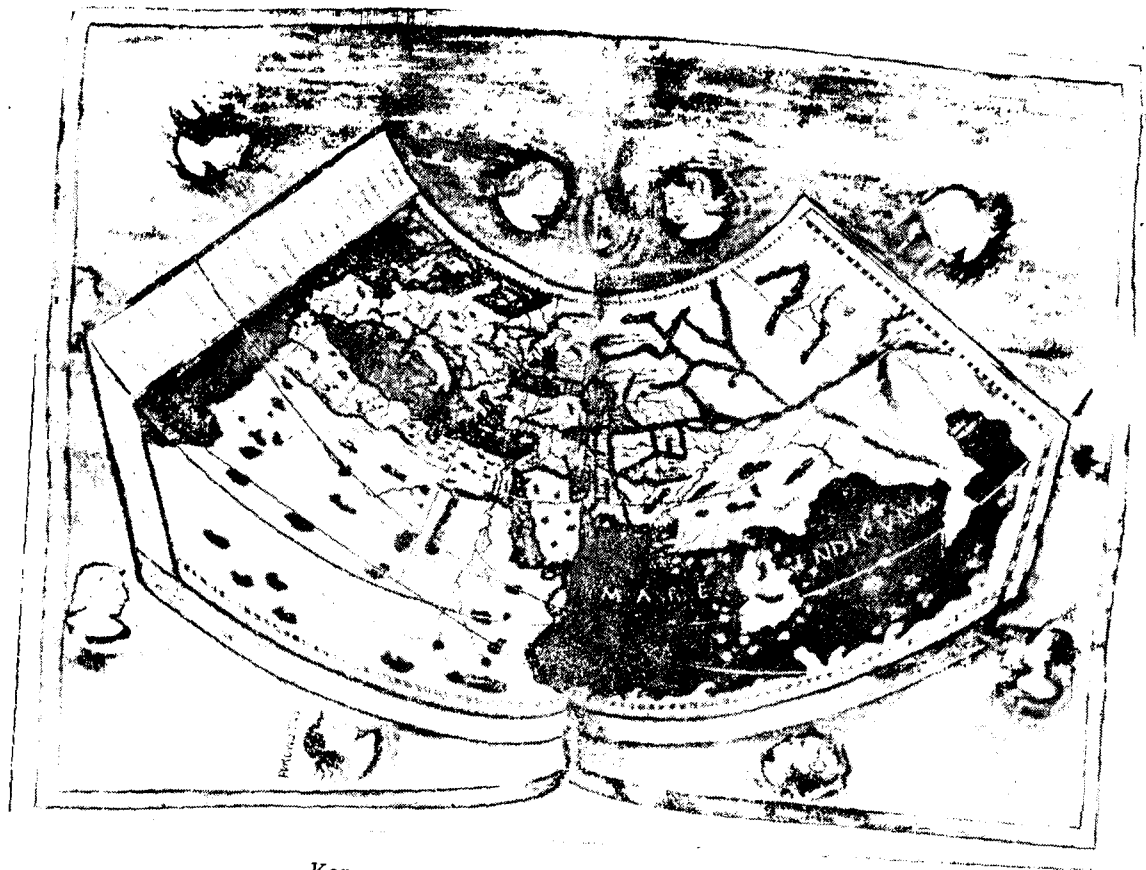
При переизданиях карт Птолемея к ним делалось много добавлений, составлялись и новые карты, которые включались в атласы, продолжавшие называться птолемеевыми. Сам Птолемей знал восток Европы лишь до Волги и Камы.

Византия не только не обогатила сведения о Северо-Восточной Азии, но в период расцвета церковной географии, исходившей прежде всего из данных Библии, еще дальше отошла от реальных представлений о ней. Живший в Египте в VI в. монах грек Косма Индикоплев (Индоплаватель) выступил против учения о шарообразности земли. Он считал, что обитаемая земля представляет четырехугольную плоскость посреди океана.

Интересно, как византийский писатель Приск объяснил одно из крупнейших событий мировой истории — великое переселение народов. Он нашел конечную причину этого явления на далеком северо-востоке Азии. Оказывается, там одни племена вытеснялись другими. Сарагуры «после битвы с савырами были изгнаны оттуда, где они жили. Последние же в свою очередь были вытеснены аvarами, а эти принуждены были к выселению народами, которые жили на берегу океана, но покинули страну, так как из океана поднялась туманная мгла и появились многочисленные грифы»⁵, т. е. птицы-чудовища. Это новая яркая иллюстрация положения о том, что отсутствие реальных знаний рождает мифы.

В период средневековья связи Европы с Востоком резко сократились. Но даже наиболее осведомленные географы арабских стран могли сообщить лишь о стране мрака за высокими горами. В этой стране мрака, облаков и непроницаемой мглы (отзвук сведений о полярной ночи) живут легендарные Яджуджи и Маджуджи. Эти имена заимствованы из Корана и соответствуют столь же легендарным Гогу и Магогу Библии.

Арабы сообщили сведения о том, что в стране болгар находят белые как снег клыки, похожие на слоновую кость (клыки мамонта)⁶. В книге географов, писавших на арабском языке (в средние века приобрела большое значение так называемая арабская культура — по существу прежде всего культура покоренных арабами народов), проникли описания немой торговли болгар с сибирскими жителями. Упоминание о коротких днях и долгих ночах и о красном, как огонь, облаке у Ибн Фадлана может иметь в виду северное сияние. У арабских писателей можно найти некоторые географические названия средней

Карта одного из вариантов Атласа Птолемея
(«Атлас географических открытий Сибири и Северо-Западной Америки» под ред. А. В. Ефимова. М., 1954, № 2, далее — «Атлас»)

Сибири, например Тобол, но северо-восток Азии им еще не был известен.

Джилль Флетчер в своей книге «О государстве Русском»⁷ приводит извлечение, сделанное венецианским космографом Рамузием из арабской географии Абульфида Измаэля. На это извлечение обратил внимание С. Н. Марков в своей заметке «Известие о севере арабских географов XIV в.»⁸.

Абульфида родился в 1273 г. в Дамаске, умер в Хамате в 1331 г. Цитата взята Рамузием из книги «Таблица земель». С. Н. Марков обратился к академику И. Ю. Крачковскому с просьбой заново перевести отрывок, процитированный Флетчером. Вот этот перевод, сделанный И. Ю. Крачковским: «Затем он (океан) берет направление на восток пока не поравняется с пределами земли восточной, открытой. А там страна Китай. Затем он поворачивает у восточной части Китая в сторону севера. Затем он тянется на север у восточной части Китая, пока не минует Китая и поравняется с преградой Яджуджа и Маджуджа. Затем он поворачивает, окружает земли, неведомые по своим обстоятельствам, и протягивается на запад, оказываясь к северу от земли, равняется со страной Русов, минует ее, поворачивает на запад и на юг (юго-запад), окружая землю, и оказывается уже в западной части...». Это свидетельствует о том, что в конце XIII или начале XIV в. среди ученых арабского мира возникла, хотя и не ставшая общим достоянием, гипотеза, что из Тихого океана можно пройти в Ледовитый. Другой бесспорный вывод — это о том, что путник, который пойдет морем из Тихого океана в Ледовитый, минуя Китай, где-то поравняется с преградой. Ничего точного об этой преграде сказать нельзя, не указано, где она начинается. Во всяком случае она оказывается где-то между северной частью Китая и поворотом на запад, после которого путник окажется к северу от земли, т. е. в Северном Ледовитом океане. Однако ввиду того, что в данном описании морской путь не прерывается преградой, скорее всего речь идет о преграде из льдов. Далее говорится, что, следуя этим путем, можно поравняться со «Страной русов».

Из данного отрывка следует, что за какой-то преградой начинаются земли, о которых ничего нельзя сказать, земли, «неведомые по своим обстоятельствам». Эти «неведомые земли» простираются до «Страны русов». Короче говоря, данный отрывок хотя и дает гипотезу о возможности морского пути из Тихого океана в Ледовитый, но подтверждает отсутствие у арабских географов каких-либо определенных сведений относительно крайнего северо-востока Азии. Для наших целей нет нужды сколь угодно подробно останавливаться на сведениях о северо-востоке Азии, имевшихся в Западной Европе в средние века. Приведем лишь несколько примеров. Вот что сообщил Джованни дель Плано Карпини, посланный папой Иннокентием IV к монголам,

чтобы узнать, что это за грозная лавина обрушилась на Европу. Итальянец, францисканский монах, дипломат, Карпини побывал в Монголии в 1246 г. О севере Азии он говорит только, что за самоедами в некоей земле над океаном живут чудовища.

В 1255 г. Гильом де Рубрук (Рубруквис) совершил путешествие в Монголию в качестве посла Людовика IX. Он писал, что восточнее великой Венгрии (в то время «великой Венгрией» называли Башкирию) находится «северный угол». Но «предел северного угла» не известен в силу больших холодов, ибо там вечные льды и снега⁹.

В исторической литературе уже отмечено, что то новое, что внес Рубрук, заключалось лишь в том, что он попытался найти объяснение полному отсутствию сведений о далеких зонах Азии.

Английский философ Роджер Бэкон в 1265 г. правильно утверждал, что Каспийское море не является заливом Ледовитого океана. Однако он считал, что за Рифеями (предполагают, что это Уральские горы) «не находят больше никакого народа»¹⁰.

Знаменитый венецианский путешественник и купец Марко Поло, проживший в течение 18 лет при дворах монгольских властителей (1275—1292 гг.), писал о равнине Баргу, которая тянется на 40 дней от Алтая. Через 40 дней пути находится море, океан: «нет там, знайте, ни мужчины, ни женщины, ни зверя, ни птицы, а есть только одна птица, зовут ее Баргерлак: соколы ею кормятся, она с куропатку... место то, скажу я по правде, так далеко на север, что Северная звезда остается позади, к югу»¹¹. Марко Поло описывает страну, где нет ни солнца, ни луны, ни звезд, всегда там темно «так же, как и у нас в сумерки». У тамошних жителей нет царя. Все они охотники, и у них много ценной пушнины. Они продают меха соседним народам «оттуда, где свет». Описание Поло ценно в этнографическом отношении, но почти не содержит географических определений.

Новый стремительный разворот человеческой истории начался в период великих открытий и изобретений, грандиозных торговых войн и ранних буржуазных революций. Уже в год открытия Америки Колумбом, в 1492 г., Новый свет был изображен на карте Бегайма в виде множества мелких островов, среди которых выделялся один побольше.

Путешествие Колумба было попыткой найти новый путь в Индию, и в этом смысле оно оказалось неудачным. Джон Кабот был уверен, что он в 1497—1498 гг. нашел морской путь в страну «великого хана». Люди Кортеса сначала были убеждены, что они попали в «Катай».

Таким образом, путешествия Колумба, Кабота и Кортеса могут рассматриваться не только как открытие Америки со стороны Атлантического океана, но и как несостоявшиеся путешествия в «Индии», т. е. в Индию и Китай (в то время Китай также считали одной из стран Индии).

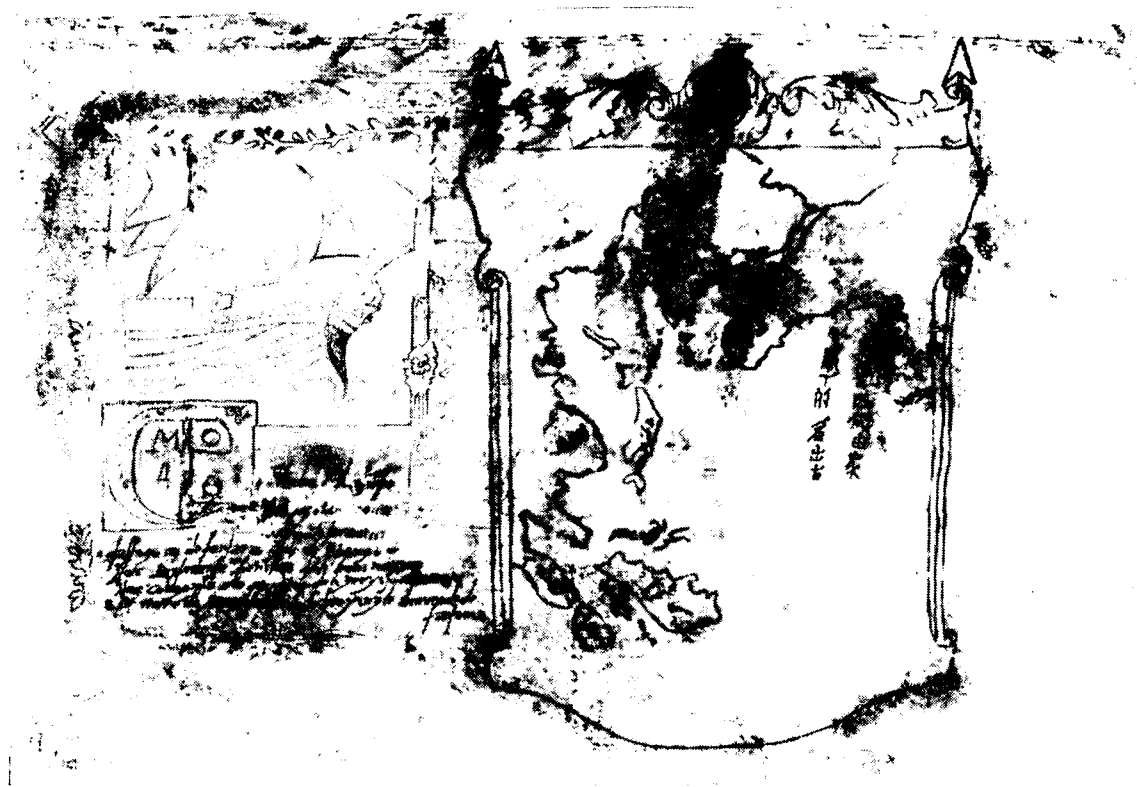
Генри Р. Вагнер период вскоре после открытия Нового света называет первым периодом воображаемой географии. Сначала думали, что открытый континент — это часть Индии, затем решили, что индейцы больше похожи на китайцев, и стали считать Новый свет частью Китая. Эта концепция отражена на карте Иоганна Шёнера, опубликованной впервые в 1524 г.¹² На этой карте Америка показана соединенной с Азией, в частности с Индией. Карта Шёнера была основана на испанских данных, а как упоминалось, люди Кортеса предполагали первоначально, что они находятся в богатой стране, описанной Марко Поло, в «Катае».

Д. Н. Анучин¹³ неправильно считал, что в XVI в. стало известно, что море омывает Азию с севера и востока. Это утверждение является необоснованным. Наноса Новый свет на карту, одни считали Америку продолжением Азии¹⁴, другие отделяли ее от Азии широким или узким водным пространством¹⁵, но и та и другая версии были гипотезами, а не точным знанием. Правда, в литературе высказывалось предположение, что Кортес и его спутники могли узнать от индейцев, что Америка не соединяется с Азией (академик К. Бэр), но это тоже всего лишь гипотеза.

К птолемеевым картам относится карта Мартина Вальдземиллера, члена кружка ученых в Сен-Дье, в Лотарингии. Он первый (в 1507 г.) предложил назвать Новый свет Америкой. В. А. Кордт, поместив морскую карту Вальдземиллера 1516 г., отметил, что эта карта на 9 лет старше карты Баптисты Агнезе (Аньезе), считавшейся ранее первой отдельной картой России. На Крайнем Севере изображены песьеголовец и цепь гор, уходящих на восток. Карта Вальдземиллера не дает очертаний берегов Ледовитого и «Восточного» океанов.

На карте мира Н. Рюйша, изданной в Риме в 1508 г. в качестве дополнения к географии Птолемея, Южная Америка образует большой материк. Центральная же Америка изображена в виде группы островов. Северная Америка на этой карте отсутствует совершенно, а Азия соединена непосредственно с Гренландией.

Автором одной из интереснейших ранних карт Америки является Леонардо да Винчи. На его карте, составленной в 1515 г., имеются не два, а один Американский континент, именно южный. Он протянут не с севера на юг, а с востока на запад. Над этим горизонтально на карте лежащим континентом имеются большие острова Куба и Изабелла. У западной оконечности его самый большой остров с надписью «Земля Флорида». Это уже какой-то намек на представление о Североамериканском континенте. Азия отделена от Америки огромным водным пространством. На полпути от Азии к Америке — остров Зипугна, т. е. Япония. В Арктике, восточнее Тангута, показана земля или большой остров Бакалар — это второй намек на зачаточное представление о какой-то части Североамериканского континента¹⁶.

Карта с кораблем, приписываемая Марко Поло. Изображенный на карте корабль может относиться к XIII в., но очертания Курильских островов датируются не ранее XVIII в.

(«Атлас», № 5)

На карте Лаврентия Фризиуса 1522 г. дана лишь Южная Америка¹⁷. Данные Бегайма и Фризиуса пробовал объединить венецианец Пьетро Коино, который изобразил Америку в 1528 г. в виде ряда островов фантастической формы, причем Южная Америка изображена в виде сравнительно большого острова¹⁸.

Азия показана отдельно от Америки на мировой карте Висконте де Майолло (рукописной) 1527 г.¹⁹

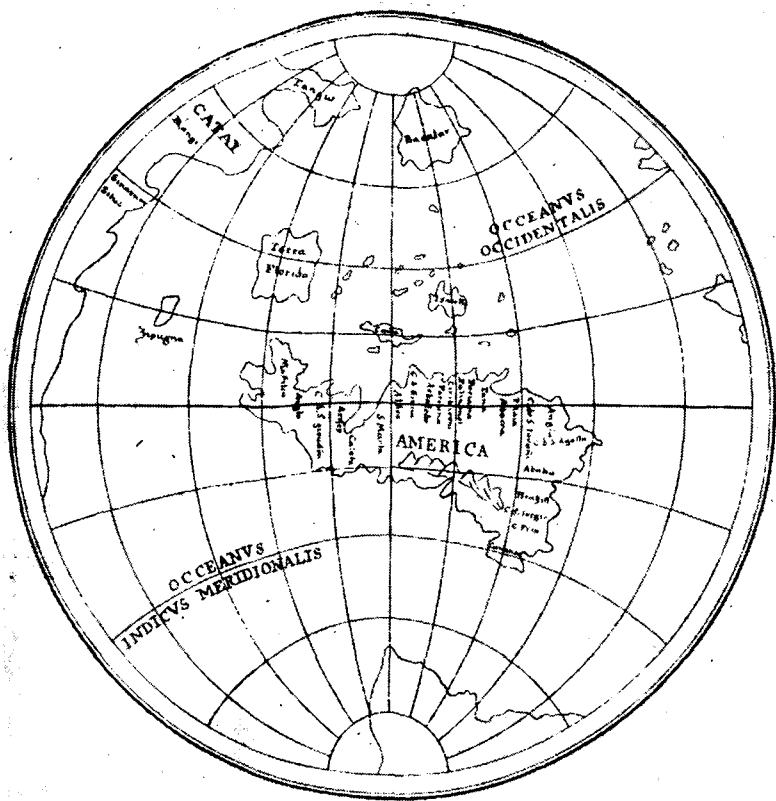
На карте грэка Георгия Сидери, прозванного Каллаподой, составленной в 1563 г., имеются два американских континента — северный и южный, причем северный континент сплошным массивом соединяется с Азией²⁰.

Гастальди первоначально полагал, что Азия соединена с Америкой. От этой концепции он отказался примерно в 1562 г., когда опубликовал памфлет «Общее описание мира» (на итальянском языке). С этого времени на картах появился «Анианский пролив»²¹.

Пополнение знаний о северо-востоке Азии и северо-западе Америки было весьма необходимо. Оно пришло из России через развитие русской географической науки. Однако далеко не сразу, ценой затраты огромных усилий и в процессе преодоления неправильной, ложной информации и ложных географических концепций были приобретены эти сведения. На заслугах русских путешественников-землепроходцев и русской географической науки, развивавшейся не в отрыве от западной, а в тесном взаимодействии с ней и оказавшей на ее развитие в ряде моментов решающее влияние, следует остановиться подробнее.

Итальянский географ Аньезе, на основании рассказов Дмитрия Герасимова, составил в октябре 1525 г. в Риме карту России²². Ознакомление с этой картой, которую правильно было бы назвать картой Герасимова, показывает, что о северо-востоке Азии она не дает конкретных сведений. Но некоторые сведения и умозаключения Дмитрия Герасимова, хотя и не нашедшие отражения в настоящей карте, представляют значительный интерес. На них стоит остановиться подробнее.

Дмитрий Герасимов (род. около 1465 г.) неоднократно участвовал в посольствах (в Швецию, Данию, Пруссию, Рим) в качестве переводчика. Он сотрудничал с Максимом Греком и перевел с латинского и немецкого языков ряд произведений. В 1525 г. он был направлен во главе посольства Московского государства в Рим. Папа Климент VII принял Герасимова в качестве посла великого князя Василия Ивановича с большим почетом и приставил к Герасимову придворного литератора Павла Ювия (Paulus Jovius). На основании сведений, полученных от Герасимова, Ювий составил и опубликовал труд под заглавием «Книга о посольстве Василия, великого Государя Московского, к папе Клименту VII, в которой с особой достоверностью описано положение страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причи-

Карта Америки Леонардо да Винчи, 1515 г.

(«Атлас», № 12)

ны посольства. Кроме того, указываются заблуждения Страбона, Птолемея и других писавших по географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые предположительно известно нигде не существуют». Книга эта вышла в свет в том же 1525 г., когда Герасимов был в Риме, и выдержала много изданий. Она была переведена на другие языки. В своей книге Иовий рассказывает о стране, овеваемой дуновением Кора и Аквилона (северные ветры) и окутанной глубоким мраком. Интересно его сообщение о том, что к северу от Московии до Скифского океана «власти московитов повинуются безчисленные народы...» на расстоянии почти трехмесячного пути.

Сообщение Герасимова имело не только научное, но и практическое значение. Сохранилось сведение, что один русский показывал аугсбургскому ученому карту и утверждал, что Ледови-

тым морем, вероятно, можно достигнуть Индии. Отметим, что Герасимов был в Аугсбурге, но там же в 1513 г. был и другой русский посол — Григорий Истома²³, который, как и Герасимов, был широко образованным человеком. Интересно, что спутник Герасимова Паоло Чентурионе составил проект открытия регулярной торговли между Европой и Восточной Азией через Московию. Вполне возможно, что сведения Герасимова или Истома повлияли и на Меркатора.

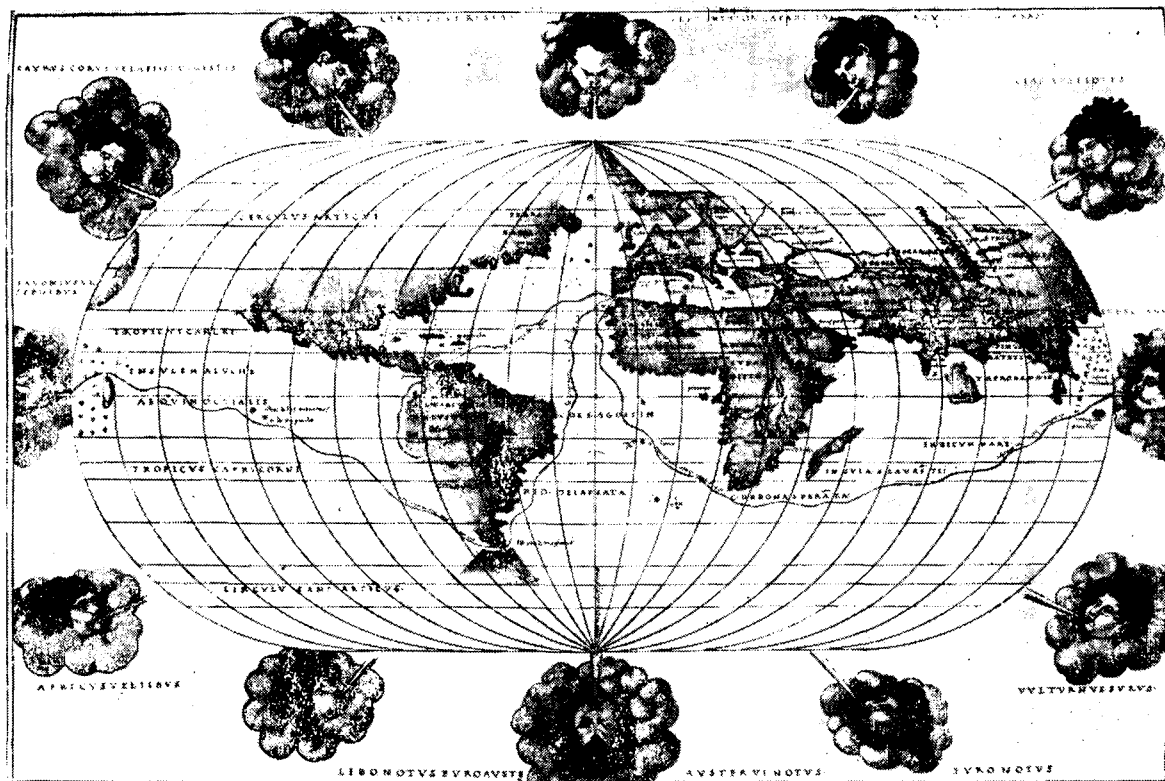
Повышенный интерес Павла Иовия к вопросу о путях из России на Восток легко объяснить, если учесть, что в 1521 г. он, как он сам утверждает, был в Москве у великого князя Василия Ивановича с грамотой от папы римского Льва X. Генуэзец, которого русские называли капитаном Павлом, отправлен был Львом X в Москву, чтобы «проложить через Россию купеческую дорогу в Индостан» и, таким образом, отнять у португальцев исключительное право индийской торговли. Автор Никоновской летописи, сообщивший эти сведения, заметил, что вел. кн. Василий Иванович не захотел открыть иноземцу путей торговли с Востоком²⁴.

Об этом своем путешествии в Москву подробно рассказывает и сам Павел Иовий в своей «Книге о Московитских делах». Предлогом для поездки в Россию были переговоры об объединении католической и православной церковью. Но основной интерес у самого Иовия был иным. Павел «человек с безумной и ненасытной душой», — пишет Иовий о себе самом в третьем лице, — искал нового и невероятного пути для добывания благовоний из Индии» (стр. 252).

Как сообщил Иовий, он по торговым делам бывал в Сирии, Египте и Понте, т. е. Причерноморье, и узнал, что есть путь из Индии в Европу, через Персию, Гирканское (Каспийское) море и Волгу. Вполне возможно, что это отклик на путешествие в Индию Афанасия Никитина. Однако Иовию нового об этом пути в Москве не рассказали.

Часть книги Павла Иовия Новакомского напечатана М. П. Алексеевым в книге «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей». При этом Алексеев ссылается на русский перевод книги Иовия, изданный А. И. Малейшим в 1908 г. К сожалению, М. П. Алексеев не указал на то, что версия Иовия о поездке в Москву выдумана от начала до конца. Эта мистификация понадобилась Иовию для того, чтобы изобразить себя весьма осведомленным человеком, собравшим сведения о Московии на месте. Между тем, как это установлено А. И. Малейным, Иовий никогда в Москве не бывал и сведения о Московии получил в Риме от русского посла Дмитрия Герасимова.

Приводим знаменитое место из книги Иовия — Герасимова о крайнем северо-востоке России. «Выше только что названных мною народов (жителей Перми, Югоры — Югричи и Вогулычи. — А. Е.), которые платят дань Московским царям, есть другие

Карта мира Б. Аньезе. Разворот глобуса
(«Атлас», № 18)

отдаленные племена людей, не известных москвитам из какого-либо определенного путешествия, так как никто не доходил до Океана: о них знают только по слухам, да еще из баснословных, по большей части, рассказов купцов. Однако достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к Северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли»²⁵.

В этом отрывке указан, хотя и в самой общей форме, источник, из которого Герасимов почерпнул сведения. Это рассказы купцов. К этим сведениям сам Герасимов относится критически. Он считает эти рассказы в большей части «баснословными». Кроме того, имеются еще более неопределенные указания на то, что, кроме рассказов купцов, источником данного сведения могли быть какие-то слухи. Что же касается до существа сообщения Герасимова — Иовия, то хотя и говорится о возможности существования морского пути вокруг севера Азии, но именно только как о возможности. Тут же Иовий замечает, что, может быть, на этом пути и встретятся какие-либо земли, которые преградят морской путь. Карта Аньезе в книге Иовия не была опубликована. Мы помещаем эту карту, используя одно из позднейших ее воспроизведений.

После того как испанцы и португальцы в конце XV в. открыли морские пути в Америку и Индию, они ревниво старались упрочить свою монополию на этих путях. В связи с этим Англия, Голландия, Франция и другие страны начали борьбу за право плавания во вновь открытые страны. В то же время встал вопрос — нельзя ли из Европы попасть в Индию и Китай северными морскими путями, мимо берегов России, вдоль Сибири или же вдоль берегов Северной Америки. Не было известно не только как пройти этими северными морскими путями, но даже и вообще существуют ли они. Не исключалась возможность того, что сплошные массивы суши приполярных областей, а не только льды, преграждают кораблям путь на восток и на запад.

Что касается попыток иностранцев найти путь в «Индии» вдоль берегов Северного Ледовитого океана, то они оказались безуспешными. Этот путь был открыт русскими мореплавателями. Англичане, французы, голландцы, испанцы, датчане делали в XV—XVIII вв. множество безуспешных попыток попасть в Индию и Китай северо-западным путем, обогнув Северную Америку. Упомянем лишь о немногих из этих безуспешных попыток.

В XVI в. англичане, в связи с централизацией и укреплением английского государства, делали попытку в 1527 г., при Генрихе VIII, пройти на Восток северо-западным проходом на двух кораблях. Один из кораблей назывался «С вами бог» (*Dominus*

vobiscum). Эта экспедиция 1527 г. побывала в районе Ньюфаундленда, но успеха не имела.

В 1580 г. и в 1603 г. Фрэнсис Дрейк доходил в Калифорнии до 42° северной широты.

В 1583 г. Гемфри Джильберт получил от английского правительства монополию на никому не удававшееся до тех пор открытие северного морского пути в Китай. При этом Джильберт решил стать в полной мере монополистом и вытребовал себе исключительное право на открытие обоих морских путей — и северо-западного, и северо-восточного. Но он не открыл ни того, ни другого и дальше Ньюфаундленда не плывал.

Та же монополия компания вслед за Джильбертом послала Дэвиса, который, прибыв к западным берегам Гренландии, назвал ее «Землей Отчаяния». Пройдя к югу, он открыл пролив, названный его именем.

Особо следует остановиться на экспедиции Генри Гудзона. Лондонские купцы поручили ему найти морской путь в Индию. Сначала он пошел к Шпицбергену и плывал в последующие годы к Новой Земле, но остановленный льдами и холодом на Востоке, он направился в Америку северо-западным путем. В 1600 г. он обследовал р. Гудзон (в ряде работ есть указание, что Гудзон открыл реку, названную его именем, но это не верно, она была открыта ранее Верацано).

В 1610 г., во время последнего путешествия, английский мореплаватель открыл залив, названный его именем. По каким-то причинам экипаж взбунтовался, высадил Гудзона с сыном и с пятью членами экспедиции, оставшимися ему верными, в лодку, и они, по-видимому, погибли.

Англичане Баттон и Баффин в 1612 г. несколько расширили сведения о приполярной части Северной Америки, но лишь незначительно продвинулись на запад.

В 1631 г. англичанин Лука Фокс получил письмо от английского правительства к японскому императору и отправился в Японию северо-западным проходом. Фокс был так увлечен своей миссией, что даже стал подписываться «Северо-западный Фокс». Но это оказалось его единственным достижением, потому что пролива он не открыл. Северо-западным в подлинном смысле слова Фокс не стал.

Обратимся к французским путешествиям. В 1508 г. француз Обер, или Гюбер, плывал из Дьеппа на корабле «Пансе» к берегам Ньюфаундленда. В 1534 г. Жак Картье, отправленный Франциском I в Канаду, открыл р. Св. Лаврентия. В 1542 г. новые усилия в достижении той же цели сделал французский губернатор Канады Роберваль. Он послал для открытия морского пути в Индию своего штурмана Альфонса де Ксентонжа. Последний дошел до 52° северной широты и вернулся без успеха, не дойдя до Гудзонова залива.

В 1536 г. испанец Кортес с экспедицией из трех судов достиг Калифорнии. В 1542 г. состоящие на испанской службе Коронадо и Аларкон отправились из Мексиканского вице-королевства на поиски пролива или сухопутного сообщения с Азией, один морем, другой сухопутьем. Но оба они одинаково не достигли результатов.

В том же 1542 г. испанцы сделали новую столь же безуспешную попытку. Они наняли португальца де Кабрилло и послали его из какого-то порта Новой Испании вдоль северо-западного берега Америки. Судно дошло, как говорят, до 44° северной широты и из-за нехватки продовольствия вернулось обратно. Известно только то, что мыс материка на широте 41° Кабрилло назвал в честь испанского вице-короля мысом Мендосино.

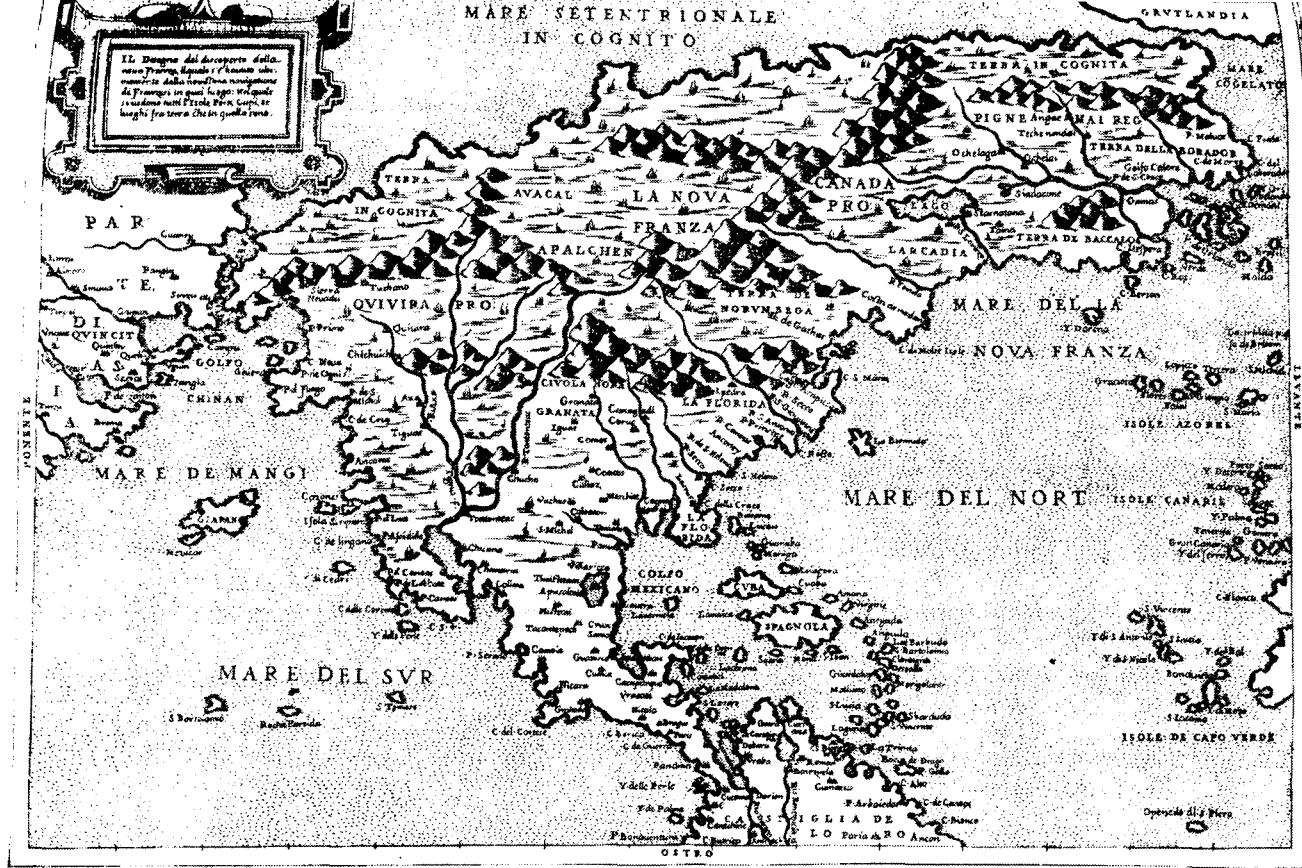
Дальше этого мыса к северу не могли продвинуться ни испанские, ни английские мореплаватели.

Мы назвали лишь несколько экспедиций, которые свидетельствуют о безуспешности попыток западноевропейских мореходов обогнуть Северную Америку или обследовать северную часть Тихого океана вдоль берегов Америки. Любопытно, что в 1588 г. в этих экспедициях наблюдается новая черта. Она характерна для экспедиции 1588 г., совершенной испанским капитаном Мальдонадо. Он, вернувшись из плавания, утверждал, что открыл пролив, отделяющий Америку от Азии, но никаких доказательств этому не привел.

Таким образом, многочисленные безуспешные попытки иностранцев пройти северо-западным и северо-восточным проходами породили вымышленные отчеты о якобы сделанных открытиях.

В 1850—1854 гг. Мак Кляр во время поисков экспедиции Д. Франклина прошел через Берингов пролив к востоку и открыл северо-западный проход, хотя часть его он прошел только по льду, на санях. В 1903—1906 гг. Роальд Амундсен на небольшом судне впервые прошел северо-западным проходом со стороны Атлантического океана. Затем во время второй мировой войны через этот проход прошло дважды канадское сторожевое судно: сначала со стороны Тихого океана, а затем со стороны Атлантического. Таким образом, северо-западный водный проход уже неоднократно пройден. Мы не будем заниматься сопоставлениями условий плавания в северо-западном и северо-восточном проходах. Для нашей цели важно другое, важно показать, что до середины XIX в. все попытки англичан, датчан, голландцев пройти северо-западным проходом были неудачными. А в результате этих неудачных попыток начали появляться фиктивные карты, которые должны были отразить еще никем не совершенные путешествия и открытия.

Между тем в северо-восточном проходе вокруг Азии делались подлинные открытия, причем приоритет в этих открытиях бесспорно принадлежит русским мореплавателям.

Карта Зальтерио (Зальтьери) 1556 г. или более раннего времени
(«Атлас», № 14)

Напомним хотя бы широко распространенную, но несправедливую оценку экспедиции Уиллоуби — Чанслера.

В XVI в. было несколько попыток отыскать морской путь в Китай и Индию с севера, сделанных иностранцами. Все они были безуспешными. Известно, что Уиллоуби, отправившись с этой целью в 1553 г., погиб у берегов Лапландии, а его спутник Ричард Чанслер на другом корабле достиг лишь Белого моря и побывал в Москве.

Однако, как мы уже указывали, морской путь из Белого моря в Западную Европу открыли русские в конце XV в. и прошли этим путем ранее англичан, но во встречном направлении, не менее пяти раз.

Известный фламандский географ Герард Меркатор (1512—1594 гг.) выступил со своими картами в середине XVI в. Он был в курсе новых географических сведений и полагал, что плавание вокруг Сибири морем не только возможно, но и легко. На карте Меркатора 1554 г., вышедшей в Дунсбурге, на крайнем востоке, основываясь на русских сведениях, показана *Oby Fluvius* — р. Обь²⁶.

Ознакомление с рядом карт XVI в. подтверждает вывод об отсутствии у географов достоверных сведений о Восточной Азии. На картах Московии Антония Вида²⁷, составленных около 1538 г. по рассказам окольного Ивана Ляцкого, а также на картах Сигизмунда Герберштейна²⁸ (1556 г.) и Дженкинсона (1568 г.) Сибирь нанесена тоже только до Оби.

Несколько больше сведений сообщил Ричард Джонсон, участник английской экспедиции, которая должна была открыть морской путь в Индию кругом Азии. Р. Джонсон в 1558 г. приехал в Россию с английским кораблем, который достиг Печоры. У него имеется упоминание об Оби. Тамашняя страна называется Молгомзей (Молгомзей — Мангазея) и живут там самоеды, писал он. Джонсон пользовался русской рукописью о «человеках неизвестных», как полагают, составленной холмогорским жителем Федором Товтыгиным.

На карте, составленной по повелению Бориса Годунова и представленной в 1614 г. Михаилу Федоровичу, на крайнем востоке показана р. Обь, впадающая в озеро «Китайка», на крайнем северо-востоке — р. Пязида, а под ней — р. Енисей.

Можно думать, что в связи с мнением Герасимова находится одно утверждение, навеянное Генрихом Штаденом, вестфальским уроженцем, авантюристом, проживавшим в России, как полагают, с 1564 по 1576 г. Однако, поскольку Штаден прожил на севере России несколько лет — в Вологде, Белоозере и Коле и занимался меховой торговлей, может быть он и сам добыл приведенные ниже сведения. 27 сентября 1578 г. пфальцграф Георг Ганс писал на основании сведения Штадена гроссмейстеру немецкого ордена Генриху V следующее: «Из Оби-реки можно про-

плыть в Америку, причем два рейса из Колы или Оби в Америку равняются одному тому, который можно сделать туда из Испании»²⁹.

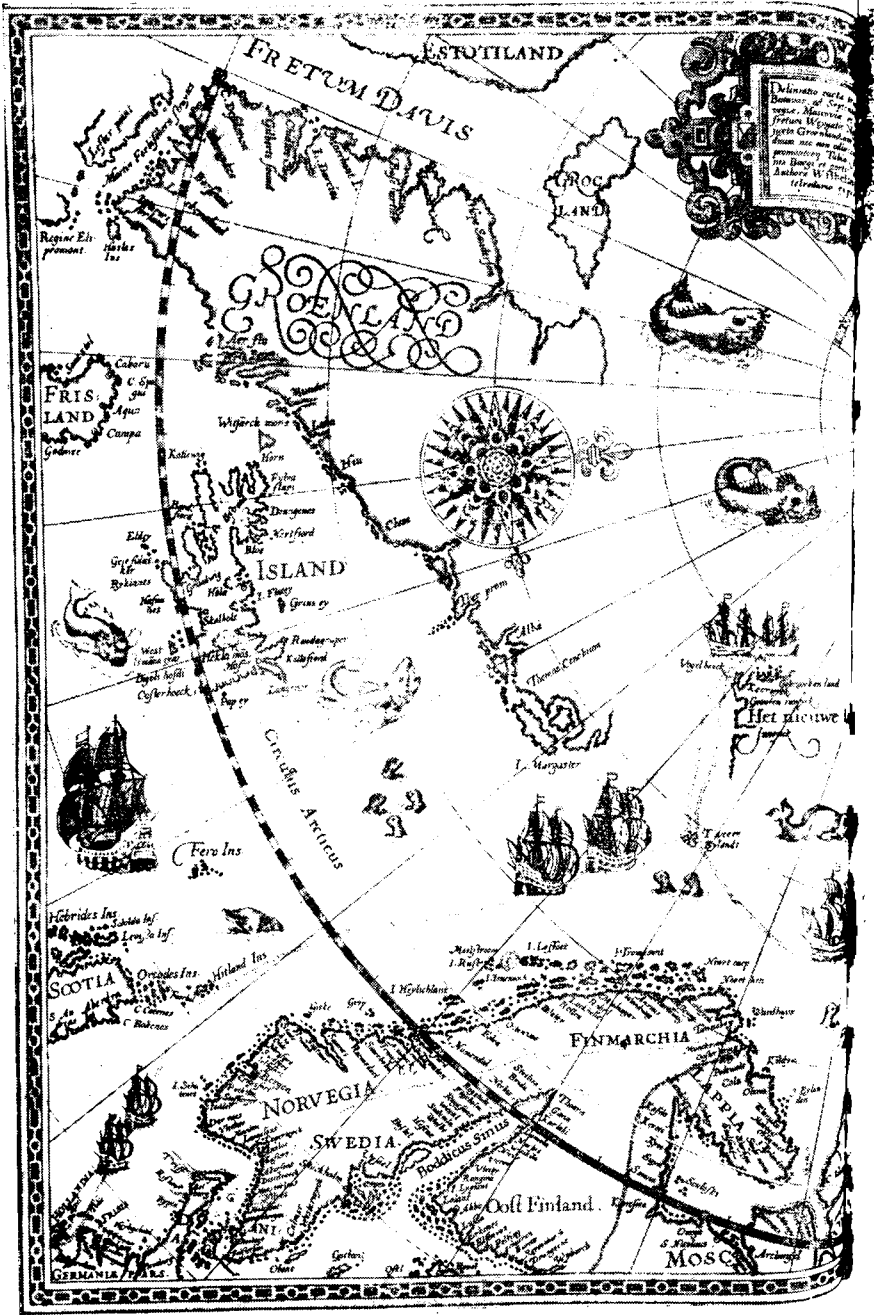
На картах Западной Европы Обь впервые появилась в 1542 г., когда Антоний Вид, немецкий художник, побывавший в Вильно, составил карту России от Балтийского моря до Оби³⁰. После этого Обь появляется на всех картах Герберштейна (1546 и 1549 гг.) и у Ричарда Джонсона (1562 г.).

В 1587 г. Фрэнсис Черри, посетивший в этом году Россию в качестве одного из главных агентов английской торговой компании, упоминая о своей поездке в Пермский край и о том, что он ел осетра, пойманного в Оби, утверждал, что в этой местности он неоднократно слышал от русских, которых он считал великими путешественниками, о теплом море, которое находится за Обью в юго-восточном направлении. По-русски они говорят: «За Обу геса тогіа теурла», что означает, что «за Обью находится теплое море». Правда, по-русски так не говорят, по-русски сказали бы — за Обью-рекой море теплое, но суть известия, сообщенного Черри, все же понятна. Черри выразил уверенность в том, что это теплое море расположено далеко на юге Азии, так как, по словам русских путешественников, там настолько тепло, что там живут все виды птиц и зимой и летом. Это известие в контексте других, аналогичных ему, может навести на мысль о возможности морского пути кругом Азии в Тихий океан. Однако в том виде, в каком изложено это известие, само по себе оно может быть отголоском сведения, полученного от китайцев о том, что на юге Китая граничит с океаном.

В 1611 г. Томас Смит, директор английской торговой компании, желая завязать торговлю с крайним северо-востоком России, послал корабль «Дружба», который дошел до Печоры.

В 1616 г. тобольский воевода, сообщая в Москву сведения о морском пути в Мангазею, в то же время высказал опасение, что «оним могут воспользоваться немцы для торговли с сибирскими инородцами»³¹ и что такие попытки уже были. В том же 1616 г. московское правительство под страхом смертной казни запретило ходить морским путем в Мангазею.

У Джосиаса Логана, побывавшего на Печоре и Оби в 1616 г., имеется упоминание о том, что на расстоянии 5—6 дней плавания за Обью имеется еще река, такая же большая, как Обь, названия которой он не знает. Таким образом Логан не знал названия Енисея. Он же упоминает, что за рекой (Енисеем) имеется еще какая-то огромная река. Комментаторы до настоящего дня спорят, что имел в виду Логан — Лену или Амур, но это лишь свидетельствует о неопределенности и смутности сведений Логана, который не знал, что делалось в Сибири к востоку от Оби. Современные комментаторы, в частности М. П. Алексеев, крайне смущены упоминанием некоторых английских путешественников начала

Delimitatio partis
 borealis Oceani
 septentrionalis
 Fretum Davis
 Groenlandia
 Islandia
 Fretum Groenlandicum
 Fretum Islandicum
 Fretum Danicum
 Fretum Suevicum
 Fretum Germanicum
 Fretum Britannicum
 Fretum Atlanticum
 Fretum Indicum
 Fretum Orientale
 Fretum Occidentale
 Fretum Australe
 Fretum Antarcticum

FRISLANDIA
 C. Sp.
 Apud
 Godeve
 Campa

FRIBRIDES INS.
 L. L. L.
 L. L. L.
 L. L. L.
 SCOTIA
 OREADES INS.
 HOLLAND INS.

ISLANDIA

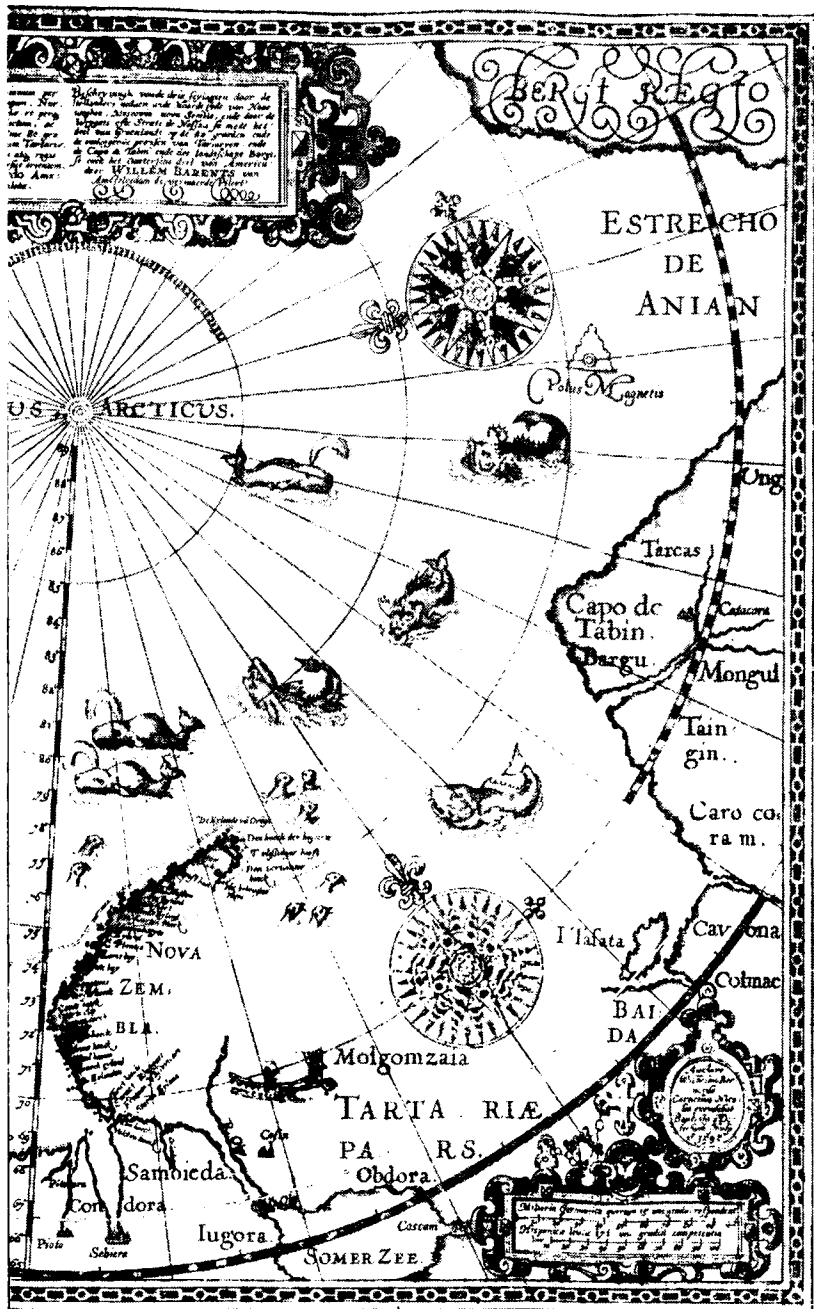
FINMARCHIA

NORVEGIA

SWEDIA

OST FIMLAND

MOSCA

Карта полярных стран В. Баренца из Амстердама, издание 1597 г.
 («Атлас», № 23)

XVIII в. о каком-то народе по имени силахи (seelahi), который живет на востоке Азии. М. П. Алексеев пускается в очень сложные филологические изыскания, исходя из того, что у самоедов слово lakka³² означает «друг» и что енисейцы называют так своих друзей остяко-самоедов, а что слово selakk по-кетски означает «он остяко-самоед». Алексеев предполагает, что название силахи можно возвести к бу — lak, что якобы должно означать «плохой остяко-самоед». Искусственное объяснение слова «силахи» бросается в глаза. Между тем силахи появились не случайно, о них упоминают и другие источники³³. Имя «силахи» может получить гораздо более естественное и достоверное раскрытие. Почему не предположить, что речь идет о шелагах, народе, населяющем северную часть Чукотского полуострова.

Большую активность в попытках найти северный морской путь кругом севера Азии проявили голландцы, в частности Исаак Масса, происходивший из гарлемской семьи торговцев сукнами. Он прожил в Москве с 1601 по 1609 г. и несколько раз бывал в России позже. Умер в 1635 г.

Карта Исаака Массы была напечатана в 1609 г. по возвращении его из Москвы в Голландию, а затем перепечатана в 1612 г. на голландском языке и на других в качестве приложения к труду Массы под заглавием «Описание страны самоедов в Тартарии, недавно присоединенной к Московскому государству». Это «Описание» было переведено с русского языка в 1609 г. При составлении карты Масса пользовался каким-то русским документом³⁴.

Сведения И. Массы ограничиваются Обью и Пясиной (Pisida). У Массы есть гипотеза, что «Америка соединяется около Китая с какой-нибудь из трех частей старого мира, подобно тому, как Африка соединяется с Азией узким перешейком около Красного моря»³⁵. Таким образом, Масса не дает каких-либо важных, новых и достоверных сведений об Азии и о ее отношении к Америке. Наоборот, его сведения запутывают вопрос. Масса допускал даже, что Америка около Китая соединяется перешейком не только с Азией, но, возможно, с Африкой или Европой.

С целью открытия северного пути в Японию и Китай нидерландский купец Бальтазар Мушерон в 80-х годах XVI в. прилагал большие усилия для организации экспедиции из Нассауского герцогства и Нидерландов. В результате во время экспедиции 1594 г. Баренц достиг островов Матвеева и Долгого. Эта экспедиция сообщила сведения о западном берегу Новой Земли и о Югорском шаре. В 1595 и 1596 гг. голландцы повторили плавание в те же области.

Ни карта Гесселя Герритса 1613 г., ни Баренца — де Фера не дают сколько-нибудь достоверных сведений о крайних оконечностях Азии и Америки, хотя и пытаются разрешить этот вопрос. У Баренца, участника голландских экспедиций 1594, 1595 и 1596 гг., и его спутника де Фера на карте, опубликованной

Северная Америка около 1699 г.
 (R. M. Lunny. Early maps of North America, Newark, 1961)

к 1598 г. в Амстердаме, против легендарного мыса Табин находится Горная страна Bergt Regio.

В одной из книг, предназначенных для учителей средней школы, сообщено, что Баренцово море открыто Баренцом³⁶. Это один из многих случаев неосновательного преувеличения заслуг иностранных мореплавателей в русских водах, в частности в водах Северного Ледовитого океана. В данном случае, например, совершенно неверно утверждение, что Баренц открыл море во время плаваний 1594 и 1596—1597 гг. Самое название — Баренцово море появилось на картах только в XIX в.³⁷. Старинное название этого моря — Мурманское или Русское море.

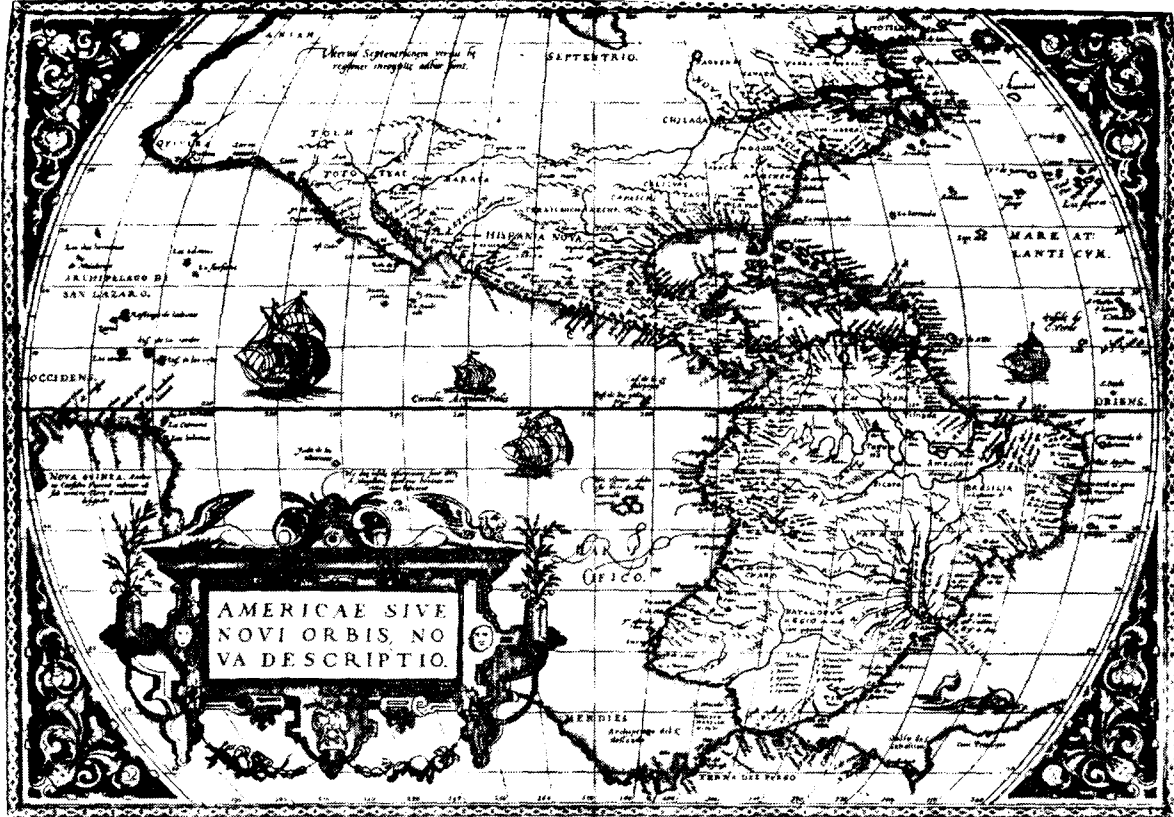
Новгородцы посещали Мурманское море и Печору еще в XI в. и взимали дань с племени югры. Об этом имеется рассказ новгородца Гюраты Роговича, помещенный в Летописи Нестора под 1096 г.³⁸ В 1114 г. в Новгородской летописи записано: «еще мужи старые ходили за Югру на Самоядь»³⁹.

Таким образом, новгородцы посещали побережье Баренцова моря в XI—XII вв. Шпицберген (Грумант) посещался русскими до XV в.⁴⁰ До 1435 г. новгородские выходцы Старостины неоднократно бывали на Груманте⁴¹.

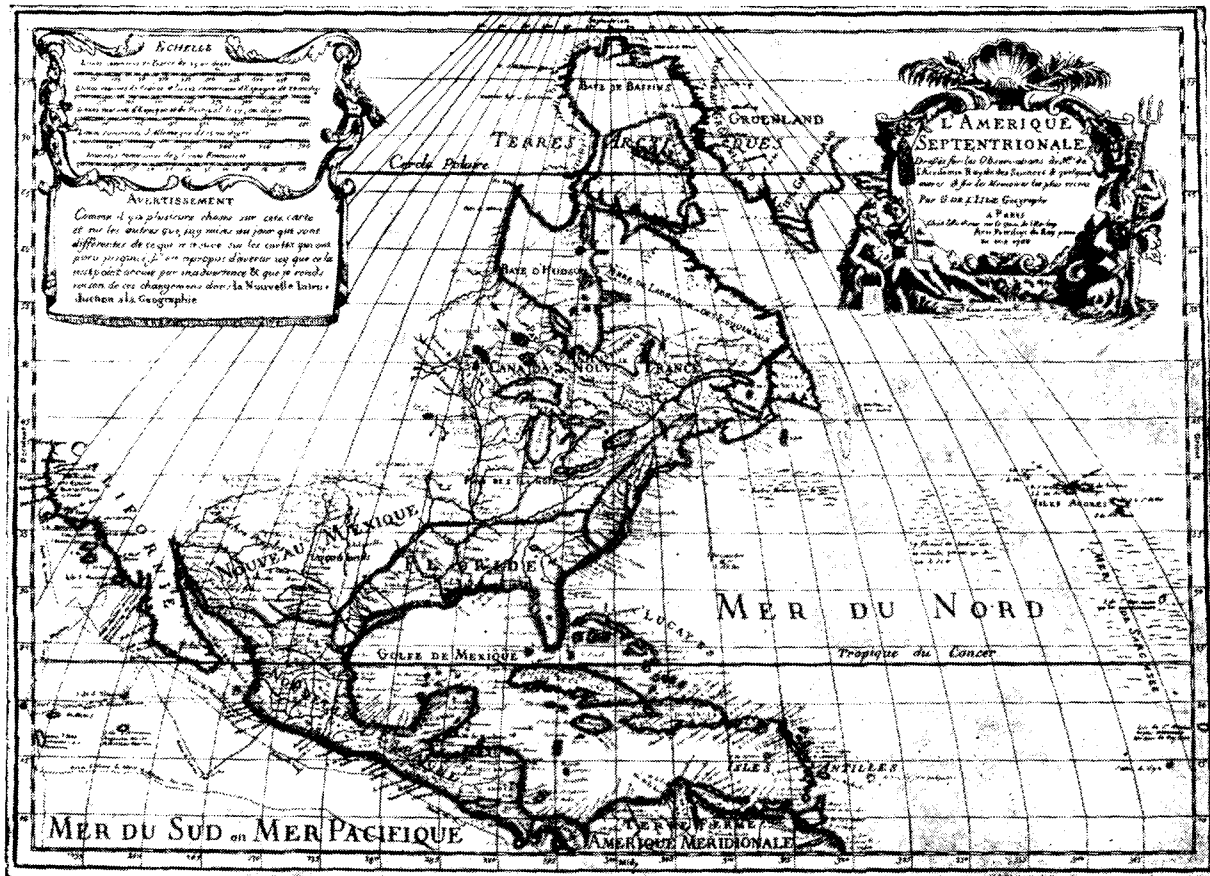
Сам Баренц во время плавания в Мурманском море неоднократно встречал там русских. Так, он нашел на Мутном мысе остатки русского поселения — кресты, пять гробов с костями умерших, три деревянных дома и т. п. Это остатки русского поселения семьи Строгановых, переселившихся из Новгорода на Новую Землю при Иване Грозном по политическим мотивам⁴². До Баренца в Мурманском море были другие иностранцы, но все они встречали русских. Так, Стифен Берро, англичанин, встретил в 1556 г. у Кольского полуострова 30 русских парусных судов (лодий) и отмечал, что русские лоды обгоняли его корабль. В трудные минуты Берро выручали русские мореходы — холмогорец Лошак, попovich Гаврило и др. А немного позже в Мезенском заливе Яков Персон, побывавший на Мурмане, сообщил, что в 1580 г. у берегов Ледовитого океана производили ловлю рыбы 7426 лодок из России.

В XVI в. русские регулярно промышляли на Новой Земле, как об этом говорит, например, документ, опубликованный Перчасом и относящийся к 1584 г., где сказано: «холмогорцы ездят на Новую Землю ежегодно».

Русские открытия в Сибири и в Ледовитом океане лежали в основе развития западноевропейской географической науки о Сибири и Северо-Западной Америке. О тех местах, где не были русские, западноевропейские географы и картографы не могли сказать ничего определенного. Но мысль о том, что плавание вокруг севера Сибири возможно, все больше утверждалась в Западной Европе под влиянием сведений, шедших из России. Гастальди назвал пролив, отделяющий Азию от Америки, «Аниан». Имеется

Америка в Атласе мира Ортелия
(R. M. Lunny, Early maps of North America. Newark, 1961)

Северная Америка в Атласе Гийома де Лилля
 (R. M. Lunny. Early maps of North America. Newark, 1961)

карта Гастальди 1561 г., на которой Аниан появляется примерно у 50° дальневосточной части Азии. На карте Зальтерио 1566 г., составленной под влиянием Гастальди, также показан Анианский пролив. По вопросу о происхождении названия «Анианский пролив» существует много гипотез, но этот вопрос принадлежит к числу тех, которые не получили в науке удовлетворительного разрешения.

-
- ¹ «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей» под ред. М. П. Алексеева, ч. I. Иркутск, 1932; ч. II, 1936; В. А. Кордр. Материалы по истории русской картографии, сер. 2, вып. 1. Киев, 1906; F. G. Kramp. Remarkable Maps of the XV, XVI and XVII Centuries. Amsterdam, 1897, pt. IV, pl. I; F. Wiedler. Monumenta cartographica, III. Hague, 1929; Gaston Cahen. Les Cartes de la Sibirie au XVIII siècle, Paris, 1911; Henry R. Wagner. The Cartography of the Northwest Coast of America to the Year 1800, vol. I, II. Berkeley, California, 1937; Laurence C. Wroth. The Early Cartography of the Pacific. «The Papers to the Bibliographical Society of America», vol. 38, N 2, 1944, Portland.
- ² «Памятники сибирской истории XVIII века». СПб., ч. I, 1882; ч. II, 1885.
- ³ А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. I. СПб., 1860, стр. 29.
- ⁴ «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», ч. I, стр. 29.
- ⁵ Там же, стр. XXVII.
- ⁶ Интересно, что, как сообщил в 1723 г. китайский историк Ту Ли-шен, в Китае полагали, что сибирские мамонты бродят под землей в огромных пещерах, но как только их касается свежий воздух с поверхности земли, они мгновенно погибают. Эта версия вообще была широко распространена на Востоке.
- ⁷ Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 132.
- ⁸ «Летопись севера». М., 1949.
- ⁹ «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», ч. I, стр. 17.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Henry R. Wagner. Op. cit., v. I, p. 4.
- ¹³ Д. Н. Ануцин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. «Труды Московского археологического общества», т. XIV. М., 1890, стр. 295—296.
- ¹⁴ Например, в издании географии Птолемея Гастальди 1546 г., Меркатора 1569 г., Ортелия, Блавиа и др. (см.: А. Э. Норденшельд. Первая карта Северной Азии, основанная на действительных наблюдениях. Пер. со шведского. «Записки военно-топографического отдела Главного штаба», т. XIV. СПб., 1889).
- ¹⁵ Карты Novus orbis 1532 г. и карта Мюнстера в различных изданиях атласа Птолемея 1540—1555 гг.—переход к последнему типу. Наиболее ярко эта вторая тенденция отражена на карте 1566 г. венецианца Зальтерио.
- ¹⁶ «Allgemeine Geographie von Konrad Kretschmer. Hermann Lautensach und and.» Theil I. Potsdam, 1933, S. 17.
- ¹⁷ Л. Багров. История географической карты. Пг., 1917, стр. 21.
- ¹⁸ Там же, стр. 21.
- ¹⁹ См. Henry R. Wagner. Op. cit., vol. 2, p. 273.
- ²⁰ Георгий Сидери. Карта Америки и части Африки, 1563 г. «Allgemeine Geographie...», S. 17. Карта мира на двух полушариях, 2 карты из рукописно-

го атласа в составе 10 карт. Датирована 21 августа 1563 г. Воспроизведено Кретчмэром. Оригинал находится в «Атласе к открытию Америки» в Венеции (Марсиана КЛ 4 код. 148).

- ²¹ *Henry R. Wagner*. Op. cit., vol. 1, p. 53.
- ²² Карта включена в атлас, хранящийся в Венеции (1554 г.) и в Монпелье (год неизвестен). Она воспроизведена по Л. Багрову («История географической карты», стр. 27). Подробнее о Баптисте Аньезе см.: *H. D. Michow*. Die Ältesten Karten von Russland. Hamburg, 1884). Этот труд в основном посвящен рассмотрению карт Себастьяна Мюнстера (1544 г.), Антона Вида (1555 г.) и Баптиста Аньезе (1553 г.). У Михова можно найти текст сообщения Павла Иовия (на латинском языке).
- ²³ «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», ч. 1, стр. 97.
- ²⁴ «Переписка пап с российскими государями в XVI в., найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке». СПб., 1834, стр. 101. Данное сообщение основывается на Никоновской летописи, VI, 227.
- ²⁵ *Павел Иовий Новакомский*. Книга о Московитских делах. СПб., 1908, стр. 262.
- ²⁶ *В. А. Кордт*. Материалы по истории русской картографии, сер. 2, вып. 1. Киев, 1906, табл. V. Поскольку в 1518 г. Рамузий, опубликовал сведения, полученные им от русского дипломата (Герасимова?) о том, что, едучи Ледовитым океаном на восток, можно пройти и в Китай (см. также: *М. С. Боднарский*. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947), имеются все основания думать, что Меркатор пользовался сведениями, взятыми из русских источников.
- ²⁷ *Л. Багров*. Указ. соч., стр. 28.
- ²⁸ Сигизмунд Герберштейн побывал в России в качестве посла императора Максимилиана в 1516—1518 гг. и в 1526—1527 гг.
- ²⁹ «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», ч. 1, стр. 158.
- ³⁰ *Л. С. Берг*. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, стр. 306.
- ³¹ «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», ч. 1, стр. 214.
- ³² Там же, стр. 234.
- ³³ Это же слово встречается в русской рукописи (датируемой приблизительно 1611—1616 гг.), привезенной английским агентом «Московской компании» в Россию из Англии и переведенной на английский язык. Переводчик ее Финч пишет: «seelahee, которые живут за «булаками», на Крайнем Севере Сибири» («Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», ч. 1, стр. 232).
- ³⁴ Карта Массы воспроизведена В. А. Кордтом («Материалы по истории русской картографии, табл. XIII).
- ³⁵ «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», ч. 1, стр. 261.
- ³⁶ «Методическое пособие по истории средних веков». М., 1948.
- ³⁷ По мнению В. Ю. Визе, впервые в 1853 г. на карте, опубликованной А. Петерманом (*В. Ю. Визе*. Моря Советской Арктики. М., 1948, стр. 31).
- ³⁸ *М. С. Боднарский*. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947, стр. 18.
- ³⁹ Там же, стр. 19.
- ⁴⁰ *В. Ю. Визе*. Моря Советской Арктики, стр. 79.
- ⁴¹ *М. С. Боднарский*. Очерки по истории русского землеведения. М., 1948, стр. 21.
- ⁴² См.: «Плавание Баренца и де Фера». Л., 1936, стр. 70.

ВЕЛИКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ
СЕМЕНА ДЕЖНЕВА И ЕГО СПУТНИКОВ

*М*ногочисленные попытки иностранцев в XVI—XVII вв. узнать, что находится на северо-востоке Азии, не дали результатов. Лишь укрепление России, рост и успехи ее самостоятельной культуры обеспечили решение проблемы.

В XVI—XVII вв. происходит процесс быстрого освоения Россией новой огромной территории на востоке, причем, как уже отмечалось в исторической литературе, сибирские казаки и промышленники прошли через всю Сибирь от Урала до Тихого океана в 60 лет, в то время как европейцам, встречавшим сопротивление местного населения, для того чтобы освоить территорию Северной Америки от Атлантического до Тихого океана понадобилось около 350 лет.

Расширение сведений о востоке Азии было связано с ходом освоения Сибири.

Инициатива движения в сторону Восточной Сибири и прилегающих островов принадлежала не только центральной власти, но и сибирским промышленникам и служилым людям. Частично же поток переселенцев в Сибирь состоял из крестьян, уходивших от гнета помещиков-крепостников и крепостнического государства.

Имея поддержку пермских купцов-промышленников Строгановых, донской казак Ермак Тимофеев, перейдя через Уральский хребет, завоевал в 1582 г. татарский город Сибирь и покорил обширнейшую область на востоке, носившую то же название.

Продвижение России на восток было подготовлено огромным расширением границ России за предыдущие 30 лет.

В 1552 г. была взята Казань, в 1554—1556 гг. — Астрахань. Россия при Иване Грозном получила доступ к Каспийскому морю, а вместе с тем и возможность сношений с Индией и Китаем.

Несомненно, что это обстоятельство ускорило продвижение в Сибирь.

Закрепившись на юге и на востоке, Иван Грозный направил главные свои усилия на приобретение выходов к балтийскому побережью, ведя с 1558 г. войну в Ливонии. Однако эта война непосредственно не привела к возвращению издревле принадлежащих России земель в Прибалтике. И только при Петре I русское государство получило выход на Балтийское море.

Победы на западе обеспечили возможность прочного освоения восточных земель и продвижения на восток. Однако начало этого движения относится еще к XVI и XVII вв.

300 лет назад не было известно, что находится на крайнем северо-востоке Азии. В 1648 г. Дежнев, Попов и их спутники, как полагают, всего 90—105 человек, на семи кочах¹ вышли в поход с Колымы и обогнули Азиатский материк с северо-востока, пройдя из «Ледоватого» океана в Тихий; они прошли знаменитый Анианский пролив. Об этом проливе были получены конкретные сведения, была доказана разделенность проливом Азиатского и Американского материков.

Дежнев сделал географическое открытие огромной важности. Это открытие имело не только научное, но и практическое значение.

Теперь после трехсотлетнего юбилея похода Дежнева мы можем подвести итоги научной разработки вопроса об этой экспедиции, используя и новые материалы.

Если говорить об исследовательской работе по этому вопросу в дореволюционный период, то наиболее крупным событием в этой области явилось опубликование работы Г. Ф. Миллера, который в 1736 г. нашел отписки и челобитные Дежнева в Якутском архиве и сообщил ученому миру и широким кругам обществу об этом походе. Правда, Миллер дал очень примитивный анализ найденного им материала. Полностью значение этого похода им не было оценено, но, во всяком случае, его работа представляет до сих пор интерес. Историк Сибири Словцов в 1838 г. пришел к выводу, что Дежнев не совершил морского похода кругом севера Азии. Это ненаучное, неправильное заключение Словцова было через много лет подхвачено американским географом Франком А. Голдером, который в своих работах, изданных в первой четверти XX в., стал отвергать факт похода Дежнева морем вокруг северо-восточной оконечности Азиатского материка.

В 90-х годах прошлого столетия впервые появились публикации документов о Дежневе Н. Н. Оглоблина. Сейчас от использования этих публикаций лучше воздержаться, настолько много в них искажений. Однако статьи Н. Н. Оглоблина — фактографические, лишённые обобщений, представляют известную ценность по своему материалу.

По существу изучение проблемы начато советской исторической наукой.

Большой вклад в изучение вопроса сделал Л. С. Берг. После его работы уже нет нужды доказывать, что Дежнев совершил поход через Анианский пролив, теперь носящий название Берингова. Л. С. Берг, проанализировав все имеющиеся сведения, хотя и допустил некоторые неточности, но убедительно доказал, что Дежнев совершил поход вокруг северо-востока Азии.

После исследования Л. С. Берга эта проблема в науке снята. Однако остались споры относительно того, знали ли современники Дежнева, что он прошел Берингов пролив, и знали ли об этом в последующие десятилетия. Есть данные, которые говорят, что об этом знали. Эти сведения несомненно отразились на общей идее карты Сибири, составленной «тщанием» тобольского воеводы стольника П. И. Годунова, родственника царя Бориса Годунова. На карте Петра Годунова морской путь вокруг севера Азии показан свободным. Есть много других данных, которые говорят, что об этом походе знали. В частности, работая в архивах, мы нашли дополнительные известия о том, что население северо-восточной части Азии помнило о походе Дежнева. Аналогичные материалы недавно опубликовал С. И. Баскин.

Но отмечая, что о походе Дежнева многие знали, все же, придерживаясь строгой исторической объективности, приходится признать, что в конце XVII и особенно в начале XVIII в. об этом походе стали забывать. Новые попытки пройти вокруг севера Азии оказались неудачными. Картография это отразила. Показательное, решающее значение имеют карты С. У. Ремезова, крупнейшего картографа XVII—начала XVIII в.

Это никоим образом не колеблет нашего вывода об огромном историческом значении открытия Дежнева и о большом его влиянии на ход исторического процесса.

Вернемся теперь к работам советских историков о Дежневе. Большой вклад в науку внесли работы С. В. Бахрушина о сибирской торговле и служилых людях XVII в.² Исследователь не может пройти мимо полезной книги В. А. Самойлова «Семен Дежнев и его время», вышедшей в 1937 г. Однако новые материалы в ней не привлечены. Такой же характер носит и книга С. Н. Маркова «Подвиг Семена Дежнева», изданная в 1947 г.

В новом издании «Люди русской науки» под редакцией академика С. И. Вавилова есть статья проф. М. Г. Кадека о Дежневе. Однако эта интересная статья отражает уже пройденный в науке этап. О Дежневе писали и делали доклады Л. С. Берг, Б. П. Орлов, В. Ю. Визе, Д. М. Лебедев, А. И. Андреев, Н. Н. Зубов, С. И. Баскин и другие авторы в порядке отдельных экскурсов. Специальным же исследованием данной проблемы в Ленинграде, в Арктическом институте, занимался М. И. Белов, кото-

рый опубликовал в 1948 г. книгу «Семен Дежнев». Ее автор работал в архивах Москвы и Ленинграда, нашел интересные документы, проанализировал и опубликовал их. Автор этой книги поддерживает мысль о том, что поход Дежнева — не случайная удача смелого сибирского казака, не его индивидуальное предприятие, а частица мощного миграционного движения, частица северного потока, который с огромной силой пробивался на восток по северному краю Азиатского материка.

В работах М. И. Белова привлечены новые документы, которые помогают уточнить ряд моментов биографии Дежнева. Весьма ценны некоторые неопубликованные новые документы о подготовке походов Дежнева, как первого, так и второго.

Историю географических открытий, как и историю любых культурных достижений, мы не можем рассматривать вне их классового содержания. Надо четко сказать, что дает право Дежневу, Атласову, Козыревскому и Шелихову на благодарную память, в чем их заслуги.

Мы признаем известное прогрессивное содержание процесса капиталистического развития, имевшего свои исторические предпосылки. Мы не забываем при этом, что прогресс в обществе с антагонистическими классами идет через усиление угнетения народных масс и через усиление классовой борьбы. Мы помним, как резко Маркс обличал первоначальное накопление.

Своими походами землепроходцы способствовали расширению знаний человечества. Они не только достигли новых, неизведанных ранее мест на суше и на морях, они составили их описания и нанесли их на карты. В отписках, челобитных и «репортажах» русских землепроходцев и мореплавателей часто содержится и ценный этнографический материал.

Прежде всего поставим вопрос, проходил ли кто-либо путем Дежнева до него или Дежнев был первым.

Имеются сведения, что до Дежнева этот путь был уже пройден русскими. Приведем эти сведения. В первом русском литературном журнале, в издававшихся Академией наук «Ежемесячных сочинениях и переводах...» (т. III за 1769 г.), опубликована анонимная статья³, где говорится, что честь открытия островов и нового архипелага на Тихом океане принадлежит царю Ивану Васильевичу II (на самом деле II был Иван Иванович, а Иван Васильевич был IV), что он пожелал узнать о границах Сибири на севере и востоке, а также обо всех племенах, населяющих эти края. С этой целью была послана экспедиция, которая вернулась в царствование его сына Федора Ивановича. В документах старых сибирских архивов говорится в статье, имеются данные, которые указывают, что эта экспедиция сделала важное открытие в Арктике. Она прошла морем к Чукотскому мысу и достигла берегов Камчатки. Затем наступило смутное время. В течение правления узурпатора Бориса Годунова,

а затем при Самозванце сделалось невозможным послать новую экспедицию. О многих открытиях забыли⁴.

Наконец сообщаются еще сведения весьма общего характера о том, что Иван Грозный был заинтересован в открытии северного пути в Китай, но это указание ни в коей мере не может служить для опровержения приоритета открытия Дежнева.

Общий вывод анонимной статьи: в сибирских архивах есть сведения, что Берингов пролив был пройден русской экспедицией до Дежнева. Но документов, подтверждающих эти данные, нет. Мы зарегистрировали эти данные, но принимать их за бесспорные не можем.

Имеется еще другое сведение по данному вопросу. В России в 1852 г. по оригиналу, а в США в 1934 г. по копии было опубликовано письмо настоятелю Валаамского монастыря от миссионера этого монастыря Германа, который прибыл на Аляску в 1794 г. Прибыв туда, Герман получил известие, что на Аляске живут русские.

Эти русские якобы при царе Иване Грозном бежали от его гнева в 1571 г. из Новгородской земли и поселились на Аляске⁵. Но никаких достаточных оснований признать это известие за бесспорное свидетельство, что путь через Берингов пролив был пройден до Дежнева, мы не можем.

В юбилейный период, связанный с трехсотлетием похода Дежнева, найдены различные документы о семье Дежнева.

Семен Дежнев был женат на местной «женке», звали ее Абакай. У него был сын, казак, который впоследствии участвовал в походе Атласова.

Известно, что сам Дежнев, будучи в Москве после похода, в виде особой милости просил царя дать разрешение опустить с ним в поход его племянника с женой. В челобитной Дежнева говорится, что племянник его — Ивашко Иванов — живет на Устье Великом «...ни в тягле, ни в посаде — скитаецца меж двор и с женою своею Татьянкою Григорьевою дочерью...» Следовательно, племянник Дежнева не был крепостным, а был вольным человеком. Если только Дежнев происходит из тех же мест, где жил его племянник и где сейчас живут его сородичи Дежневы (в 50 км от Великого Устья), то Дежнев не посадский человек, а крестьянин, лично свободный, «от скудости своей» переселившийся на новые земли, в Сибирь.

Относительно имущественного положения Дежнева в дальнейшем нет полного единодушия. М. И. Белов считает, что Дежнев — бедняк, а Н. Н. Зубов считает его богачом. Когда в Москве надо было выдать Дежневу жалованье за 19 лет, то пришлось получить царское разрешение. Казаку причиталось 128 руб., 1 алтын, 4 деньги. Получил Дежнев в Москве за 19 лет службы 126 руб., 6 алтын, 4 деньги, да сукнами «две половинки темновишневых, да половинка светлозелена»⁶.

Можно ли считать, что сумма, выплаченная Дежневу, была столь велика, что царская казна испытывала затруднения при выплате ее, а Дежнев, получив ее, стал богачом? Нет. Выплата рядовому казаку Дежневу жалованья за 19 лет была для казны Русского государства малоощутимой операцией. Затруднение возникло вследствие того, что платить надо было за 19 лет назад, а это был редкий случай. Поэтому понадобилось царское разрешение.

Наконец, такой факт: в 1661 г. в докладе околыничьего Р. М. Стрешнева на имя Алексея Михайловича указывается, что Дежнев с товарищами напромышляли «моржовой кости» (моржовых клыков), как тогда еще говорили — «рыбьего зуба», 230 пудов, по цене 60 руб. за пуд, на 13 800 руб., на колоссальную по тогдашнему времени сумму⁷. В отписке воеводы Якутского острога стольника Ивана Голенищева-Кутузова от 3 января 1664 г. упоминается, что за сданную Дежневым «рыбью кость» (моржовые клыки) ему выдано, по общему положению, процентное отчисление соболями 500 руб.⁸ Эта сумма является огромной, если учесть, что в XVII в. на Енисее и Лене можно было купить небольшое речное судно за 5 руб.

Дежнев по своему происхождению и по материальному положению никак не принадлежал к людям богатым. Разбогател Дежнев в последний период своей жизни (он умер в Москве, в 1672 или 1673 гг.)⁹.

Перейдем от моментов биографического порядка к основному вопросу — о характере и значении экспедиции Дежнева.

Прежде всего, на какую эпоху падает поход Дежнева? В 1618—1648 гг. в Западной Европе шла грандиозная тридцатилетняя война, кончившаяся поражением Габсбургской империи и Вестфальским миром. В Англии началась буржуазная революция. В первые годы революции Англия выключилась из активной внешней политики. Во Франции имели место почти одновременно народные движения в Париже и других городах и реакционный мятеж феодальной знати — фронда.

Русское государство на западе начало присоединение Украины. Внутри Русского государства основным фактом явилось завершение закрепощения крестьян, послужившее одной из причин переселенческого движения из центральных, особенно северных, областей Руси в Сибирь.

За короткое время со времени похода Ермака в Сибирь русские прошли весь Азиатский материк от Урала до Тихого океана.

Конечно, проникновение русоких в Сибирь началось задолго до похода Ермака. Новгородцы, как мы знаем, неоднократно бывали там еще в XI и XII вв. При Иване III русские совершили большой поход в Югорскую землю, на р. Обь, под предводительством Курбского, Черного и Салтыкова-Травнина. Но, как мы

указывали, только со времени похода Ермака (1581—1584) начинается массовое движение на Восток.

Во второй половине XVI в. русские плавали на Енисей. В 1600 г. князь Шаховской достиг Пясины. В первые годы XVII в. на р. Таз была построена первоначальная Мангазея¹⁰.

В начале XVII в. (до 1620 г.) русские промышленники дошли до Таймыра. Остатки их зимовки были найдены в 1941 г. и обследованы в 1945 г. экспедициями Главсевморпути. Таким образом, еще до Норденшельда эта область была достигнута русскими. Открытие данного поселения является одним из свидетельств о движении русских переселенцев на восток по северной окраине Азиатского континента.

Освоение Сибири поставило задачу ее географического описания. Мнения о дате составления первых карт в России расходятся. По одной версии первые карты России появились в 1462—1505 гг. при Иване III, деде Ивана Грозного. Другие относят появление первых карт ко времени Василия Ивановича IV (1505—1533) и считают, что затем, при Иване Грозном, эти карты были переписаны и дополнены¹¹. Маршрутные чертежи Сибири стали составлять с конца XVI в. Генеральный чертеж Сибири, составленный в России на основании правительственного указа в 1627 г., до нас не дошел (некоторые подвергают сомнению даже факт существования этого чертежа), но описание его («Роспись»), либо приложенное к нему, либо возникшее позже как самостоятельный документ, сохранилось.

Предполагают¹², что именно текстом этой «Росписи» является опубликованная А. Титовым «Роспись Сибирским городам и островам»¹³. В этой «Росписи» имеется упоминание о Мангазее. К сожалению, рукопись, опубликованная А. Титовым, обрывается на полуслове. Полностью ее текста найти до сих пор не удалось¹⁴. Таким образом, по частично опубликованному тексту нельзя сделать вывода о степени знакомства ее составителя или составителей с северо-востоком Сибири. Некоторый свет на этот вопрос проливает дополнительный и исправленный в 1627 г. текст описания к «Книге Большому чертежу». В этом описании из перечисленных рек самой восточной является Лена¹⁵.

В 20-х годах XVII в. до Лены добрались мангазейцы из Нижней Тунгуски через Чечуйский волок и Вилкой. В 1628 г. Василий Бугор опять побывал на «славной в свете и великой реке Лене»¹⁶.

В 1630 г. у Ленского волока возник Илимский острог.

В 1631 г. новый енисейский воевода Ждан Васильевич Кондырев отправил на Лену казачьего сотника Бекетова и поручил ему построить острог. Бекетов в 1632 г. поставил там Ленский (Якутский) острог на «месте, называемом Чуковым полем, тесном и низком, которое ежегодно топило вешнею водой»¹⁷. В 1642 г. острог, который в 1636 г. уже назывался городом, пере-

несли на другое место на 10 верст выше по Лене. Там построили острог с оградой в 333 сажени с пятью башнями. Внутри находились две церкви, воеводский дом, каменные амбары и другие строения. Острожками селившиеся в Восточной Сибири русские называли поселения местных жителей, часто укрепленные земляным валом и палисадом. В дальнейшем острожками или острогами стали называться и укрепленные русские поселения. При острогах имелась тюрьма для аманатов, т. е. заложников из числа местного населения. Слово «острог» в некоторых случаях стало служить для обозначения тюрьмы. Но в данный период острогами назывались эти укрепленные поселения.

В 1633 г. казаки Ребров и Илья Перфирьев, спустившись вниз по Лене, прошли морем до Яны, а через 3 года Ребров открыл устье Индигирки. Иван Ерастов и Дмитрий Михайлов (он же Зырян Ярило) прошли с Индигирки на Алазею морем, а в 1641 г. Михаил Стадухин с Оймякона поплыл вниз по Индигирке и достиг морем Колымы. Д. М. Лебедев считает, что трудно установить точную дату достижения Стадухиным Колымы, однако отмечает, что в 1643 или 1644 г. Стадухин уже поставил на Колыме зимовье¹⁸. Первым на Колыме был основан Средне-Колымский острог. В партии Стадухина находился и Семен Дежнев¹⁹.

Тихий океан впервые был достигнут русскими не на его северном участке, у Берингова пролива, а в южной его части — в Охотском море. Партия атамана Дмитрия Копылова, посланная в 1636 г. из Томска, в 1638 г. заложила в 100 верстах от устья Маи Бутальское зимовье. В 1638 г. оттуда отправилась «на Большое море — Окиян, по тунгусскому языку Ламу», партия под начальством Ивана Юрьева Москвитина, отделившаяся от Копылова. Отряд перешел с Алдана на Маю и Юдому и волоком достиг р. Ульи, причем Москвитин дошел до впадения Ульи в Охотское море, где прожил 2 года²⁰.

Первые карты побережья Охотского (Ламского) моря были составлены Курбатом Ивановым не позже 1642 г. на основании экспедиции Москвитина. Чертежи эти, по-видимому, погибли, но сведения о таком чертеже сохранились в челобитной Курбата Иванова от 1642 г.²¹

Стоило только передовикам из южного ответвления потока переселенцев достичь Тихого океана, как начались походы на Амур Пояркова (1643—1646) и Хабарова (1647—1651). Поярков составил подробное описание и чертеж Амура. Чертеж Амура привез и Хабаров.

Одно из ответвлений потока переселенцев направилось к северо-восточному краю Азиатского материка.

Документы говорят, что при весьма суровых климатических условиях Арктики поселенцы на Севере, используя богатейший в то время рыбный промысел, охоту на ценного пушного зверя,

обложение ясаком местного населения и весьма выгодную неэквивалентную торговлю с ним, обеспечивали себя всем необходимым, а некоторые из них имели и большую наживу.

Впереди этого потока переселенцев шли не крестьяне-хлеборобы, а промышленники и служилые люди. В этом авангарде переселенцев уже имелась значительная социальная дифференциация. Капиталы для этих предприятий давали обычно крупные купцы — москвичи, устюжане, курские купцы и т. п. Предприниматели не сами отправлялись в трудные, полные лишений походы, а посылали своих приказчиков, как, например, Федота или Василия Гусельниковых. У них были работники — беднота, «покручники», работавшие по найму, по договору. Наконец, немалую роль в этом людском потоке играли «гулящие люди», бежавшие от своих помещиков или от наказания царскими властями.

Перед служилыми, торговыми и промышленными людьми стояли цели «проведывания» и приобретения новых земель (и островов) с необложенным ранее данью населением, приведение их «под высокую и крепкую государеву руку», выполнение военно-стратегических задач (укрепление и расширение государственных границ) и экономическая задача сбора огромной по своей ценности дани — ценной пушнины, «рыбьего зуба» и т. п.

Однако трудно провести четкую грань между служилым и промышленным человеком²². Дежнев не получал жалованья 19 лет, снаряжался в путь на дальнюю реку (на Анадырь) на свой кошт. А вот сведение о другом служилом человеке, одно время близком к Дежневу, Юшко Селиверстове²³. Он, отправляясь на Анадырь, получил ссуду от воеводы Дмитрия Францбекова.

О масштабах торговых операций и операций по сбору ясака в Сибири свидетельствует то, что торговля с Сибирью в середине XVII в. давала треть доходов всей царской казны. Только в четырех городах, Мангазее, Томске, Енисейске, Туринске, как указывает В. А. Самойлов²⁴, в год знаменитого исторического похода Дежнева, в 1648 г., одной десятиной пошлины купцы заплатили 17 905 руб. Это означает, что только через эти города вывезено мехов на 179 тыс. руб., что равноценно примерно 3 млн. золотых руб.²⁵

Вот еще пример, свидетельствующий о больших масштабах операций купцов и промышленников на востоке Сибири. В июле 1642 г. была сделана «выпись» из таможенной книги Ленского острога, выданная участнику экспедиции Дежнева Федоту Алексееву, приказчику А. Усова, при отпуске его на реки Лену и Оленек для рыбной ловли и соболиного промысла²⁶. Из документа видно, что у служащих Усова было при отправлении в поход 700 пудов ржаной муки, медных котлов 4 пуда, 2 пуда олова, 20 фунтов одекуя (синего бисера), мелкого и большого, и еще 10 фунтов бисера, 100 аршин сукна, 350 сажень сетей невода, 100 аршин холста и другие товары, а всего у него было «хлебного запаса

и промышленного заводу и русково товару» по ленской таможенной оценке на 1025 руб., что при тогдашней стоимости золотых денег составляло значительную сумму. А это лишь один из нескольких приказчиков Усова. Сам же Усов — один из многих купцов, торговавших в Сибири. Как указывает С. В. Бахрушин, крупнейший знаток сибирской торговли, в своей статье «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае», у этого купца имелись агенты на Урале, в Мангазее, Енисейске, Якутске, Илиме, на Селенге, в Нерчинске и Китае, вплоть до Никанского царства, т. е. Южного Китая.

Как показывают материалы архивов, незадолго до похода Дежнева в Якутске и в Нижне-Колымском остроге производились огромные торговые операции, снаряжались большие экспедиции «промышленных людей». Один из документов характеризует в какой-то мере и всю экспедицию Дежнева. В 1638 или 1639 г. купец Василий Усов был на Устюге Великом «в таможенных и кабацких головах и у ямского дела»²⁷. В этом году он отпустил «в сибирские города с товаром для торговли» своих приказчиков колмогорца Федота Алексева сына Попова и устюжанина Луку Васильева сына Сиверова, дав Попову, как явствует из текста документа, кроме товаров, денег 3500 руб. Дальнейшая судьба этих приказчиков Усова такова: Лука Сиверов на ленском волоке заболел и постригся в монахи, а Федот Алексей Попов со всем имуществом, которое ему было доверено, «пошел на великую реку Лену, а с Лены пошел в неведущия земли, и вести про него лет с восьми и более не бывало».

Теперь же, пишет Усов, ему «ведомо учинилось», что тот Федот Попов «объявился в живых, а есть ли у него имущество или нет, неизвестно». Усов просит приказать Федоту Попову, когда он придет в Якутский острог, с имуществом явиться в Москву в Сибирский приказ, одновременно вызвав и его, Усова. Царь приказал, как только приказчик Усова выйдет на Лену, «у него животы переписать и перепечатать и дать его на поруки, что ему стать на Москве со всеми животами»²⁸.

Слух этот, как известно, оказался ложным. Федота Алексева уже не было в живых, он погиб. Но документ весьма интересен, так как из него мы узнаем, что у Федота Алексева Попова, отправившегося вместе с Дежневым в неведомые земли, было денег 3500 руб. и, кроме того, еще какое-то количество товара. Этот документ свидетельствует и о характере экспедиции Попова и Дежнева и вообще об огромном размахе торговых операций в Якутском и Нижне-Колымском острогах, где, между прочим, как говорят об этом архивные документы, в середине XVII в. торговали и «промышляли» десятки и сотни купцов или их приказчиков.

Вот еще один документ, говорящий о размахе мореплавания и плавания по сибирским рекам. В 1640 г. целовальники и слу-

жилые люди получали из Енисейского острога суда и материалы для их оборудования, что было связано со сменой целовальников. (Целовальник — целовавший крест, принесший присягу — сборщик пошлин при таможнях, дани и податей, хранитель денег, «мягкой рухляди» и другого ценного имущества, поступавшего в казну.) Там находились предназначенные для отправки на Лену 44 дощаника и шитика, 1507 аршин старого парусного холста, 5777 аршин нового холста, 2000 скоб судовых и т. п.²⁹

Как видно отсюда, во времена Дежнева применялись не ровдужные паруса, т. е. паруса из оленьих, бараньих или козьих шкур, а паруса из холста.

Раскопки Главсевморпути на Таймырском полуострове показывают, что наши сибирские мореходы еще в начале XVII в. пользовались компасами. Таким образом, нельзя считать сибирское мореходство отсталым.

О том, что поход Дежнева был не изолированным явлением, рассказывают многие документы. Так, 20 марта 1646 г. устюжане Стенька Евдокимов и Лучка Семенов обратились через якутского воеводу с просьбой к Алексею Михайловичу разрешить им построить коч пониже Ленского острога из леса, который они приискали. Воевода приказал: «Записать челобитье, а коч велеть делать». Таким образом, два устюжанина строили коч на Лене незадолго до похода Дежнева³⁰.

9 июня 1648 г. сын боярский Василий Власьев и целовальник Кирилка Коткин били челом якутским воеводам Василию Никитичу Пушкину, Петру Григорьевичу Стеншину и дьяку Кириллу Осиповичу Супоневу, донося о том, как они совершили походы с Лены на Колыму в 1647 г. Вниз по Лене они плыли 6 недель и «добегали» до «Чюркина розбоя», т. е. до того места, где разбился коч купца Чюркина. Но в море были противные ветры, и до Колымы им дойти не удалось из-за позднего времени и появления льда. 13 сентября они вместе с торговыми и промышленными людьми пошли на Яну и зазимовали на этой реке в Бекочи. В 1648 г. 23 марта «для поспешения государевы службы пошли на нартах на Индигирку реку, а с Индигирки на Алазею». В этом же документе говорится о походах промышленного человека Ивашки Григорьева Крохи на Индигирку, о походе служилого человека Томилко Ильина с Индигирки на Камень и о походах других промышленных и служилых людей. Как видно из этого документа, на сибирских реках к востоку от Лены в 1646—1648 гг. происходили весьма оживленные торговые операции.

7 марта 1646 г. Афанасий и Василий Федотовы (Федотовы — крупные купцы Гусельниковы, принимавшие участие в организации похода Дежнева) просили царского разрешения на постройку в Якутске, «где буде лес приищется, кочишко для соболиного промыслишку наемными людьми»³¹.

Воевода приказал записать челобитие и делать коч. Интересно, что в этом документе в качестве основы для организации собоино промысла указан наемный труд.

Чрезвычайный интерес представляет челобитная ленского служилого человека казака Герасима Анкидинова (его обычно ошибочно называют Анкиндиновым или Анкундиновым, но во всех документах его имя совершенно четко написано, как показано нами). Эта челобитная относится к 1648 г. Обращена она к царю Михаилу Федоровичу, и в ней, в частности, говорится следующее: «А в нынешнем же во 156 г. (т. е. от сотворения мира 7156 г. или 1648 г.— А. Е.) на ту ж новую реку на Анадырь ленской служивой человек Семен Иванов подал тебе государю челобитную»³². Нет никакого сомнения, что ленский служилый человек Семен Иванов — это Семен Иванов Дежнев; «...а прибыли,— стоит дальше в документе,— тот служимой человек явил тебе государю 5 сороков десять соболей». Это проливает свет на то, в каком качестве участвовал в историческом походе 1648 г. Семен Дежнев. Как известно, он был приглашен Федотом Алексеевым Поповым и другими промышленниками для организации похода, для его военной охраны, в качестве сборщика ясака и в качестве представителя сибирских властей. Но в то же время Дежнев, будучи, как и большинство служилых людей, одновременно и промышленником, просит дать ему право участвовать в промысле и за это обещает явить, т. е. представить, властям 210 соболей.

О взаимоотношениях Анкидинова и Дежнева писали много и по-разному. То Анкидинова называли помощником Дежнева, то его злейшим врагом и чуть ли не разбойником. Что Анкидинов был врагом Дежнева, это верно. Он был его соперником, как это видно хотя бы из данного документа. Известно, что, когда коч Анкидинова потерпел крушение, тот отказался перейти на коч Дежнева и предпочел присоединиться к Федоту Алексею Попову. Дежнев отвечал Анкидинову взаимной нелюбовью. Об этом можно судить хотя бы из одного обстоятельства, которое создало немало затруднений историкам. Во всех документах Дежнев говорит, что он шел в походе на шести кочах, причем слово шесть написано не цифрой, посредством одного буквенного обозначения, а полностью тремя буквами. Дежнев пишет, что он шел на «шти», т. е. шести, кочах. А между тем Миллер говорит о семи кочах Дежнева, и местные жители Сибири надолго запомнили семь кочей Дежнева, и во многих версиях и даже сказаниях говорится о семи кочах, обошедших «Чукотский нос». Зная теперь о взаимоотношениях Дежнева и Анкидинова, можно смело утверждать, что в экспедиции Дежнева — Попова — Анкидинова было семь кочей. Один из этих кочей принадлежал Анкидинову, но Дежнев, относившийся к нему крайне недружелюбно, не считал его участником своего похода, а полагал, что Анкидинов идет

отдельно, самостоятельно. Отсюда и повторяющееся утверждение Дежнева о том, что он шел на шести кочах³³.

Вернемся, однако, к общим условиям и событиям, связанным со снаряжением похода Дежнева.

В 1632 г. был основан Ленский острог. В 1633 г. казаки Ребров и Илья Перфирьев, спустившись по Лене, прошли морем до Яны, а через 3 года Ребров, Иван Ерастов и Дмитрий Михайлов открыли устье Индигирки.

В 1646 г. Исай Игнатьев из Мезени плывал на восток из устья Колымы и дошел до губы, населенной чукчами, «Чаунской» губы, и торговал «немым» способом с местными жителями. Игнатьев привез с собой моржовые клыки и резные изделия из кости.

В июне 1647 г. устюжский торговый человек, приказчик купца Усова Федот Алексеев Попов, и казак из Великого Устюга Семен Дежнев отправились на Анадырь на четырех кочах. Экспедиция эта отправилась, как объяснял Дежнев в челобитной царю Алексею Михайловичу, «для прииску новых неясачных людей», т. е. выполняя государственное задание и в то же время «для промыслу».

Попытки Дежнева, Попова и их спутников пробиться «на новую реку, на Анадырь», были безрезультатны. Путь преградили льды.

5 июня 1647 г. из Якутска на Колыму вторично отправился Михаил Стадухин, имея наказ ехать на р. «Погычу», построить там зимовье, «привести тамошний народ в ясашный платеж» и проведать о «предъявленном острове». Перезимовав на Яне, Стадухин построил на Индигирке коч и морем пошел на Колыму, где оставался до лета 1649 г. Между тем летом 1648 г. из Нижне-Колымска вышла в свой замечательный поход партия Дежнева — Попова на семи кочах.

Теперь перейдем к вопросу о том, ставил ли Дежнев перед собой какие-либо географические задачи. Во всех новых работах о Дежневе можно прочитать, что он никаких географических задач перед собой не ставил. Это неверно. Из описок Дежнева явствует, что он просил опустить его, чтобы проведать «новую реку Анадырь», и ставил себе в заслугу открытие этой реки. А то, что он не знал, какое великое открытие совершил, — это не ставит его в данном отношении ниже Колумба и Джованни Кабота, Бальбоа или Кортеса, которые тоже не представляли себе сущности своих географических открытий.

Какие же географические открытия сделали Дежнев и его спутники?

Они в 1648 г. прошли северным побережьем Сибири и открыли морской путь, обогнув северо-восточную оконечность Азии. Во время этого похода спутники Дежнева достигли, по-видимому, Камчатки, где, возможно, нашлись следы Федота Алексеева — одного из главных, наряду с Дежневым, организаторов экспедиции.

Таким образом, Дежнев не только прошел проливом между Азией и Америкой и доказал раздельность этих континентов, но, возможно, и открыл Камчатку (он или его спутники) или во всяком случае был одним из первых русоких на Камчатке. Мы не знаем точно конечного пункта похода Дежнева в 1648 г., известно только, что с юга на север до р. Анадыря он шел в продолжение 10 недель. Такая большая длительность пути отнюдь не исключает возможности того, что Дежнев и сам был на Камчатке. Однако точных сведений об этом не имеется. Что же касается того, что спутники Дежнева Федот Алексеев Попов и несколько его товарищей побывали на Камчатке, то это более вероятно.

Далее, Дежнев обогнул Чукотский полуостров. Таким образом, он открыл и описал в своих челобитных и отписках легендарный «Табин-Промонториум» (мыс Табин), о котором упоминали еще писатели древности, но который до того был лишь смелой умозрительной гипотезой. Казак из Великого Устюга, смелый русский мореход Семен Дежнев достиг этого легендарного мыса, уже переставшего быть легендой после его похода. Дежнев узнал, что полуостров населен чукотским народом.

Таким образом, Дежнев прошел Ледовитым океаном вдоль северной окраины Азиатского материка, открыл пролив между Азией и Америкой, открыл и описал Чукотский полуостров. Есть предположение, что его люди были на Камчатке. Дежнев оставил нам сведения о двух «Островах зубатых», т. е. Диомидовых островах, теперь называемых островами Ратманова и Крузенштерна. Эти острова находятся как раз в середине Берингова пролива, немного дальше чем в 40 км от азиатского и от американского берегов.

Не исключено, что часть экспедиции Дежнева открыла Северную Америку со стороны Тихого океана, достигла Аляски и основала там поселение, но с полной уверенностью этого утверждать мы не можем. Ведь могла быть какая-то другая русская экспедиция, о которой пока у нас нет никаких сведений.

Дойдя до Анадыря и поднявшись вверх по реке, Дежнев построил Анадырский острог³⁴.

Дежнев собрал интересные этнографические сведения. Он первый сообщил сведения о лежащих против мыса двух островках, на которых живут чукчи «зубатые»³⁵.

О том, что это за зубатые люди, можно прочитать в «Описании земли Камчатки» Крашенинникова, который отметил, что эскимосы, живущие на островах Диомиды и в Северной Америке, «за особое украшение почитают пронимать в разных местах на лице мочки, в которые вставляют разные камни и кости. Иные носят в ноздрях аспидные перья или грифели длиною около двух вершков; иные кость такой же величины, как под нижней губою, а иные во лбу такие же кости»³⁶.

Интересные данные «о зубатых», или «ротастых», эскимосах собрал полковник Плениснер, спустившийся в 1763 г. водою вниз по Анадырю. У устья р. Красной через сотника толмача Никиту Куркина Плениснер получил сведения, которые шли от «лучшего человека» чукчи Хехгигита. Оказывается, на двух островах, лежащих против Чукотского полуострова (островах Ратманова и Крузенштерна), живут люди — не чукчи сидячие или оленные, но «другого рода» (т. е. эскимосы). Далее следует описание костяных втулок у эскимосов с Диомидовых островов: «Самые лучшие их мужики и старшины имеют у себя для украшения их сделанные из моржовых зубов подле рта у нижней губы в прорезанных на обеих сторонах скважинах по одной плоской кости круглой, подобных запанкам, величиною, как прежде бывшие пятикопеечные медные, а иногда и против нынешних гривенников и пятикопеечников серебряных; и те кости они вдевают [в] помянутые скважины во время своего друг [к] другу приезда в гости или во время их жертвы (т. е. жертвоприношения. — А. Е.). По сему и называются зубатые; а когда начнут есть, то те кости из прорезанных скважин вынимают. А как наедаются, так в те же скважины вставляют»³⁷.

Летом 1649 г. на поиски р. «Погычи» на двух кочах отправился Стадухин. В документах название р. Погычи дается поразному, как Ковыча, Нандырь, Анандиерь, Андара, Онандырь. Первоначально Погычей называли какую-то восточную реку, относительно которой не было известно даже, впадает ли она в Северный Ледовитый или в Тихий океан. В дальнейшем Погычу стали отождествлять с р. Анадырь. Пройдя 7 дней морем и не получив известия об этой реке от местных жителей, он вернулся на Колыму, привезя некоторое количество «моржовой кости». В этот период от местных жителей были получены сведения о возможности пройти на Анадырь сухим путем. Эти сведения были связаны с походом Булдакова.

Г. Спасский сообщает об этом плавании, что «29 июня 1649 г. Булдаков приплыл в Ленское устье. Из-за льдин стоял там четыре недели» и т. д.

В этом рассказе интересно упоминание о том, что в устье Лены к Булдакову присоединились еще восемь кочей казаков и промышленников, а в Омолоевой губе он встретил еще четыре коча, которые шли с Колымы и Индигирки³⁸. В 1649 г. «в Якутске... получено было известие «от языческих народов», что до реки Анадыри скорее можно дойти сухим путем нежели морем, а посему некоторые охотники из промышленников и казаков запросили дозволения отправиться сухопутно на Анадырь с Колымы-реки. Главным у них был некто Семен Мотора»³⁹. Таким образом, местные жители показали якутским казакам и промышленникам сухопутный путь на Анадырь. Спасский рассказывает, что Семен Мотора 28 марта 1650 г. пришел в верховье р. Анюя,

захватил там несколько ходыньских жителей и велел им показывать дорогу на Анадырь. С их помощью Мотора прибыл туда 23 апреля в стан к Дежневу. Что же касается Стадухина, то он начал путешествие морем, но дальнейший путь совершил по сухопутью.

Для понимания истории похода Дежнева надо проследить, когда и как были получены первые сведения о Чукотском полуострове, в частности о р. «Погыче» (Анадыре) и о населении Чукотского полуострова. Отметим, что в 40-х годах XVII в. чукчи если не жили, то бывали в устье Колымы.

9 декабря 1641 г. якутский воевода П. Головин сообщил в Сибирский приказ о походах Постника Иванова и Анички Никитина на реки Яну и Индигирку и о плавании по морю Прова Лазарева и Елисея Бузы для поисков реки к востоку от устья Лены. В этой отписке сообщается, что по Индигирке, на юкагирской земле, есть серебро, но где именно — неизвестно. О плавании Прова Лазарева и Елисея Бузы сказано, что они вышли из устья Лены и пошли морем на восток для проводывания «Ламы реки» и иных «падучих рек в море» (т. е. впадающих в море) и «для проводыванья новых неясчных землиц и ясачного сбору»⁴⁰.

Плавание Лазарева не позже 1641 г. с намерением попасть морем из устья Лены на Ламу, несомненно, связывается с историческим походом Дежнева, как одно из его предшествий.

В 1641—1642 гг. казаки получили известие, что на р. «Нелогге», или «Нерогге», к востоку от Колымы, есть серебро. По тем временам это было сведением первостепенной важности.

В 1641 или 1642 г. Михаил Стадухин побывал на р. Охоте. Андрей Горелый, служилый человек Ленского острога, посланный в Москву с соболиной казной, показал, что он в 150 г. (т. е. в 1642 г.) вместе с Михаилом Стадухиным и еще 15 людьми через горы отправился «коньми на Омокон реку, а Собачья тож». На Омоконе поставили острожек, были на р. Охоте, «а по той де Охоте реки соболя и всякого зверя много и реки рыбные, через они тое реку на лошадях бродили, и едва лошади в той рыбе перебрели. А река быстрая и тою де быстредью рыбы убивает и на берег выметывает много, и по берегу той рыбы, что дров лежит»⁴¹. Эти материалы представляют несомненный интерес.

Иван Ерастов (Вельков, Родионов сын), один из виднейших первооткрывателей новых земель и морских просторов в Сибири и на Ледовитом океане, красноярский казак, впоследствии якутский «сын боярский», участник первых походов по рекам Индигирке, Яне, Колыме в 40-х годах XVII в., в челобитной от 17 июля 1646 г., написанной с товарищами в Якутскую приказную избу (вместе с енисейскими, как и Дежнев, казаками Федором Алексеевым Чюкичевым, Терентием Алексеевым и Афанасьем Степановым), показал, что в 1641 г. он получил сведения от индигирских князьцов Уянды и Чичина, брата Нягилбы, что вниз по Ин-

дигирке «у тундр лесов живут юкагири». На основе этих сведений Ерастов и его товарищи с Дмитрием Михайловым (Зырян Ерила, енисейский казак), а всего 15 человек, совершили поход к олюбенским юкагирам. Представляет огромный интерес то, что на Алазее Иван Ерастов встретил в 1641/42 г. чукчей. По Алазее Зырян, Ерастов и другие дошли до лесных мест и поставили зимовье и острог на краю тундры. Весной в 1643 г. Чюкичев и Терентий Алексеев вернулись в коче морем в Ленский острог, а Ивана Ерастова Дмитрий Михайлов Зырян послал из алазейского ясачного зимовья зимой через гору вместе с Поспелкою Кузьминым назад на Индигирку, чтобы оттуда переслать отписку в Ленский острог и проверить положение в Индигирском зимовье.

Интересно, что Ерастов и Зырян, встречаясь с местными жителями Сибири, подробно расспрашивали их не только о племенах и родах, но и персонально о князьках, об их родственниках и т. п. Встретив представителей нового для них народа — чукчей — и вступив с ними в переговоры, казаки расспрашивали их об обитаемой ими земле, о реках, есть ли соболы и т. п. Таким образом, в 1642—1643 гг. опытные и умевшие методически собирать сведения казаки, оба выдающиеся первооткрыватели восточносибирских рек и земель, Ерастов и Зырян, собрали сведения о Чукотской земле («Челобитная красноярского казака Ивана Ерастова с товарищами»).

Эта первая встреча казаков с чукчами в 1643 г. тоже связана непосредственно с историей похода и открытий Семена Дежнева как один из этапов движения на Восток.

В 1644 г. были получены новые сведения о серебряной руде, а также о жемчуге.

29 сентября 1644 г. ленский служилый человек Лавр Григорьев и Иван Ерастов сообщили о сведениях, полученных от колымского князька аманата Порочи о северо-восточных сибирских реках и о серебряной руде.

Из этого документа явствует, что в 1644 г. Дмитрий Михайлов Зырян Ерило находился на Колыме.

В этом же документе Иван Ерастов и Лавр Григорьев рассказали, что от р. «Налог» (это все та же «Нерога», или «Нелога») «от вершины пошла река Чюндона, а впала де та река Чюндона близко моря в Ковыму реку»⁴². На этой р. «Нелог» живут устья юкагиры (на «Чюндоне»). Как известно, р. Чендон (в документах того времени — Чюндон, Чандон, Чолдон) впадает не в р. Колыму, а в Охотское море, в северной его части. Однако важно, что в 1644 г. уже появились известия, что где-то около Колымы имеется р. Чендон.

В отписке П. Головина сообщается, что енисейский служилый человек Пров Лазарев ходил с енисейским десятником Елисеем Бузою «для проведывания Ламы реки и иных падучих рек в море и для проведывания новых неясачных землиц и ясачного сбора»⁴³.

Дальше говорится, что Елисей Буза и Пров Лазарев прошли до устья р. Янги, а затем шли морем две недели. Исключительный интерес представляет сведение о том, что, как сообщается в отписке от 9 декабря 1641 г., Елисей Буза из устья Янги отправился морем к устью Ламы, т. е. р. Охоты, имея сведения, очевидно, что Охота впадает в Северный Ледовитый океан, а возможно, даже и не имея точных сведений о том, куда же именно она впадает, но представляя, что из устья Янги можно морем проплыть до р. Охоты. Отметим, что есть две реки Яны. Одна впадает в Северный Ледовитый океан, другая — в Охотское море; но Янги ни на новых, ни на старых картах нет. Несомненно, что под Янгой подразумевается именно Яна. В 1633 г. Иван Ребров подал в Жиганске челобитную о разрешении идти «в новое место морем на Янгу реку», причем Л. С. Берг, цитируя это место, после слова Янга ставит в скобках Яна. В челобитной 1639 г., на которую также ссылается Л. С. Берг, Ребров сообщает, что с Янги он отправился по морю на новую сторону — на «Индибирскую реку», «а Собачья тож», «а преж меня,— говорит Ребров,— в тех тяжелых службах на Янге и на Собачьей не бывал никто...»⁴⁴

Это окончательно убеждает исследователей в том, что под Янгой подразумевается Яна, впадающая в Северный Ледовитый океан.

Отписка целовальника П. Новоселова, не ранее 9 сентября 1647 г., свидетельствует об оживленной навигации между Якутским и Колымским острогами летом того года. Новоселов на двух кочах отправился из Колымы еще в 1646 г. и из-за мороза зазимовал на Лене в Жиганах на Красном Песке. В государственной казне, которую он вез, было свыше 3,5 тыс. соболей. На Лене у нижнего столба 10 августа Новоселов видел беглых служилых людей — Ивана Реткина с товарищами. А 19 августа там же был коч сына боярского Василия Власьева и торговых и промышленных людей.

15-го же августа мимо нижних столбов прошло два коча на Оленёк с Козьмою Лошаковым⁴⁶.

26 апреля 1647 г. в Якутском остроге служилый человек Михайло Стадухин, который 23 ноября 1645 г. пришел с «товарищы» с Колымы, «в расспросе» сказал, что за Колымой на р. Чукче, впадающей в море, живут «иноземцы», называющие себя чукчи. У Стадухина жила «женка» Калиба, которая прожила у чукчей 3 года. Она рассказывала, что против Колымы есть остров, далеко тянущийся на восток, — этот же остров есть Новая Земля, куда ходят из Поморья с Мезени, и что чукчи переезжают на него на оленях зимой в один день, убивают «морского зверя» (моржа), привозят к себе моржовые головы со всеми зубами и молятся этим головам. Сам Стадухин этого «моржового зуба» не видал, а промышленные люди говорили ему, что они видели у чукчей этот «моржовый зуб» и что все кольца у саней, запря-

женных оленями, сделаны только из него. Но соболеи у этих чукчей нет, так как они живут у моря на тундре. От Колымы до «Погычи» под парусом в хорошую погоду надо идти трое суток и больше. «Река эта большая, и на ней есть соболи добрые»⁴⁶.

В следующем документе имеются сведения, собранные Ерастовым.

10 января 1646 г. якутские воеводы В. Н. Пушкин, К. О. Сунев и дьяк Петр Стеншин писали царю, что в 1646 г. 1 июня они приехали из Тобольска в Якутский острог с 50 служилыми людьми и нашли в Якутске 5 детей боярских да 395 служилых людей, 6 человек духовенства, 2 толмачей, 2 кузнецов.

В этой же отписке сообщается, что Ивашка Ерастов с товарищами, всего 40 человек, «отвели ныне новую землю: вышед из Ленского устья, итить морем в правую сторону под восток за Яну и за Собачью, и за Олозейку, за Ковыму реки — новую Погычу реку», в которую впади другие реки по сторонам. И на этой «Погыче», «и по иным сторонным рекам живут многие иноземцы разных родов, неясачные люди, а ясаку никому нигде не платят, и наперед де, государь, сего и по се число на той реке русских людей никою не бывало. А соболь де у них самой доброй, черной». Воеводы просили разрешение дать казакам на 2 года жалованья и отпустить на ту реку «для привода под государеву руку» неясачных людей и сообщили, что без царского указа, поскольку все должности замещены, они «сверх оклада взять новых людей, дать им жалованье и отпустить на новую реку Погычу не посмели». Однако в том же документе (на 42-м листе) в противоречие тому, что было сказано раньше, говорится: «Да твои же, государевы, служилые люди, которые ныне в те дальние сторонние реки Леной рекою на море, а из Ленского устья вышед морем на правую сторону под восток посланы на Собачью, а на Индирку тож, и на Ковыму реки, и на Погычу»⁴⁷.

Таким образом, вопреки предыдущему сведению, здесь говорится, что в 1646 г. на «Погычу» воеводы уже послали морем каких-то служилых людей. Документы свидетельствуют, что в том же 1646 г. 37 казаков во главе с Ерастовым снарядили два коча для плавания на р. «Погычу», но о самом этом плавании сведений мы не имеем.

В 1647 г. 5 июля в наказной памяти Василию Власьеву говорится: «за хрелтом, за Камнем, есть большая река Ковыча, а лесу де на ней мало, а люди де на ней аленные живут многие, и по той де реке соболи есть же, а корм на Ковыме рыба, а да плавн, живут оленные и сохатых много ж»⁴⁸.

В 1647 г. среди служилых, промышленных и «гулящих» людей Якутского острога созрел план идти на «новую реку Погычу».

Из-за этого вопроса возник конфликт с воеводами.

Поход Дежнева историками непосредственно не связывался с классовой борьбой в Сибири. А между тем связь была прямая, и этот момент весьма важен.

18 апреля 1646 г. служилые люди Якутского острога пятидесятник Курбат Иванов, десятники и рядовые в числе 400 человек писали, что в 1639 г. их послали на Лену из Березова и из Енисейского острога на службу вместе с воеводами Петром Петровичем Головиным, Матвеем Богдановичем Глебовым и дьяком Ефимом Филатовым. Челобитчики писали о своей службе на р. Лене и по иным «сторонним рекам» в острожках и по ясачным зимовьям. Службы эти зимние и летние, конные и струговые, нартные и лыжные. Лошадей, лыжи и нарты приходилось покупать по дорогой цене, делая большие долги у торговых людей. Служилые люди жалуются, что им приходится голодать и есть траву, сосновую кору, корни и всякую скверну принимать (за нехваткой пищи казаки во время поста иной раз ели скоромное «на погибель своей души ради государевой службы»). А в других случаях, жалуются челобитчики, им и помирать приходилось голодной смертью. Челобитчики пишут, что они собирали ясак с большей прибылью, чем раньше, поставили новый Якутский острог и съезжую избу, сделали новые башни, построили церковь, хлебные и соболиные амбары и т. п. Между тем стольник и воевода Головин с товарищами хотя денежное жалованье платили полностью, но из хлебного $\frac{1}{3}$ «выворачивали», т. е. удерживали, «на матери и на женишка и на детишка». Эту треть в некоторые годы семьям выдавали, а в некоторые не давали. Приходилось покупать хлеб по 2, 3, 4 руб. за пуд, так как место бесхлебное. Лошади, которых «на Русе» покупали за 2—3 руб., в Якутске стоили 20—30 руб., лыжи 2 руб., нарты 1 руб., кафтаны 3 руб., а шубы 4 руб. Воеводы же приказали, ссылаясь на царский указ, делать кочи, лады и дощаники для царской службы, что и выполнялось, а если кто сам строить не умел, то нанимал за себя людей и платил по 3—4 руб.

15 января 1648 г. якутские воеводы В. Н. Пушкин и К. О. Сунпонеv сообщили в Сибирский приказ о возбужденном состоянии якутских служилых людей. В расписании посылок для ясачных сборов, кроме старых зимовий, упомянуто, что надо еще послать людей и на Колыму и на «Погычу» для ясачного и десятинного сбора и для привода под царскую руку неясачных людей новых земель. Из этого документа видно, что тем, у кого семьи оставались в Сибири, давали $\frac{2}{3}$ оклада, $\frac{1}{3}$ же удерживалась для выдачи ее семьям. Холостым давали полное жалованье. Но служилые люди начали отказываться брать жалованье с «выворотом». В частности, 21 июня 1647 г. они повторно по этому делу били челом царю. в их числе четыре боярских сына, пять пятидесят-

ников, в том числе Иван Реткин и Шалам Иванов, и все десятники и рядовые стрельцы и казаки Якутского острога.

В этой челобитной служилые люди протестовали против удержания $\frac{1}{3}$ жалованья у семейных, заявили, что служба на р. Лене по сравнению со службой в иных сибирских городах тяжелая, посылки дальние, что служилые терпят голод и нужду и подписывают кабалы и что на Лене хлеб и русский товар стоят дороже, чем в других сибирских городах, вдвое и втрое.

Подав челобитную, служилые люди Якутского острога пришли к воеводам в съезжую избу с большим «шумом», «говорили невежливо» и жаловались на воеводу Петра Головина. Зачинщиками были пятидесятник Шалам Иванов, десятники Василий Бугор, Семен Головачев, Евсей Павлов и рядовые казаки Ярофей Киселев, Филипп Мартынов, Павел Кокоулин, Иван Пуляев, Федот Солдат и Иван Микитин. Служилые оказали неповиновение и заявили, что пока не дадут полного жалованья и не только мукою, но и крупую и толокном, собирать ясак пойдет только половина служилых людей Якутского острога, а другая половина останется в нем, дожидаясь царского указа об удовлетворении челобитной.

После того как челобитная была подана (1 июля 1647 г.), часть служилых людей во главе с Реткиным, Ивановым и Бугром и ссыльный человек Семенов, забрав ружья, бежали вниз по Лене. В погоню было послано два сына боярских, пятидесятник, два десятника и 20 служилых «в легких стругах» и берегом на конях, чтобы уговаривать бежавших вернуться в Якутский острог. Но бежавшие отказались вернуться. Кроме служилых людей бежали еще и промышленные, в коче и лодках; всего бежало более 50 человек. Среди оставшихся началось «непослушание великое». Далее воеводы сообщают, что еще задолго («по многое время») до побега служилые люди требовали отпустить их без царского указа в новую землю — «в Анадауры», которую «проведал» письменный голова Василий Поярков, и в новую же землю морем на две реки — на Колыму и Погычу. В прежнее ясачное зимовье, где собирался ясак, служилые отказались идти, а кроме того, шесть «выворотчиков» бежали из Верхоленского острожка с Ленского Илимского волока в Енисейский острог.

На 1648 г. воеводы дали полное жалованье без «выворота» и запросили царя, как платить жалованье дальше. Ответ Сибирского приказа гласил: служилых людей всякими мерами уговаривать. Женатым давать $\frac{2}{3}$ оклада, а $\frac{1}{3}$ — семьям. Узнать наверное, куда бежали Шалам с товарищами, и о тсм отписать государю, а бежавших из Верхоленского острожка сыскать в Енисейске и вернуть в Верхоленск.

Вот некоторые детали побега: служилые люди в числе 22 человек и один ссыльный, соединившись со многими промышленными людьми для своего «воровства», т. е. для бунта, насильно

захватили у торговых людей хлебные запасы, кочи, малые суда, лодки, забрав с собою ружья и полученное ими денежное, хлебное и соляное жалованье за год, два, а иногда и три, «зделав на том кочу бой на низ Леною рекой побежали на море». Об этом было сообщено царю; помета, сделанная на документе, была весьма осторожного содержания, что если казаки объявятся, их про то расспросить и награбленное без прибавки отдать истцам. Как видно отсюда, власти не хотели обострять конфликт.

В отписке якутских воевод В. Н. Пушкина и К. О. Супонева в Сибирский приказ сообщается, что 1 июля 1647 г. из Якутского острога бежали взбунтовавшиеся служилые люди: два пятидесятника — Иван Реткин и Шалам Иванов, два десятника — Василий Бугор и Семен Головачов и 18 рядовых. Все они, как выясняется из других документов, бежали в 1647 г. 1 июля «на новую Погычу реку», т. е. на Анадырь, и там присоединились к Дежневу, Стадухину или Моторе. Их имена постоянно фигурируют в летописях Анадырского острога, и мы назовем имена этих людей, в большинстве своем близких к Дежневу, однако не участвовавших в его знаменитом морском походе. Вот эти люди: Ярофей Киселев, Иван Пуляев, Павел Кокоулин, Евсевий Павлов, Григорий Онтонов, Филипп Мартынов, Гавриил Фролов, Ортемий Федотов (Солдат), Василий Шукин, Иван Пушкарев, Иван Южак, Иван Яковлев, Григорий Вахромеев, Иван Пенег, Архип Аршин, Василий Вилуй, Парфен Григорьев, Максим Тотменин и ссыльной человек Мокей Семенов, которого по царскому указу велено было устроить на Лене на пашню⁴⁹.

Для понимания истинного характера волнений в среде служилых людей Якутского острога в 1647 г., а эти волнения заслуживают того, чтобы быть отмеченными в общих курсах истории СССР наряду с другими восстаниями середины XVII в., важно существо жалоб 400 якутских служилых людей. Они заготовляли сено в Якутском остроге «про свою нужу на коровенка и на лошаденка» и ловили рыбу «про свой обиход». Воевода Головин приказал брать десятую пошлину (т. е. $\frac{1}{10}$ стоимости) с сена и рыбы, в то время как в других сибирских городах с сена и рыбы десятой пошлины не брали.

Причиной недовольства якутских казаков были не только злоупотребления воеводы Головина, но и требование освободить их от десятой пошлины, т. е. оброка с сена и рыбного улова, от постройки судов, от судебных пошлин и других повинностей. Таким образом, речь шла о попытках ввести ряд дополнительных повинностей и о сопротивлении этим попыткам казаков. В Якутском остроге в своеобразной форме продолжалась та классовая борьба крестьян против эксплуатации и гнета, которая происходила и на Руси, и в центральных областях Сибири. Эта борьба якутских казаков оказалась связанной с их планами похода на «новую реку Погычу» (Анадырь).

Одной из главных фигур среди служилых людей, участвовавших в волнении в 1647 г. в Якутском остроге — и едва ли не центральной, — был Василий Бугор. Заслуживает большого внимания тот факт, что Бугор не впервые участвовал в волнениях служилых людей. Еще в 149 г., т. е. в 1640 или 1641 гг., Василий Бугор был в порядке наказания выслан в Енисейский острог вместе со многими другими служилыми людьми. Он продолжал оказывать неповиновение якутским властям и позже, находясь в «Заносье». Так, когда сын боярский Василий Власьев потребовал выдачи Ерофея Киселева и Ивана Пуляева, а Павел Кокоулин и Артемий Федотов (Солдат) связали Киселева, то беглые служилые люди, как указывает Мотора вместе с Михаилом Стадухиным, помогли Киселеву убежать и укрыли его в своем зимовье. Можно полагать, что Василий Бугор имел к этому отношение.

Из расписания посылок казаков по зимовьям, составленного в 1647 г. якутскими воеводами, видно, что много людей посылалось в Даурскую землю: на Охоту и на Улью — 38 человек, на Индигирку, или Собачью, — 17 человек, на Оленек — 14, на Яну — 3. Кроме того, отпущено «для ясачного сбора и новых земель приводу на дальние реки» на кочах морем, на Ковыму, с Василием Власьевым 15 человек; «в новую ж в дальнюю землю за Ковыму на Погычу реку» — 10 человек и т. д. Таким образом, 15 января 1648 г. якутские воеводы сообщили, что они послали морем, следовательно летом 1647 г., на «новую реку Погычу» 10 человек⁵⁰.

Документы позволяют установить некоторые моменты морского похода Михаила Стадухина на Анадырь, начатого, как и первый поход Дежнева, в 1647 г.

Придя на Анадырь, Стадухин, имевший с Дежневым и Моторой «всегдашнюю ссору», не захотел с ними видаться «и вел свои дела особо»⁵¹.

Иначе говоря, на Анадыре со времени прибытия Стадухина имелся уже не один острог, а два — один Дежнева и Моторы, а другой — Стадухина.

Теперь мы приведем некоторые данные о последнем этапе похода Дежнева.

Исследователи вопроса об историческом походе Семена Дежнева не использовали труда большого знатока сибирских архивов Г. Спасского «История плавания Россиян из рек сибирских в Ледовитое море». Эта работа напечатана в 1821 г. в 15-й части «Сибирского вестника», редактором и издателем которого являлся сам Спасский. Он сообщает, что в 1651 г. казаки Семен Дежнев и Семен Мотора построили на р. Анадыре суда и решили отправиться на них в море для новых открытий. Однако смерть Моторы заставила Дежнева отложить свое намерение⁵². В следующем году Дежнев плывал один на построенных судах

вниз по Анадырю до устья реки, где и открыл знаменитую коргу, или мель, далеко простирающуюся в море на север. Добыв несколько «моржовых зубов», Дежнев возвратился в зимовье⁵³.

В 1652 г. Дежнев приготовил лес на р. Анадыре для постройки коча, чтобы отправить на нем морем в Якутск собранный ясак. Однако из-за недостатка судовых снастей постройку коча пришлось отложить.

Те сведения о Дежневе, которые Спасский относит к 1654 г., представляют исключительный интерес, потому что они дают версию о последнем этапе жизни Федота Алексея Попова⁵⁴. Сведения эти, очевидно, почерпнуты Спасским из каких-то архивных источников, до нас не дошедших.

В 1654 г. предприимчивый Дежнев с некоторым числом служилых людей отправился опять в поход морем. Он открыл коряков. Далее следует известие о том, что из расспросов женщины, принятой Дежневым за якутку, он узнал, что она была женою купца Федота Алексея (Колмогорцева) — на самом деле не Колмогорцева, а Попова — и что муж ее вместе с нею плыл на своем коче по «Пенжинскому морю»⁵⁵ к разным народам с судами других купцов, «от коих случившеюся погодою коч его отшибло и занесло в Камчатку, где застигла их зима, и на речке Никуле, впадающей в Камчатку, названной по мужу ее Федотовкою, построили зимовье. По наступлении лета он обошел Курильскую Лопатку и Пенжинским морем вошел в реку Тигиль: там и умре...»⁵⁶

Если эти данные верны, что мало вероятно, то во время похода уже почти сомкнулись оба ответвления переселенческого потока: северное — Дежнева и южное — Москвитина.

Г. Спасский сообщает еще одну новую версию — о том, что потомки людей, бывших на пропавших без вести кочах Дежнева, спасшихся от гибели, живут донныне на Котельном острове. Однако нам эта версия не представляется убедительной.

Походы промышленников на восток не прерывались после исторического морского похода Дежнева в 1648 г. Сейчас же вслед за ним двинулись, как мы знаем, Семен Мотора, Тарас Стадухин, Юшко Селиверстов и многие другие промышленники и служилые люди с большими партиями людей⁵⁷. Имеются сведения, что Михаил Стадухин построил в устье Анадыря шитики, в 1656 г. обогнул Камчатку и вышел в Охотское море, на берегу которого построил Тауйский острог. В списке с «Чертежа Сибирской земли», относящемся к 1672 г., уже имеется упоминание о р. Камчатке.

Мы имеем вполне удовлетворительное объяснение тому, почему поход Дежнева не повторялся в ближайшие десятилетия. При тогдашней технике мореходства совершить поход из Колымы в «Восточное море» (Тихий океан) было трудно. Немногим удалось пройти путь свыше 2 тыс. верст на кочах при возможности

идти только по ветру и при суровом и неизученном ледовом режиме Ледовитого океана. В XVII в. трудно было рассчитывать на регулярность морского сообщения кругом севера Азии, хотя такие смелые походы совершались и, надо думать, совершались неоднократно еще до Дежнева, а возможно, и после него. Такой поход в известной мере был повторен Берингом, прошедшим через пролив между Азией и Америкой в 1728 г., но уже на базе новой русской морской техники, на парусном, боте, ходившем против ветра, на судне, снабженном приборами для астрономических наблюдений и вычислений, географическими картами и при наличии картографов, которые могли составить точные карты в неизведанных ранее областях.

Поход Дежнева переплелся с более ранними или более поздними попытками пройти морем от Колымы или от Якутска на Анадырь. Мы имеем в виду походы Ивана Реткина и Василия Бугра, Ивана Ерастова, Ивана Иванова Черепанова Пустозерца, поход самого Дежнева в 1647 г. и морской поход Стадухина.

Теперь обратимся к той попытке пройти морем на р. Анадырь, которая была предпринята Михаилом Стадухиным.

В 1649 г. с Колымы с наказной памятью от воеводы Ленского острога пошел Михаил Стадухин; к нему примкнул Василий Бугор с товарищами; они «пошли морем вместе на Погычу реку, а назад с моря пришли в Колыму реку».

Таким образом, через год после Дежнева Михаил Стадухин и Василий Бугор (можно полагать, с пятьюдесятью беглыми казаками, промышленными и служилыми людьми) сделали попытку повторить поход Дежнева и пойти морем на Анадырь, но в сентябре вернулись на Колыму, не сумев пройти морем. В 1650 г. Михаил Стадухин вместе со служилыми и промышленными людьми, а также партией беглых служилых людей во главе с Василием Бугром, имея сведения, что «через Онюй и Камень», т. е. Анадырский хребет, можно пройти «на ту ж Анадырь реку», отправились в «Заносье» по сухопутью. Отметим, что в документе сначала говорится о «Погыче реке», а затем вместо «Погыча» сказано: «та ж Анадырь река»; так что в отличие от Г. Ф. Миллера, который на своей карте начала 50-х годов XVIII в. собственноручно нанес Погычу и Анадырь как две разные реки, в челобитной Семена Моторы 1651 г. Погыча отождествлена с Анадырем.

В «выписи» Якутской приказной избы (1653 г.) о службах Евсея Павлова, бежавшего в 1647 г. с Иваном Реткинским «на Погычу», сообщается, что Михаил Стадухин 31 октября 1650 г. писал якутскому воеводе Дмитрию Францбекэзу и дьяку Осипу Степанову⁵⁸, что в 1649 г. «ходил он, Мишка, с Ковыми реки на новую на Погычу реку в кочах морем и от Ковымы реки бежал парусом семеры сутки, а до Погычи де реки не дошел и поймаз языков иноземцов коряцких людей и живут де они подле море

на берегу». Эти «коряцкие люди» в расспросе сказали, что де той Погычи реки блиско не знают, потому что лежит Камень утес и тому де Каменю конца не знают. А которые де служилые де и торговые и промышленные люди Герасимко Онкудинов с товарищи 90 человек на дву кочах на море розбило преж его, Мишкина, походу, и тех де служилых людей рѳдники их побили. И он де, Мишка, вперед то морю идти не посмел, потому чтоб служилых людей напрасною смертию не поморить».

Из этого изложения отписки Стадухина следует, что он в 1649 г. не пошел морем в «Заносье» (местность за Чукотским мысом, или «носом», район р. Анадыря), узнав от коряков, что «Камень утес» простирается в море неизвестно насколько далеко. От этих же коряков Стадухин узнал, что Герасим Анкидинов и его товарищи на двух кочах потерпели крушение на море и что рѳдники коряков, т. е. соплеменники их, этих людей побили. Тут вскрывается причина того, почему Стадухин не пошел дальше морем: он думал, что морской путь прегражден «Камнем», и боялся, что его постигнет такая же судьба, как Анкидинова, Дежнева и др. (Как видно из сообщения, Стадухин считал, что погибли все 90 человек, отправившиеся с дежневской партией.) Вернувшись на Колыму 7 сентября 1649 г., в том же году Стадухин узнал (в документе не указывается, каким образом), что р. «Погыча» находится «недалеко за горой».

Стадухин имел старые счета с Дежневым в связи с денежными претензиями и, возможно, именно поэтому назвал руководителем похода не Дежнева, а Анкидинова. Из-за «малолюдства» Стадухин принял беглых служилых людей Василия Бугра, Евсея Павлова «с товарищами» к себе в полк «для государевой погытцкой службы». В дальнейшем Евсей Павлов на р. Анадыре заболел, перешел к Семену Моторе и Семену Дежневу и с ними «по кость рыба зубу ходил и промышлял» до прихода Юрия Селиверстова⁵⁹.

20 июня 1649 г. ходынец Ангара, а также ясачные омоки общили Семену Моторе, «что можно де по Онюю реке через Камень перейти с Колымы реки на новую реку Анадырь». Об этом сообщил Семен Мотора в 1651 г. в отписке в Якутскую приказную избу. Из этого же сообщения видно, что весной 1649 г. люди из «якутцкого полка» были в верхней части Анюя; правда, здесь не указано, о каком Анюе идет речь, о Большом или Малом, но обе эти реки почти доходят своими верховьями до Анадырского хребта⁶⁰. Эти сведения о сухом пути на Анадырь были связаны с походом Булдакова.

Г. Спасский сообщает об этом плавании следующее: «... 29 июня 1649 г. Булдаков приплыл в Ленское устье. Из-за льдин стоял там четыре недели» и т. д. В его рассказе интересно упоминание о том, что в устье Лены к Булдакову присоединились еще восемь кочей казаков и промышленников, а в Омолоевой

губе они встретили еще четыре коча, которые шли с Колымы и Индигирки⁶¹. Местные жители показали якутским казакам и промышленникам сухопутный путь на Анадырь⁶².

О дальнейшем пребывании Стадухина в «Заносье» известно, что он и его люди в 1651 г. с р. Анадыря зимним путем перешли «на Пенжень реку», там построили суда и в том же 1651 г. «водяным путем» пришли на р. Тогуй, а в 1657 г. водным же путем по морю на р. Охоту⁶³.

Как видно из сказанного, поход Дежнева и его спутников тесно переплетался со многими другими попытками пробиться на «Погычу».

Дежнев — выдающийся человек, смелый, настойчивый исследователь. У него острый ум, огромная наблюдательность. Ему за все это воздается великая честь. Но следует говорить и о Федоте Попове, Василии Бугре, Михаиле Стадухине, Юшко Селиверстове, Семене Моторе, Никите Ворыпаеве и о многих и многих предшественниках, спутниках и продолжателях дела Дежнева.

*

После похода Дежнева в «Заносье»⁶⁴ назначался из Якутска особый приказчик, что свидетельствует о том, что связи между Якутском и «Заносьем» поддерживались. Кроме того, имеется и много других документов, например о сборе костяной казны в «Заносье», о сборе ясака в Анадырском остроге, об отправке соболиной и костяной казны на оленях на Колыму и др.⁶⁵

Привлечем имеющиеся данные о попытках повторить путь исторического похода Дежнева 1648 г. Такую попытку сделал сам Дежнев, который хотел пройти тем же путем, но в обратном направлении. В 161 г. (1652 или 1653 г.) Дежнев и Никита Семенов «с товарищи» добыли лес и хотели, построив коч, послать его с государевой казной морем в Якутский острог, но узнали, что «сулои»⁶⁶ великие о землю близко» и без хорошей судовой снасти и хорошего паруса и якоря не решились идти. От местных жителей Дежнев получил сведения, что не во всякий год льды от берегов относит в море.

Два промышленника — Ю. Селиверстов и Е. Курсов Вычегжанин — пишут в 1651 г., что они составили в Якутском остроге полюбовно «складные записи», чтобы идти «Юрью да Овдокиму из Якутского острогу вниз по Лене реке морем на Индигирку и на Ковыму, и Чолдон реки и выные сторонние реки». Они хотели добыть «рыбью кость» и собрать ясак. Оба отправились «на государеве судне, на коче». Как видно из этого документа, в 1651 г. Вычегжанин и Селиверстов обязались совместно плыть из Якутска вниз по Лене на коче, а затем морем на Колыму и на «Чолдон», или «Чендон», который находится в «Ламском» (Охотском) море, недалеко от р. Парень. Для снаряжения

экспедиции Селиверстов занял «полтреди тысячи рублей» (т. е. 2,5 тыс. руб.) у даурского служилого человека Усольца. За эти деньги Селиверстов отдал 50 сороков, т. е. 2 тыс. соболей.

19 ноября 1658 г. служилый человек Никита Семенов и промышленный человек Артамон Осипов в отписке якутскому воеводе Михаилу Семеновичу Лодыженскому сообщили, что они «из-за Носья Анадыря реки... челом бьют» и что «пришли мы, холопы государевы, в Жиганской острог з государевою казною костяной 166 году рыба моржевого зуба и собольною, дал бог за море перешла вся здорово»⁶⁷.

Из этого документа сделать определенный вывод о морском походе из Анадыря на Колыму, конечно, нельзя, так как ясак мог быть доставлен через Анадырский хребет, затем по Анюю и Колыме, а дальше морем.

Макей Игнатьев и Нехорошко Перфирьев, служилые люди, не ранее сентября 1659 г. жалуются на служилого человека Якутского острога Петра Афанасьева, который в 167 г., т. е. в 1658 или 1659 г., навербовал 16 служилых и промышленных людей на Яне, чтобы идти морем на коче на новую реку Чендон, т. е. в Охотское море. Но Афанасьев, придя на Анюю, на Чендон не пошел, а пошел сухопутьем через «Камень» на р. Анадырь⁶⁸.

Документы говорят о том, что в конце 50—60-х годах плавание от Колымы до Якутска и обратно были обычным делом.

В течение ряда лет ясак из «Заносья» перевозился сухопутьем на Колыму, а попытки пройти морским путем, обогнув Чукотский полуостров, временно прекратились.

В отписке С. Дежнева в Якутскую приказную избу, которая датируется не ранее 1 сентября 1659 г., говорится, что «иноземцы возят кость рыбий зуб на оленях, без найму не везут». Иначе говоря, ясак в этом году доставлялся из «Заносья» сухим путем.

Из челобитной чукчи (луороветлана) Иелбуга видно, что в 1656—1657 гг. ему было поручено вместе с другими чукчами отвезти ясак за «Камень» на Анюю. На документе имеется «знамя чукчево» и подпись Иелбуга. В 1657 г. Дежнев и Селиверстов опять послали ясак с Анадыря в Якутский острог с «иноземцами» на оленях.

Обращает на себя внимание огромная энергия Дежнева, который совершает морские походы, строит кочи и дощаники, посылает ясак, собирает «моржевую кость», открыв «коргу», где много кости. Важно отметить, что Дежнев установил настолько хорошие отношения с местными жителями, что мог посылать ценную ясачную казну, например, с аманатом Чекчеем, который на оленях отвез «кость» на р. Анюю, а затем на Колыму (данные от декабря 7164 г., т. е. 1655 г.)⁶⁹.

В челобитной казака Евсея Павлова, бежавшего в 1647 г. с Иваном Реткиным, говорится, что он делал и сплавливал струги по р. Анюю, а затем с Колымы плавал на них морем.

Итак, после похода Дежнева морское плавание из устья Лены до устья Колымы стало весьма обычным делом. Однако имеются данные, относящиеся не только к участку от Нижне-Колымского зимовья до устья Анадыря, но и о всем морском пути от Якутска до «Заносья».

В 1660—1661 гг. в «Книге расходной судовых припасов за 169 г.» имеется запись о выдаче коча и судовых снастей казачьему десятнику Ивану Рубцу. В тексте говорится: «Июня в 6 день посланы великого государя на службу за море, на Анадырь реку, десятник казачей Ивашко Рубец, а с ним послано якутцких служилых людей 6 человек. И тем служилым людям дан коч мерою 8 сажен... да завозу мерою 30 сажен... якорь весом полтретья пуда... да на парус 600 аршин холсту нового, для весу кости рыба зубу безмен пудовой гиря медная...» Отправлялся Иван Рубец из Якутска на коче длиной 8 сажен морем. Само собой разумеется, что через Анадырский хребет мореходный коч по сухопутью доставить в «Заносье» никакими средствами не было возможно. Таким образом, данный документ свидетельствует о намерении послать И. Рубца на Анадырь морем, причем, в отличие от похода Дежнева, этот поход был назначен не из Нижне-Колымского зимовья, а из Якутского острога.

Мы имеем возможность рассказать и о судьбе этого похода. В следующем 170 г., т. е. 1661 или 1662 г., И. Рубец писал в Якутский острог к стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенищеву-Кутузову, что в прошлом 169 г., т. е. 1660 или 1661 г., «отпущен он, Ивашко, из Якутцкого острогу великого государя на службу за Нос на коче с служилыми людьми», но что «плоучи вниз по Лене реке повыше Нижнего столба в лайдах (на береговой мели.— А. Е.) коч... с казною погодою розбило августа в 4 день...»⁷⁰.

В те же 1661—1662 гг. (как видно из «Книги расходной судов и судовых припасов за 170 г.») был снаряжен в Якутске новый коч для похода на Анадырь⁷¹.

«Июля в 17 день (поскольку эта запись 170 г., событие относится к 1662 г.— А. Е.) посланы великого государя на службу на Анадырь реку ясачные сборщики, служилые люди, десятник казачей Панфилю Мокрошубов да с ним послано якутцких служилых людей 12 человек, и тем служилым людям дан коч новой мерою 8 сажен...» Далее следует перечень разных припасов, причем он совершенно не совпадает с перечнем припасов, которые были даны на коч И. Рубца. Да к тому же в документе оговорено, что служилым людям дан новый коч; следовательно, не разбитый коч Рубца, а другой.

Сведений о выполнении задания в документах не обнаружено.

15 ноября 1661 г. сын боярский Курбат Иванов сообщил в Якутскую приказную избу о плавании по морю и о «корге» с рус-

ской стороны на море, очевидно за Чукотским мысом. Курбат Иванов сообщил, что в 165 г. якутские воеводы предложили ему идти вниз по Лене и морем до р. Колымы, а затем вверх по Анюю за «Камень» на р. Анадырь и на море⁷².

Таким образом, в 1658 или 1659 г. речь шла о плавании морем только до Колымы. Однако по каким-то причинам — об этом мы скажем ниже — в конце 70-х годов опять встал вопрос о морском пути из Колымы в «Заносье».

В 1679 (187) г. казак Никита Ворыпаев просил в Якутской приказной избе об отсрочке уплаты по кабале 400 руб. торговому человеку Ивану Федорову сыну Катаеву. Мотив для просьбы указан следующий: «...а мне, холопу твоему, ныне сказана твоя, великого государя, служба — идти морем за Нос вожем»⁷³. Ворыпаев просил отсрочить ему платеж до возвращения с заморской службы. На эту необычайную просьбу 3 августа последовала такая резолюция: «В-ыску для службы осрочить, а послать память, велеть ево выслоть из-за Носья с-Ваном Потаповым [казачий десятник Иван Потапов — приказчик Анадырского острога, на смену которому в 1679 г. был отправлен сын боярский Тит Богомолв] с Любимом Козанцовым. А послон он, Никитка, для морскова ходу, что ему тот хот за обычей и от Колымы дорогу за Нос знает, и для того и послон». Этот замечательный документ имеет огромную важность — он устанавливает, что Ворыпаев в 1679 г. был послан из Якутска на коче морем «за Нос» в качестве «вожа», т. е. проводника.

Что речь идет не о каком-нибудь другом «носе», а о Чукотском полуострове, явствует из того, что упоминается приказчик Анадырского острога Иван Потапов и другой анадырец — Любим Козанцов. Кроме того, термин «Заносье» — совершенно определенный географический термин того времени. Но самое любопытное, что этот документ сообщает, что Никита послан для «морскова ходу» потому, что тот ход «за обычай». Это можно понять как указание на то, что этот путь пройден несколько раз. Таким образом, через 31 год после исторического плавания Дежнева имелось сведение, что морской путь из Колымы «за Нос» был известен Ворыпаеву.

Особый интерес представляют материалы о деятельности Дежнева, Стадухина, Моторы, Селиверстова, Захарова, Павлова, Бугра и других в Анадырском остроге и вообще в «Заносье» в 50—60-х годах XVII в. Вопреки существующему мнению «Заносье» имело большое экономическое значение, хотя там не было такой богатой добычи соболей, как, например, на Колыме, а главное значение имел промысел моржовых клыков.

О том, какая масса соболей собиралась в 60-х годах в северо-восточной части Сибири, можно судить по Якутскому острогу, куда свозилась вся пушнина — и ясак и добытая промышленниками. Из челобитной таможенного головы Петра Новоселова

(1663 г., не ранее 24 мая) видно, что в 1659 или 1660 г. в Якутском остроге Новоселов собрал только таможенного сбора 3620 собoley с хвостами, 3016 пупков собольих и др., а всего мягкой рухляди на 7584 руб. 11 алтын и 4 деньги и, кроме того, деньгами 1008 руб. 14 алтын 2 деньги.

В 1660 или 1661 г. собрано в качестве таможенного сбора мягкой рухляди на 6606 руб. 11 алтын 4 деньги и деньгами 1054 руб. 15 алтын полпята деньги.

В 1661 или в 1662 г. собрано на 6662 руб. мягкой рухляди и деньгами 1395 руб. 1 алтын 2 деньги⁷⁴.

Установились довольно оживленные отношения между Якутским и Нижне-Колымским острогами и районом Анадыря.

Таким образом, поход Дежнева не только привел к географическим открытиям величайшего значения — к установлению раздельности Азии и Америки, к открытию «Табин Промонториум» (Великого Северного угла древних), к открытию Камчатки, но и имел непосредственное экономическое значение. С 1649 г. движение по освоению северо-востока Сибири из устья Колымы к Тихому океану переключилось на речные и сухопутные пути по Анюю и через Анадырский хребет.

Вместе с тем документы говорят о еще большем значении движения к Охотскому морю и в Даурию. Так, например, в одном из документов после похода Дежнева предписывается привести в порядок 88 досчаников для плавания в даурские реки и держать наготове 3 тыс. человек для «даурских посылок». Вот что сообщает об этом отписка илимского воеводы П. Бунакова, полученная Сибирским приказом 15 ноября 1657 г.: «по государственой грамоте», посланной в 165 (т. е. 1655 или 1656 г.) в Илимский острог, надлежит держать в готовности «на даурские суда», которые сделаны для даурской службы под начальством окольничего и воеводы князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского, «и под служилых людей под 3 тысячи человек».

Изучение настоящей проблемы, как частной проблемы великих русских географических открытий, и в то же время изучение освоения русскими побережий Северного Ледовитого и «Восточного» (Тихого) океанов приводит нас к выводу о тесной связи двух моментов — о том, что географические открытия величайшего значения были сделаны русскими с помощью народов Сибири в ходе переселенческого движения на восток. Таким образом, не только устанавливается и подтверждается приоритет замечательных русских географических открытий, но и освещается процесс исторически-прогрессивного массового и прочного освоения русскими Дальнего Востока в ходе борьбы против крепостного права.

Морские походы, во время которых были сделаны великие географические открытия, были подготовлены открытиями служилых и промышленных людей во время сухопутных и речных

походов. Важной предпосылкой географических открытий было экономическое развитие северо-востока Сибири. Походы на крайнем северо-востоке Азии и на Тихом океане были трудным делом и стоили многих жертв.

В челобитной от 1662 г.⁷⁵ Дежнев сообщает, что во время похода большинство его участников погибло и осталось всего 24 человека, из которых 12 погибли прежде, чем он дошел до Анадыря. Всего из 90 или 105 человек, первоначально участвовавших в походе, имеются сведения об уцелевших 12 (если не считать тех, кто, возможно, достиг Аляски).

Во многих работах указывается, что Семен Дежнев умер в 1673 г. Между тем в 65-й книге фонда Сибирского приказа на 8-м листе в окладной книге денежного, хлебного и соляного жалованья ружникам, оброчникам и служилым людям Якутского острога написано: «...Семен Дежнев во 181 г. на Москве умер». Так как месяц смерти не указан, то датой его смерти следует считать не 1673 г., а один из двух годов — 1672 или 1673 г., исходя из правил перевода дат на наше летосчисление.

*

В научной литературе до недавнего времени Дежнев изображался героем и едва ли не единственным героем, которому человечество обязано замечательным открытием. Но теперь выдвинута идея о северном ответвлении сибирского колонизационного потока, и Дежнев перестает быть одиночкой, это частица мощного движения, движения огромной силы.

Об этом говорят и дела судебного порядка. Так, в 1685—1686 гг. открыли заговор казаков и служилых людей Якутского острога. В числе заговорщиков был один сын боярский, один атаман, казацкие десятники и несколько десятков рядовых служилых людей.

Заговорщиков обвиняли в том, что они хотели в Якутском остроге захватить «пороховую и свинцовую казну» и бежать «за Нос», на реки Анадырь и Камчатку⁷⁶. По приговору воеводы несколько человек были казнены, а многие закованы в кандалы и сосланы в разные остроги. Двое, которых по нескольку раз поднимали «на виску» и жгли калеными клещами и которым дали свыше ста ударов кнутом, умерли от пыток до приговора. Из этого дела видно наличие классовых противоречий в среде служилых людей и прочего населения Якутского острога.

Из других документов видно, что в «Заносье» часто бежали гулящие люди, беглые крепостные, подлежащие стбытию наказания за различные вины, и т. п.

Таким образом, движение на восток после похода Дежнева не оборвалось. Наоборот, оно продолжалось с большей силой. Исторические его результаты весьма велики.

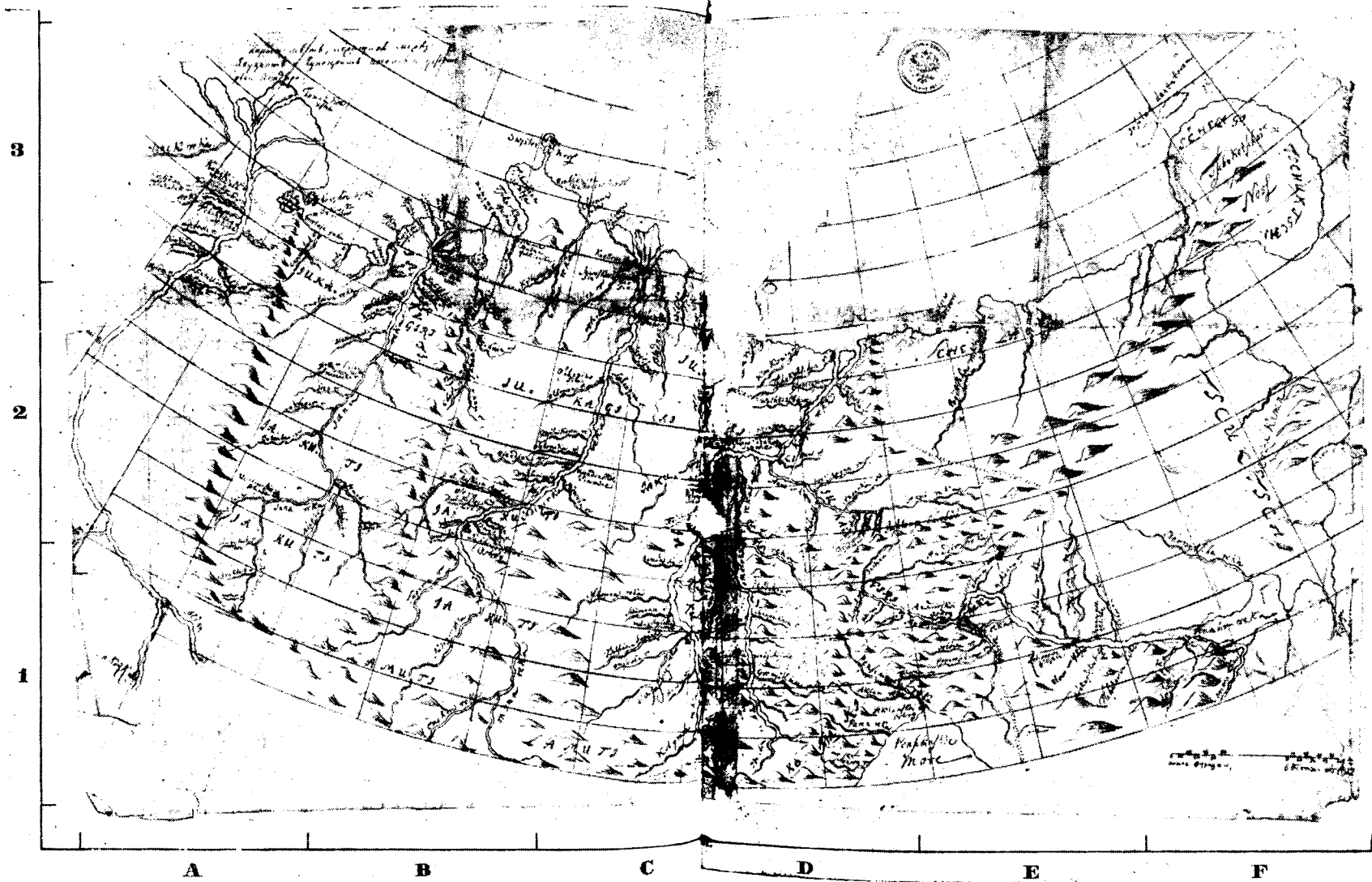
О научном значении похода Дежнева мы уже говорили. Приведем в заключение еще некоторые данные по этому вопросу.

Выдающийся научный интерес представляет найденная нами сильно поврежденная карта с латинским текстом, хранящаяся в Центральном государственном архиве древних актов под № 11 среди карт Иркутской губернии и картографическом фонде Библиотеки Главного архива Министерства иностранных дел. Она значится так: «Карта мест, лежащих между Якутским и Чукотским носом и устьем реки Анадыря». Автор карты не определен. Карта не датирована. В научной литературе и картографических публикациях о ней до находки ее нами упоминаний не имелось. Карта рукописная⁷⁷. Надписи сделаны на латинском языке. Сличение этой карты с другими, выполненными собственноручно Миллером, привело нас к выводу, что ее автором является участник Большой Камчатской экспедиции профессор Российской академии наук Г. Ф. Миллер. Карта составлена им с учетом данных челобитных Семена Дежнева, найденных Миллером в Якутском архиве в 1736 г.

Возможно, что Миллер в части маршрутных данных использовал и чертеж Дежнева, до нас не дошедший. Об этом чертеже Дежнев писал 4 апреля 1655 г. следующее: «... а той реки Анадыре чертеж с Онюя реки и за Камень на вершину Анадыру и которые реки впали большие и малые и до моря и до той корги, где вылягает зверь»⁷⁸.

В восточной части карты Миллера имеются и «Онюй» (Анью), и «Анадырь» (Анадырь), и «Камень» (Анадырский хребет). Найденная нами карта также сделана до моря и до корги (отмели). Имеется надпись «корга». Сравним данные карты с данными отписки Семена Дежнева и Никиты Семенова от 16 апреля 1655 г., где говорится, что «необходимый нос» лежит «промеж сивер на полуношник»⁷⁹, т. е. между севером и востоком. На данной карте этот мыс показан под углом 45° между севером и востоком. Дежнев пишет, что «нос поворотит круто к Онандыре реке под лето»⁸⁰. Округлая форма придана мысу на карте Миллером. У Дежнева говорится в качестве признака этого «носа», что с русской стороны (противопоставляя, очевидно, русскую сторону чукотской) имеется речка: «А с русскую сторону признака: вышла речка...». На этом «носе» речка имеется действительно только с русской стороны, но не с чукотской.

Сейчас же после этого Дежнев говорит, что «против того носу два острова, а на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы прорезываны губы, кость рыбой зуб...» На карте против упомянутой выше речки нанесено два острова с надписью: «Insulae dentatorum», т. е. Острова зубатых. Характерно, что эта карта дает концепцию свободного морского пути вокруг северо-востока Азии. Эту карту Миллер составил не раньше 1736 г., так как он до этого не имел в своем распоряжении материалов

Карта Г. Ф. Миллера с использованием данных С. Дежнева
(«Атлас», № 79)

Дежнева. Поскольку в 1737 г. Миллер написал работу о плавании русских к востоку от Лены и Колымы, а данная карта по тематике и по нагрузке может относиться к этому времени, то не исключено, что она относится именно к 1737 г., когда Миллер имел поручение собрать научные данные, которые помогли бы экспедиции избрать себе маршрут для плавания в Америку. В 1741 г. суда Беринга вышли в море, и карта, конечно, была нужна до начала морского похода.

Известно, что Миллер продолжал работать над картой Сибири в 1742—1744 гг. и в 1752—1758 гг. Не исключено, что работа Миллера над данной картой падает на один из этих периодов, но не позже 1754 г., когда уже была вырезана на доске для печати карта русских открытий на Тихом океане, составленная Академией наук при участии Миллера. В карту 1754 г. данная карта вошла в качестве одного из составных элементов. Однако более вероятно, что карта составлена до 1741 г., поскольку позже Миллер работал над картой, охватывающей и южные районы Дальнего Востока.

Нами впервые найден корректурный оттиск карты Российской Академии наук, относящийся к 1754 г. (издана в 1758 г.). На нем имеется собственноручная надпись Г. Ф. Миллера с указанием о походе Дежнева, что еще раз подтверждает влияние на карты Миллера данных Дежнева. Из широкого использования в работах Миллера данных Дежнева до сих пор еще не сделано должного вывода.

Неоднократно ставился вопрос о том, что Дежнев обязан Миллеру, открывшему якобы Дежнева. Историк Словцов даже назвал Дежнева миллеровским «выведенцем». Вопрос следует поставить иначе, тогда станет видно, что Миллер был обязан Дежневу и что Дежнев оказал большое влияние на концепцию Миллера в его картах и литературных научных трудах.

Великое открытие Дежнева и его данные оказали влияние, таким образом, на карту Российской Академии наук, вышедшую в свет в 1758 г. на русском и иностранных языках и широко известную в России и в Западной Европе.

Не надо думать, следуя Г. Ф. Миллеру, что о великом географическом открытии Дежнева мир узнал только после того, как в 1736 г. Миллер нашел в Якутском архиве челобитные и отписки Дежнева. Какие-то сведения о походе Дежнева в самом скором времени после его осуществления достигли Москвы.

Так, совершенно фантастичными на первый взгляд кажутся сведения шведа де Родеса о слухах в Москве в 1652 г., относившихся к Америке. Однако эти сведения Родеса все же заслуживают внимания.

Йоган де Родес в молодые годы служил в Швеции у купцов, затем в казенных шведских учреждениях. В 1650—1655 гг. он был с дипломатической миссией в Москве (в качестве комисса-

ра, так как в Москве не желали иметь шведского резидента). В период пребывания в Москве Родес ездил в Архангельск для отправки морем купленной шведами ржи. Сохранились подлинные донесения Родеса королеве Христине. Они хранятся в Стокгольмском государственном архиве и частично опубликованы Б. Г. Курцем в книге «Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса» (М., 1915)⁸¹.

Значительный интерес представляют сведения Родеса, сообщенные в начале 1652 г. (в январе — апреле) о планах якутского воеводы Францбекова (Фарнсбаха, Фаренсбаха, Франзбекова, Франсбекова). Нельзя сказать, что эти сведения отличались полной точностью. Так, Францбекова Родес назвал тобольским воеводой⁸², между тем как Дмитрий Андреевич Францбеков был с 1648 г. якутским воеводой. Иногда Родес сообщал сведения, которые не подтверждаются (например, о бегстве Францбекова в Китай), и сам же исправлял сообщенное им королеве неточное сведение; но такого рода неточности можно часто встретить и в донесениях других послов. Донесения Родеса о Московском государстве, в частности о московской торговле, получили широкую известность и признаны важным историческим источником.

В этих донесениях содержится вызывающее законное недоверие известие, связанное с деятельностью Францбекова. Скажем несколько слов о нем. Дмитрий Андреевич Францбеков, ливонский православный немец, первоначально состоял русским агентом в Стокгольме (в 1635 г.), а в 1648 г. был послан воеводой в Якутск⁸³. 31 августа 1651 г. он был отозван вследствие жалоб на корыстные поступки, притеснения местных жителей и т. п. При обыске сыщик отобрал у Францбекова имущество (в частности, меха) на 12 742 руб. 65 коп., как нечестно приобретенное. В дальнейшем, при поддержке своего брата Ивана, Дмитрий Францбеков был опять назначен на службу на Дальний Восток. В донесении 14 января 1652 г. Родес сообщил, что имеется приказ об аресте Францбекова и что последний, будучи предупрежден об этом, ограбил местное население и бежал через степь в Китай⁸⁴. Через две недели, 31 января, Родес исправил свою ошибку, сообщив, что Францбеков в Китай не бежал, а едет в Москву с большим количеством соболей и других ценных товаров⁸⁵.

23 марта 1652 г. Родес сообщил королеве, что Францбеков нашел в прилегающей к Китаю области золото и серебро и прислал в Москву пробы и что в его распоряжение посылают «значительную часть немецких (иноземных.— А. Е.) офицеров и полк», но что потом дело об этой посылке заглохло.

Однако 28 апреля того же 1652 г. Родес опять возвращается к прежнему сюжету, но дает новую версию. Оказывается, 9 апреля «уехали по Волге на нескольких больших ладьях 2000 стрельцов»⁸⁶, направленных в Казань⁸⁷. «Как полагают,— писал

Родес,— они посланы Францбекову в Сибирь для подкрепления его войск. Идет также слух, что решили отправить туда несколько чужестранных офицеров для их предполагаемого путешествия в Америку и чтобы продолжать полное овладение богатой страной, открытой Францбековым»⁸⁸.

Известие кажется невероятным — в 1652 г. русские открыли Америку и собираются послать туда большую экспедицию! Сообщение о том, что в 1652 г. или около этого времени русские открыли путь в Америку, и на самом деле получает в дальнейшем некоторое подтверждение. Но чем могли быть вызваны какие-то толки об открытии в 1652 г. Францбековым Америки? Является ли версия о подобных слухах чистой вымыслом Родеса или же подобные слухи, хотя и недостоверные, могли иметь под собой хоть какую-нибудь почву?

Вспомним, что Францбеков был назначен якутским воеводой (а северо-восточная оконечность Сибири была в то время подчинена Якутску) в 1648 г., как раз в том году, когда Семен Дежнев начал свой второй, имевший такое большое значение, поход. Правда, Дежнев видел не Америку, а два из островов Диомиды, но он побывал в нескольких десятках километров от Северной Америки.

В связи с тем, что в 1652 г. в Москве возникли разговоры об Америке, может найтись и тот факт, что при обыске у Францбекова в 1651 г. были найдены кабалы (т. е. долговые записи) на Юрия Селиверстова, примкнувшего к Дежневу позже во главе отдельной партии. Известно, что как раз за год до распространения в Москве слухов об открытии Америки, в 1651 г., промышленный человек Юшко Селиверстов в отписке Францбекову сообщил об открытиях, сделанных в 1649 г. Францбеков не только был в курсе похода Алексея Дежнева — Дежнева. Корыстолюбивый якутский воевода широко финансировал и поход Хабарова в Даурию, т. е. на Амур. Слухи о походе стрельцов в Америку являются явным недоразумением. Очевидно, речь шла о походах в Даурию.

Однако самый факт включение Америки в 1652 г., хотя бы и в порядке слухов, в какие-то политические версии примечателен. Скажем в этой связи о походе Хабарова.

Крестьянин Воложенской волости Устюжского уезда Ярофей Павлов Хабаров в 1628 г. дошел до Мангазеи. Сначала он был целовальником при ясачном сборщике, позже торговым человеком, и, пуская деньги в рост, нажил богатство. В 1649 г. Хабаров снарядил с согласия воеводы Францбекова экспедицию на Амур, собрав на свой счет 177 человек⁸⁹. В 1652 г. Хабаров набрал войско в 900 человек, из них 200 служилых и 700 «охочих». Сведения о походе Хабарова тоже могли дать пищу для толков о каких-то открытиях на Востоке.

Весь этот вопрос о Францбекове интересен и в чисто историографическом плане. До сих пор многие считают, что о походе Дежнева мир узнал только после того, как Г. Ф. Миллер нашел в 1736 г. в Якутском архиве челобитные Дежнева и в результате этой находки в 1742 г. в примечаниях к «Санкт-Петербургским ведомостям» в № 50—60 появилась основанная на сведениях Миллера, вероятно, написанная при его непосредственном участии, статья академика Х. Н. Винсгейма «Известие о северном ходе Россиян из устьев некоторых рек, впадающих в Ледовитое море». Теперь, обратив должное внимание на неосновательные сами по себе слухи об открытии Францбековым Америки, мы можем высказать предположение, что о походах Дежнева в какой-то мере стало известно уже в Москве — и не только в правительственных учреждениях, но и в тогдашнем московском обществе и в дипломатических кругах — уже в 1652 г.

Побывавший в 1711 г. в Анадырском остроге Петр Попов узнал от чукчей, что «и прежде сего русские люди у них чюкоч кочами морем бывали»⁹⁰.

Упоминание о том, что русские суда обходили Чукотский полуостров и достигали Камчатки, имеется на карте, вышедшей в Лейдене в 1726 г., и в Амстердаме в 1727 г., и на карте Страленберга, опубликованной в 1730 г. И Беринг в 1725 г. сообщал из Енисейска, что из устья Колымы можно дойти до устья Анадыря, причем он ссылался на «новые Азийские карты» и на свидетельства местных жителей.

Все эти данные говорят о том, что задолго до того, как Миллер нашел в Якутском архиве отписки и челобитные Дежнева, сведения об этом не только были известны в Москве, но и в Западной Европе и нашли свое отражение на картах.

¹ Кочи — это палубные суда до 9 м в длину, которые ходили на веслах, а под парусом только при попутном ветре.

Шитики имели около 8 м в длину. К днищу, выдолбленному из одного дерева, боковые доски пришивались ивовыми прутьями, отсюда и название шитики. Снасти и канаты обычно делали из ремней, вырезанных из оленьей кожи. Из этого же материала иногда изготовляли и паруса. Такие паруса назывались ровдужными. К якорям, сделанным из дерева, привязывали камни.

² С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III. М., 1955.

³ На эту статью некритически сослался американский историк Г. Х. Бэнкрофт в своей работе «История Аляски», вышедшей в 1886 г., — это 33 том его сочинений.

⁴ В сентябре 1949 г. газеты сообщили, что С. Н. Марков нашел в Костроме рукопись сибирского землемера Ивана Ефимовича Кожевина. В этой рукописи, озаглавленной «Практическое географическое описание о Жиганском уезде», приведено под 1795—1799 гг. записанное Ефимом Кожевным сказание о великих кочах, сплывавших на Лене в море еще до 1632 г. По

сообщению С. Н. Маркова, один из трех кочев, вышедших в Ледовитый океан, прошел проливом, отделяющим Азию от Америки, и, обойдя Камчатку, дошел до Гижигинской губы. Третий же коч был отнесен морем к Америке. К сожалению, С. Н. Марков не процитировал полностью соответствующее место документа, так что трудно судить, где кончается текст документа и где начинаются комментарии автора заметки о нем (см.: «Литературная газета», 10.IX 1949).

⁵ Об этом будет сказано дальше.

⁶ ЦГАДА, ф. Сибирского приказа, стлб. 768, л. 358.

⁷ Там же, стлб. 5834, лл. 67—72.

⁸ Там же, стлб. 762, л. 4.

⁹ Как сказано в справке якутского воеводы, Семен Дежнев служил «на разных собачьих реках» 21 год. Что может значить это выражение «собачьи реки»? Во-первых, известно, что Индигирка называлась Собачьей рекой. Однако предположение о том, что здесь имеется указание о службе Дежнева только на индигирских реках, т. е. на Индигирке и ее притоках, исключается как не соответствующее действительности, следовательно, речь идет о сибирских собачьих реках вообще. Этот термин имеет свое объяснение. В Сибири реки на северо-востоке разделялись на собачьи и оленные. На реках, богатых рыбой, можно было легко заготовить юколу, вяленую рыбу для собак. Это реки собачьи. Яна, Индигирка, Анадырь и Колыма связывались между собой «собачьим зимником». Там же, где рыбы не имелось, или ее было мало, передвигаться на собаках было трудно. Там для транспорта использовались наряду с собаками и олени, это — реки оленные.

¹⁰ Слово «Мангазея» происходит, по одной версии, от слова «магазин», по другой — от названия самодийского племени «моназе» (см.: «Сибирский вестник». СПб., 1821, стр. 3; *М. И. Белов*. Мангазея. Л., 1969).

¹¹ См. *Е. Замысловский*. О чертежах Сибири XV—XVII вв. «Журнал Министерства народного просвещения», 1891, июнь.

¹² *А. И. Андреев*. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. Л., 1940, стр. 11.

¹³ *А. Титов*. Сибирь в XVII в. М., 1890, стр. 23—39.

¹⁴ По данному вопросу см. также журнал «Российский магазин», ч. I. СПб., 1822, стр. 411.

¹⁵ «Книга Большому чертежу или древняя карта Российского государства», пополненная в разряде и списания в книгу 1627 г. СПб., в типографии горного училища, 1792. Редактором этого издания является И. Н. Болтин.

¹⁶ «История плавания Россиян из рек сибирских в Ледовитое море, обработанная Григорием Спасским». «Сибирский вестник». СПб., 1821, стр. 15—16.

¹⁷ Там же, стр. 15—16. Об одном из первооткрывателей Лены, Пянде, см.: *А. П. Окладников*. Пенда — Забытый русский землепроходец XII в. «Летопись Севера», т. I. Л., 1949, стр. 94—102; *И. П. Магидович*. Очерки по истории географических открытий. М., 1957, стр. 303—308. О Пенде или, точнее, о Пянде писал и Б. П. Полевой в сборнике «Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв.» (Новосибирск, 1966, стр. 283—284). Автору этой заметки удалось найти в архиве единственный известный документ, принадлежащий самому Пянде.

¹⁸ *Д. М. Лебедев*. География в России в XVII в. М.—Л., 1948, стр. 53.

¹⁹ Из челобитной первооткрывателей Колымы Дмитрия Михайлова и 12 служилых, в том числе М. Стадухина, видно, что 15 июля 1643 г. они находились на Колыме «около стойбищ оленных людей» (*Б. П. Полевой*. Находка челобития первооткрывателей Колымы. Сб. «Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв.» Новосибирск, 1966, стр. 289).

Из статьи Б. П. Полевого следует, что первое зимовье на Колыме было основано землепроходцами в средней части реки.

²⁰ *Д. М. Лебедев*. География в России в XVII в. М.—Л., 1949, стр. 54.

²¹ Отметим, что в 1643 г. Курбат Иванов достиг Байкала.

²² Это уже отмечалось в научной литературе. См., например, статью Г. Вернадского «Государевы служилые и промышленные люди XVII в.» («Журнал Министерства народного просвещения», 1915, апрель, стр. 332 и сл.).

- ²³ ЦГАДА, ф. Сибирского приказа, стлб. 534, л. 13.
²⁴ В. А. Самойлов. Семен Дежнев и его время. М.— Л., 1945, стр. 67.
²⁵ Там же.
²⁶ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 3, 1642 г., стлб. 44, № 110, лл. 162—163.
²⁷ ЦГАДА, ф. Сибирского приказа, стлб. 1056. п. I, л. 98.
²⁸ Там же, л. 98, 98 об.
²⁹ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 3, 1642/43 г., № 54, л. 4.
³⁰ Там же, оп. 1, стлб. 66, л. 44.
³¹ Челобитная А. и В. Федотовых (Гусельниковых) в Якутскую приказную избы о разрешении им построить судно («коч») для соболиного промысла. «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века». М., 1951, стр. 203—204.

В случае если человек был знатного рода или занимал большую должность, его именовали по отчеству с «вичем», т. е. в этих случаях говорили и писали не Алексеев, а Алексеевич. Однако такое величание применялось в отношении небольшого круга лиц — воевод, стольников, полковников и т. п. Третья часть именованья была прозвищем, кличкой, по нашему фамилией, причем фамилия образовывалась различными способами, часто по месту происхождения, например Елфимка Меркурьев Мезенец, Бориска Иванов Устюжанин, Кирилка Лаврентьев Чердынец. В других случаях роль фамилии выполняла какая-нибудь кличка, например: Мягконос, Аршин — очевидно, человек маленького роста. В одном из документов говорится: «Митька, Михайлов сын, прозвище Ерило»; слово «ерила» означает ярмарка.

В ряде случаев фамилия образовывалась от сословия, к которому принадлежал человек, например Федот Алексеев Полов. При этом не было строгих правил именованья. Очень часто ограничивались только именем и отчеством, например, служилые писали в челобитной воеводам Василью Никитичу, Кирилу Осиповичу, не называя фамилии. Но те же воеводы царю писали так: холопы твои Васька Пушкин, Кирилка Сүпонец. Казаки часто называли себя только по имени и отчеству, и так их называли и в официальных документах, а в челобитных писали либо по имени и отчеству, если у них не было фамилии, т. е. клички, прозвища, либо, чаще, писали имя и фамилию, пропуская отчество. Однако строгих правил не было: иногда и в челобитных называли не только имя и отчество, например, Курбатка Иванов, но и фамилию, например, Богдашка Осипов Ленивцов или Митька Кондратьев Вятка, Ондрюшка Иванов Горелый, Пронька Иванов Устюженни.

Но стольник и воевода именовались — Петр Петрович Головин или Матвей Богданович Глебов. Различные способы именованья в различных случаях и, кроме того, сочетание имени только с отчеством или имени только с фамилией иной раз затрудняет опознавание лиц, о которых идет речь в документах. Так, например, в челобитной «торговый человек Афонька Федотов и промышленной человек Васька Федотов, сироты, бьют челом царю». Не зная, о ком идет речь, трудно догадаться, что речь идет о двух братьях Гусельниковых. Или, например, в Якутском остроге в 1648 г. подавал челобитную Семен Иванов. Это может быть Семен Иванов Дежнев, но может быть и казак Иванов, которого звали Семеном, потому что в двух челобитных оказались стоящими рядом в одном и том же перечне служилые люди — в одном случае Семен Иванов, а в другом — Семен Иванов Дежнев (кстати, прозвище Дежнева происходит от слова, означающего квашня).

³² ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 2, стлб. 95, л. 4.

³³ Хотя Ф. А. Голдер вслед за П. А. Словцовым считает, что Дежнев не совершил плавания вокруг северо-восточной оконечности Азии, но он неправ, как и Словцов. Аргументы Ф. А. Голдера и П. А. Словцова подверглись в такой мере солидно документированному и сокрушающему опровержению в фундаментальной работе Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» (Л., 1935), что после этого специально останавливаться на этом вопросе нет нужды.

³⁴ Об этом сказано дальше.

³⁵ Излагая содержание челобитной Дежнева, А. Сгибнев пишет: «На русской, т. е. на западной, стороне Чукогского носа впадает в море речка Становье, близ которой чукчи устроили рэд башни из китовых костей». Сгибнев допустил здесь ошибку.

Ознакомление с подлинным рукописным текстом челобитной Дежнева показывает, что ни о какой речке Становье в ней не говорится. Там сказано, что в море впадает речка, а дальше говорится, что становье, т. е. жилие чукчей, сделано так-то и так-то. В устье речки чукчи, за неимением леса, соорудили нечто вроде юрты или башни из китовых костей (остатки разрушенного сооружения из китовых костей видел Гвоздев в 1732 г.). (А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. «Морской сборник», 1869, № 4, стр. 66).

³⁶ С. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 178. См. также: «Разные известия и показания о Чукотской земле» (публикация документов В. И. Берха). «Северный архив», 1825, № 22, стр. 166—167.

³⁷ Г. Спасский. История плавания Россиян из рек сибирских в Ледовитое море. «Сибирский вестник». СПб., 1821, стр. 126.

³⁸ Там же, стр. 130.

³⁹ См.: «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века», док. 19.

⁴⁰ Там же, док. 32.

⁴¹ Там же, док. 33.

⁴² Там же, док. 31.

⁴³ Там же, док. 19, л. 620.

⁴⁴ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, стр. 303.

⁴⁵ «Открытия русских землепроходцев...», док. 80.

⁴⁶ Там же, док. 70.

⁴⁷ Там же, док. 74.

⁴⁸ Там же, док. 77.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, док. 79.

⁵¹ Г. Спасский. История плавания Россиян из рек сибирских в Ледовитое море, стр. 131.

⁵² Там же, стр. 132.

⁵³ Там же, стр. 233, 239.

В том же 1652 г. из Якутска на Колыму на смену Булдакову послали пятидесятника Ивана Рябова, «которому в наказной памяти велено стараться о проведывании на Ледовитом море большого острова или земли» (там же, стр. 233). Поскольку в то время полагали, что «Погыча», или Анадырь, впадает в Ледовитый океан, то остается неясным, что должен был «провесть» Иван Рябов — какой-либо остров на Ледовитом океане или «Большую землю», т. е. Америку.

⁵⁴ Там же, стр. 232.

⁵⁵ Конечно, жена Федота Попова могла назвать море Пенжинским, но в данном случае речь, очевидно, идет о Беринговом море.

⁵⁶ Г. Спасский. История плавания Россиян из рек сибирских в Ледовитое море, стр. 232—234, 239.

⁵⁷ «Открытия русских землепроходцев...», док. 83. Из челобитных промышленных людей в Якутскую приказную избу Сазвы Евдокимова с товарищами (не ранее марта 1649 г.) видно, что Стадухин взял коч с судовой снастью у торговых людей Кирилла Коткина, у Второго Едемского и у Саввы Евдокимова с товарищами «для подъема на новую реку на Анадырь».

⁵⁸ Там же, док. 95.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, док. 87.

⁶¹ Г. Спасский. История плавания Россиян из рек сибирских в Ледовитое море, стр. 126.

⁶² «Открытия русских землепроходцев...», док. 32.

⁶³ Там же, док. 91.

- ⁶⁴ Т. с. в Анадырский острог.
- ⁶⁵ «Открытия русских землепроходцев...», док. 186.
- ⁶⁶ Водовороты.
- ⁶⁷ «Открытия русских землепроходцев...», док. 110.
- ⁶⁸ Там же, док. 112.
- ⁶⁹ Дежнев договорился с Чекчеем и его братьями и родственниками, ясачными людьми ходынского рода, что они отвезут ясак через «Камень на оленях на Оной реку и просили за это железа всякого дельного» (там же, док. 159, см. также док. 140).
- ⁷⁰ «Открытия русских землепроходцев...», док. 95.
- ⁷¹ Там же, док. 120.
- ⁷² Там же, док. 124.
- ⁷³ Там же, док. 126.
- ⁷⁴ Там же, док. 165.
- ⁷⁵ Там же, док. 130.
- ⁷⁶ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 1, стлб. 139, лл. 28—29.
- ⁷⁷ Карта Миллера с использованием данных Дежнева (ЦГАДА, Картографический отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел, Реестр географическим атласам, картам, планам и феатрам войны, составленный в 1816 году, исправленный в 1828 году и дополненный по 1877 год. СПб., 1877, карты Иркутской губернии, № 11). Размер 81×45,8 см.
- Выполнена карандашом — обводкой тушью, ветхая. Часть ее уничтожена, возможно огнем. Нанесена на александрийскую бумагу, без рамки.
- ⁷⁸ «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. IV. СПб., 1851, стр. 22.
- ⁷⁹ Там же, стр. 26.
- ⁸⁰ В 50-х годах научные сотрудники ЦГАДА Т. Д. Лавренцова и Б. Д. Кац нашли подлинники считавшихся утерянными документов Дежнева, а в 1957 г. в этом же архиве Б. П. Полевой обнаружил текст подлинного сообщения, идущего от С. Дежнева (который, как известно, сам грамоте не был умудрен). В 1964 г. в Ленинграде вышел в свет сборник под редакцией М. И. Белова «Русские арктические экспедиции XVII—XX веков», в котором помещены два заново прочитанных документа Дежнева. Ряд важных документов о Дежневе опубликован М. И. Беловым в сборнике «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах» (М., 1952).
- Новые публикации материалов о Дежневе подтвердили факт его исторического открытия и в то же время вызвали споры по поводу интерпретации отдельных положений этих документов (см.: *Б. П. Полевой* Находка новых документов С. И. Дежнева о его историческом походе 1648 г. «Вестник ЛГУ», № 6, вып. 1, серия геология и география, Л., 1962; *он же*. О точном тексте двух отписок Семена Дежнева 1655 г. «Известия АН СССР», серия географическая, 1965, № 2; *М. И. Белов*. Новое ли это слово о плавании С. И. Дежнева. «Изв. Всесоюзного географического общества», 1963, № 5.
- ⁸¹ О других публикациях материалов Родеса см. в названной работе Б. Г. Курца, стр. III и IV.
- ⁸² *Б. Г. Курц*. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, стр. 85.
- ⁸³ Там же, стр. 85—105.
- ⁸⁴ Там же, стр. 86.
- ⁸⁵ Там же, стр. 92.
- ⁸⁶ Там же, стр. 100.
- ⁸⁷ Там же, стр. 105.
- ⁸⁸ *С. В. Бахрушин*. Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII в. «Исторические записки». М., 1941, стр. 173; *Б. А. Самойлов*. С. Дежнев и его время. М., 1945, стр. 131 и 138.
- ⁸⁹ *С. В. Бахрушин*. Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII в. «Исторические записки». М., 1941, стр. 170.
- ⁹⁰ Эти данные были извлечены Миллером из Якутского архива в 1736 г.

**ЗАСЛУГИ РУССКИХ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ
И МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ
В РАСШИРЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII В.**

Следующим этапом в расширении сведений русских о Сибири является появление карты П. И. Годунова 1667 г. Это наиболее ранняя дошедшая до нас карта (точнее, чертеж) Сибири была составлена на основании правительственного распоряжения, под руководством сибирского воеводы Петра Ивановича Годунова.

Долгое время считался и этот чертеж, как и чертеж 1627 г., утерянным, но в 1888 г. копия его была опубликована в Швеции в альбоме карт Пальмквиста.

В 1889 г. Ю. В. Готье дал анализ карт Стокгольмского государственного архива, приложенных к рукописи шведского офицера Эрика Пальмквиста, который проник в Россию в 1673—1674 гг. с разведывательными целями¹.

Как упоминает Ю. В. Готье, из 16 карт Пальмквиста две являются картами Сибири. «Обе карты Сибири,— пишет Готье,— представляют очень много сходного между собой. Характерная их особенность та, что север обращен книзу, а юг кверху.

Весь северный берег Сибири вытянут по совершенно прямой линии, а побережье Тихого океана составляет такую же прямую линию, идущую под прямым углом к первой. На Таймыр, Чукотский нос и Камчатку нет ни малейшего намека».

На одной из карт имеется указание о составлении ее по распоряжению тобольского стольника и воеводы П. И. Годунова.

Остановимся на некоторых моментах, отмеченных Ю. В. Готье. Ориентация карты севером книзу и востоком влево отнюдь не является чем-либо исключительным, но в то же время и не какая-либо общая хронологическая фаза развития географической науки в России в целом. Такая ориентация неоднократно встречается на русских старинных рукописных и печатных картах, а также и на арабских. Описание конфигурации Сибири на данной карте вполне соответствует известным нам в настоящее время копиям

с чертежа П. И. Годунова. На этом чертеже, действительно, не найти ни Таймырского полуострова, ни Чукотской земли, ни Камчатки. Сведения о них в то же время еще не стали достоянием науки. Один из чертежей, приложенных к рукописи Пальмквиста, и есть чертеж П. И. Годунова². Этот чертеж был опубликован А. Э. Норденшельдом³ как «первая карта северо-востока Азии, основанная на действительном наблюдении». Полностью с этой характеристикой, разумеется, согласиться нельзя. Далеко еще не все было основано на данных «самовидцев», как тогда называли очевидцев. Хотя, разумеется, и тогдашние «самовидцы» (как и в настоящее время) не всегда поставляли точные сведения.

На чертеже Годунова и Колыма и Анадырь, например, впадают в Восточный, т. е. в Тихий, океан. Путь же из Студеного моря в Теплое правильно показан на этом чертеже открытым; очевидно, в этом сказались результаты похода Семена Дежнева 1648 г.

Чертеж, составленный под наблюдением П. И. Годунова, явился большим достижением географической науки. Но не менее велико было его практическое значение. Мы уже упоминали о том, что его скопировал шведский офицер-разведчик Эрик Пальмквист. Эту же карту тайком скопировал в Москве 8 января 1669 г. К. И. Прютц, другой швед, спутник посланника Швеции Фрица Кронмана, выпросив на несколько часов подлинник у боярина И. А. Воротынского⁴.

Имеются и другие данные о широком использовании карты П. И. Годунова 1667 г. Так, в 1674 г. в отчетах Лондонского королевского общества была напечатана анонимная заметка о северной части Сибири. Автор ее — бургомистр в Амстердаме Николай Витсен (1640 или 1641—1717 гг.) — написал в 1692 г. труд «Северная и восточная Татария». Наряду с утверждением, что Ледовитое море содержит пресную воду и что это не море, а только морской залив, Витсен сообщает, что, проехав на большое расстояние по ту сторону Новой Земли, можно было бы доплыть до самой Японии.

Витсен был близок с дьяком Сибирского приказа Андреем Андреевичем Винусом. Побывав в России только в 1664—1665 гг., Витсен, вернувшись в Голландию, пользовался чертежом Сибирской земли П. И. Годунова, который был ему прислан придворным живописцем царя Алексея Михайловича Станиславом Антоновичем Лапуцким.

Уже упоминалось, что новая русская карта 1667 г. оказала большое влияние на западноевропейскую картографию. Витсен был издателем труда датского голштинца Эверта Избранта Идеса, совершившего в 1692—1695 гг. в качестве русского посланника путешествие в Китай. Как указал сам Витсен, его карта была использована («большой частью взята») в 1699 г. при составлении карты Избрантом Идесом.

Как установлено в настоящее время, при издании и переиздании карты Идеса были использованы и более поздние источники, например общий чертеж Сибири, составленный С. У. Ремезовым в 1698 г.⁵

Карта Годунова через карты Витсена оказала несомненное влияние на карту Идеса. Эверт Избрант Идес жил в Москве с 1667 г., а в 1692 г. отправился в Китай с дипломатической миссией от имени России. О себе он говорил, что он родом из датской земли, писал на немецком языке⁶. Идес, как и можно было ожидать, учитывая время выхода в свет его книги, уже сообщает сведения о Чукотской земле. Он упоминает о г. Анадырске. Крайнюю северо-восточную оконечность Сибири он называет «Ледяным мысом» или «Святым носом». Пишет, что там холодно, что ледяные нагромождения во время морозов 1694 г., продолжившихся без перерыва до 1697 г., не оттаивали вовсе. Вопрос же о том, что представляют собой берега северо-востока Азии, карта оставляет открытым⁷.

Имеется предположение, что чертеж Годунова не только оказал влияние на современную ему западноевропейскую картографию, но и был издан в Германии. Однако некоторые историки это оспаривают⁸.

По каким-то причинам, возможно вследствие неполноты карты П. И. Годунова, всего лишь через 5 лет, в 1672 г., правительство предписало составить новый чертеж Сибири. Его отделяет от предшествующего очень небольшой промежуток времени, и он не оставил такого большого следа в науке, как чертеж Сибири П. И. Годунова 1667 г.

Чертеж 1672 г. долго считался утерянным, но копия с него была впервые опубликована в 1888 г. в Швеции в упомянутом выше альбоме Пальмквиста. Сохранилось и описание к этой карте под названием: «Список с чертежа Сибирской земли». Так озаглавлена рукопись в издании А. Титова. В издании «Сибирские летописи» его заглавие дано иначе: «Описание новые земли Сибирского государства, в которое оно время и каким случаем досталось за Московское государство и какое в той земле положение...». Представляет интерес и следующее место рукописи. «С левую сторону Ленскую позаде к Амурской стороне в море-океан больших рек пало: Охота, Рама, Товой, Тадуй, Анадыр, Пенжон, Камчатка, Чудон; а от Чюдона устья реки великий камень пошел во океан-море теплое за 500 поприщ и устье великие реки Амура возле края океана-моря теплого. А за тем камнем нос, который в морскую пучину пошел... А в великую реку Генесею морем-океаном водою и судами нет ходу за тем камнем великим и по ту сторону носа камня за великими страшными льдами»⁹.

Однако в этом же документе, в другом его списке, есть место огромной важности.

В «Российском магазине», журнале, издававшемся Федором Туманским, приведен отрывок из рукописи «Описание к чертежу Сибирской земли»: «...Амурским морем в Китайское царство ходу нет, для того, что лежит камень кругом всей земли от Мангазейского моря и до Амурского, и тот камень протянулся в море, и около его обойти никто не может, для того, что льды велики притискают и ростирают, а взойти на него человеку невозможно, а есть проход в Китайское царство»¹⁰.

В этом же документе сообщено: «...а от устья Колымы реки и кругом земли мимо устей рек Ковычи и Нанабары и Илии, Дуры до каменной преграды, как бывает, что льды пропустят, и до того камня парусом добегают об одно лето, а как льды не пустят, и по три года доходят».

Под рубрикой этого документа «8 грань» сказано: «а через тот камень ходу день, а как на него человек взойдет, и он оба моря видит: Ленское и Амурское».

Как явствует из этого места, в списке чертежа Сибирской земли, относящемся к периоду не позже 1696 или 1697 г., совершенно несомненно напластование различных известий. В основе их лежит сведение о том, что между Мангазейским морем и Амурским, т. е. между Ледовитым океаном и Тихим, лежит «камень» кругом всей земли, что этот камень протянулся в море и что обойти его никто не может вследствие великих льдов. Однако в том же документе дальше сообщено сведение другого порядка. Оказывается, от устья Колымы, мимо устьев рек Ковычи и Нанабары и Илии и Дуры (Ковыча и Нанабара могут быть Анадырем, Дура — Амур) пройти можно. Оказывается, бывает, что льды пропускают суда, и тогда до каменной преграды парусом добегают в одно лето, а в других случаях на это надо потратить и 3 года. Там же указано, что если перейти через «камень», с которого видны оба моря — Ленское и Амурское, то приходят на р. Анадырь и тут промышляют «рыбью кость». И дальше говорится, что «Каменный нос», протянувшийся между Нанабарой и Ковычей, «насилу обходят»¹¹. Таким образом, дается иная версия — о возможности, хотя и с трудом, не только дойти до «Каменного носа», но и обойти его морем.

Совершенно конкретные данные о возможности морского плавания из устья Колымы к Амурскому устью или во всяком случае какой-то из рек Тихого океана могут быть, конечно, отзвуком похода Дежнева. К этой мысли приводит и упоминание о том, что, перейдя через «Камень» (Анадырский хребет), можно промышлять «рыбью кость». Но самое интересное — это то, что в варианте 1696 или 1697 г. рассказывается о мореплавании кругом Чукотского полуострова, как о чем-то не только возможном, но и повторяющемся.

В манускрипте, хранящемся в рукописном отделе Ленинской библиотеки, опубликованном в издании Археографической

комиссии «Сибирские летописи» (СПб., 1907) и Титовым в его книге «Сибирь XVII века» под заглавием «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства»¹² (это «Описание» составлено после 1683 г.), говорится: «И от Байкала моря пошел пояс камень великой и непроходной позаде Лены реки, а пошел тот камень далече в море-океан на 500 поприщ и для того с Лены морем в Китайское государство и в великую реку Амуру проходу и проезду нет» (поприще — путевая мера, суточный переход около 20 верст). Сопоставим с этим и некоторые другие известия, относящиеся к тому же примерно времени.

Витсен сообщает, что граф Федор Алексеевич Головин, адмирал, когда он был тобольским наместником (в 90-х годах XVII в., до 1697 г.), «отправил по Енисею в море 60 человек, чтобы попытаться проехать оттуда к Лене и обогнуть ледяной мыс (Ус-Каер)»¹³, но никто из них не вернулся, так что морской берег там неизвестен.

В. Ю. Визе приводит известие Витсена о русском дворянине Иване Толстоухове, который в 1686 г. поплыл по приказу по Енисею на трех кочах, чтобы обогнуть с севера морские берега. «Однако, он не вернулся, и можно думать, что он погиб со всей своей командой»¹⁴.

Б. П. Полевой нашел в Центральном государственном архиве древних актов «Наказную память» от 1697 г. для нового воеводы Якутска Д. А. Траурнихта, на которой имеется вставка, сделанная рукою подвижника Петра I А. А. Виниуса. В этой вставке Траурнихту поручалось по приезде в Сибирь проверить «всякими мерами накрепко» ходивши вниз по Лене, возможно ли «морем судам идти» на Тихий океан. В случае, если это было возможно, Траурнихту поручалось «к такому морскому пути сделать суды, удобные со всякими судовыми запасами»...¹⁵

По мнению крупного исследователя сибирских экспедиций, редактора «Записок Гидрографического департамента Морского министерства», историка-моряка А. П. Соколова, сибиряки имели сведения о «Большой земле», т. е. Америке, от чукчей еще с середины XVII в. К сожалению, Соколов никакими данными это свое интересное положение не подкрепил.

Хотя Соколов и не указал источника, из которого почерпнул свое интересное сведение, однако можно с полным вероятием указать, откуда он взял эти чрезвычайно важные данные. П. Паллас в академическом месяцеслове на 1781 г. отметил, говоря о чукчах, что это только один народ Сибири, который остался независим от России. «По сказкам сих Чукчеев,— пишет Паллас,— еще в половине прошлого столетия (т. е. XVII в.—А. Е.) известно было, что насупротив обитаемой ими земли лежит в дальнем расстоянии обширная, матерая земля, но,— комментирует Паллас,— таковые сказки данного народа казались сперва недостоверными»¹⁶.

В противоположность А. П. Соколову Ф. А. Голдер полагает, что «ни откуда не следует, что русские в Сибири до времени Беринга с уверенностью или предположительно ассоциировали эти острова с Америкой или что у них была хоть какая-либо идея об этой стране»¹⁷. Однако если чукчи или сибирские промышленники и служилые люди вряд ли имели представление об Америке — хотя, как мы увидим, они представляли, что против Чукотского полуострова находится не остров, а земля, т. е. континент,— то в отношении ученых людей, работавших в центральной России, подобное предположение разительно опровергается имеющимися бесспорными данными. Сошлемся на некоторые документы.

Один из документов, опровергающих точку зрения Ф. А. Голдера,— это опубликованное в 1893 г. известным архивным работником С. Белокуровым относящееся ко времени царя Алексея Михайловича «Описание чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттоле к Восточной Индии»¹⁸.

Автор этого сообщения — человек, как видно, начитанный и находившийся в курсе научной литературы того времени,— вначале сослался на неудачу англичан и голландцев, которые посылали по два-три корабля, чтобы найти путь в Китай и Индию мимо Новой Земли. Эти попытки не увенчались успехом. Корабли не могли пройти дальше Новой Земли «великих ради льдов и стужи и тьмы и мгла». Оказывается, что лед в тех местах бывает толщиной в 20 и 30 саженей. Этот лед «движется» в море и корабли разбивает. Солнце видно лишь в течение трех месяцев, от июня до сентября, «но и тогда малая теплота бывает, а тьма чрез три месяцы непрестанная, только луна светит и день и ночь». Далее автор сообщает, что есть «морская пролива, именуемая акиян. Этой проливой, идя подалее от берега, можно пройти в Китай и Индию, но никто еще не проведал этого пути и никто не знает остров ли Новая Земля или твердая земля, соединенная с Америкой, т. е. Новым светом». «Многие землеписатели чают, что Новая Земля соединяется с Северною Америкой, но по указанным выше причинам, никто не сумел проведал океан даже до Оби реки». Как видно из этого описания, его автор совершенно отчетливо представлял себе, что Америка находится к востоку от Новой Земли.

Другие сведения такого же порядка идут через французского иезуита Авриля (1651—1690 гг.). Он опубликовал и карту, являющуюся копией карты Николая Спафария, русского посла в Китае в 1676 г.¹⁹

Возможно, полемизируя с Жербильоном, утверждавшим, что Сибирь — это пустыня, Авриль пишет: «Все эти степи, прежде известные в общем под именем Великой Татарии, не суть степи ни пустыни, как донныне воображали.

Весьма жаль, что ими не пользуются, ибо они орошены большим количеством прекрасных рек и доставляют множество драгоценных товаров, беспрерывно все более и более умножающихся»²⁰.

Авриль отметил, что открытие «бегемотовой кости» было сделано жителями острова, откуда, по словам москвитян, вышли колонии, населявшие Америку.

Покинув Москву во второй раз в 1689 г. и ссылаясь на свои разговоры с москвичами, Авриль, несомненно, не мог получить эти сведения позже 1689 г. Сами по себе эти сведения примечательны. Оказывается, с какого-то сибирского острова вышли колонии, которые населили Америку. О чем идет речь? О каком-либо конкретном факте устройства русскими поселения в Америке (а версия о русском поселении в Северной Америке в XVII в., как мы увидим дальше, существует) или же о событии более древнем и, возможно, неоднократно повторявшемся? Из дальнейшего изложения Авриля видно, что скорее речь идет о последнем. Оказывается, как сообщил Мусин-Пушкин, в устье Оби есть большой и весьма населенный остров, жители которого занимаются ловлей «бегемотов» (так французский путешественник назвал моржей).

Жители острова обычно вместе с семьями приезжают к берегам моря для этой ловли. Но на море часто отламываются большие куски льда, и их уносит неизвестно куда. Мусин-Пушкин не сомневается, что многие из охотников таким образом доплывают на льдинах «к северному мысу Америки, весьма недалекому от этой части Азии, оканчивающейся Татарским морем».

Свое мнение Мусин-Пушкин подтвердил интересным и правильным этнографическим аргументом. «Меня убеждает в этом мнении и то, — сказал он, — что американцы, обитающие на выдавшейся далее других в море в сей стороне части Америки, одинакового вида с островитянами, которых ненасытная жадность прибытка подвергает погибели или опасному переезду в чужую сторону».

Мусин-Пушкин отметил сходство жителей северо-восточной части Азии и Северной Америки, и это совершенно верно, так как чукчи, коряки и камчадалы (ительмены), по мнению исследователей-этнографов, обладают некоторым сходством с индейцами Северной Америки (но не эскимосами, которые, занимая ряд территорий в Западной Аляске, клином врезаются между ними).

Таким образом в 1689 г. в Москве уже имелись предположения о близости Америки к Азии.

Приведя мнение воеводы, Авриль от себя добавил соображение о том, что «на американском берегу находят многих животных, которые водятся и в Московии, особенно бобров, которые могли перейти туда по льду»²¹.

Как мы видим, хотя бы из оценки москвичами открытий Францбекова и из чрезвычайно интересных замечаний Мусина-Пушкина, утверждение Ф. Голдера, что русские не ассоциировали Большой земли с Америкой, приходится отнести как несостоятельное.

В середине XVII в. новый этап в развитии географической науки был открыт походами Копылова и Москвитина, Стадухина, Дежнева и Алексеева, Моторы, Пояркова и Хабарова. В конце того же столетия исключительно важную роль сыграл поход Атласова. Если Атласов не открыл, то привел в русское подданство Камчатку и доставил сведения о Чукотской земле, об Америке и новые сведения о Японии.

Вряд ли в настоящее время уже нашел свою должную оценку поход Атласова. Этот поход дал огромные и практические и научные результаты. От этого похода и, связанной с реализацией его результатов целой серии различных карт начинается новый этап в изучении географии Дальнего Востока и в то же время новый этап его практического освоения.

Напоминаем вкратце об основных обстоятельствах похода Атласова.

В августе 1697 г. в Анадырь прибыл приказчик Володимер Атласов. Посланный еще в 1695 г. на Камчатку казак Морозко «погромил» Камчадалский острог на р. Тигиле, взял там неизвестные (японские) письма, собрал сведения о Камчатке и о гряде островов за ней — о Курильских островах.

В статье М. И. Белова «Русские походы на Камчатку до Атласова»²² установлено, что до Атласова на Камчатку служилые и промышленные люди совершали поход из Анадырского острога не один, как полагали раньше, а не меньше 5 раз. С этим можно поставить в связь, что еще в 1667 г. на «Печатном чертеже Сибири» появилось изображение Камчатки.

В 1697 же году Атласов сам отправился в поход на Камчатку и обьясачил коряков в Акланском каменном и Устьталовском острожках, а острожек на р. Чаныч, впадающей в р. Камчатку, взял с бою, поставив крест с надписью: «В 205 году, июля 18 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи (55 человек)». Атласов дошел до р. Нынгучу, переименованной в р. Голыгину, по имени потерявшегося там казака. Атласов заложил Верхне-Камчатское зимовье.

2 июля 1700 г. Атласов был уже в Якутске. Оттуда его направили в Москву, где назначили правителем нового края. Атласов, прославившийся своим отчетом о покорении Камчатки, был крестьянином.

В «скаске» В. Атласова, записанной в Сибирском приказе в Москве в 1701 г., имеются весьма конкретные известия об Америке. Сущность его сведений сводится к тому, что против «необходимого носу» (т. е. такого, который нельзя обойти) между

реками Колымой и Анадырем... есть остров, а с того острова зимою, как море замерзнет, приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболей худые, подобно зверю хорьку; и тех соболей соболя с три он, Володимер, видел».

Далее Атласов сообщил, что у тех соболей хвосты длиной с четверть аршина с поперечными черными и красными полосами²³. Эти первые скудные и не вполне точные сведения, относящиеся к Америке, и самим Атласовым не ассоциировавшиеся с Новым светом, сыграли все же огромную роль в связи с тем, что в 1700 г. Атласов был направлен для информации в Москву. Эти сведения дошли до Петра I. Одновременно со сведениями о «Большой земле» Петр I получил от того же Атласова и от взяттого Атласовым на р. Иче, на Камчатке, японца Денбея, доставленного по требованию Петра I в Москву, новые сведения о Японии.

Денбей отправился из Осаки в Эдо в 1695 г. Потеряв мачту во время шторма, его судно 6 месяцев блуждало в открытом море и в конце концов потерпело крушение у южного берега Камчатки. В 1699 г. Атласов вместе с единственным японцем, оставшимся в живых при кораблекрушении, отправился в Якутск.

Появившийся в Москве в конце декабря 1701 г. японец в устных разговорах и в официальных документах фигурировал в качестве индийца²⁴, китайца²⁵ и «апонского татарина»²⁶. Атласов же утверждал, что «узакинский китаец» Денбей лицом похож на гречанина. Петр I до встречи с Денбеем осторожно назвал его иноземцем, но был живо заинтересован им, послал его встретить и приказал везти «со всяким поспешением и обережью»²⁷.

На вопрос Атласова, кто он такой, иноземец ответил, что он Узакинского княжества. Ответ Денбея был вполне естественным — при токугавском строе японцы были не подданными императора (такowymi они стали только с 1871 г.) и не подданными сегуна (исключая тех, кто жил на его землях), а находились в подданстве у своего дайме. Денбей, очевидно, назвал своего дайме и при этом, возможно, добавил, что дайме подвластен либо императору, либо сегуну, но Атласов этого не понял; надо учесть, что хотя Атласов был человеком недюжинным, но географические познания его были более чем ограниченны, Денбей же в то время не знал русского языка, а Атласов — японского. Объяснение, очевидно, шло через переводчиков-моряков, у которых Денбей жил в качестве «полоненика», причем, надо думать, научился кое-как говорить по-коряцки. Пока Денбей болел, а затем ехал до Москвы, он уже подучился русскому языку — в то время на путь от Камчатки до Москвы требовалось очень много времени.

8 января 1702 г. Денбей, сын Диаса, торговца из Нагасаки, был вызван к Петру I в село Преображенское и имел многочасовую аудиенцию, во время которой сообщил сведения о Японии

и Курильских островах. Денбей сообщил, в частности, что японцы имеют пушечки, из которых стреляют порохом, а у воинов — оружие: мушкеты, копья, сабли. Царь из Кубо-Сама (так в оригинале) живет в Енде (Эддо), а «в подобие патриарху» (сегун) Дайре Сама в Миаке (Киото).

По мнению Денбея, Япония и Китай соединены сушей. «А серебра-де и золота в его земле много», показал Денбей, но чеканить его разрешено только в двух городах — Енде и Миаке. У царя же японского палаты золотые и серебряные. «А в Курильской-де земле тамочные народы взяли у них, Денбея с товарищи, меньших золотых два ящика, пуда по два, и тех золотых они камчадалские народы не знают, — роздали детям играть своим»²⁸. Денбей сообщил: в Нагасаки имеют дома немцы (нетрудно догадаться, что он имел в виду голландцев, живших на острове Десима, или Десина, у Нагасаки), «а в иные города японские земли немец и никого чужеземцев торговать не пускают»²⁹.

Можно себе представить, как могли заинтересовать сведения, полученные от Денбея, Петра I, реально поставленного перед проблемой взаимоотношений с Японией, до того располагавшего некоторыми сведениями о Японии, в частности собранными во время поездки в Китай русского посла, валаха по происхождению, Николая Спафария, отчет которого был составлен в 1678 г. Хотя Денбей сообщил, что японцы ни с кем не воюют, но он же информировал, что им известно огнестрельное оружие, что японцы имеют постоянные связи с европейцами, «немцами», что Япония соединена сушей с Китаем и, следовательно, что японцы могут легко оказаться на сухопутной границе с Китаем.

Петр так решил судьбу Денбея: приказал обучить его русской грамоте, чтобы он мог учить японскому языку и грамоте «трех-четырех русских ребят». В 1710 г. Денбей просил царя отпустить его домой, но Петр приказал оставить его в России и крестить. Денбей из Нагасаки стал Гавриилом.

По данным А. Сгибнева, Денбей в 1701 г. преподавал японский язык в школе, учрежденной Петром I, и еще в 1739 г. эта школа функционировала³⁰. Ученики Денбея или их преемники принимали участие во второй экспедиции Беринга в качестве переводчиков.

Как уже упомянуто, с открытиями Атласова связан новый этап в исследовании русскими Тихого океана. Документы архивов говорят о том, что уже с 1705 г. сибирскими властями была поставлена задача открыть новые острова и земли на необъятном пространстве и составить карты от Колымы до Камчатки. Сущность этого задания станет несколько понятнее, если вспомнить, что в то время многие полагали, что реки Колыма и Камчатка текут рядом одна с другой и на небольшом одна от другой расстоянии впадают в «море-океан».

В XVII в. составление карт происходило не совсем так, как в настоящее время, скорее совсем не так, как теперь. Тогда не производили еще астрономических измерений. Территория России не была еще покрыта астропунктами и тригонометрическими знаками. Карты делали без градусной сетки, но некоторое подобие масштаба существовало. Когда приходил указ составить карту, то составители скликали бывалых людей и расспрашивали их о том, какие пункты в какой стороне, ориентируясь по солнцу на полуденную сторону, на полуночную и т. д., и за сколько дневных переходов находятся. Опрашивали старожилов и «сведомцев», «памятных бывальцев», «достоверных писцов», «всяких разных чинов русских людей и иностранных жителей» — пришельцев.

Расспрашивали о сухопутных путях, о речных, о волоках, о морских путях. Ввиду того, что масштабы чертежей получались весьма приблизительными, к ним обязательно прилагались «росписи» городам (описания) с указанием, как и во сколько времени туда можно проехать. Большая заслуга П. И. Годунова и С. У. Ремезова как раз и состоит в том, что они собрали много материала и составили на основании его целые серии чертежей.

С. У. Ремезов составил общую карту Сибири. Но при указанном выше способе составления карт было очень трудно решить некоторые вопросы. Где, например, Сибирская земля делает поворот от моря «Студеного» (Ледовитого) к «Теплому» (Тихому океану)? Где находится «северный угол»? На чертеже П. И. Годунова 1667 г. был дан такой ответ — до р. Лены. Лена впадает в «Теплое море». На общем чертеже Сибири Ремезова, составленном в 1698 г., ответ был дан иной — поворот от Ледовитого океана к «Восточному» находится сейчас же за Леной. Лена впадает в «Студеное море» (на других русских картах — «море Мангазейское»). Сейчас же за ней в море уходит каменная гряда, конца которой не знают. Тут же нагромождение льдов. За поворотом находится тоже «Студеное море» — море «Ледовитое» (на других картах — «море Ленское»), которое, без видимых градаций, к югу переходит в «море Теплое».

На карте Эверта Избранта Идеса дается новая и относительно более близкая к истине версия. Поворот от Студеного моря к Теплому показан без цепи гор, уходящих в морскую пучину на неопределенное расстояние. Поворот этот обозначен не сейчас же за Леной, но на некотором от нее расстоянии. Изображен «Святой нос» (правда, западнее, чем на самом деле. Камчатка изображена в виде реки. У Ремезова на карте 1698 г. Камчатка показана островом).

А. И. Андреев утверждал, что на картах Ремезова 1698—1700 гг. «путь по морю от устья Лены до устья Амура совершенно открыт»³¹. Если всмотреться в надписи на «Чертеже земли Якутского города», то нельзя не остановиться на следующем;

«Нос необходимый. Падет с вершины Анадырской в море. Конца у него не ведают. А живут на том носу Иноземцы многие неясашные коряки и чюкчи».

Общий чертеж Сибири, составленный Ремезовым в 1698 г., выдвигает версию о том, что северный морской путь вокруг севера Азии невозможен. Если сопоставить чертеж Ремезова и «Описание земли, сиречь Сибирского царства», то в названном документе как раз говорится о том, что «позади Лены реки в море-акыян пошел Камень великий и непроходимой на 500 поприщ», т. е. примерно на 700 верст. Карта Ремезова может являться иллюстрацией к названной рукописи.

В служебной книге Ремезова на «Чертеже земли Якутского города» (л. 96) «морской ход» от Лены до р. Удь показан свободным и даже на карте нет надписи о том, что на этом пути существуют какие-либо «необходимые» или «обходимые» препятствия. Создается впечатление, что действительно Ремезов пришел к мысли о возможности морского пути кругом севера Азии. Но такое впечатление не имеет под собой достаточной основы. На 95-м листе той же служебной чертежной книги Ремезова имеется «доезд» — описание к этой самой карте, в котором сказано: «А с вершины реки Анадырской нос непроходимой в море, а конца у него не ведают, а живут на том носу много иноземцев неясашные — коряки и чюкчи и чюхоты. А от Анадырского острогу до Камчатки реки ходят по речкам и через хребты в походы служилые люди по 15 и по 20». Таким образом, эта надпись полностью опровергает мнение о том, что Ремезов в чертежной книге Сибири допускал возможность свободного плавания кругом севера Сибири. К тому же в той же книге, на 98-м листе, имеется вариант «Чертежа земли Якутского города», где недалеко за Леной к востоку от нее нанесен выступающий в море не ограниченный мыс³².

Б. П. Полевой полагает, что составители общих и частных чертежей Сибири, имеющих у Ремезова, говоря о «Носе», имели в виду мыс, т. е. не соединение Азии с каким-то другим материком, но наличие у Азиатского материка тех или иных выступов, мысов, и что «необходимыми» (т. е. такими, которые нельзя было обойти) эти мысы именовали только потому, что около них наблюдалось скопление льдов.

Нам представляется более точной формулировка, вытекающая из борьбы на рубеже XVII—XVIII вв. в русской картографии двух версий по вопросу о том, омывается ли Азия с севера и востока морем или нет. Это наше положение подтверждается тем, что, говоря о том или ином «необходимом носе», иногда оговаривались, что конца этому «носу» не знают. Да и на позднейших картах, например Я. А. Ельчина, а также в позднейших документах оставался нерешенным вопрос, «сошлась ли Азия с другим землей», например с Америкой.

На замечательной русской карте А. А. Виниуса, дьяка Сибирского приказа, обобщившего современные ему данные русской географической науки³³, показаны два «необходимых носа» — один после р. Лены, другой между Колымой и Анабарой. Эта версия все еще далека от действительности.

Изучение карт, составленных до чертежа Ремезова 1700 г. и Ивана Львова, например, карты П. И. Годунова 1667 г. или «Общего чертежа Сибири» 1672 г., а также некоторых иностранных карт того же периода — Меркатора, Ортелия, Гондия, Блавия и других, не приводит к обнаружению каких-либо признаков Чукотского полуострова, за исключением чертежей Сибири 1673 г. Мифический мыс Табин на некоторых из этих карт можно найти, но это отголосок легендарного древнего сказания. Конкретных, достоверных очертаний этот мыс не имеет.

Карты Ремезова дали основанное на конкретных данных, хотя и приблизительное, сравнительно детальное изображение Чукотского полуострова, не легендарного, а подлинного Tabin Promontorium (мыса Табин).

Сведения Атласова и чертеж, им составленный, посланные в Москву, были перехвачены в пути в Тобольске Ремезовым. Об этом свидетельствуют документы.

В декабре 1700 г. в отписке в Сибирский приказ тобольских воевод кн. Михайла Черкасского «с товарищи» говорится, что Ремезов немедленно после записи «скаска» Атласова явился в приказную палату и просил разрешения списать «скаску», нужную ему для составления чертежа³⁴.

Атласов прожил в Тобольске с 16 по 30 декабря 1700 г., когда там находился Ремезов. Вполне возможно, что он виделся и говорил с ним. По челобитью Семена Ремезова кн. М. Черкасский «с товарищи» разрешил снять якутскую печать и «скаску» списать. «Скаску» запечатали тобольской печатью и послали в Москву в Сибирский приказ.

Чертежи, сделанные С. Ремезовым, были найдены И. А. Бычковым в Эрмитажном собрании рукописного отделения Ленинградской государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под № 237 и частично опубликованы А. И. Андреевым³⁵.

Поскольку чертеж, составленный Семеном Дежневым, до нас не дошел, карта атласа Ремезова является одной из древнейших карт, на которой нанесена на основании конкретных данных северо-восточная оконечность Азии и прилегающая часть Северной Америки — Аляски. Дважды опубликовавший эту карту А. И. Андреев опубликовал ее лишь как старинную карту Камчатки.

Эта карта, как и вообще «Служебная чертежная книга» С. У. Ремезова, была известна заведующему рукописным отделением государственной публичной библиотеки в Петрограде

члену-корреспонденту Академии наук И. А. Бычкову, который, как отметил А. И. Андреев, собирался сделать в 1911 г. сообщение об этой книге в Археографической комиссии, но не привел в исполнение своего намерения.

Впервые эта карта была опубликована А. И. Андреевым в «Очерках по источниковедению Сибири»³⁶, однако без указания на то, что она является древнейшей известной картой Чукотского полуострова и части Северной Америки. Многие надписи на репродукции не читаются, анализ карты публикатором почему-то не дан. Высказано предположение, что эта карта связана с получением в Тобольске «скаска» Атласова и сделана в Якутске Траурнихтом на основании сведений этой «скаска», а также, возможно, дополнена Ремезовым на основании сведений, полученных им лично в Тобольске от Атласова в конце 1700 г.

Судя по почерку, чертеж составлен, по-видимому, собственноручно С. У. Ремезовым. Анализ надписей подтверждает предположение, что этот чертеж составлен под влиянием сведений Атласова, однако он содержит в некоторых отношениях больше сведений, чем имеется в «скаска» Атласова.

Прежде всего обратим внимание на то, что против Чукотской земли изображен один большой остров, т. е. Аляска. Это соответствует «скаска» Атласова, который вовсе не упоминает об островах Диомиды. На территории Аляски надпись: «Землица вновь проведена». У Аляски изображено три острова. Кроме того, имеется надпись: «кынынцы» — это один из вариантов чукотского названия жителей Аляски — кынынцы, кыхмыльцы, кыкыкмеи и т. п. В «скаска» Атласова этого названия нет. Выше «кынынцы» написано: «остроги многи».

На территории Чукотского полуострова надписи: «Корга большая до моря». Внизу «Корга Чуконка». На р. Березовой условное обозначение «ж», т. е. жилье, и надпись «чюкчи ясака не дают», т. е. чукчи немирные. Очень интересна надпись на южной оконечности Камчатки — «Земля Курилска на озере и на островах». Это первое известие о Курильских островах. Несомненно, от Атласова могут идти и сведения о крушении японских судов у юго-восточной оконечности Камчатки. Об этом же свидетельствуют надписи «пучина» и «зде унесло». Буква «л» на островах юго-восточнее Камчатки условно обозначает лес (юрты лесные, т. е. сделанные из дерева). Севернее этого обозначения нет. Имеется упоминание и о горячих ключах. Река Голыгина отсутствует.

Все эти моменты подтверждают влияние сведений Атласова на составителя или составителей настоящей карты.

Именно потому, что данная карта содержит больше сведений, чем имеется в «скаска» Атласова, она приобретает тем большее значение и интерес. Однако карта могла быть составлена позже и с добавлением каких-либо иных сведений³⁷.

Кроме того, никак нельзя отрицать, что эта карта может отражать данные или даже чертежи Дежнева и дежневцев.

Нельзя с окончательной уверенностью сделать заключение и о другой карте, находящейся в той же книге и помещенной на развороте предыдущего листа. Однако некоторые моменты можно отметить как бесспорные. Во-первых, на этой карте очень точно отражен путь Атласова из Якутска на Камчатку. Здесь показаны и путь через Лену к Алдану, затем к вершине р. Яны до Верхоянского зимовья через реки Тостак, Галянду и Индигирку к Индигирскому острогу, к Алазейскому зимовью до урочища Ярмонгы и т. д. Все эти пункты, а на некоторых этапах и путь Атласова, показанный пунктиром, имеются на карте. Интересно, например, что в «скаске» Атласова говорится о «необходимом носе», который «впал» в море. Эта же надпись имеется и на карте. В «скаске» Атласова говорится, что сам Атласов на этом «необходимом носу» не был, и на карте путь от Колымского зимовья к Анадырскому острогу показан пунктиром в обход «необходимого носа».

На карте имеется ряд сведений, повторяющих текст «скаски», например об огнедышащей горе. Атласов сказал, что он не знает, где Амур. На карте Амур не показан. Надписи на данной карте, как, например, «ключи горячие» и другие, являются прототипом надписей на карте 1710—1711 гг. Однако, поскольку на данной карте нашли отражение и перенос Нижне-Камчатского зимовья на Ключи, и постройка там острога, и массовое восстание олютор, начавшееся в 1705 г., она относится примерно к 1705—1706 гг. Эта карта, как и предыдущая, несомненно, тесно связана с первым походом Атласова. Обе карты, отражающие данные о походах Атласова, представляют огромный интерес.

На второй карте против Чукотского полуострова имеется надпись: «Новая земля». Возможно, что это и есть одно из первых картографических обозначений вообще на картах, относящихся к Северной Америке. То, что на этой карте не показано какое бы то ни было очертание американской территории, соответствует тому общему неопределенному характеру представлений об Америке, которое имелося у Атласова.

Данная карта уступает в полноте другим картам, найденным нами: якутской карте 1711 г. и карте сына боярского Ивана Львова, но об этих картах подробнее мы скажем в своем месте. Пока что мы отметим, что карты Ремезова оказали большое влияние на развитие картографии. Они были, например, использованы пленным шведским офицером Таббертом, жившим в Тобольске с 1711 по 1721 г. (после победы под Полтавой в одном Тобольске находилось более 800 пленных шведов). Табберт, впоследствии Страленберг, опубликовал свою карту в 1730 г.

Остановимся на вопросе об авторстве одной из самых интересных и в то же время загадочных карт — по надписи «Остро-

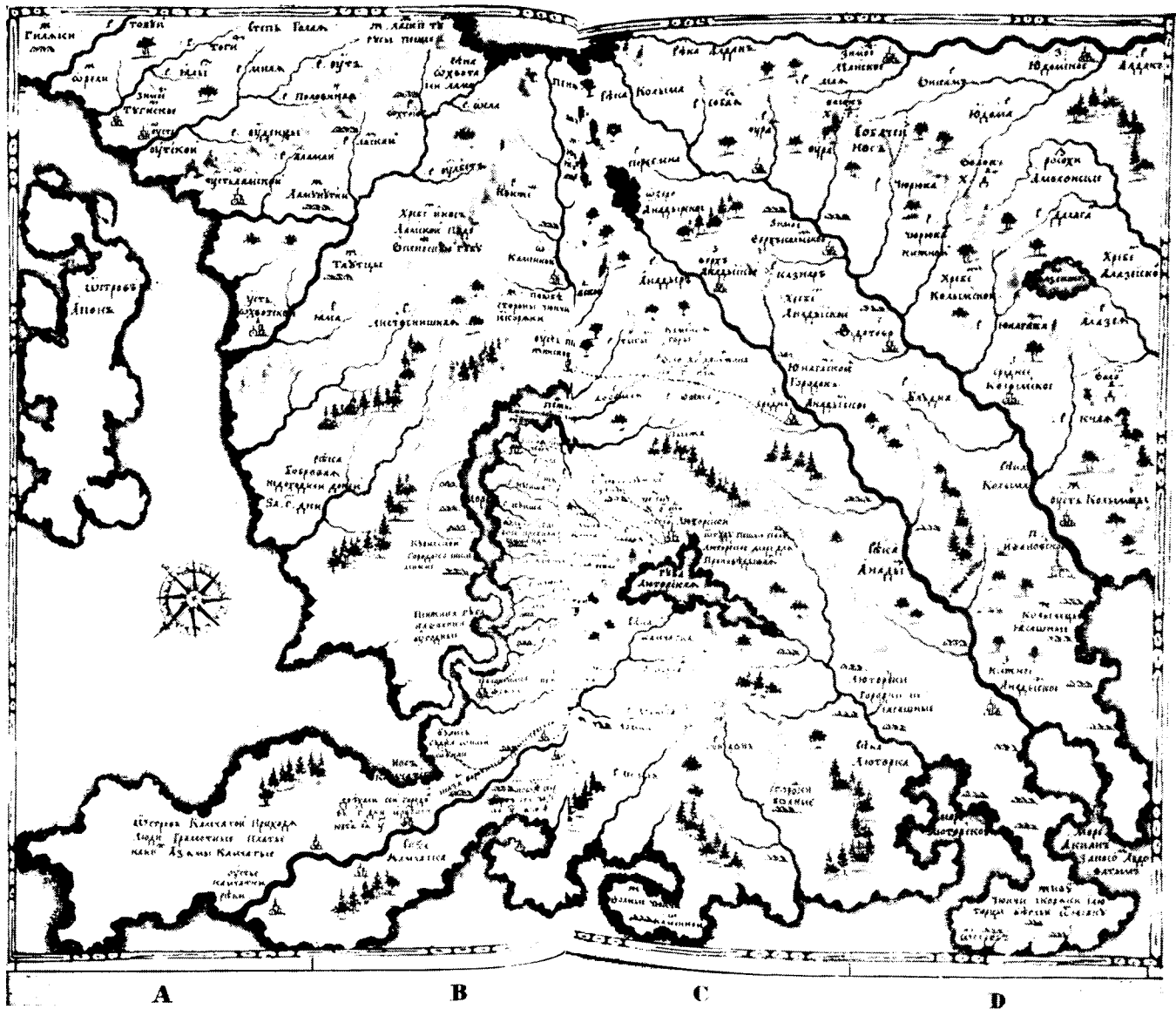
ва Камчатского», а по изображению полуострова, с нанесением всего северо-востока Сибири от Колымы до Тихого океана. Карта эта опубликована в «Атласе географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.» под ред. А. В. Ефимова (М., 1964) под № 47 как карта, составленная по данным Кубасова, причем указано, что в ней использованы и важнейшие данные Атласова. Карта воспроизведена по служебной чертежной книге С. У. Ремезова³⁸.

Еще в первом издании «Очерков по источниковедению Сибири», (Л., 1940) А. И. Андреев высказал предположение, что фамилия Кубасов появилась в результате описки Ремезова, а что речь должна идти не о Кубасове, а об Атласове. К этому же мнению присоединились Б. П. Полевой и Л. А. Гольденберг³⁹.

Б. П. Полевой, тщательно исследовав вопрос, установил, что Кубасовых было в Сибири три, что ни одного из них не звали Владимиром и что ни один из них не ходил в поход на Камчатку. Однако трудно заподозрить С. Ремезова в «описке» такого рода. Человек этот отличался исключительной точностью. К тому же он работал не один, а, по нашим понятиям, с целым институтом, хотя и небольшим и семейного состава. В этом коллективе грудились, кроме самого С. У. Ремезова, и его сыновья Семен (младший), Леонтий и Иван. Странно было бы предположить, что все семейство Ремезовых ошиблось, сообщая подробные сведения о карте, но еще более невероятным будет предположение, что Ремезовы сочинили фальшивый документ о походе Владимира Кубасова на Восток. А между тем это последнее предположение и является единственно вероятным, если учесть одно обстоятельство жизни Атласова. Дело в том, что, сделав важнейшие открытия и присоединив огромную территорию к России, пятидесятник Атласов был послан с донесением в Москву.

8 февраля 1700 г. якутский воевода Траурнихт получил отписку Атласова о его походе. В июле того же года Атласова послали в Москву. В апреле 1701 г. он выехал обратно в Якутск, но по пути ограбил торговый караван одного купца, был арестован, и началось следствие. Когда известие об этом дошло до Сибири, а еще до того Атласова два раза наказывали кнутом на козле, то похоже, что Ремезов в документе о походе на Камчатку, оставив имя Владимир, вместо фамилии Атласов умышленно, а не в порядке описки, поставил вымышленную фамилию Кубасов.

К началу XVIII в. уже были открыты и Чукотский полуостров, и Камчатка, и даже была открыта со стороны России и нанесена на карту Америка — та ее часть, которая в то время в Загрядной Европе оставалась еще совершенно неизвестной. Однако еще не все были уверены, что «Большая земля» — это Америка. Не были известны и очертания всего побережья северо-востока Азии. Сомневались, не начинается ли где-нибудь перешеек, соединяющий Азию и Америку.

Карта по данным «Кубасова»
(«Атлас», № 47)

Между тем ряд документов XVII в. и, в частности, общий чертеж Сибири Ремезова 1698 г. давали неопределенное решение вопроса о соединении Азии с Америкой. Это вскоре же нашло отражение и на западноевропейских картах. На карте, составленной Витсенем и помеченной 1687 г., нанесен в виде полуострова «необходимой нос», причем указано, по какой причине этот «нос» нельзя обойти. По мнению Л. С. Берга, Витсен пользовался русскими картами 1667 и 1672 гг. Однако Витсен явно пользовался и какими-то другими источниками.

На карте, изданной первым королевским географом Гийомом де Лилем в Париже в 1707 г., против «носа» написано, что неизвестно, где оканчивается цепь гор и соединяется ли она с каким-либо другим континентом.

В распоряжении Гийома де Лиля явно не было других сколько-нибудь бесспорных данных, кроме карты Витсена и чертежей Ремезова. Вполне возможно, что название «необходимой» (вследствие непроходимых льдов) при отсутствии других данных было истолковано как ссылка на то, что «нос» нельзя обойти ввиду того, что это не «нос», а перешеек.

На карте Вебера, изданной в 1722 г. в Лондоне, уже прямо утверждается, что на «носу» имеется цепь гор, которая соединяется с Америкой.

Таким образом, название «необходимой нос» — результат временного забвения данных о путешествии Дежнева и невозможности собрать сведения о северо-восточной оконечности Азии ввиду сопротивления коренного населения, а также и того, что «чукотская земля» была бедна соболями и промышленники не были особенно заинтересованы в ее освоении. Все это способствовало длительному поддержанию версии о возможном соединении Азии с каким-либо другим континентом и сделало эту версию стойкой. Она неоднократно воскресала и после путешествия Беринга, и даже после составления Дауркиным карты берегов Азии и Америки (1765 г.) и в последний раз фигурировала в виде гипотезы в 20-х годах XIX в. в официальном документе морского министерства, в инструкции, написанной при снаряжении экспедиции Врангеля.

Имеются и другие карты, на которых вопрос о том, сошлась ли Америка с Азией, оставлен открытым, например карта геодезиста Евреинова (1722 г.), карта 1726 г., которая приписывается Шестакову и составлена, можно полагать, при участии его и Кирилова⁴⁰.

Таким образом, существовали две версии, знание было неустойчивым. Вопрос не был решен. Подобно тому, как европейцы, зная сухопутный путь в Индию, хотели найти морской путь к ней кругом Африки или кругом света, в России теоретически знали, что тихоокеанского побережья Северной Америки можно достичь, обойдя кругом света. Но был поставлен вопрос о другом.

тоже очень длинном, но сравнительно кратчайшем пути в Америку через Сибирь. Однако на крайней восточной оконечности Сибири дорогу к Америке преграждали тысячи «немирных» чукчей, суровый арктический климат, отсутствие леса для постройки судов и удаленность от центральной России. Все это при тогдашних несовершенных средствах сообщения затрудняло решение задачи о нахождении пути в Америку через Сибирь.

В период поисков этого пути и, что интересно, даже независимо от этих поисков был открыт континент, расположенный неподалеку от Чукотского полуострова. Сведения об этом континенте первое время не всегда ассоциировались с Америкой. Этот континент был открыт как какая-то неизвестная «Большая земля» или как «Большой остров». Только значительно позже достоверно установили, что это Америка.

Со стороны же Америки ее северо-западная оконечность вовсе не была обследована до последних десятилетий XVIII в. В 20—30-х годах XVIII в. северо-западной части континента Северной Америки не достигал еще никто из европейцев. Никто из мореплавателей не побывал севернее побережья Орегона.

Френсис Дрейк, совершая свой пиратский рейд, за который был возведен в достоинство пэра, дошел в 1579 г. только до Северной Калифорнии, которую он назвал Новым Альбионом. Лишь немногим далее к северо-западу проник в 1603 г. Мартин Дагилляр⁴¹.

За отсутствием в какой-то мере точных сведений о «Восточном океане» к середине XVII в. на некоторых картах не помещали никаких земель между Азией и Америкой.

В начале XVII в. началось энергичное проникновение европейцев в Японию, но все же в течение долгого времени сведения о Японии продолжали оставаться весьма смутными⁴². Это имеет свои причины. Натиск европейцев на Японию в XVII в. был весьма непродолжительным. В 1637 г. европейцы были изгнаны из Японии. Дальнейшие географические изыскания могли бы производить голландцы, которые в порядке исключения сохранили свою факторию Десин, или Десима, недалеко от Нагасаки. Но голландцы были крайне стеснены в действиях своим особым положением в Японии. Они находились на положении пленников и жили в своей фактории как в тюрьме. Им было разрешено посылать по одной версии — два, по другой — до пяти кораблей в Японию в год. Имеется сведение о том, что приезжавшие в Японию голландские купцы должны были бросать под ноги крест и наступать на него, чтобы доказать, что они не миссионеры. Это особое положение голландцев в Японии и, с другой стороны, наступивший упадок самой Голландии ослабили их активность в морских предприятиях. Дальнейшие открытия в зоне Японии могли быть сделаны голландцами лишь в виде исключения. В порядке такого исключения и было совершено путешествие Мартина

Геритса де Фриза на корабле «Кастрикум» в 1643 г. к какому-то из Курильских островов. Но сильный туман помешал установить очертания виденной земли.

В связи с появлением корабля «Кастрикум» в зоне Японии на картах появились названия «Стетен айленд» и «Компани лэнд» — Земля компаний. В тех же местах португальский капитан Жуан де Гама дал название «виденной» им земле — Терра Гама. Эту землю географ Тейшейра нанес в 1649 г. на свою карту. Эти данные воспроизвели в своих атласах картографы Блеу (Blaeu), Меркатор, Гондий и другие западноевропейские географы. Некоторые из них считали, что около Японии есть земли Иезо; другие считали, что есть две земли Иезо — Иезо японская и Иезо американская.

В числе сведений, сообщенных Атласовым, были сведения о Курильских островах и о том, что за ними находится земля японцев, народа «царственного», т. е. имеющего государственную организацию, а не живущего родовым бытом, как чукчи или американские эскимосы.

Вопрос о соседстве с Японией, равным образом и о соседстве с европейскими державами в Америке, а следовательно, и о прилегающих к русским владениям островах и землях, представлял для России большой политический интерес. Из Сибирского приказа от царского имени последовал ряд указов в Иркутск, Тобольск, на Анадырь и на Камчатку о том, чтобы «проведавать земли и острова и привести иноземцев в ясачный платеж».

В грамоте от царского имени в 1702 г. из Сибирского приказа в якутскую воеводскую канцелярию предлагалось послать в Камчадалский острог приказчика и с ним сто человек — призывать иноземцев в ясачный платеж и домогаться, «чтобы учинить с Японским государством меж русскими людьми торги немалые, как и у Китайцев с русскими людьми бывают...».

В документе этом предлагалось узнать и «воинские японские люди какое у себя имеют оружие и битву, и к воинскому делу каковы удобны, и какими пути проезд к ним бывает...». Это связано с показанием Атласова и пленением Денбея. Савостьянову приказано было привести в порядок остроги и крепости. В том же документе говорилось: «и приложить тщание по сыску иных народов богатых, которые реки в море-океан Восточный впади и живут на островах и проведывать про них ласкою и учинить с ними дружбу и торговые промыслы»⁴³.

С 1700 г., после похода Атласова на Камчатку и появления его в Москве, начинается освоение Камчатки. В 1700 г., когда Атласов приехал в Москву, на Камчатку был назначен первый приказчик Тимофей Кобелев, построивший Большерецкое зимовье.

С 1704 г. до апреля 1706 г. на полуострове был приказчиком пятидесятник Колесов, который в 1705 г. послал на «немирных» курил казака Ламаева. Курилы покорились. Колесов был вытре-

бован в Москву, где в 1709 г. был пожалован в дворяне и щедро награжден.

В декабре 1707 г. казаки сместили Атласова, обвинив его в злоупотреблениях, и арестовали его.

Казаки избрали атаманом Анцифорова, а Ивана Козыревского — есаулом.

Как раз в это время, в 1710 г., у Калегирской бухты разбились две японские бусы⁴⁴ (джонки). От японцев, взятых с бус, казаки получили ряд сведений о Японии — стране, богатой золотом, серебром, медью и ценными тканями.

В 1711 г. от четырех японцев, подучившихся русскому языку, были получены новые сведения об их стране. В челобитной царю, составленной 75 казаками, сведения, сообщенные японцами, были изложены так: «А сказывают [т. е. называют] государство свое Эндо [здесь, конечно, ошибка. Эндо — это название города]; а около того их государства стоят семь городов не по дальнему расстоянию, но по близкому город от города. А стоит их государство против Камчадальского носу на Пенжинском море на острове⁴⁵. Японцы и 75 географов-самоучек довольно верно определили положение Японии — они не сказали только, на каком расстоянии она находится от Камчатки.

Японцы сообщили также казакам, что в их государстве и городах «золото и серебро родится», камки, китайки и дабы делают. (Даба — дешевая китайская бумажная ткань, похожая на кумач или бязь.) 75 авторов челобитной этим свою информацию о Японии ограничились, извиняя себя тем, что «Японцы еще недостаточно русскому разговору навыкли».

Далее 75 казаков сообщали, что они убили Осипа Липина за то якобы, что он не радел о проведывании вышеописанного «Апонского государства». Челобитная подписана Данилом Анцифоровым⁴⁶, Иваном Козыревским и др.

Вот эти именно казаки во главе с Анцифоровым и Козыревским решили загладить свою вину, совершив что-либо полезное для власти. Прежде всего они привели в подчинение камчадалов Большерецкого острога. Затем в августе 1711 г. они дошли до Курильской земли, т. е. до края «Камчадальского носа», и оттуда совершили поход на два Курильских острова, на первый к устью р. Кудтугана и на второй, где р. Ясовилка. Вернувшись на Большую реку 18 сентября, они «учинили за руками» чертеж⁴⁷.

Одним из результатов путешествия выдающегося исследователя Козыревского было то, что он собрал новые сведения о Японии.

В 1712 г. Козыревский совершил второй поход для «проведывания» Курильских островов. Как известно из документов, напечатанных во 2-й книге «Памятников сибирской истории XVIII века», и из работ Г. Ф. Миллера, А. Сгибнева («Морской сбор-

ник» за 1869 г., № 4) и Л. С. Берга, Козыревский составлял чертежи открытых им Курильских островов в 1711, 1712, 1713 и 1726 гг. Найденная нами карта — копия карты Козыревского, сделанная собственноручно С. У. Ремезовым, — не может относиться к 1726 г., так как Ремезов умер в 1715 г. Таким образом, данная карта не является той, которую Козыревский в 1726 г. показывал Берингу. Эта карта — более ранняя, составленная до 1715 г., но до этого года Козыревским были составлены три карты: в 1711, 1712 и 1713 гг. Какая же из них перед нами? Продолжая применять метод исключения, приходится исключить чертеж Козыревского, составленный примерно в апреле 1713 г.

На имеющемся у нас чертеже есть надпись на месте мыса Лопатки, очертания которого даны весьма приблизительно: «До сего места доходили Иван Козыревский с 18 человеками и виде-ли острова». Между тем в 1713 г. у Козыревского было 55 служилых людей и 11 местных жителей, всего 66 человек, а не 18, как указано на карте. Однако само по себе это расхождение данных о числе участников похода, имеющих в чертеже и в описании к нему, в документе, воспроизведенном в «Памятниках сибирской истории XVIII века» (кн. 2, стр. 536 и сл.), не играет решающей роли, так как экспедиция Козыревского могла продвигаться отдельными партиями.

В документе, помещенном в «Памятниках сибирской истории XVIII века», и в данных, приведенных Сгибневым и Миллером, имеются другие расхождения с найденным нами чертежом, которые абсолютно исключают возможность предположения, что публикуемый здесь «чертеж» относится к 1713 г. На данном чертеже «Матмай» показан и назван третьим островом, между тем в описании Козыревского 1713 г. он назван пятнадцатым островом. На «чертеже» на втором острове надпись: «О[стров] с него возят апонцы землю» (т. е. руду). В описании Козыревского 1713 г. сказано об этом острове: «Шестой Шококи, на который приезжают апонцы за рудой». Таким образом, данный чертеж никоим образом не может быть чертежом 1713 г. Однако надо решить, какой из двух чертежей перед нами — 1711 или 1712 г. Если обратиться к челобитной 75 казаков на царское имя об открытии Курильских островов, то становится сразу видно, что публикуемый здесь чертеж не может относиться к 1711 г. Прежде всего, во главе похода 1711 г. стоял не Козыревский, а Данила Анцифоров, который был атаманом. Козыревский был его помощником, есаулом, и он не мог написать на отчетном чертеже, что казаки ходили с ним, с Козыревским. В первом походе казаки ходили с Анцифоровым. Челобитная 1711 г. не дает никакого намека на сведение, которому в те времена придавали чрезвычайную важность; о том, что японцы с одного из Курильских островов возят руду. И в отношении некоторых других представлений настоящий чертеж содержит значительно больше данных,

чем челобитная 1711 г. Таким образом, возможной датировкой для данного чертежа является 1712 г. Анцифоров к этому времени был убит местными жителями. В 1712 г. на Камчатку был назначен новый приказчик, Иван Колесов. 10 сентября этого года он прибыл в Нижне-Камчатский острог и приказал Козыревскому «проведать острова за переливами» и составить чертеж, а также привезти «яшашную казну». В 1712 г. Козыревский уже был начальником похода.

Против предположения о том, что чертеж Козыревского не относится к 1712 г., выдвигается то, что, как явствует из документов, он в этом году не был непосредственно на Курильских островах. Однако он в 1711 г. был на первом острове и, собрав сведения во время этого похода и от местных жителей, мог составить карту в 1712 г. на основании «распросных данных». Надо учесть к тому же, что Козыревский был очень умелым и ловким человеком и что над ним, как и над другими казаками, нависла гроза в связи с убийством камчатского приказчика.

Сравнение чертежа Козыревского и карты Страленберга, опубликованной в 1730 г., показывает, что чертеж Козыревского оказал известное влияние на карту Страленберга, что слава Страленберга в значительной мере должна принадлежать Козыревскому, а также Атласову и Ремезову.

В апреле 1713 г. Козыревский с 55 казаками совершил третий поход для разведывания Курильских островов и «Апонского царства». Он побывал на ближних Курильских островах и, между прочим, сообщил, что на шестом острове имеется руда, какая именно — неизвестно. Козыревский составил отчет и чертеж, который был переслан якутскому воеводе Траурнихту. С Козыревским ходили 55 промышленных людей и 11 «яшашных иноземцев».

Козыревский вывез с Курильских островов пожитков на несколько тысяч, но камчатский приказчик Петриловский эти пожитки у него «вымучил», а Козыревского принудил в 1716 г. постричься в монахи. Казак и географ-исследователь Иван Козыревский отныне стал смиренным иноком Игнатием ⁴⁸.

Между тем о походе Козыревского появилось сообщение в петербургской газете, которое было подхвачено многими газетами в Европе.

В 1719 г. в Петербург был доставлен японец Сани, или Санима. Японский «полоненик», перекрещенный в Якутске в Ивана, подтвердил, что в Японии есть золото и серебро. Он сообщил, что с Камчатки привезли к ним в Японию бобров, которых они, японцы, «зело любят». Он сообщил также сведения о расстоянии различных пунктов Японии от Камчатки.

Как видно из дел Кабинета Петра I, материалы допроса Санимы были доложены царю.

К 1714 г. относится сведение об экспедиции на «Восточном океане» для открытия новых земель и островов.

Ганноверский резидент Ф. Х. Вебер, бывший в Москве в 1714—1720 гг.⁴⁹, сообщил, что Я. В. Брюс в 1718 г. уверял его, будто Япония соединена сушей с Азиатским материком. Брюс сказал также, что за 2 года до того он способствовал изданию царем указа правителю Нерчинска в Даурии, чтобы послать двух человек вдоль границ русских владений и к берегу «Восточного океана». Эти два человека были посажены там на борт судна и поплыли, чтобы исследовать какую-либо неизвестную страну, которая может находиться в этом океане. Они не имели никакого понятия о мореплавании. Пропутешествовав несколько недель вдоль берегов, они обследовали континент на протяжении четырех больших лиг (миль). При возвращении они погибли около берега от урагана на глазах народа. Неизвестно, какие открытия они сделали.

Брюс сказал, что он советовал царю вторично послать с той же целью человека, знающего астрономию и навигацию, с достаточным числом помощников. При этом Брюс имел в виду открытие пути для выгодной торговли с Японией.

Через 2 года, в 1716 г., два торговых дома в Петербурге обратились в сенат с просьбой дозволить торговлю с Японией и Ост-Индией из Северной Двины (т. е. Архангельска) через Обскую губу, Обь и другие реки, Байкал и Амур, неправильно полагая, что имеется удобный для сообщения речной путь от Архангельска до Амура, чтобы начать торговлю из Архангельска указанным путем с Японией и Ост-Индией. Этот проект был связан с представлением о невозможности обойти Азию морем с севера.

Ранее мы говорили о тех сведениях об Америке, которые приходили в Россию с Запада.

Сопоставляя эти сведения с теми, которые содержались в новейших географических западноевропейских атласах того времени, приходится признать, что огромная часть Северной Америки, а именно ее северо-западная часть, продолжала оставаться еще «страной мрака». Свет на эту страну мрака пролит впервые в результате русских экспедиций на «Восточном океане».

Победы над шведами и выход России к Балтийскому морю на широком протяжении открыли новый этап в продвижении России на острова и земли «Восточного моря», т. е. Тихого океана.

¹ Ю. В. Готье. Известие Пальмквиста о России. «Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом», 1889, № 3-4, стр. 63—98.

² Второй картой является чертеж 1672 г. (см.: А. И. Андреев. Очерки источниковедения Сибири XVII в. Л., 1940, стр. 13 и сл.).

³ А. Э. Норденшельд. Первая карта Северной Азии, основанная на действительных наблюдениях. Пер. со шведского. «Записки Военно-топографического отдела Главного штаба», ч. 44. СПб., 1889, разд. VII, стр. I—II.

⁴ Сохранился текст описания к карте П. И. Годунова. Заголовок его: «Чертеж всей Сибири, збранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича» (опубликован в издании: А. Титов. Сибирь XVII в. М., 1890, стр. 25—38). В этом описании особый интерес проявляется, как и в других, к путям между различными пунктами. Как проехать, сколько на это нужно времени — этому уделено много внимания. Однако вопрос о морском пути в обход Азии с севера не затронут. Говорится, что можно попасть от Лены в Даурию, т. е. Амур, но не морем, а поднявшись вверх по рекам Лене, Олекме, Турири, а «затем волоком ходу 19 дней до Даурского Лапкаева городка» (там же, стр. 33).

По вопросу о том, был ли общий «Годуновский» чертеж Сибири 1667 г. картой или атласом, см. статью Б. П. Полевого «О печатном чертеже Сибири» («Сибирский географический сборник». М., 1963, стр. 248—257).

См. также статью Б. П. Полевого ««Гипотеза» о Годуновском «Атласе Сибири 1667 г.»». («Изв. АН СССР», серия географическая. М., 1966, № 4, стр. 123—132), в которой он, как и в предыдущей статье, показывает, что так называемый «Годуновский» чертеж был не только отдельной картой, но и частью целого Атласа Сибири.

В связи с опубликованием челобитной А. Н. Мезенцова (хранится в ЦГАДА), в которой сказано, что он в 136 г. (т. е. в 1627 г.) сделал «Большой чертеж», возникают разногласия по поводу того, что считать «Большим чертежом» Мезенцова. Подробнее об этом см. статью Б. П. Полевого «Новое о «Большом чертеже»» («Изв. АН СССР», серия географическая, 1967, № 6). В этой статье, в частности, высказывается ряд предположений, как были получены географические данные о России Исааком Массой и Гесселем Герритсем.

О книге «Большого чертежа» см. также статью К. Н. Сербиной «Книга «Большого чертежа» и ее редакции» («Исторические записки», т. 14, 1945) и подготовленную ею к изданию «Книгу «Большому чертежу»» (М.—Л., 1950), а также статью Н. Н. Старостина «О рукописи Книги Большого чертежа» № 1330, («Вопросы географии», 1950, № 17). См. также Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937; *Избрант Идес и Адам Брандт*. Записки о русском посольстве в Китае (1692—1695). М., 1967.

⁵ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. Л., 1939, стр. 40.

⁶ Отрывки из путевых записок Идеса начали появляться в печати с 1696 г. Полностью эти записки были изданы Витсеном в 1704 г. в Амстердаме («Drei Jaarige Reise naar China, te Lande gedaan door den Moscovischen». Abgesant E. Isbrants Ides, 1704).

⁷ «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», ч. 2. Иркутск, 1936, стр. 147.

⁸ Д. М. Лебедев. География в России XVII в. М.—Л., 1949.

⁹ «Сибирские летописи». СПб., 1903, стр. 376.

¹⁰ Этот отрывок из списка «Чертежа Сибирской земли» выписан из «Окладной Сибирской Губернии книги, сочиненной в бытность в Сибирском Приказе» (ЦГАДА, ф. «Сибирские дела, 1721 г.). Опубликован Ф. Туманским («Российский магазин», ч. I. СПб., 1792, стр. 411).

¹¹ Там же, стр. 16.

¹² А. Титов. Сибирь в XVII в. М., 1890, стр. 388—389.

- ¹³ В. Ю. Визе. Витсен о русском арктическом мореплавании в XVII в. «Летопись Севера». М., 1949, стр. 93.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ ЦГАДА, ф. Сибирского приказа, стлб. 654, лл. 161—162. Цит. по заметке Б. П. Полевого «Водный путь из Ледовитого океана в Тихий. Забытый наказ Винниуса 1697 г.». («Природа», 1955, № 5).
- ¹⁶ П. Паллас. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой из Месяцеслова на 1781 г. «Собрание сочинений выбранных из Месяцесловов на разные года», ч. 4. СПб., 1790, стр. 269.
- ¹⁷ F. A. Golder. Russian Expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland, 1914, p. 153.
- ¹⁸ «Чтения в Обществе истории и древностей российских». М., 1893, кн. 4 (167), отд. IV, стр. 13—14.
- ¹⁹ Ph. Avril. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un pouveau chemin à la Chine. Paris, 1697.
- ²⁰ «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», ч. 2, стр. 292.
- ²¹ Ph. Avril. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Avec une description de la grande Tartarie et les différents peuples, qui l'habitent. Paris, 1697. Цит. по кн.: «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», ч. 2, стр. 91—92.
- ²² «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 89, 1957, № 1.
- ²³ Атласов ошибся, назвав «худым соболем» американского енота, который водится на Аляске, но отсутствует на Чукотском полуострове и на Камчатке.
- ²⁴ «Скаска» Атласова. ЦГАДА, ф. Сибирского приказа, кн. 1291, лл. 725—729 об.
- ²⁵ Письмо генерал-фельдхейстера Я. В. Брюса от 29 сентября 1710 г. (Д. П. Струков. Денбей, первый ялоец в России в 1701—1710 гг. «Русская старина», 1891, т. XI, стр. 464).
- ²⁶ Там же, т. XI, ч. I, стр. 464.
- ²⁷ Ответ Г. Зыбина Брюсу. Там же.
- ²⁸ «Скаска» Денбея. «Русская старина», 1891, октябрь, стр. 24.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке. «Морской сборник», 1869, № 4, стр. 115.
- ³¹ А. И. Андреев. Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII в. «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 3, 1943, стр. 36.
- ³² Находясь в Сибири, Мессершмидт снял копию с ремезовского «Чертежа земли Якутского города» и воспроизвел латинскими буквами русскую надпись о «непроходимом носе», «конца которого не ведают» (Архив Академии наук СССР, собрание Месершмидта).
- ³³ Оригинал находится в Ленинграде в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, № 237, лл. 32—33. Опубликовано А. И. Андреевым в «Очерках по источниковедению Сибири XVII в.» (после стр. 25).
- ³⁴ См. журнал «Библиография 1791 г.». СПб., 1792.
- ³⁵ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в.; сб. «Глобус», М., 1939.
- ³⁶ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в., стр. 76. Это первая из карт западной части Аляски и одна из древнейших карт Чукотского полуострова и Камчатки, 1700 г.

Атласов, назначенный приказчиком Анадырского острога в 1697 г., вышел из Якутского острога в Анадырское зимовье для ясачного сбора. Прибыв в Анадырское зимовье, он получил сведения от чукчей о «Заносье» и о «Большой земле», т. е. Аляске. Поэтому естественно, что на карте Атласова нанесены и Чукотский полуостров, и р. Анадырь, и острог Анадырский. Первые сведения о Курильских островах были получены Атласовым от казака Луки Морозко, посланного в 1695 г. на Камчатку. В соответствии

с этими сведениями находится надпись: «Земля Курильская на озере и на островах». От Луки Морозко или сам во время своего похода на Камчатку в 1697 г. Атласов узнал, что против южной оконечности Камчатки находятся острова, на которых «города каменные и живут люди». Острова и «города» на карте показаны. Нанесение на карту большого числа рек и на западной и на восточной стороне Камчатки объясняется тем, что во время своего похода 1697—1699 гг. Атласов разбил казаков на две партии. Одна из них под начальством Морозко прошла по восточному берегу полуострова, а другая под начальством самого Атласова — по западному, вдоль «Пенжинского моря» до р. Нынгучу.

В 1697 г. или позже Атласов, который перешел с р. Ичи через хребет на р. Камчатку, заложил Верхне-Камчатское зимовье. Это зимовье и является единственным русским населенным пунктом, показанным на карте. Следующее, Нижне-Камчатское зимовье было заложено преемником Атласова Кобелевым в 1700 г. или позже. На карте его нет. Атласов 2 июля 1700 г. уже был в Якутске, откуда направился в Москву. Остроги, показанные на карте, — это остроги местных жителей Камчатки.

- ³⁷ По мнению Л. А. Гольденберга — около 1707—1709 гг., по датировке Б. П. Полевого — в 1711—1712 гг.
- ³⁸ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, № 237, л. 102 об.
- ³⁹ Б. П. Полевой. Семен Ремезов и Владимир Агласов. «Изв. АН СССР», серия географическая. М., 1965, № 6; Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965, стр. 191.
- ⁴⁰ Например, на карте, приложенной к английскому изданию книги Перри «Состояние России при нынешнем царе» (*John Perry. The state of Russia under the present Czar. London, 1716*), вопрос о том, что представляет собой крайний северо-восток Азии, разрешен чрезвычайно просто: на «северном углу» изображен Swetoinos or Holy Cap (святой нос или священный мыс); к северу от него — море с надписью: «Восточный океан или Неизвестная часть». В этом «Восточном океане» несколько островов, никак с Америкой не ассоциируемых. В заголовке карты сказано: «Новая карта Империи русского царя, составленная Германом Моллем (географом) с дополнениями и исправлениями капитана Джона Перри».
- ⁴¹ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1758, стр. 5.
- ⁴² Однако в атласе Блавиа имеется более или менее достоверная карта Японии.
- ⁴³ «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 1. СПб., 1882. Якутск, кн. 5, акт 23, стр. 418—421.
- ⁴⁴ Бусы — распространенное на Дальнем Востоке название мореходных судов.
- ⁴⁵ «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 1. Якутск, кн. 5, акт 35, стр. 442.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Мы называем чертежом Козыревским тот чертеж, который, как мы полагаем, основан С. У. Ремезовым на не дошедшем скорее всего до нас чертеже Козыревского и вряд ли только на его данных.
- ⁴⁸ В дальнейшем Козыревский был назначен настоятелем Покровского монастыря, в 80 верстах от Якутска, но был расстрижен и заключен под стражу. Затем бежал и поступил секретарем к якутскому воеводе. Позже инок Игнатий (Козыревский) участвовал в экспедиции Шестакова и плывал по Лене на судне «Эверс». За это плавание получил от сената награду, но в 1732 г. опять был расстрижен.
- ⁴⁹ F. H. Weber. The Present State of Russia (the whole being the journal of a Foreign Minister who resided in Russia at that time (1714—1720). MDCCXXIII, Translated from the High Dutch.

ПОХОДЫ РУССКИХ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ
В НАЧАЛЕ XVIII В. И ПЕРВЫЕ КАРТЫ
ЧУКОТСКОГО ПОЛУОСТРОВА, КАМЧАТКИ
И ЧАСТИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Все возраставшем в Петербурге и Иркутске в первые годы XVIII в. интересе к исследованию восточных морских и сухопутных границ России свидетельствует ряд документов.

Еще в 1707 г. (28 мая) из Сибирского приказа в Якутск пришла грамота за подписью царя с требованием послать из Якутска в Камчадальский острог 100 охотников, да к ним в прибавку из других мест 70 человек, дать им 5 тысяч руб., 4 пушки, «да товаров на иноземческую руку на 100 рублей»¹, чтобы «призвать иноземцев в ясачный платеж немалое число».

Этот указ важен тем, что он показывает, какое большое государственное значение Петр I придавал заселению Камчатки и созданию на ней крепкой опорной базы.

В августе 1709 г. было предписано Ивану Сорокоумову ехать «с великим поспешением» из Якутска до Удского острога, а затем «проведывать» остров на море, против р. Уди (т. е. Шантарские острова).

В 1710 г. воевода Траурнихт приказал назначенному в Анадырский острог приказчиком Матвеем Скребыкину собрать сведения о чукотском народе и земле им обитаемой².

В том же 1710 г. по царскому указу был послан в экспедицию сын боярский Иван Львов. Ему было приказано обследовать острова, лежащие от устья Колымы до Камчатской земли. Вот более подробные сведения об этом указе.

Стольник князь Василий Иванович Гагарин, ссылаясь на указ Петра I от 17 марта 1710 г., через якутского воеводу Траурнихта приказал Ивану Львову: «которые острова в море значат против колымского устья и против Камчатской земли, и те острова проведывать с великим прилежным радением, какие на тех островах живут люди, и под чьим владением, и чем питаются, и сколь те острова велики, и много ль морем от материка?

расстояния». Было приказано об открытиях послать известие с нарочным прямо царю. За «прямую ведомость» об острове была обещана награда. «И тебе Ивану из устьянского устья остров, который значится в море, на чем можно проведывать накрепко, какие люди на том острове... и чертеж и за своею и служилых людей руками и иноземцев за их знамены»³. Как мы увидим дальше, Иван Львов выполнил задание о составлении карты. Эту карту нам удалось найти в Центральном государственном архиве древних актов. На этом интереснейшем документе мы остановимся подробнее ниже.

Якутский воевода Дорофей Афанасьевич Траурнихт и дьяк Иван Татаринов в 1710 г. усиленно вели расспросы служилых людей и промышленников о новых «землицах».

Интересно показание Михайлы Наседкина, относящееся к 1710 г. Он сказал, что «с полуденного носу» Камчатки виден остров. Ему говорили, что это та же земля, которая видна от устья Колымы до устья Индигирки⁴. Для всего этого периода характерны необъятность и неопределенность заданий и относительная микроскопичность средств, отпущенных для их выполнения.

К тому же периоду относятся и сведения Малгина.

Показание Никифора Малгина, служилого человека, посланного якутским воеводой князем Иваном Петровичем Барятинским, дано со слов Тараса Стадухина, который ходил на кочах вместе с 90 спутниками морем с Колымы для «проведывания Чукотского носа». Этот «нос» назван Стадухиным «необходимым». Стадухин и его спутники пришли к выводу, что морем его обойти нельзя. Они высадились на берег, бросили кочи, прошли некоторое расстояние пешком, а потом на восточной стороне этого «носа» сделали новые кочи, на которых прошли до р. Пенжины. Миллер весьма критически относится к этим известиям, указывая, что на Чукотском мысу нет никакого леса, из которого можно было бы построить кочи⁵.

Этот факт на самом деле вызывает большие сомнения — либо он вообще недостоверен, либо были построены не кочи, а шитики из леса, взятого с собой. Кстати, говорится, что дальнейший поход совершался не в открытом море, а вдоль берега. Наконец, остается возможная, хотя и мало вероятная версия о том, что материалом для новых кочей или шитиков послужил лес, взятый из чукотских жилищ. Есть сведения, что дерево, необходимое для постройки жилищ, чукчи получали из Америки, используя лес, приносимый морем с американского берега. В связи с этим известием Стадухина в рукописи Миллера имеется сообщение: «... В Анадырском остроге по «скасам» тамошних чукчей подлинные известия имеются, что с восточной стороны Чукотского носа есть за морем острова или матерая земля».

Далее сказано, что на этих островах или матерой земле живут бородатые люди, носящие «долгое платье», что от них полу-

чают деревянные чашки, «которые с русскою работою во всем сходны и надеются, что упомянутые люди подлинно от русских людей произошли, которых прадеды во время бывших в прежние годы морских путей, имея на море несчастье, на сих островах или матерой земле остались»⁶.

В этих сведениях, возможно, причудливо смешались известия о «Большой земле», Америке и о Курильских островах, на которых, в отличие от северо-восточной оконечности Азии и Аляски, живут бородатые люди⁷.

Во время похода Стадухина 81 человек из 90 был убит «немирными» жителями, и те его спутники, которые уцелели, вернулись на Колыму. Одновременно с показанием Малгина Иван Шамаев дал сведения об острове против р. Караги, о Карагинском острове, а Михаил Наседкин сделал сообщение, на которое ссылается Миллер: об острове, простиравшемся от Колымы и Индигирки до Камчатки⁸.

Нечто новое в освоение восточных островов и земель внес наказ сибирского губернатора М. П. Гагарина, также со ссылкой на указ царя, написанный 16 января 1713 г. дворянину Афанасию Петрову и приказчику Ивану Енисейскому. Им было приказано идти на Большую реку, т. е. на Южную Камчатку, а также в Анадырский край. «Да тебе ж Афонасью с товарищи и со служилыми людьми о Анадырском острогу, и против Камчаткой земли жилые острова в море и переливы проведывать с великим прилежным радением...»⁹ Далее намечена та же программа экспедиции, что и в приказах Гагарина Сорокоумову и другим.

Однако здесь есть некоторые новые нотки. После слов «какие на островах живут люди и под чьим владением» написано: «и какое богатство и оружие и битву в посады имеют ли и русские товары какие им угодны...»¹⁰.

Здесь поставлен вопрос военного порядка — об оружии и способах ведения войны и вопрос о торговле. Приказано людям на жилых островах «призывать в ясачный платеж» и составить чертеж этим островам. Участникам экспедиции было дано денежное, хлебное и соляное жалованье полного оклада на 3 года вперед. Этот указ интересен тем, что он определяет организацию экспедиции для исследования островов и земель, лежащих против Анадырского края и Камчатки.

В августе 1714 г. была снаряжена новая экспедиция, результатом которой тоже могло быть открытие Америки. Служилый Григорий Кузаков с другими служилыми людьми был послан «проведывать» жилые морские острова, которые «в море значатся против колымского устья и против Камчатской земли и иных рек». Программа разведывания дана та же, что и Сорокоумову. О результатах было приказано непосредственно доносить царю¹¹.

Кузакову поручалось призывать жителей островов «под высокую руку» царя и обложить их ясачным платежом. Однако жизнь показала, что посылка одного-двух человек, хотя бы и с пространым и суровым наказом,— мало пригодное средство для открытия новых земель и освоения их, да еще на пространстве в тысячи километров.

Правда, таким путем иногда удавалось собрать кое-какие сведения.

Так, в 1713 г. были обследованы острова, расположенные против Колымы, и выяснилось, что на них нет ни людей, которых можно было бы объяснить, ни зверей с ценными шкурами. Там оказались одни олени.

В том же 1713 г. в связи с непрекращавшимися восстаниями камчадалов и олютор, а также и казаков — служилых людей было решено принять меры, чтобы найти морской путь из Охотска на Камчатку.

26 июля 1713 г. указом сибирского губернатора М. П. Гагарина было велено послать из Якутска на Камчатку какого-либо сына боярского и с ним 12 человек для исследования морского пути на Камчатку через Ламское (т. е. Охотское) море. Для этой цели был послан сын боярский Иван Сорокоумов, который, однако, задания не выполнил.

Решено было повторить исследование пути, но так как было очевидно, что для выполнения этого нужно организовать постройку мореходных судов, то решено было послать в Охотск на сей раз, кроме якутского служилого Козьмы Соколова, опытных мастеров и мореходца-кормщика, т. е. рулевого.

В целях выполнения этой задачи 3 июля 1714 г. якутский воевода полковник Яков Агеевич Ельчин и дьяк Иван Татаринов приказали якутскому служилому Козьме Соколову и мореходцу Якову Невейцыну идти из Якутска на судах в Охотск, сперва по Лене, Алдану, Мае и Юдоме до Креста, через Волок до р. Урака, а затем до Охотского острога на Ламское море и сделать карту.

Приказано было попутно обследовать также жилые острова в Ламском море и у «Камчатского носа», узнавая от их жителей, «какой веры и под чьим владением и какую битву и богатство имеют», и составить чертеж¹².

В числе мореходцев были Андрей, Яковлев сын, Буш (голландец), пленный матрос шведской службы, и Никита Тряска (в дальнейшем он иногда фигурирует под именем Треска). Были присланы и плотники Кирило Плоских и Варфоломей Федоров. Экспедиции дали морскую снасть, четыре пищали, 1 пуд 20 фунтов пороха и плотничьи инструменты¹³.

Экспедиция отправилась в путь в 1714 г. Соорудив открытую ладью, мореход матрос Треска, казак Соколов и их спутники нашли путь по Ламскому морю от Охотска к Камчатке. Следую-

щее плавание они совершили в 1716 г. от Охотска до р. Тигиль и обратно. В том же году было предпринято новое плавание до Хариузовки. Из второго плавания экспедиция вернулась в Охотск в июле 1717 г. С этих пор морской путь из Охотска на Камчатку стал постоянным средством сообщения.

К походам и географическим открытиям этого периода относится одна карта, найденная нами в Центральном государственном архиве древних актов. Найдена она, впрочем, не случайно. О существовании этой карты, никем и никогда не опубликованной, оповестил в первый раз Г. Ф. Миллер в 1758 г. Миллер упоминал, что в 1736 г. в Якутске ему была вручена карта. «На оной карте,— пишет Миллер,— равно как и на карте дворянина Ивана Львова, Шелацкой нос... не ограничен, а о жителях оного носу объявляется, что они говорят языком особливим»¹⁴. От Миллера мы узнаем, что на этой карте «против Шелацкого носу означена также земля не ограниченная, коей жители называются кыкыкмеи и подобны юкагирам»¹⁵. Об этой и еще двух других картах мы скажем ниже. Вот буквально дословно все то, что сообщил Миллер об этой карте. Как мы увидим, он процитировал легенду карты не точно и весьма неполно.

В Центральном государственном архиве древних актов мы нашли карту, переданную из московской группы портфелей Миллера в фонд ландкарт и атласов библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел. На ней имелась процитированная или, скорее, предсказанная Миллером надпись «земля, не ограниченная, коей жители называют кыкыкмеи и подобны юкагирам», но на карте эта надпись дана в значительно более полном виде¹⁶.

Одновременно удалось найти также подлинную не найденную никем из исследователей знаменитую карту Ивана Львова, на которую ссылались вслед за Миллером все исследователи вопроса, но которую до тех пор ни один из них не видел. Между тем при особой конфигурации этой карты по одной ее легенде, которую Миллер не процитировал, а пересказал, к тому же неточно, нельзя использовать полностью и с достоверностью данные этой замечательной карты.

Нами найдена третья никогда не публиковавшаяся карта, на которую ссылался реакционный буржуазный историк кадет П. Н. Милоков, но которую ему не удалось определить и датировать. О ней упомянул в примечании к одной из работ А. И. Андреев, но автора карты он также не определил. Между тем эта карта составлена не казаком Иваном Енисейским, имя которого имеется в легенде, а под руководством казачьего полковника Якова Агеевича Ельчина, начальника Большого камчатского наряда.

Обратимся к первой карте, числящейся под № 29 по реестру библиотеки Московского главного архива Министерства иностр-

Здесь дан подробный отчет о состоянии дел в Камчатке
и о состоянии дел в Камчатке, в частности о состоянии дел
в Камчатке, в частности о состоянии дел в Камчатке.

1707 году в Камчатке в 24 селениях в Камчатке

всех людей в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

всех людей в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

на Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

в Камчатке, в Камчатке и в Камчатке в Камчатке

«Скаска» Родиона Преснецова и других. Фотография первой сраницы
(Ленинградское отделение архива Академии наук, ф. 4073, л. 85)

ранных дел по Иркутской губ.¹⁷ Карта ветхая, у нее нет правого нижнего угла с частью моря южнее Камчатской лопатки. Наклеена она на плотную бумагу. Хотя ни масштаба, ни ориентира на карте нет, она приблизительно ориентирована верхом к северу, как современные нам карты. Южная оконечность Камчатки (мыс Лопатка) дана в начертании, не соответствующем действительности. Мыс скорее похож не на лопатку, у которой есть плечики, а на последнюю фалангу человеческого пальца. В центре мыса показано озеро, на озере — остров. Это — Курильское озеро. Между озером и морем надпись: «На озере остров, на острове — острог курильских людей немирных».

Как раз в первое десятилетие XVIII в. южную оконечность Камчатки называли «Курильской землицей», 10 февраля 1701 г. Владимир Атласов в своей «скаске» сообщил: «А вдаль за теми курильскими иноземцами какие люди есть и далека ль та земля — неведомо»¹⁸.

Северо-восточнее озера на карте надпись: «А от Курильской земли влево пошла земля низменная, через ее вдали значеца горы, а дале Курильской земли русских людей не бывало». Отсюда видно, что карта составлена до первого похода Анцифорова и Козыревского на Курильские острова, т. е. до 1711 г.

На восточной оконечности горного хребта, идущего через всю Камчатку с запада на восток к выдающейся восточной ее части, надпись: «Ключи горяч. есть великие из-под земли бьют. От ключей река течет три версты и вода горяча, а буде в ключи положиши птицу или мясо сырое на рожне — сварится». Выше на середине Камчатского полуострова с восточной стороны надпись (около устья реки Авачи): «Из сея сопки исходит огонь и град бывает. И облака в полгоры ходят. Виде ее за 35 дней. Живут красасли, язык собой», т. е. особый.

На Камчатке, как известно, 127 вулканов, из них 19 действующих. Самый большой (высокий) вулкан — действующая Ключевская сопка высотой 4850 м — расположен около р. Камчатки.

Несколько выше перешейка, соединяющего Камчатку с Азиатским материком, надпись: «Реки Олюторские. Здесь побивают русских людей. Не пропускают на Камчатку и с Камчатки в город Большой Погиси Еклюданской острог [слово не разобрано] был по их Нанне и вал вышины 3 сажени ширины тож 2 стены и дерн кладен».

Западнее, между рекой Докушан (с юга) и рекой Пушалена, надпись на карте снизу вверх: «Здесь есть камень подобен пушечным ядрам круглый в черных кожурах. Абе те разобьешь и в них камень светлый яко стекло. Из таго камень камчадалы делают копыя и стрелы»¹⁹.

На территории Чукотского полуострова, на северном неограниченном мысе, надпись: «Нос Шалацкий. Живут люди ша-

лацкого роду. Язык у них собой. Зело ивоисты (т. е. всегда готовы воевать), а бой лучной...» На карту нанесены и острова. На очень большом острове, границы которого не показаны, против устья рек Караги и Авачи имеется надпись: «Остров или земляца», т. е. здесь высказано предположение, что это не остров, а материк. «А на ней люди все неясашные. Бывал на ней Иван Голыгин. Лисицы бурые и сидушчатые есть».

Остров, о котором идет речь, не остров Св. Лаврентия, как можно было подумать, судя по его очертанию, величине и местоположению на карте, а Карагинский, расположенный непосредственно против устья р. Караги.

Наконец, на карте имеются данные о Северной Америке, которая названа «землицей» в противопоставление острову; против полуострова Шелацкого, граница которого не показана, имеется также неограниченная территория с надписью: «Землица, а на ней живут по чукоцки кыкыкмен и зело изликны²⁰, а бой у них лучной, а звери соболи и лисицы есть. Деревя на нем сосняк и березняк».

Но особенно интересно то, что на самом верху карты, справа, нанесен узкий пролив с неограниченными с обеих сторон берегами и в нем четыре острова. На самом деле там и есть четыре острова: Ратманова, Крузенштерна, Феруэй и Укивок, или остров Кинга.

На карте нанесен один, судя по местоположению Шантарский, остров с надписью «Соболи».

Попробуем разобраться в данных этой карты и определить ее происхождение и время составления. На карте упомянуто имя Ивана Голыгина. Было два Ивана Голыгина. Один из них погиб во время похода с Атласовым, другой позже был на Карагинском острове. Об этом путешествии Ивана Голыгина мы имеем архивный документ в якутских книгах.

Вот этот документ. В 1710 г. якутский воевода Траурнихт и подьячий Татариннов «допрашивали» якутских служилых людей про остров, «который значится против Камчатского и Колымского и Ленского устья и про иные ведомости». Эти-то расспросы, давшие много для установления конфигурации нового края, и легли в основу данной карты. При этих расспросах Иван Шамаев показал, что в 1700 г. он прошел по-суху с Тимофеем Кобелевым, камчадалским приказчиком, от Анадыря до Пенжины на оленях и собаках. Они видели (против р. Караги) и море, и остров. На этом острове был Иван Голыгин с двумя товарищами, «грести-де до того острова в байдарах день». Жители этого острова отказались платить ясак, и Голыгин вернулся ни с чем. Вот об этом Голыгине и говорится на карте. Об этом же путешествии Голыгина сообщал, не прибавив ничего нового, Алексей Поротой. Эти сведения относятся к походу 1700 г., а получены были в Якутске в 1710 г.²¹ Голыгин пропал без вести на Кам-

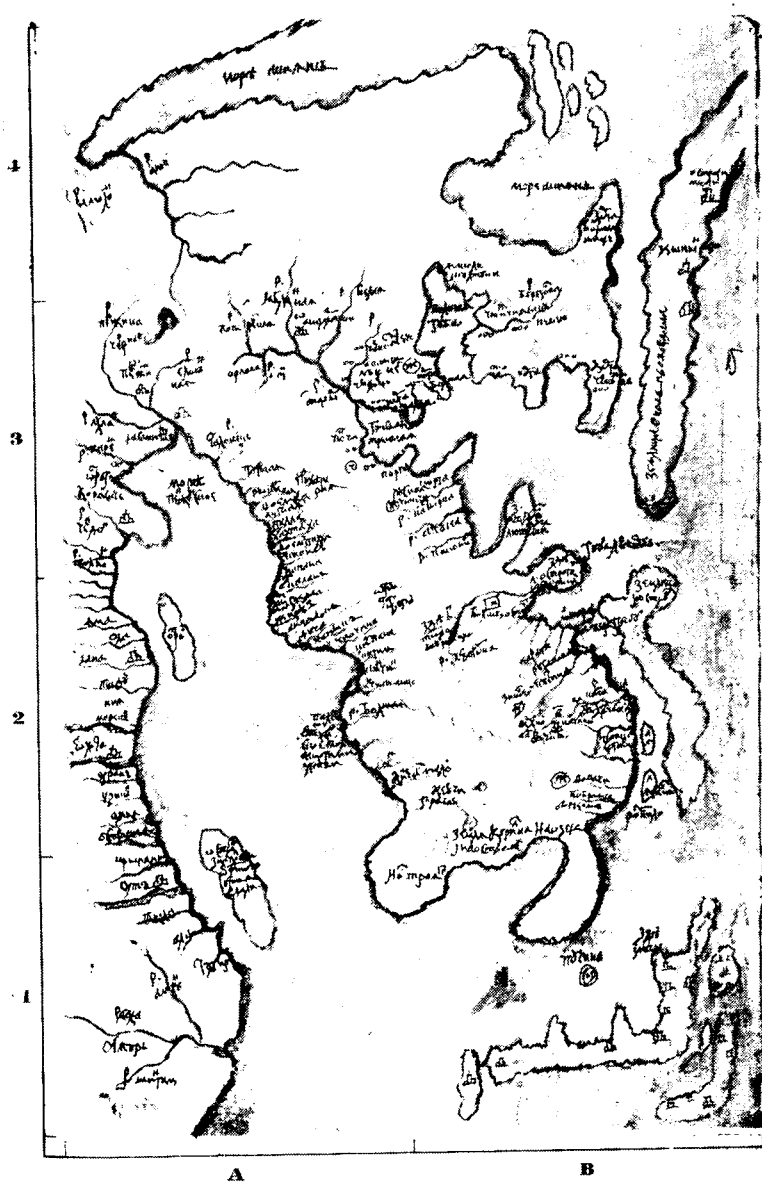
чатке. В честь его одна из камчатских рек, на которой он погиб, названа Голыгиной.

Указание на карте, что олюторцы²² не пропускают на Камчатку русских, подтверждается в документах, а именно: в «скасках» Атласова и в отписке приказчиков Анадырского острога якутским воеводам от 7 октября 1709 г.²³

Только в 1714 г. драгунский капитан Петр Татаринов, назначенный в 1713 г. приказчиком Анадырского острога, учинил «военный поиск» против олюторцев²⁴.

Данные о «Курильской землице» могли быть нанесены на карту по сведениям камчадальского приказчика Василия Колесова, полученным в Якутске. В 1706 г. Василий Колесов писал, что он посылал служилых людей, «проведывать» эту землю и служилые сообщили, что дале за «носом» земли нет, море, а за «переливами» (т. е. проливами) — острова, но «проведывать» их не на чем, так как нет морских судов и припасов. Отсюда надпись на карте, что дальше «Курильской землицы» никто из русских людей не бывал. Если бы карта составлялась в 1711 г., когда на первых Курильских островах уже побывали Андифоров и Иван Козыревский, составившие и приславшие карты, то имеющаяся на карте фраза о «Курильской землице» появиться не могла бы. Характерно и то, что на карту нанесен, хотя и не названный, один Шантарский остров. На самом деле там три острова, но они были посещены впервые в 1713 г., а сведения о них имелись за 20 лет до этого²⁵.

Эта карта составлена в 1710—1711 гг., но не позже 1711 г. в Якутске, очевидно, по распоряжению стольника кн. Василия Ивановича Гагарина, племянника сибирского губернатора кн. Матвея Петровича, а также якутского воеводы Дорофея Афанасьевича Траурнихта и его помощника подьячего Ивана Татаринова на основании расспросных речей служилых и промышленных людей: Родиона Преснецова, Ивана Могилева, Терентия Седова, Никифорова, Малгина, Наседкина, Поротога и др. Были учтены сведения, полученные при походах в 1700—1710 гг. При составлении этой карты, несомненно, была использована карта, имеющаяся в служебной книге С. У. Ремезова на л. 102²⁶. Это одна из первых русских карт и вообще известных карт, на которой на основании конкретных сведений нанесена западная часть побережья Северной Америки и сообщены некоторые сведения о ее жителях. На этой же карте нанесены три острова Диомиды и Укивок. Кроме того, эта карта — ценный документ о раннем этапе заселения Камчатки и Чукотки. Вопрос о соединении Америки и Азии этой картой оставлен открытым, и это можно объяснить. В 1710—1711 гг. служилые люди и промышленники рассказывали о ряде попыток обойти Чукотский полуостров морем, но ни одна из них не удалась из-за непроходимых льдов. О походе Дежнева большинство из них не знало. Рождалось

Чертеж вновь Камчатдальские земли. Служебная чертежная книга
 С. У. Ремезова, 1700 г., или позже
 («Атлас», № 48).

сомнение, кончается ли Азия полуостровом или же «необходимый» (из-за льдов) «нос» — это перешеек, соединяющий Азию с какой-либо другой землей.

В 1948 г. нами была опубликована впервые найденная «Карта мест от реки Енисея до Камчатки лежащих», выполненная Федором Бейтоном, или Бетоном, но тогда еще не был установлен источник, на основе которого она была составлена.

В 1965 г. Камчатский отдел Географического общества Союза ССР в выпуске 3 «Вопросов географии Камчатки» опубликовал интересную статью Б. П. Полевого, в которой Б. П. Полевой установил, что А. И. Андреев нашел одну из укороченных, весьма неточных копий «скаска» трех камчатских казаков о камчатских термальных источниках и Ключевской сопке²⁷.

Интересно, что А. И. Андреев в рукописи «Летописец Тобольской» и «Очерках по источниковедению Сибири» дал анализ сводов типа «Сибирского летописца» и привел упоминание про «огонь, что за Камчатскою горою горит из земли» и о «теплых водах на Камчатской реке»²⁸.

Б. П. Полевому удалось найти копию «скаска», снятой в Якутске в 1737 г. для Г. Ф. Миллера. Как видно из этой «скаска», казак Иван Преснецов рассказывал о гейзерах, очевидно, на одной из трех «Россошных» рек, впадающих в р. Бааню, или Банную, и о втором районе гейзеров, очевидно на знаменитой ныне р. Паужетке, где сейчас строится первая в Союзе геотермическая электростанция²⁹.

В записанных «скасках» Ивана Преснецова и Терентия Смердова говорится, что имеются «ключи горячественные», которые «из-под земли бьют, от ключей река течет и вода горяча, а буде в ключи положишь птицы и мясо сырое на рожне сварится». Это сведение вполне соответствует надписи на карте Бейтона.

Таким образом, теперь можно сказать, на основе каких сведений составлена эта карта.

Попутно отметим два момента: прежде всего можно ли сказать, что в «скаска» Преснецова имеются первые еще до Крашенинникова сведения о термальных источниках на Камчатке. Дело в том, что изображения камчатских горячих ключей имеются на ремезовской карте, так называемой траурнихтовой, которую можно датировать 1700—1712 гг. Однако, если этот чертеж и был составлен в 1711 или 1712 г., то это не значит, что все его сведения относятся к этим годам. Не исключено, что он составлялся не один год и что сведения о горячих ключах появились на нем еще раньше, чем в 1711—1712 гг. Однако гораздо важнее другое обстоятельство: «скаска» Родиона Преснецова и подчиненных ему двух казаков — Ивана Могилева и Терентия Смердова — это один из важных источников, обогащавших сведения о Дальнем Востоке и, в частности, о Камчатке. Именно в 90-х годах XVII в. и в 10-х XVIII в. появились новые и весьма важ-

ные сведения о Чукотке, Камчатке, а также и об Аляске, о которых, впрочем, скорее всего впервые сообщал Дежнев, ошибавшийся только в своем предположении и числе островов, лежащих против Чукотского полуострова.

На картах Львова и Ельчина, на каждой по-разному, вопрос о соединении Азии с другим континентом также оставлен открытым.

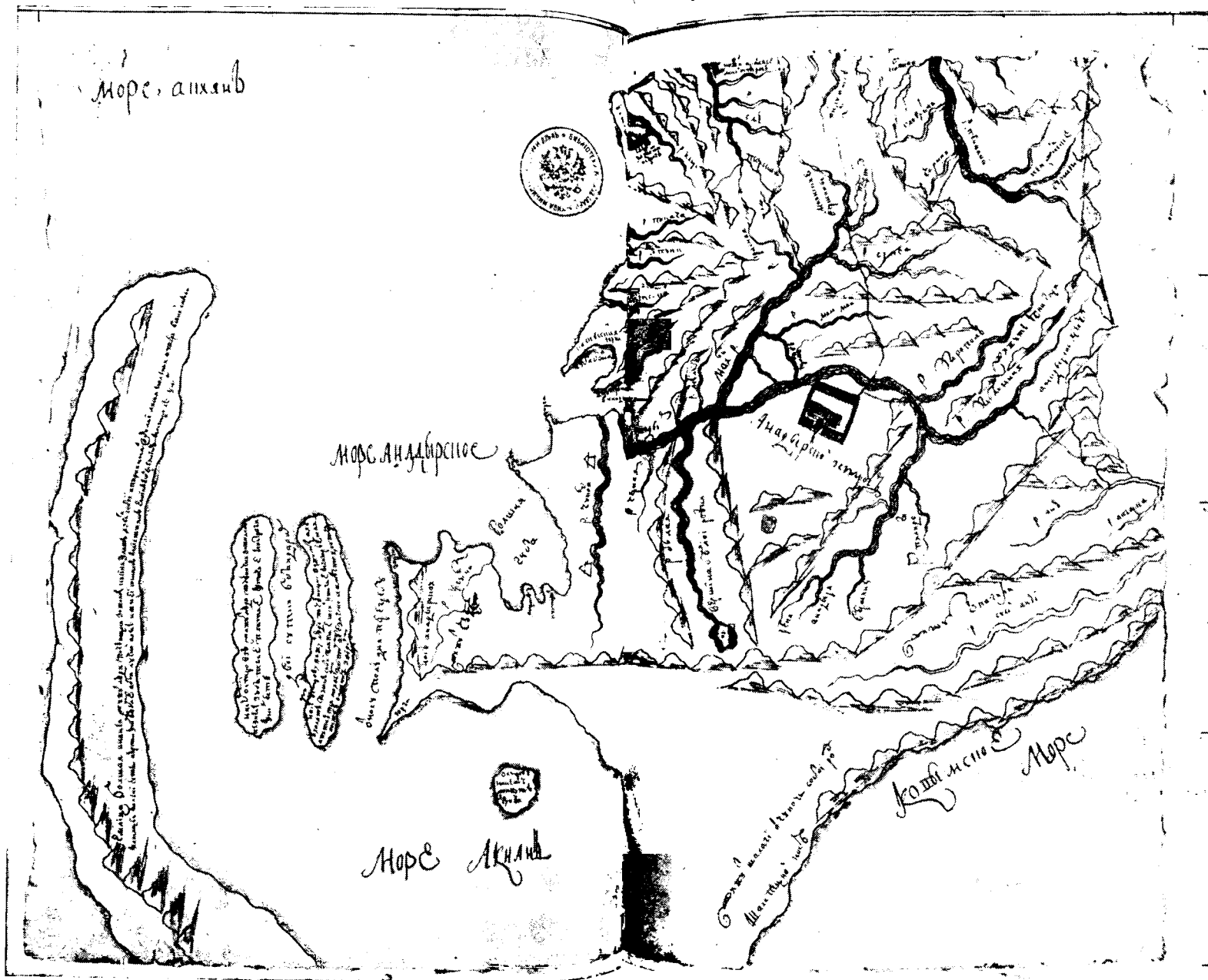
Карта якутского дворянина Ивана Львова найдена нами в Центральном государственном архиве древних актов. Она хранится среди карт Иркутской губ. и значится в реестре библиотеки Министерства иностранных дел 1877 г. под № 26 под названием: «Карта, изображающая Анадырский острог и Анадырское море». Эта карта перешла в данный фонд из портфелей Миллера. Карта цветная. Размеры ее 44×33 см. На бумаге дважды повторен водяной знак VR; карта в удовлетворительной сохранности. Географического ориентира на карте нет, но ориентирована она примерно низом к северу. Градусной сетки и масштаба карта не имеет.

Карта Ивана Львова крайне важна, так как это также одна из первых по времени найденных на сегодняшний день карт Америки, составленных с русской стороны, с конкретными сведениями о ней³⁰.

Иван Львов находился в Анадырском остроге как раз в то время, как там был Петр Попов, собравший сведения о «Большой земле» (1711 г.). Эти сведения, несомненно, нашли свое отражение в карте, связанной с именем И. Львова. Поясним некоторые моменты, относящиеся к этой карте. Как мы знаем, вероятнее всего, что в связи с «немирными» настроением и поведением местных чукчей и с отсутствием в этой части Азии ценных мехов не была обследована часть Чукотского полуострова. Отсюда версия о возможном соединении Азии перешейком, «не ограниченным носом», с каким-либо другим континентом.

На карте: Колымское море, отделенное не ограниченным «Шалацким носом» (надпись — «живут шалаги, от чукочи собой розны»). К востоку от не ограниченного носа — «Море Акиян». Затем «Нос Анадырский» — Чукотский полуостров с двумя коргами (т. е. каменными отложениями берегами, лежбищами морского зверя). На территории прилегающего острова надпись: «Остров. На нем живут чукчи». Против северо-восточной стороны «Анадырского носа» надпись: «От носу пол дня перегребу». Далее овальный остров с неровными краями, на площади которого написано: «На сем острову живут люди по-чюкоцки зовомо Ахьюхалят. Язык собой (особый.— А. Е.), платье носят уточье и гагарье, тож и питаются моржом и китом. А безлесно, а вместо дров костью варят с жиром».

Далее пролив с надписью: «Двои сутки в байдарах» и еще овальной формы остров, на котором надпись: «На сем острову

Карта якутского дворянина Ивана Львова
(«Атлас», № 55)

живут люди по-чюкочьи зовомы пезкел зубатые. Платье уточье и остроги у них есть». За несколько большим проливом, на котором нет никакой надписи, территория, северный край которой не ограничен. Надпись такая: «Землица Большая, а на ней живут люди по-чюкоцки зовомы кигин-элят. Язык собой (особый.— А. Е.), а парки³¹ носят собольи, лисьи и оленьи. А зверь всякой, соболи³² и лисицы и олени есть. А юрты у них в земле; а бой лучной. А лес на ней сосняк и листвяк, ельник и березник и острог у них»³³.

На данной карте, в отличие от большинства западноевропейских карт того времени, уже нанесены Чукотский полуостров, Камчатка и Аляска, причем заметно влияние карт Ремезова.

Обращает на себя внимание представление авторов карты о том, что морской путь кругом севера Азии существует, что Аляска — это остров и что Америка весьма близко подходит к Камчатке.

Находка карты Львова, не имеющей масштаба и с такой конфигурацией суши и моря, которую современные карты не воспроизводят, устраняет те естественные недоразумения, которые возникают при чтении ее легенды в передаче Г. Ф. Миллера. При чтении одной этой легенды характеристика островов Диомиды должна быть перенесена на остров Аракамчечен, а это спутывает все данные. Между тем по конфигурации данной карты и по содержанию надписей на ней видно, что эта карта на самом деле дает достоверные сведения об островах Диомиды и о части Северной Америки. «Уточье» платье — это одежда из шкурок уток, которую действительно носили жители островов Диомиды. Правильно указание и на отсутствие леса на островах, и на поражавшее всех жителей Северо-Восточной Азии наличие леса, не только черного, но и хвойного, на континенте Северной Америки. Это их поражало, так как на северо-восточной оконечности Азии леса нет. Авторы ранних русских карт, на которых изображена Северная Америка, не сговаривались между собой, отмечая наличие леса и зверя с ценным мехом в Америке; они, не сговариваясь, отмечали то, что их интересовало с точки зрения перспектив пушного промысла и не могло не поразить как нечто необычное.

На континенте, лежавшем за проливом шириной в 89 км, была частично уже другая растительность и другая фауна. На островах Диомиды, а также и на острове Лаврентия нет ни леса, ни живущих в лесах пушных животных — соболей, лисиц, росомах и т. п. А лишь немного восточнее и лес и животные, ценные своим мехом, уже имелись, но эти сведения могли относиться и относились только к Америке, в частности к Аляске.

В 1725 г. по приказу Петра I в атласе И. Б. Гомана была напечатана карта Камчатки и Аляски на одном листе с картой Каспийского моря³⁴.

Вопрос об авторстве той или иной карты как будто бы не имеет особо большого значения, однако это не так. Бывают случаи, когда наличие некоторых карт, отражающих те или иные географические концепции, оказывало влияние на принятие тех или других решений большого исторического значения. Так, например, обстоит с вопросом о том, какими картами пользовался Петр I, посылая большую экспедицию на Дальний Восток во главе с Витусом Берингом.

Сейчас можно с уверенностью утверждать, что Петр I не только видел карту, помещенную в Атласе Гомана в издании 1725 г., но и сам приказал послать карту на двух листах (на одном — «Камчатка и соседние районы», на другом — «Каспийское море») Иоганну Гоману и притом не в 1725 г., а в 1722 г.

Как следует из статьи и материалов, опубликованных Э. Ф. Варепом³⁵, двойная карта на одном листе — Камчатки и Каспийского моря, опубликованная наследниками И. Б. Гомана в его Атласе 1725 г., была впервые издана Гоманом еще при его жизни отдельным оттиском в 1723 г., и уже затем повторена в Атласе в 1725 г.

Из письма Гомана от 17 июня 1723 г. из Нюрнберга в Вейсенбург географу А. Дэдерлейн следует, что упомянутая выше карта «в тонкой отделке» была прислана ему в 1722 г. из Москвы по приказанию Петра I неким «влиятельным министром его Российского величества», по-видимому Яковом Вилимовичем Брюсом.

Кроме этой карты, Петр I видел карту, присланную Яковом Агеевичем Ельчиным, в которой от Камчатки уходил в море незаконченный на карте какой-то большой отрог. Эта карта могла создать впечатление, что Камчатка соединяется с каким-то материком, лежащим к востоку от нее, возможно, что и с Америкой. Далее, Петр I располагал картой И. Кирилова, составленной на основании рассказов неграмотного Шестакова. Однако эта карта давала мало данных для суждения о том, что находится к востоку от северо-восточной оконечности Азии. Кроме того, представляет интерес так называемый большой академический глобус, в просторечии именуемый атласом Петра Великого, находящийся теперь в кунсткамере в Институте этнографии Академии наук СССР. Этот глобус мог бы представить интерес. Он был создан в Готторне и подарен Петру I в 1713 г. во время его пребывания в этом замке.

Готторн или Готторф — замок близ г. Шлезвига, был резиденцией герцогов шлезвигских. В 1713 г. замок перешел к Дании. Его коллекции были вывезены в Копенгаген. Готторнский глобус, подаренный Петру I, был перевезен в Петербург в следующем году.

Мы говорим, что этот глобус, которым пользовался Петр I, мог бы представить интерес для решения вопроса о том, кака

концепция, на нем отраженная, могла бы повлиять на решение Петра I об экспедиции. Однако для данной цели так называемый «глобус Петра Великого» совершенно бесполезен, так как он сгорел в 1747 г., а то, что сейчас называется глобусом Петра Великого, это реконструкция, над которой много трудились, чтобы уничтожить его первоначальную ценность как глобуса Петровской эпохи. Этот глобус хотели сделать как можно лучшим, как можно более новым и совершенным и на него нанесли даже данные карт знаменитого капитана Кука.

Петр I видел и карту Евреинова и Лужина, однако эта карта к решению вопроса о том, в каком направлении и на каком расстоянии от Азии находится Америка, никакого отношения не имеет. Таким образом, приходится исключить все карты, кроме той, которая помещена в атласе Гомана, и той, которая связана с именами Якова Ельчина и Ивана Енисейского. Что касается последней карты, составленной в 1718 г., то ее концепция о неограниченном мысе, уходящем на восток, не повторялась на позднейших картах, и, как полагает Б. П. Полевой, она отражает недоразумение, связанное с одним из походов служилых людей, которые не могли указать на конечный пункт своего похода по Камчатке.

Что же касается карты Шестакова — Кирилова, то она содержит и достоверные и фантастические элементы, но только не по вопросу «сошлась ли Азия с Америкой». Таким образом, наибольшее влияние на решение Петра I о первой огромной государственной важности экспедиции для определения восточных границ Российской империи имеет карта, помещенная у Гомана. Для того чтобы ответить на вопрос о концепции, которую отражает эта карта, нужно остановиться на тех частных концепциях, которые в ней имеются, а следовательно, и попытаться установить автора или авторов этой карты.

Если говорить о северо-восточной части карты, то сомнения быть не может, что она воспроизводит в основном карту Ивана Львова и ее прототипа, имеющегося в служебно-чертежной книге Семена Ульяновича Ремезова, автором которой может быть Петр Попов.

Два десятка лет тому назад мы о карте Львова могли судить только по сообщению неумолимого собирателя материалов по Сибири Г. Ф. Миллера, в котором говорилось, что академик получил карту в Якутске в 1736 г. от Ивана Львова и что на ней имелись те и другие надписи. Однако эту важнейшую карту никто из ученых, которые ее видели, не опознал как карту Львова. находка этой карты нами в Центральном государственном архиве древних актов в конце 40-х годов, во-первых, позволила установить, что это одно из первых картографических изображений части Северо-Американского материка, показанного на этой карте в виде острова. Затем явилась возможность устано-

вить, что эта карта вошла в качестве одной из основных частей в карту, помещенную в атласе Гомана в 1725 г. Далее, сличение надписей на карте с воспроизведениями этих надписей Миллером показало, что у Миллера был ряд неточностей, которые теперь можно было исправить.

Стоит вопрос о датировке этой карты. Мы датировали ее примерно 1711—1714 гг. Не сомневаясь, что эта карта принадлежит Ивану Львову, В. И. Греков берет под сомнение нашу датировку карты. Он пишет: «А. В. Ефимов, 1949, стр. 801, датирует чертеж И. Львова 1711—1714 гг. Обоснование этой датировки, однако, остается неясным, так как А. В. Ефимов ограничивается лишь замечанием о том, что И. Львов с 1710 по 1714 г. был приказчиком в Анадырске»³⁶. На самом деле И. Львов в 1710 г. был приказчиком в Устьянском зимовье, а в 1714 г. находился в Олюторском остроге³⁷.

Однако это сомнение В. И. Грекова, вообще говоря тщательного исследователя, в данном случае нельзя признать основательным. Ведь он говорит не о периоде с 1711 по 1714 г., а о периоде до и после этого. Между тем в «Памятниках Сибирской истории» имеется отписка анадырского приказчика Петра Татаринова от 1715 г., где говорится, что 5 декабря 1714 г. бывший анадырский приказчик дворянин Афанасий Петров с сыном боярским Иваном Львовым писали относительно сообщения между Анадырским острогом и Камчаткой. Таким образом, Львов выступает в декабре 1714 г. как один из приказных людей или бывших приказных людей Анадырского острога. В том же издании «Памятники Сибирской истории» имеется «наказная память» Ивану Львову, иначе говоря приказание для выполнения определенных заданий, в которой требуется, чтобы Львов «проведывал», «которые острова в моря значат против Ковымского устья и против Камчатской земли». «И те острова проведывать с великим прилежанием и радением какие на тех островах живут люди и чем питаются и сколь те острова велики и много ль море от материка расстояния», и при этом приказывалось составить чертеж этих островов в море³⁸.

Таким образом, Ивану Львову осенью 1710 г. было дано задание исследовать огромный район от Колымы до Камчатки, установить, какие острова имеются в море против этих берегов, и составить чертеж, чтобы немедленно направить его в Москву. В 1736 г. Г. Ф. Миллер сообщал, что он получил от Ивана Львова чертеж, который был нами впервые найден и опубликован. Однако очень придирчивый критик мог бы сказать: правда, Львов передал Миллеру чертеж, надписи на котором совпадают с приведенными Миллером, но что, может быть, Львов передал Миллеру не свой, а какой-то чужой чертеж. Однако такое сомнение окончательно отпадает по следующим двум причинам: во-первых, на карте купца Петра Шишкина 1762 г. территория

Аляски названа «землей якутского дворянина», очевидно Ивана Львова. И, во-вторых, один из крупнейших географов того времени, исследователей Сибири и Дальнего Востока Ф. И. Соимонов за своей подписью представил в Москву карту «Северо-Восточной Азии и прилегающих территорий» и опять нанес землю, «объявленную» Иваном Львовым³⁹, но на этот раз уже не в виде острова, а как землю, хотя и без точных очертаний. Кроме того, нами найден документ, в котором Соимонов буквально повторяет сообщение Г. Ф. Миллера о том, что Иван Львов является сочинителем названной выше карты.

Учитывая, что имеется свидетельство Г. Ф. Миллера о том, что Иван Львов передал ему карту, сочинителем которой он является, что на карте Шишкина и Соимонова имеются упоминания о территории к востоку от Чукотки в связи с именем Львова, мы полагаем, что данную карту составил Иван Львов. Он мог сам составить первый вариант этой карты, имеющейся у Ремезова, но мог использовать и дополнить карту, возможно, Петра Попова, на основе его «расспросных речей».

Нет никакого сомнения, что Петру I была известна концепция карты Ивана Львова о том, что против Чукотского полуострова находится «Большой остров», а может быть и материк. На карте, опубликованной у Гомана, к востоку от Камчатки показан какой-то материк или часть какого-то большого материка или большого острова. Таким образом, карта, которая была в распоряжении Петра I и которая была дана Берингу при отправлении его в экспедицию, не давала окончательного ответа на вопрос, какой путь к Америке является ближним: к востоку от Камчатки, где обычно показывали на картах Землю Гамы, или же от Чукотского полуострова в направлении к какому-то большому населенному острову или матерiku, тоже, возможно, Америки.

В Центральном государственном военно-историческом архиве, который сейчас помещается в Лефортове в бывшем дворце Я. В. Брюса, мы нашли три корректурных оттиска карты Камчатки и Каспийского моря, иллюминированных каждый по-разному. Это, очевидно, оттиски, которые посылались Гоману или были присланы от него, или же были получены Брюсом от последнего; возможно, один из этих оттисков был утвержден Петром I.

Если северная часть этой карты отражала концепцию Ивана Львова, то южная часть карты, очевидно, воспроизводила какие-то другие данные.

Имеется категорическое утверждение М. Г. Новлянской, что вся «гомановская» карта составлена Филиппом Иоганном Таббертом-Страленбергом. Основанием для этого утверждения является то, что Страленберг составлял карту в 1714—1721 гг. и что карта 1721 г., отобранная у Страленберга, была представлена Петру I, а так как Страленберг заявлял, что в карте, опубликованной у Гомана, он узнал свою карту или свои карты⁴⁰, то

М. Г. Новлянская делает вывод, что карта, опубликованная Гоманом, точнее его наследниками, это карта Страленберга⁴¹.

Мы полагаем, что спор об авторстве «гомановской» карты, ведущийся столь оживленно, может продолжаться и далее, но вряд ли он даст какой-либо существенный результат. Дело в том, что если говорить о Страленберге, то он признал своей карту, помещенную в атласе Гомана в 1725 г., а в 1730 г. опубликовал весьма малопохожую свою карту.

Такая сложная обобщающая карта вообще является результатом работы многих авторов — и Ремезова, и Попова, и Львова, и Бейтона, и Мессершмидта и многих других. Важнее то, что опубликованная Гоманом карта оставляет открытым тот вопрос, который является наиболее важным, чтобы решить, зачем Петр I послал грандиозную экспедицию на Восток. О том, что Петр I еще в 1697 г. придавал большое значение открытию северного морского пути из России в страны Востока, свидетельствует документ, который нашел историк Б. П. Полевой в Центральном государственном архиве древних актов. Это — «наказная память» от 1697 г. для нового воеводы Якутска Д. А. Траурнихта, на которой имеется вставка, сделанная рукой сподвижника Петра I А. А. Винууса. Д. А. Траурнихту поручалось, по приезду в Сибирь, проведать «всякими мерами накрепко» ходивших вниз по Лене людей, возможно ли «морем, судами итти» на Тихий океан. В случае, если это возможно, Траурнихту поручалось «к такому морскому пути сделать суды удобные со всякими судовыми запасы»⁴².

До сих пор вопрос о причинах посылки на Восток экспедиции Беринга вызывает споры. На этих спорах останавливается Е. Г. Кушнарев в статье «Нерешенные вопросы истории первой Камчатской экспедиции»⁴³, указывая на различные оценки причин посылки этой экспедиции, останавливается на том решении, которое дает автор настоящей книги.

Е. Г. Кушнарев пишет: «А. В. Ефимов приходит к выводу, что вопросы географии, торговли, открытий... все они были подчинены другой, гораздо более важной государственной задаче... Тогда со всей остротой встал вопрос о безопасности границ России на Востоке. Мы считаем, что для первой Камчатской экспедиции выделение задач обороны было неправомерным... Как же враги могли напасть на восточной границе России, а русские оборонять их, если одним они не были известны вовсе, а другие имели о них лишь смутное представление?»⁴⁴.

Однако согласиться с Е. Г. Кушнаревым нельзя, потому что, как он сам понимает, вопрос шел о границах, которые либо не были известны вовсе, либо о которых (другие, т. е., очевидно, западные державы) имели смутное представление. Но дело в том, что к началу 20-х годов XVIII в. Россия стала мировой державой, включилась в мировую политику, обладала флотом на

пяти морях. В этих условиях особенно нетерпимым оказывалось незнание границ только что провозглашенной Российской империи. Поскольку границы эти не были известны, не снималась опасность нападения с этих границ. Другой вопрос, что реально первое вооруженное столкновение с западными державами произошло на Дальнем Востоке в период Крымской войны. Но ведь дело состояло как раз в том, что было неизвестно, когда и где может произойти такое столкновение.

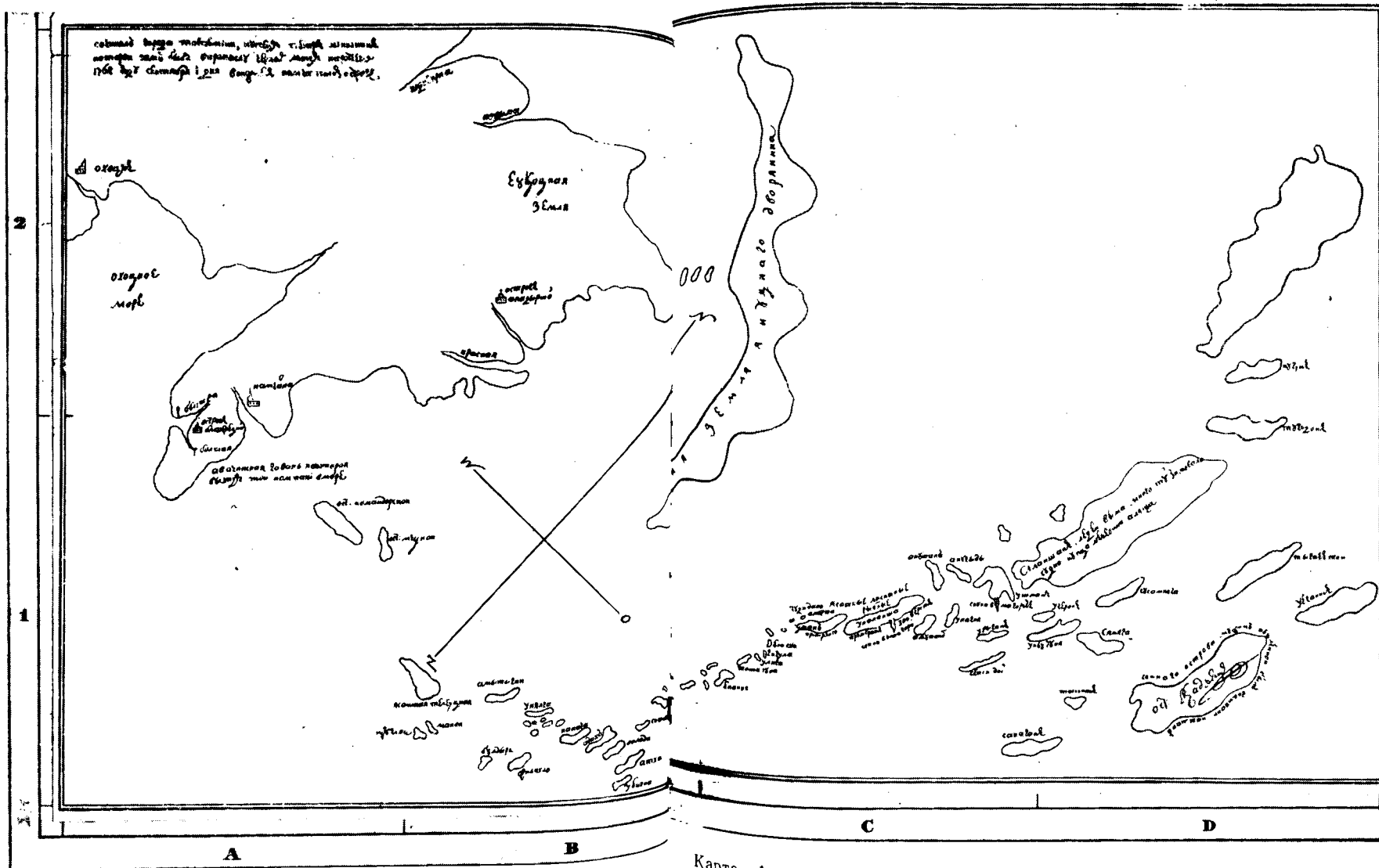
О том, зачем посылались экспедиции на морские острова и по суше, дают представление многие «наказные памяти» приказчиком восточных острогов, в которых предписывалось «проведывать с великим прилежным радением, какие на островах живут люди, и под чьим владением и какое богатство и оружие и битву и посадки имеют ли, и русские товары какие им угодны, и от Камчатского Носу в морях и за переливы много ли от материка земли расстояние». Затем предписывается объяснить проведенных людей и «учинить чертеж»⁴⁵.

Одни «иноземцы» имели «бой лучной и камнем и шибалок», а относительно других «иноземцев» требовалось узнать, какие у них пушки и т. п.

Таким образом, вопросы военного порядка и «проведывание» границ государства носили стратегический характер. Вот почему стратегический момент при отправке экспедиции на Тихий океан играл несомненно большое значение. Между прочим, этот же стратегический момент оказал существенное влияние и в дальнейшем на политику царского правительства на Алеутах и Аляске. Эта политика, нося отрицательные черты — жестокая эксплуатация аборигенного населения и т. п., все же отличалась от политики англичан в Австралии и в Новой Зеландии и американцев на западных, так называемых «свободных» землях, где земли захватывались, а коренное население в ряде случаев уничтожалось в значительной мере или вовсе.

Вернемся к вопросу о картах Чукотки и Каспийского моря, помещенных в атласе Гомана в 1725 г. Карта Каспийского моря была составлена под руководством Петра I и послана им в Парижскую Академию наук, членом которой он был избран. Отметим, что Петр I назначил Гомана своим агентом по изданию карты. Карта, помещенная у Гомана, описана Кааном в 1911 г. и воспроизведена Л. С. Бергом в приложении к статье «Первые карты Камчатки»⁴⁶. Однако никакого указания на поразительное сходство данной карты с картой Ивана Льюва, до сих пор остававшейся неизвестной, ни у Каана, ни у Л. С. Берга, разумеется, нет.

В вышедшей в 1946 г. книге «Географический департамент Академии наук XVIII в.» (автор В. Ф. Гнучева) опубликован документ, который устанавливает происхождение упомянутой карты Чукотского полуострова и Камчатки, помещенной в атласе Гомана.

Карта Американских островов, составленная купцом Петром Шишкиным в 1762 г. («Атлас», № 149)

В письме академика Христиана Николая де Виннгейма от 1749 г. указывается, что за границей по «заказу покойного г. Де-Брюса была издана карта Камчатки и Каспийского моря и т. д.»⁴⁷ Эта карта, отражающая данные карты Ивана Львова, была переслана в Нюрнберг по приказанию Петра I Я. В. Брюсом.

В исторической литературе не отмечена должным образом интересная статья А. И. Андреева «Экспедиции на восток до Беринга» (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII в.). Эта источниковедческая статья сообщает ряд полезных сведений относительно карт начала XVIII в., но в ней неправильно указывается на то, что карта Камчатки, напечатанная в атласе Гомана в 1725 г., составлена замечательным русским картографом И. К. Кириловым. В 1959 г. Э. Ф. Вареп внес очень важное уточнение в вопрос, опубликовав письмо Гомана от 17 июня 1723 г., из которого видно, что карта Каспийского моря и Камчатки была прислана ему из Москвы по распоряжению Петра I в 1722 г. Таким образом, эта карта не может быть картой Кирилова 1724 г.; Кирилов причастен к составлению другой карты, сделанной по данным Афанасия Шестакова. И. К. Кирилов, вышедший из народных низов, родился в 1689 г., в 1702 г. поступил в Навигацкую школу; с 1712 г. был в Москве подьячим по местному приказу, затем перешел в сенат. С конца 1712 г. и до 1734 г. он служил в сенате, последняя его должность — обер-секретарь сената.

Петр I сделал правительствующий сенат центром грандиозных съемочных работ для составления генеральной карты России. Геодезисты, разосланные в различные провинции, пересылали составленные ими карты провинций и уездов в сенат, где всеми этими работами руководил Кирилов.

Кирилов составил чрезвычайно широкий план для задуманного им «Атласа Всероссийской империи». Предполагалось издать атлас в трех томах по 120 листов в каждом и, кроме того, присоединить к третьему тому ряд исторических карт. Кирилову удалось опубликовать к 1734 г. первый выпуск своего атласа по сокращенной программе. В него входили генеральная карта России и 14 подробных карт отдельных больших районов. Об этом атласе К. А. Салищев пишет: «Атлас Кирилова явился замечательным событием в истории русской науки. Этот труд подытоживал успехи картографических начинаний Петра...»⁴⁸. В этом атласе ближайшее участие принимали А. Д. Красильников и П. И. Рычков, ученик Кирилова. В период снаряжения второй Сибирско-тихоокеанской экспедиции Кирилов ставил вопрос о морском пути вокруг Азии. В записке, поданной им в 1734 г. в сенат, ставится вопрос о торговле с среднеазиатскими ханствами и Индией. Правительство послало самого Кирилова во главе большой экспедиции в Оренбургский край, где он основал несколько крепостей. Умер Кирилов в 1737 г. от туберкулеза, находясь во главе задуманной им экспедиции⁴⁹.

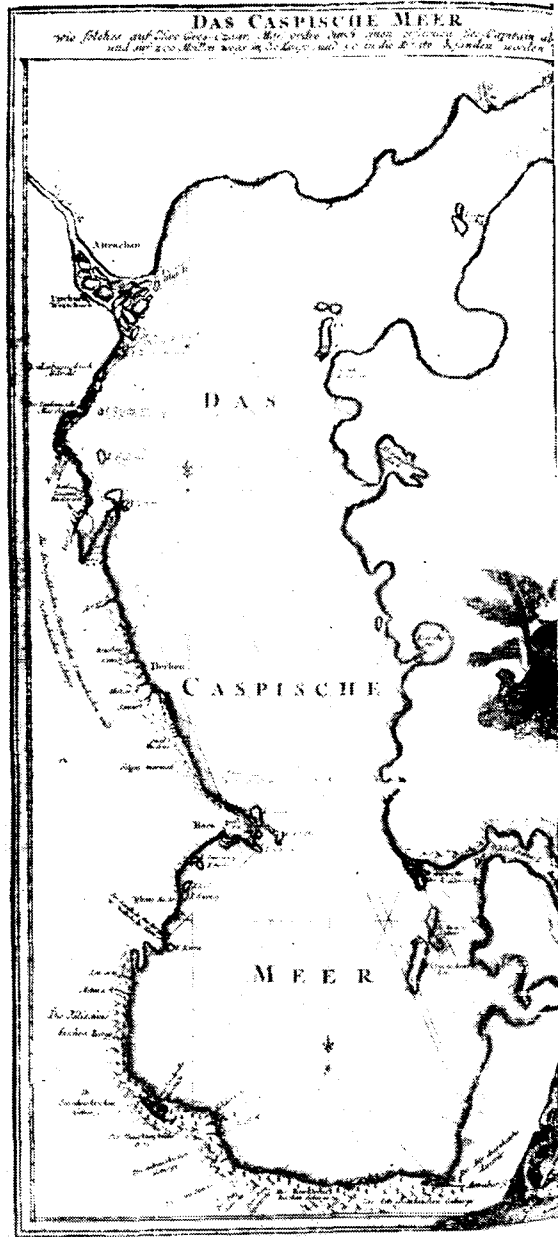
Неправильно приписанная Кирилову карта 1725 г. была напечатана Гоманом в 1723 г. В дальнейшем эта карта переиздавалась. А. И. Андреев не отметил влияния на эту карту чертежа Ивана Львова, но это и понятно, — проследить влияние названной карты на карту в атласе Гомана оказалось возможным только после того, как удалось найти подлинник карты Львова. Можно было бы отметить возможность влияния на данную карту и карты Ремезова — Атласова (карта Чукотского полуострова, Аляски и Камчатки), а эта последняя, в свою очередь, может быть связана с походом Дежнева.

Карта, напечатанная в 1725 г. в Нюрнберге в атласе И. Б. Гомана, была воспроизведена в России в 1752 г. Филиппом Бюашем в качестве карты, дающей первую концепцию Чукотского полуострова и Аляски. Эта карта была напечатана в августовской книжке «*Considérations Géographiques*» (стр. 10—11), издававшейся Академией наук, и перепечатана в Париже в том же году в книге того же Бюаша «*Географические и физические соображения по поводу новых открытий на Севере Великого моря*» в издании французской Академии наук (на французском языке). В тексте этой книги (стр. 10) Бюаш сообщает, что нюрнбергская карта, на которой на одном листе помещены Камчатка и абрис Каспийского моря, составлена на основании первых докладов немцев в Петербурге. Несомненно, что «немцы», о которых здесь идет речь, это шотландцы братья Брюсы, один из которых — Яков В. Брюс — переслал данную карту по приказу Петра I в Нюрнберг.

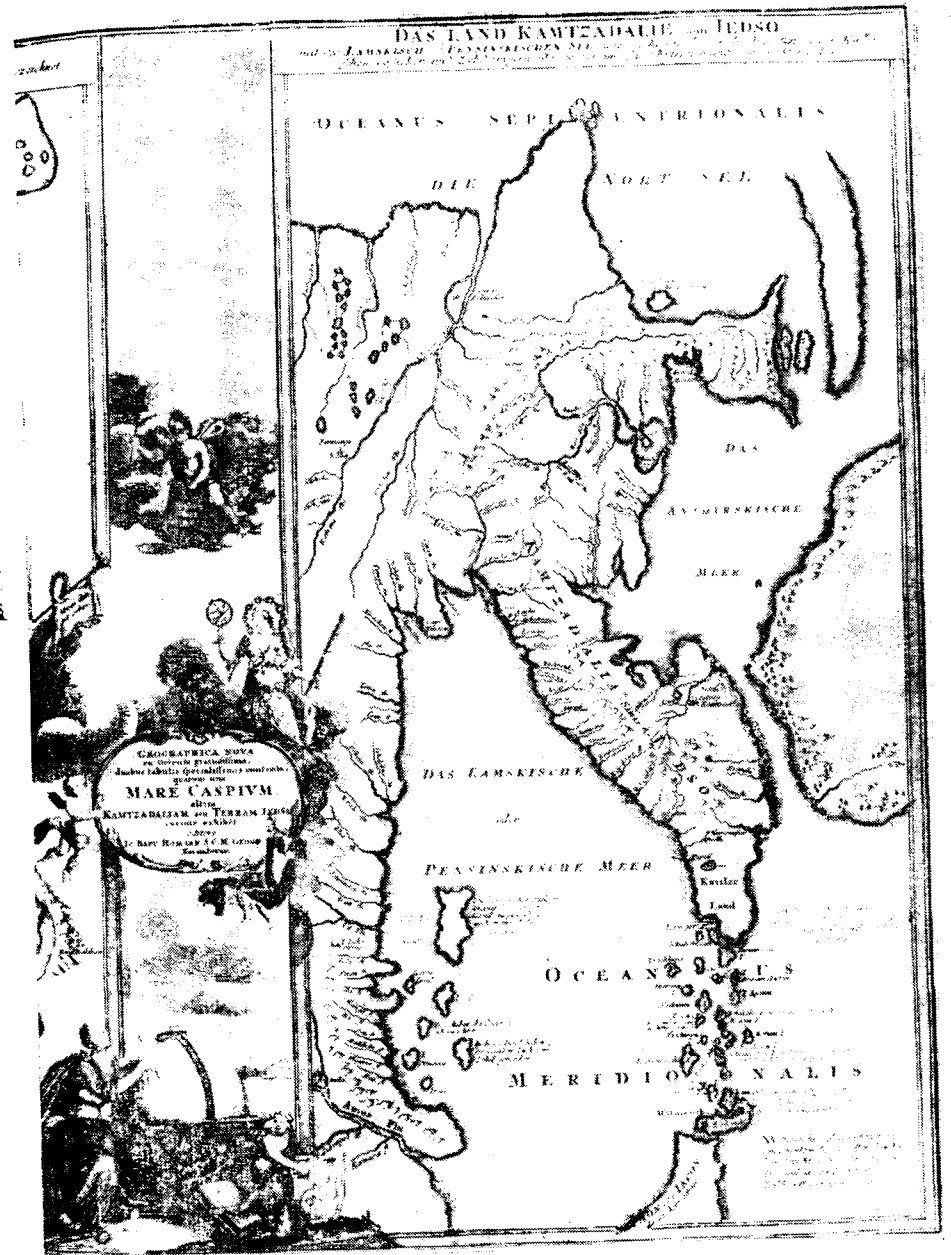
Карта Львова не только оказала прямое влияние на русские и западноевропейские академические издания, но и нашла отражение, особенно в тексте надписей, в ряде карт сибирских служилых людей и промышленников в XVIII в. Так, на карте, составленной в 1762 г. купцом Петром Шишкиным⁵⁰, Америка названа, как это ни удивительно, «Землей якутского дворянина», т. е. земель, нанесенной на карту якутским дворянином Иваном Львовым. Очевидно, Петр Шишкин знал о карте Ивана Львова из печатной работы Миллера.

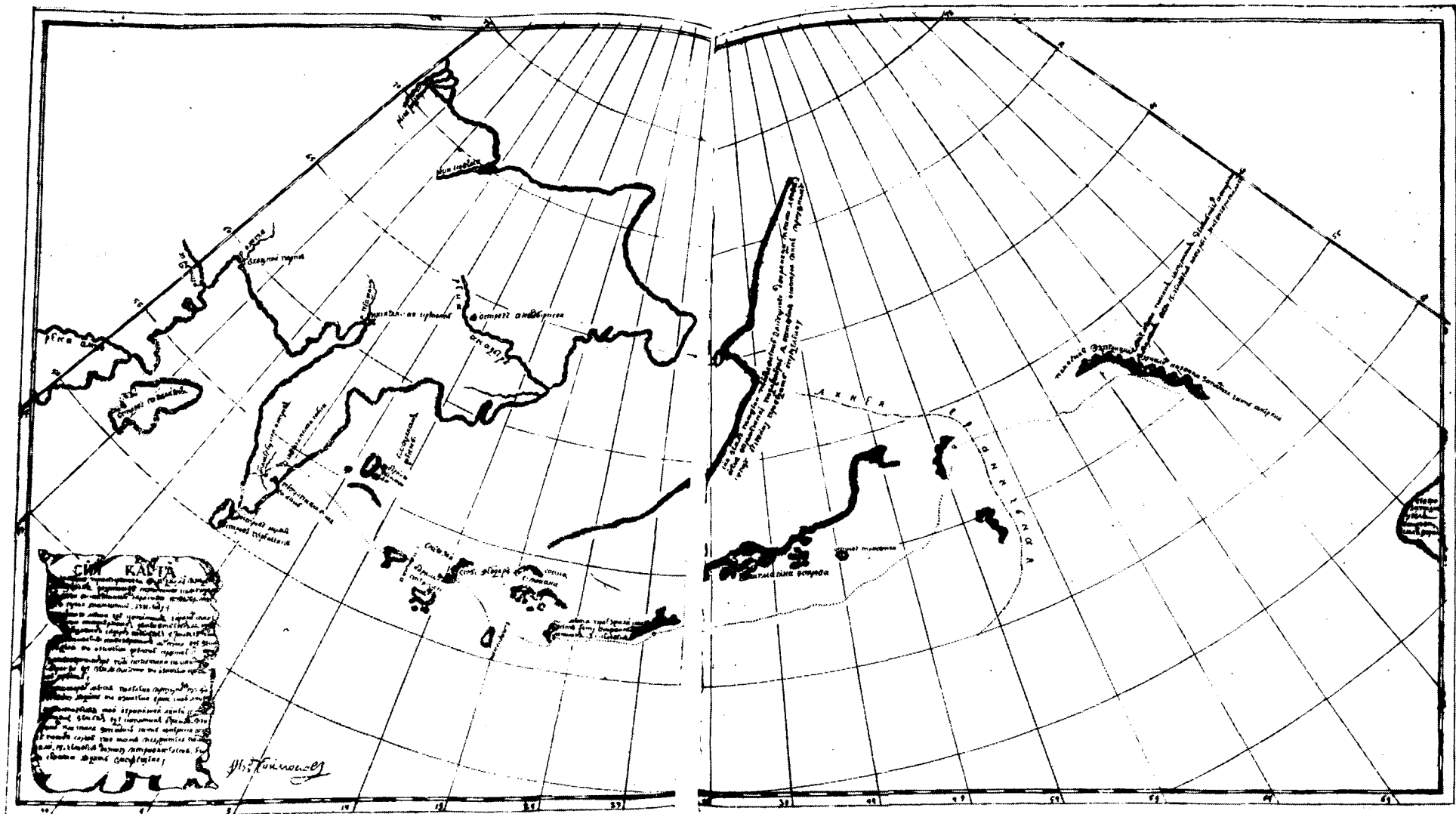
Третья карта не только использована нами, но и определена⁵¹.

Карта цветная⁵². Надпись внизу слева в рамке: «Карта якутская к Камчатскому мысу и прежнему пути на Камчатский мыс, також и новой...». Карта без ориентира. Север примерно внизу. Карта охватывает территорию от Лены с ее устьем до Амура. На ней показано, что Чукотский полуостров омывается морем. Севернее него изображен остров без надписи. Очертаний Америки и островов в проливе нет. Зато на юго-восточной оконечности Камчатки, южнее устья р. Камчатки, сильное и не ограниченное расширение полуострова. Слева внизу надпись: «По скаске от камчатского казака Ивана Енисейского с товарищи, что в левую сторону пошла великая земля и людна. Между теплым и студеным

Карта из Атласа
 Иоганна Батиста Гомана
 1725 г.
 («Атлас», № 58)

Контурная карта Восточной Сибири от устья р. Индигирки до
ставленная по материалам экспедиции Беринга и Чирикова,
дичии иркутского купца Ив. Бечевина в Тихом океане (пути
ровов с описанием в красках

(ЦГАДА. Дело о гибели судов экспедиции лейтенанта Хметевского и
ния Камчатки, разведки руд и доставки провианта и

р. Амур, с Курильскими островами, с Северной Америкой, со-
1741 г., с указанием конечной границы предполагаемой экспе-
дальше запрещено сенатом), с 5-ю наклейками и планами ост-

горного обер-офицера Яковлева, посланных для географического описа-
денег из Охотского в Анадырск, л. 296, № 1912, 1759)

морями. И иноземцы многие им сказывали, что из моря в море через тое земли пролива не знают». Показаны три пути. Первый — от устья Лены к устьям Яны и Анадыря и далее к югу до р. Камчатки и к западу до р. Большой с надписью: «Дорога сухим путем на Камчатку». Второй путь — от Якутска к Охотску по прямой с надписью: «Иноземцы переезжают для промыслу в 16 дней». Третий путь — от впадения реки Юдомы в Лену с надписью: «Дорога судовая на Ламу и Охотск». В центре Пенжинского моря остров. Против р. Уть (Уды) показан остров. Западнее озера на южной оконечности Камчатки (Курильской) тоже остров и, кроме того, четыре Курильских острова и четыре острова той же группы, обозначенных равнобедренными равными между собой треугольниками, и большой (на юге не ограниченный) остров с надписью остров Нифан. Севернее его острова Матмай и др.

Нам удалось точно датировать карту — 1719 г., используя подписанную и датированную объяснительную записку к ней, составленную полковником Яковом Агеевичем Ельчиным, бывшим якутским воеводой и начальником Большого камчатского наряда, т. е. экспедиции в Японию и Америку, посланной в 1716 г.

Основой для этой карты послужила не «скаска» Ивана Енисейского, а документ огромной важности — чертеж Ивана Козыревского, а именно, третий его чертеж, 1713 г., сделанный после третьего его похода на Курильские острова⁵³. Из «скаска» Ивана Енисейского на карту перенесено утверждение, что от Камчатки в океан протянулся перешеек, соединенный с какой-то землей.

Как видно из документов (43-й книги Кабинета Петра I и других), опубликованных во втором томе «Памятников сибирской истории» (стр. 46), Иван Козыревский, составив во время своего третьего похода 1713 г. карту островов, расположенных против Камчатского мыса, т. е. Курильских островов, сдал ее приказчику Камчадальского острога Ивану Енисейскому. Чертеж этот был подписан Козыревским. На нем были нанесены острова «даже и до Матманского острова» (там же). Таким образом, становится понятным происхождение данной карты: она была составлена с учетом карты Ивана Козыревского и прислана в Москву с примечаниями камчадальского приказчика Ивана Енисейского.

Иван Енисейский — это полулегендарная фигура одного из исключительно до поры до времени удачливых, смелых и жестоких деятелей времени первоначального накопления капитала в Восточной Сибири. Он служил в Анадырском остроге, а оттуда в 1695 г. с Лукой Морозкой отправился «проведывать» Камчатку. Участвуя в походах Владимира Атласова в течение 3 лет, он неоднократно сражался и много раз собирал и доставлял в казну огромный ясак. Он весь был изранен копьями и ножами. С 1708 г.

его сделали приказчиком на Колыме, где он также собирал ясак. В 1711 г. по представлению якутского воеводы от 18 декабря 1710 г. казачий десятник Иван Енисейский был возведен в дворянское достоинство⁵⁴. В 1714 г., после новых походов на Камчатку и сборов сказочно богатого ясака, камчадалский приказчик дворянин Иван Енисейский был опять тяжело изранен, а затем сожжен заживо в юрте восставшими юкагирами Акланского острожка.

По содержанию карта Козыревского связана с Большим камчатским нарядом и с вопросом о постройке русского флота на Дальнем Востоке. Она была доложена Петру I вместе с показаниями японского пленника Санима. С этим фактом, несомненно, связана посылка Петром геодезистов Евреинова и Лужина в 1719 г. на «Восточный океан». На карту Ельчина в отношении представления о том, что от Камчатки идет в море мыс, конца которому не ведают, могла оказать влияние карта, о которой мы можем высказать пока лишь предположение, что она связана с именем подполковника Ступина. Эта карта находится в архиве Академии наук СССР, опубликована А. В. Ефимовым в книге «Из истории великих русских географических открытий» (стр. 20).

Имелось указание о «проведывании» пути от Удского острога до Нерчинска и о посылке для этой цели двух человек, которые должны были исследовать острова и земли, лежащие против Колымского устья и Камчатской земли (напомним, что тогда думали, что реки Колыма, Анадырь и Камчатка текут параллельно и впадают в море на близком расстоянии одна от другой). Это предписание и подобные ему предписания сибирского губернатора ряду лиц могли быть известны подполковнику Ступину, а кроме того, могло быть дано ему лично аналогичное предписание, которое не отражено, да и не могло быть отражено в документе, рассчитанном на широкое предъявление.

Но прежде чем перейти к попыткам достичь Америки, обратимся к тем сведениям, легшим в основу и карт, и экспедиций, о которых шла речь.

Исключительный интерес представляют показания якутского служилого человека Петра Попова. Он дал их на далекой периферии в судной избе Анадырского острога 2 сентября 1711 г. приказчику Матвею Скребыкину.

Петр Ильин сын Попов и анадырские промышленники Егор Васильев Толдин и новокрещенный юкагир Иван Васильев, сын Терешкин, 13 января 1711 г. были посланы из Анадырского острога собрать ясак с чукчей. Но этим обычным заданием дело не ограничилось. До Анадыря дошел указ Петра I, и Попову с его товарищами выпала трудная задача — идти на «Чукотский нос» «призвать» «немирных» чукчей в вечный ясачный платеж, и, главное, «проведать» о прилегающих островах и землях и о людях,

живущих на них (по программе, которая давалась Траурнихтом при всех подобных поручениях). Выполняя это поручение, Попов собрал замечательные сведения: во-первых, чукчи сказали ему, что «и прежде русские люди у них, чукочь, морем бывали». Это прямое подтверждение сведений о походе Дежнева вокруг «Анадырского носа». Далее Попов собрал сведения о Северной Америке, хотя и не назвал ее так. Эти сведения ему сообщили «носовые» чукчи Макачкины. Очевидно, Макачкины — это родовые старшины «носовых» чукчей.

Чукчи жили родовым строем, у них были рабы. Оленные чукчи имели большие стада оленей. Пешие чукчи занимались главным образом рыболовством. Возникали более крупные объединения чукчей, юкагиров и коряков, но они не были постоянными.

Вот сведения, которые сообщил Попов. Они касаются не Диомидовых островов, а имеют непосредственное отношение к Северной Америке.

На «Большом острове», сообщил Попов, имеются «соболы и куницы, и лисицы, и песцы, и волки, и росомахи, и медведи белые, и морские бобры, и великие табуны оленей».

Чукотский полуостров лежит очень недалеко от Аляски. Разделяющее их расстояние (в 89 км) местные жители переплывают на байдарках в день, чаще в два дня. Не больше времени нужно зимой для того, чтобы преодолеть это пространство на оленях или собаках. Очевидно, объяснить резкое различие во флоре и фауне Чукотского полуострова и части прибрежной Аляски можно только резким различием их климата, хотя они отделены лишь узким проливом. Так оно и есть на самом деле.

Хотя Чукотский полуостров и Аляска лежат на одной параллели, но климат их в прибрежной части резко различен. На Чукотке климат арктический, нет лесов. Редкий лес начинается на севере Камчатки, и лишь на юге ее начинаются лесные массивы, причем не хвойного леса, а чернолесья. Соболей на Чукотке нет, так как там нет леса, но на Камчатке они уже встречаются. На Аляске же в части прибрежной полосы, и это обстоятельство поражало всегда жителей Азии — имеются и черный, и хвойный лес, и соболи, и куницы. Такая резкая разница объясняется теплым течением Куро-Сиво, которое из экваториальной области направляется к Японии, охватывает ее острова с двух сторон, а затем направляется к Америке, разделяясь на два потока — один, идущий к Аляске, а другой — к Калифорнии. От ледяных северных ветров Аляску защищает в известной мере хребет Брукс и другие горы. На 61-й параллели на Аляске можно встретить жительницу тропических стран — колибри.

Сведения Попова об Америке, вполне конкретные и достоверные, относящиеся к 1711 г., отнюдь не стоят особняком. Они повторены и подтверждены и известными нам картами, и другими показаниями.

По сведениям Попова, островитяне живут, как и чукчи,— не имеют «начальных людей». Называют чукчи тот остров «Большою землей»⁵⁵. Там до 6 тыс. воинов. Люди там «зубатые» (ростастые), а вера, обычаи и язык у них не такие, как у чукчей. У чукчей Попов видел человек 10 полонников (т. е. жителей Америки, эскимосов). Оказывается, что чукчи издавна воюют с жителями островов.

Глава «носовых» чукчей Макачкин сообщил, что он неоднократно бывал у «носовых» на «Большом острове» и в походах. Таким образом, мы имеем возможность назвать имя человека, который неоднократно посещал Америку до 1711 г. из Сибири. Это Макачкин. Конечно, он не открыл Америку, а поддерживал связи, которые возникли со времени заселения Америки протоэскимосами и протомонголоидами, предшественниками индейцев⁵⁶. Известный этнограф В. Богораз собрал данные о том, что еще до прихода русских существовали оживленные торговые сношения не только между стойбищами оленных чукчей и поселками приморских жителей (чукотскими и эскимосскими), но и между Азией и Америкой через Берингов пролив⁵⁷. Оленные чукчи нуждались в ворвани, в ремнях и тюленьих шкурах. Взамен этого они давали олени шкуры, готовую одежду. На американском берегу олени шкуры ценились выше, чем в Азии, поэтому чукчи и азиатские эскимосы совершали туда ежегодно торговые экспедиции, а иногда пускались и в пиратство. Богораз приводит и фольклорные данные, отражающие воинственные экспедиции чукчей из Азии в Америку, что подтверждают сведения Попова и Макачкина.

¹ «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 1. СПб., 1882, стр. 464—465.

² Там же, кн. 2. СПб., 1885, стр. 526.

³ Там же, Якутск, кн. 4, акт 42, стр. 504.

⁴ Там же, акт 27, стр. 502.

⁵ Г. Ф. Миллер. Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения восточных стран. АВГР, ф. Сибирские дела, оп. 130/1, 1732 г., дело без номера, л. 50 об.— 51.

⁶ Там же.

⁷ Об этом см. «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 2, стр. 500—501.

⁸ Там же, стр. 502—503.

⁹ Там же, стр. 530—540.

¹⁰ Там же, стр. 530—540.

¹¹ Там же, стр. 41.

¹² Там же, стр. 39.

¹³ Там же, Якутск, кн. 4, акты 63—64, стр. 37—40.

¹⁴ Г. Ф. Миллер. Известия о путешествиях и открытиях в Северном Ледовитом океане, с Российской стороны учиненных. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1758, стр. 197.

¹⁵ Там же, стр. 197.

- ¹⁶ Надо удивляться, что исследователи раньше не начали поисков этой карты и не нашли ее. Поскольку она попала в руки Миллера, можно было полагать, что она найдется где-нибудь в его портфелях, насчитывающих, правда, тысячи рукописей и книг.
- ¹⁷ Карта мест, от реки Енисей до Камчатки лежащих.
- ¹⁸ «Скаска» В. Атласова. ЦГАДА, ф. Сибирского приказа, кн. 1292, лл. 725—729 об.
- ¹⁹ Как нам любезно сообщил проф. Пермского государственного университета им. М. Горького П. Н. Чирвинский, на Камчатке были встречены липариты (в том числе и обсидианы) в следующих местах: вулкан Шапочка, исток р. Быстрой, р. Козыревская, хребет Ивулк, Курильское озеро, озеро Б. Виллой, р. Явино, верховье р. Банной и в др. местах.
- Шарообразную форму, хотя и редко, могут получать валуны из таких пород, если будут округлены ледниками, морем, реками. Экземпляры же шаровой формы не исключены у этих пород совсем, но менее вероятны, чем у основных пород, например диабазов, однако стекло в последующих редко наблюдается.
- Кора выветривания и шершавость поверхности у обсидиановых валунов и галек вполне возможны — это и есть та «корза», о которой говорит автор карты.
- Академик А. И. Заварицкий полагает, что «камень», о котором упоминается в надписи на карте, — это обсидиановые валуны.
- ²⁰ Излишны, т. е. многочисленны.
- ²¹ «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. 2, Якутск, кн. 4, акты 19—22 и 27, стр. 501.
- ²² Относительно олюторцев имеется сведение в «скаске» В. Атласова от 10 февраля 1701 г.: «А за теми коряками живут иноземцы олюторцы, а язык и во всем подобие караяское...», т. е. олюторцы — это коряки или весьма близкий к ним народ.
- ²³ «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. 1, Якутск, кн. 4, акты 19—22 и 27, стр. 403.
- ²⁴ Отписка от 7 февраля 1715 г. Там же, кн. 2, Якутск, кн. 5, акт 68, стр. 43—47.
- ²⁵ Шантарские острова были посещены казаками Быковым, Крестьяниновым и Анабарой в 1713 г. На двух островах людей не было, но там оказалось много зверя, а именно черных медведей. На третьем острове нашли «иноземную женку», которая через четыре недели «убежала безвестно». На третьем острове оказались соболи, лисицы и хвойный лес. В 1714 г. казаки вернулись через Уду в Якутск.
- ²⁶ Вот одно из таких сведений: «А бой-де у тех чукочь лучной. Лесу в том Носу нет, питаются: оленные — оленями, а пешие морскими китами и моржами и рыбой» («Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 2, Якутск, кн. 4, акты 76, 77, стр. 523—526).
- ²⁷ Б. П. Полевой. Казачья скаска 1707 г. о Камчатских гейзерах и Ключевой сопке. «Вопросы географии Камчатки», вып. 3. Петропавловск Камчатский, 1965, стр. 121.
- ²⁸ А. И. Андреев. «Очерки по источниковедению Сибири», вып. I. М.—Л., 1960, стр. 248.
- ²⁹ Б. П. Полевой. Казачья скаска..., стр. 120.
- ³⁰ Карта Якутского дворянина (сына боярского) Ивана Львова, переданная им Г. Ф. Миллеру в Якутске в 1736 г. и после Миллера никем из исследователей не использованная. Рукописная (ЦГАДА, Библиотека Главного архива МИД). Опубликована впервые в монографии А. В. Ефимова «Из истории русских экспедиций на Тихом океане» (М., 1948). См. также «Отписки анадырского приказчика Петра Татаринова якутскому коменданту полковнику Ельчину от 16 июня 1715 г.» («Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. 2, стр. 73).
- ³¹ Парки — меховые рубахи без капюшонов.

- ³² Миллер считает, что соболи, о которых говорится в легенде,— это куницы. Л. С. Берг думает, что это не куницы, а соболь, но особая его американская разновидность *Mustela Americana*. На Аляске имеется также и куница.
- ³³ Этот острог изображен на карте казака Дауркина 1765 г. и на карте, копированной штурманом Иваном Добржановым в 1772 г. (на основе карты Дауркина). О мысе принца Уэльского сказано: «Земля, называемая Кыргыз». Против мыса на континенте нарисована крепость (у р. Хевуврен) и имеется надпись: «Люди живут, носят платье соболье, лисье и рысье; разговор у них с чюкчами не сходен. Торг имеют с чюкчами на первом острове против Чюкоцкой земли Неимяглине» (Инялик).
- ³⁴ ЦГАДА, Картографический отдел Библиотеки Главного архива МИД, Реестр географическим атласам..., карта Иркутской губ. № 4.
- ³⁵ Э. Ф. Вареп о картах, составленных русскими в атласе И. Б. Гомана 1725 г. «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 91, вып. 3, 1959.
- ³⁶ В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований 1725—1765 гг. М., 1960, стр. 334—335.
- ³⁷ «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. 2, стр. 73, 504.
- ³⁸ Там же, стр. 495—504.
- ³⁹ В ЦГАДА в фонде «Правительствующий сенат» в деле Секретной экспедиции № 1557 за 1755 год л. 292 нами в 1969 г. найдено донесение Ф. Соймонова, где говорится: «Другая карта, полученная мною в Якутске, от сочинителя оные тамошнего дворянина сообщает более известий»... Далее описывается содержание известных данных на карте Ивана Львова. Кроме того, в том же 1969 г. нам в ЦГАДА удалось найти карту, подписанную Ф. Соймоновым, на которой фигурирует «земля объявленная якутским дворянином Иваном Львовым».
- ⁴⁰ 1725, 1726а, 1727 гг. Увидя изданные в Голландии анонимные карты, приписываемые шведским пленным, Страленберг узнал копии своих карт, составленные в 1715 и 1718 гг., о чем он и не преминул заявить во всеуслышанис.
- ⁴¹ М. Г. Новлянская. Филипп Иоганн Страленберг. М., 1966, стр. 49 и сл.
- ⁴² ЦГАДА, ф. Сибирского приказа, стлб. 654, лл. 161, 162. Цитировано по заметке Б. П. Полевого «Водный путь из Ледовитого океана в Тихий», забытый наказ Виннису 1697 г. («Природа», 1965, № 5).
- ⁴³ Сб. «Русские арктические экспедиции XVII—XX вв.», под редакцией М. И. Белова. Л., 1964.
- ⁴⁴ Там же, стр. 10—11.
- ⁴⁵ «Труды Историко-архивного института», т. 2. М., 1946, стр. 183—205.
- ⁴⁶ «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 4, 1943, стр. 3—6.
- ⁴⁷ См.: В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII в. Л., 1946, стр. 158.
- ⁴⁸ К. А. Салищев. Основы картоведения. М., 1948, стр. 146.
- ⁴⁹ О Кирилове см.: А. И. Андреев. Экспедиции на восток до Беринга, в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII в. «Труды Историко-архивного института», т. 2. М., 1946, стр. 4—5.
- ⁵⁰ ЦГАДА. По реестру Библиотеки Главного архива МИД. Карты Якутской губ., № 54, рукописная.
- ⁵¹ Упоминание о данной карте встретилось нам в одной из статей А. И. Андреева («Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII в.» «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 3, 1943, стр. 88). Однако А. И. Андреев не установил имени автора или человека, который руководил составлением данной карты. К слову, в названной статье Андреева вообще нет упоминания ни о Ельчине, ни о возглавлявшемся им Большом камчатском наряде.
- ⁵² Карта вшита в сложенном виде в кн. 43 фонда «Кабинет Петра I», отд. I (ЦГАДА). На корешке книги: «Письма корабельных мастеров и прочее. 1719 года, книга 4». Карта представляет собой лист 374 этой книги. Размер карты 29,5×39 см, называется она «Карта Якуцкая и Камчатскому мысу и прежнему пути на Камчатской мыс також и Новой». Вместе с картой подшито такое не озаглавленное описание: «От Якуцка до Моря сухим

путем наскоро две недели, а с возами три недели езды. А преж сего от Якуцка хаживали судами рекою Леною вниз, вверх реками Алданом, Маею, Юдомою до Юдомского волоку. А волоку дватцать верст. А от того волоку вниз рекою Ураком до Окияна Моря всего поспевали в пятнадцать недель. А до Камчацкой земли переходят морем в неделю. А леса на Камчацкой земли: лиственник, топольник, березник, осинник. А сосновова и еловова дерева там нет. От Якуцкой стороны близ моря добрых лесов к судовому строению нет верст за двести до речки Горбеи. А от речки Горбеи и ниже лесов довольно и можно те леса взводить водою рекою Юдомою до вышепомянутого волоку. А через волок надлежит возить лошадьми до реки Урака, которая впала в море. А железо можно плавить в близости той пристани, для того что в тех местах руды железной довольно. А по скаске камчацкова монаха Игнатия я писал в Якуцкой просительное письмо, чтоб к ним послать на Камчатку всяких хлебных семен и овощных, и по оному прошению семен хлебных и овощных к ним послано. В том же письме писал он, что там земли довольно и хлеб будет родитца. От Якуцкой же стороны Уцкого острога якуцкие казаки Иван Каргополь с товарищи дали скаску, что около Уцкого острогу ячмень по вся годы родитца... И для заводу пашен и посеяния хлеба послан сын боярской Семен Харитонов с служивыми людьми. А те вышеписанные посылки на Камчатку и в Уцкой острог посланы в 1718-м году. (Подписано) Яков Ельчин ру[ку] приложил».

⁵³ Карта Козыревского позже была использована Евреиновым, Шестаковым, Кириловым, Страленбергом и др.

⁵⁴ «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 1, стр. 432—436.

⁵⁵ Америка здесь названа островом, но что тут удивительного? И более известный Китай в то время тоже называли часто островом.

⁵⁶ «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 1, Якутск, кн. 5, акт 39 стр. 456—459.

⁵⁷ В. Г. Богораз. Чукчи. Л., 1934, стр. 79.

СВЕДЕНИЯ ОБ АМЕРИКЕ,
ПРИХОДИВШИЕ В РОССИЮ С ЗАПАДА

В месяцеслове (календаре), изданном Российской Академией наук на 1771 г., сообщается, что Америка уже была известна древним грекам, финикийцам и карфагенянам. По сведениям Платона, египетские жрецы якобы сообщили Солону о большом острове на Атлантическом океане, большем, чем Ливия и Азия, вместе взятые.

Диодор Сицилийский писал об огромном острове на Атлантическом океане, куда занесло мореплавателей из Тира. Хотели они «послать на этот остров колонию», но воспрепятствовали карфагеняне, которые уже сделали этот остров своим тайным прибежищем¹.

В литературе отмечалось, что приведенные сведения являются весьма смутными и мало достоверными. Они с таким же успехом могут относиться не к Америке, а к Ирландии, Великобритании или к какому-нибудь из Канарских островов.

Первые сведения об Америке, заимствованные с Запада, встречаются в России около 1530 г. В рукописи Максима Грека хотя и не упоминается прямо Америка, но рассказывается, что испанцы и португальцы открыли много островов, в числе которых названа Куба². В журнале «Московский телеграф» за 1832 г. было напечатано одно из первых в России светских произведений, в котором говорится об Америке³. Анонимный публикатор «повествования» не сумел определить его автора, высказав лишь предположение, что историческое повествование — хронограф — имеет русское происхождение. Мы приведем некоторые отрывки из этого старинного повествования об открытии Америки и с самого начала укажем его автора. Это — Мартын Бельский, польский ученый, написавший географический труд «Хроника всего света». Эта «Хроника» издавалась в 1554 и 1564 гг. в Кракове. Копия с нее хранится в Государственной публичной библиотеке

им. Салтыкова-Щедрина. Эта копия была снята в 1584 г. на 1347 листах в Москве ⁴.

Мартын Бельский составил повествование «об островах диких людей, коих немецкие люди (будем помнить, что речь идет не о немцах, а об иностранцах вообще.— А. Е.) называют Новый свет или четвертая часть вселенной».

В этом повествовании рассказывается, что в княжение на Руси великого князя Ивана Васильевича испанский король Фердинанд «отпустил земли своего человека в дальние страны и моря, именем Христофора». Этот человек, оказывается, происходил от места Колимбова и назывался Колимбосом. Пошел он по морю Атлантическому на трех кораблях. Пройдя по океану 6 тыс. верст (!), дошел он до острова Канария или Фортуната, затем были открыты острова Еганна и Испанна.

Во второе свое путешествие Колимбос посетил остров, где живут камбалы (каннибалы), которые людей едят. «И поймали их до десяти человек, и привели их к кораблям своим, и они учили кричать нелепым гласом толь шумно, что от крика все устрашились и, севши на корабли, прочь пошли». Пройдя мимо 47 островов, «к которым нельзя было пристать», дошли до острова Испанна, где в горах, в песке, золото рождается.

Далее Колимбос нашел людей «с ногами как лапы, столь великими, что весь человек может покрыться своею плюсною» (возможно, здесь отзвук сведений о лыжах-ракетках). Сначала с Христофором, а затем самостоятельно ходил в Америку некто Веспучей, которого «по имени острова (!) прозвали Америком». «Ныне тот остров немецкие люди почитают за четвертую часть света» (напомним, что Австралия тогда не была известна). Веспучей, как и Колимбос, не мог обойтись, разумеется, без чудес. Нашел Веспучей «людей ушастых», у которых уши «что и за плечи висят, а у иных и до ног». «Тогда же ходили немцы португальские до Каликутского царства» (т. е. до Индии).

Нас особенно должна заинтересовать последняя фраза повествования Бельского. «А о полуночной (т. е. северной.— А. Е.) стороне никому неизвестно, для (т. е. из-за.— А. Е.) великих морозов, потому что сказываются, в той стране море николи не растаивает» ⁵.

Иногда в исторической литературе на «Хронику» Мартына Вельского ссылаются для доказательства того, что об Америке в 1584 г. многие уже знали в России. Факт наличия в России сведений об Америке этой «Хроникой», разумеется, подтверждается. Она, например, дает первое в России упоминание об Америке. Однако эта «Хроника» свидетельствует о малой достоверности тех сведений об Америке, которые тогда приходили в Россию с Запада.

Не больше давали различные описания вселенной, космографии, которые имелись двух типов — одни из них должны были

удовлетворяют запросы ученых, другие висели на стенах жилищ в качестве поучительных картинок, получая таким образом широкое распространение. Этот второй вид космографии отправлялся не от научных данных, а от средневековых религиозных представлений о мире. До нас дошла в переводе на русский язык подробная научная книга космографии Меркатора⁶. Сохранились и в нескольких вариантах популярные космографии-лубки. Америка изображена на одном из них посредине круга, недалеко от «Земли французской». Надпись такова: «Земля Новая Америка остров великий, родится на нем много винограду и ладану и масла деревянного» (отголосок норманнских сказаний). Справа от Америки «Новый Францы» и «Новая Шпанья». Делают в ней серебро «шпанцы и французские немцы». Далее указывается, что «жители «местные» не знают ни веры, ни грамоты». Против страны Сибирской — «Новая Земля». Рядом со страной Сибирской надпись «Даурцы».

«Книга козмография» изображает мир в виде плоского круга: она крайне далека от карты в собственном смысле этого слова. Данная космография интересна тем, что дату ее составления можно отнести не позднее чем к концу XVII в., так как ее оригинал (рисунок и надписи сделаны от руки) находится в одной из книг кабинета Петра I. Космография составлена после открытия Америки, а поскольку в ней говорится о Новой Франции, она относится не к XVI, а к XVII в.

Весьма показательны сведения, сообщаемые учебной литературой. Как правило, учебники отражают состояние научного знания.

В 1710 г. в Московской типографии по повелению Петра I была напечатана книга «География или краткое земного круга описание». В конце книги имеется пометка: «Книга Алексея Морозова».

Как уже отмечено комментаторами, это, вероятно, перевод с голландского (всюду ссылки на расстояния от Амстердама). Судя по тексту, в книге имеются добавления, сделанные, по-видимому, переводчиком, возможно А. Морозовым.

Об Америке сказано, что она отделяется от других частей света «морем-океаном» и «ради неискусного плавания древних неведома от народов наших стран быша (была) до лета седьмитысячного (1492)». Открыл ее «сказано некто Христофор Колумбус, житель италийских стран на службе у гишпанского короля Фердинанда».

Когда Колумба оклеветали и отвезли в оковах к королю, послали в ту же новую страну «Америкуса, который ее именем своим Америкую нарече». Из стран Северной Америки названы: «Гишпания новая» и «Страна Флорида», где людоеды.

В 1718 г. в Москве была напечатана, тоже по повелению Петра I, «География генеральная. Небесный и земноводный круг

купно с их свойством и действием. В 3-х книгах описующая. Переведена с латинского на российский. Эта генеральная или «повсюдная» география составлена Бернардом Варением, медицины доктором в 1648 г.» В этой книге проводится мысль о том, что «Новый круг», или Америка, омывается водами, но что от севера море «не познанное, но и паче неизвестное». На стр. 63 утверждается, что Америка «окружена есть плаванием, кроме части берега северного ради неизвестия или трудностей морских».

В 1719 г. в Москве была издана переведенная с немецкого языка география Гибнера под названием «Земноводного круга краткое описание из старых и новых географий по вопросам и ответам».

На стр. 343 этой книги сказано, что «Тихое море», по латыни «Маре пацификум», есть великая вода между Азией и Америкой и что на этом море многие новые земли найдены. Что же касается северной части Тихого океана, то высказано предположение, что Азия и Америка «либо вместе смежны, или токмо узкою проливою отделены». Относительно «Великой Татарии» говорится, что в давние времена она называлась «Азиатской скифией», что лежит она к северу при «Ледяном море, которое по латыни Маре глациале или Сцификум именуется». О земле Иедзо сообщено, что только в прошлом «секуле» (веке) она «найдена от голландцев» и что «до сих пор еще неизвестно, остров ли эта земля Иедзо или позади соединена с Америкой». О северо-востоке Азии сказано, что неизвестно, где оканчивается матерая земля, «ибо ради великой стужи не можно дале пройти».

В 1758 г. в Петербурге вышла «Политическая география», учебник для сухопутного шляхетного корпуса. В Северной Америке названы французские и английские колонии Виргиния, Пенсильвания и другие, причем Пенсильвания ошибочно включена в состав Новой Франции, или Канады. Сверх того упомянуты Флорида, Мексика, или Новая Гишпания.

Приведенные данные красноречиво свидетельствуют о том, что на Западе ничего достоверного не знали о северо-востоке Азии и северо-западе Америки. Эти сведения добыли русские путешественники и мореплаватели с помощью местных жителей, особенно чукчей, эскимосов, коряков и ительменов.

К 1713 г. относятся русские печатные карты Северной Америки, о которых необходимо сказать особо.

-
- ¹ «Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы», ч. 2. СПб., 1787. Из Месяцеслова на 1771 г., стр. 122.
- ² *Н. Лазарев*. Первые сведения русских о Новом свете. «Исторический журнал», 1943, № 1; *Л. С. Берг*. Первые сведения об Америке. «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 77, вып. 3, 1945, стр. 172—174. В этих статьях указаны источники и литература по данному вопросу. Материал о «русской Америке» XVI и XVIII вв. собран в серии статей американского историка и географа Ярмолинского (*A. Yarmolinsky. Studies in Russian America*). «Bulletin of the New York Public Library», 1939—1942).
- ³ Повествование об открытии Америки, помещенное в русских хронографах с примечанием публикатора,— известие, вероятно, составленное самими русскими из полученных ими современных сведений («Любопытный памятник русской старины». «Московский телеграф», 1832, № 4, стр. 594—599).
- ⁴ *А. Попов*. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866, стр. 110.
- ⁵ «Понятия наших предков об Америке». «Московский телеграф», 1832, стр. 599.
- ⁶ «Космография 1670 г.» СПб., 1678—1681. Пер. В. Лыкова; см. также: *Н. Снацкий*. Одна из русских космографий. «Русский филологический вестник». Варшава, 1896.

КАРТЫ ВАСИЛИЯ КИПРИЯНОВА

До недавнего времени исследователи вопроса о русских экспедициях на Тихом океане не использовали три карты начала XVIII в., полученные нами в Перми в 1946 г.¹

Попробуем определить авторство карт, их историю, а также научное и практическое значение для первой половины XVIII в. Только после этого можно оценить значение этих карт для современной исторической науки².

На первой карте имеется легенда: «Тщательнейшая вся Азия таблица, на все части разделенная, новоисправленная и на свет произведенная в Москве в гражданской типографии. От Б. В.». После прописной буквы В следует другая прописная буква, прочитать которую нельзя, так как она сбита, повреждена на клише. Больше всего она походит на французскую букву F или же на поврежденную русскую букву К. Первое предположение о французской букве отпадает, так как перед ней стоят две русские буквы. Второе же предположение находит подтверждение, причем оказывается, что Б, В, К — это не инициалы имени, отчества и фамилии, как можно было бы думать, а нечто иное. В этом убеждает надпись, имеющаяся на второй карте. Вот ее текст: «Всего земного круга таблицы ново на свет произведены Во Гражданской типографии против немецких карт за Повелением Ц. В. (т. е. царского величества.— А. Е.) в Цр. Граде (т. е. царствующем граде.— А. Е.) Москве от библиотекаря В. К. лета 1713»³. Таким образом, Б. В. К.— это какой-то библиотекарь В. К.

В Москве была учрежденная Петром математико-навигационная школа, помещавшаяся, как известно, в Сухаревой башне. При школе была библиотека, а при ней библиотекарь, который уже с 1700 г. начал делать различные карты. Речь идет о человеке сравнительно мало известном, но одном из деятельных сподвижников Петра I, человеке, преданном науке и идее применения ее

к разрешению государственных задач. Это ученый, имя которого как раз начинается на В и фамилия на К — Василий Онуфриевич Киприянов. Он с 1706 г. заведовал библиотекой Московской навигацкой школы и получил звание библиотекаря в приказе самого Петра. Возникает еще вопрос: почему карты подписаны «от библиотекаря В. К.»; форма подписи несколько необычная. Это объясняется тем, что на подлиннике карты имеется посвящение царю Петру и царевичу Алексею.

Эти карты отражали последнее слово тогдашней географической науки. Но даже самые совершенные карты того времени в освещении целого ряда географических проблем находились в жестоком разладе с действительностью⁴.

Сведения о Киприянове довольно скудны. В «Опыте Российской библиографии» В. Сопикова в 1-м томе, изданном в 1813 г., о Киприянове сказано, что он с 1700 г. пользовался известностью как библиотекарь при Московской духовной типографии. В дальнейшем Киприянов был библиотекарем при навигацкой школе. После того как Петр в 1704—1705 гг. закончил работу по созданию русского гражданского шрифта, заменившего кириллицу, и в Амстердаме был отлит первый русский шрифт, в России 30 мая 1705 г. была учреждена первая гражданская типография, а с 1715 г. — вторая, находившаяся в ведении Артиллерийского приказа. Как раз в этом году навигацкая школа была переведена из Москвы в Петербург, а Киприянов, оставшись в Москве, был назначен начальником второй типографии. Таким образом, с 1700 г. Василий Киприянов имел какое-то отношение к Московской духовной типографии. Он с этого времени начал вырезать и издавать разные географические карты, «переводя оные с иностранных языков под руководством генерал-фельдцихмейстера Брюса». Киприянов был составителем календаря, который вышел в 1709 г. и долго ошибочно приписывался Брюсу. Сведения о Киприянове можно почерпнуть в капитальном труде по истории науки при Петре I у Пекарского⁵. Пекарский сообщает, что Киприянов издавал для навигаторов петровских времен математические и географические учебные пособия. Но в добавление к этим скудным сведениям Пекарский во 2-м томе своего труда о науке и культуре при Петре I дал перечень карт, напечатанных В. Киприяновым, и в этом перечне значатся все три карты, полученные нами в Перми⁶.

Ценные добавления к этим сведениям о Киприянове дают документы, напечатанные в «Русском архиве» за 1866 г., где помещена публикация М. Т. Хмырова. Работая в архиве Артиллерийского приказа, Хмыров нашел там некоторые документы о Киприянове. Отношение Киприянова к артиллерийскому ведомству определялось тем, что вторая в России гражданская типография, начальником которой был Киприянов с 1715 г., находилась в ведении Артиллерийского приказа.

16 октября 1716 г. генерал Яков Вилимович Брюс писал гвардии майору Ушакову: «В прошлом 1715 г. его царское величество указал по имени своему великого государя указу: В Москве второй гражданской типографии быть ради своей царского величества бессмертные славы и всему российскому народу в пользу благоприятную; и в той типографии печатать книги, картины и всякие листы, а у справления оных быть и отдать велено Кадашевцу (т. е. из Московского прихода Кадашей.— А. Е.) Василию Киприянову и писатца ему библиотекарем. И в том его царского величества указе записан был в ратуше»⁷.

Несколько более подробные данные о Киприянове можно найти в статье А. В. Бородина «Московская гражданская типография библиотекаря Киприянова»⁸. Василий Онуфриевич Киприянов был назначен библиотекарем в 1706 г. Умер Киприянов в 1723 г.

В работе А. В. Бородина, а также в статье В. А. Бриллианта «Картографическая история открытия Новой Гвинеи»⁹ даны более детальные сведения о картах Киприянова.

В географическом отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде мы имели возможность ознакомиться с подлинными оттисками карт В. Киприянова — с его картами полушарий 1713 г., а также отдельными картами Азии и Америки, изданными в 1713 г. и отпечатанными на шелковой материи. Описание карт полушарий Киприянова и основные надписи их воспроизведены Бородиным в упомянутой выше его статье, а карты полушарий 1707 г. и 1713 г. воспроизведены в названной выше статье Бриллианта.

На одной из карт Киприянов указал, что она составлена в гражданской типографии «противно немецких карт» (т. е. по немецким картам) и упомянул, что это сделано по повелению царского величества. Эта надпись требует комментариев. Во-первых, вряд ли здесь речь идет именно о немецких картах: в те времена немецкими могли назвать и голландские, и английские, и французские, и португальские карты.

Карта полушарий заимствована из известного голландского атласа де Витта 1660 г. В то же время эта карта является русским изданием (с некоторыми небольшими изменениями и в другой географической проекции) части карты полушарий из атласа Блеу (Blæu), изданного в 1662 г. и частью переведенного в XVII в. на русский язык¹⁰. Однако карта Киприянова и по технико-географическому воспроизведению, и по содержанию не является только копией; об этом сказано и в легенде карты, где дана ссылка не на одну какую-нибудь карту, а на немецкие карты вообще.

Переходим теперь к содержанию этих карт и к вопросу о том, как они разрешали большие научные проблемы географии того времени.

Прежде всего остановимся на разрешении проблемы о соединении Азии и Америки. Она на картах разрешена по-разному. На одних картах северо-восточная оконечность Азии окружена со всех сторон водой и никаким перешейком с другим континентом не соединяется. На других картах выступ Азиатского материка срезан в северной части где-то в районе то ли Шелагского мыса, то ли р. Индигирки. Это имеет свой смысл, свое значение. Если на картах того времени в каком-либо пункте северо-восточная оконечность Сибири показывалась не ограниченной, этим самым допускалась версия о соединении этой части Сибири перешейком с каким-либо другим континентом¹¹.

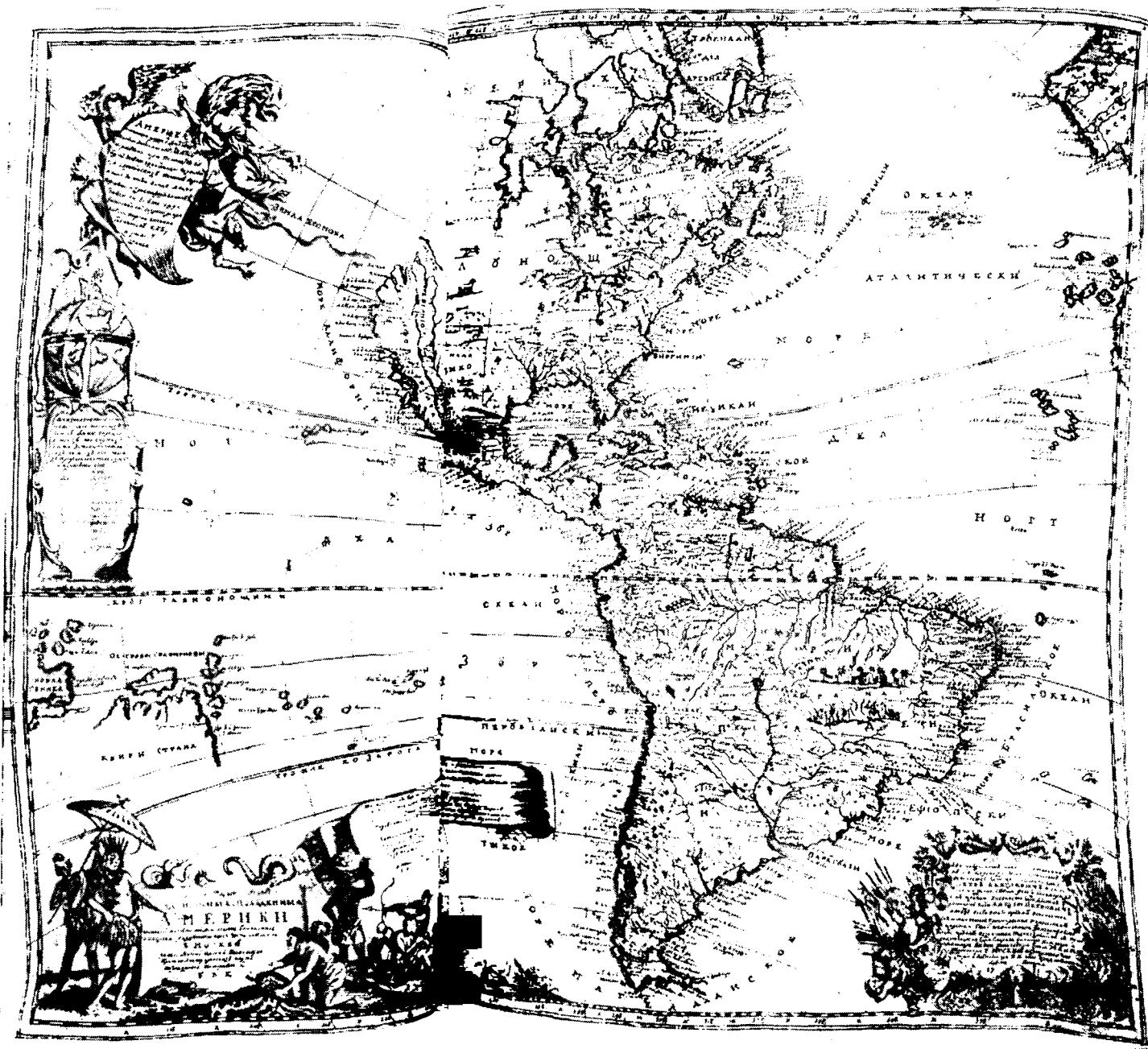
Переходим теперь к вопросу о практическом значении данных карт, которое они могли иметь в свое время.

В географической науке XVII—XVIII вв. боролись две резко различные версии. Одна ярко представлена на карте Зальтерио¹², который вслед за Мюнстером (1544 г.) и Гастальди (1562 г.) предположил, что северо-восточная часть Азии находится очень близко от северо-западной оконечности северного континента Америки. На карте Зальтерио 1568 г. на месте Берингова пролива написано «Стрето ди Аниан». Самый пролив показан весьма небольшой ширины, как и есть на самом деле.

Другая версия дана в атласе Блеу и на тех картах, которые издал Василий Киприянов. По этой версии между северной частью Азии и Америки значилось пространство в несколько тысяч километров, а если это так, то гораздо больше надежды было достичь Америку, направившись к ней не от Чукотского полуострова, а от Камчатки мимо «Земли штатов», земли «Компаний» и «Терра Иедзо», ориентируясь примерно на Калифорнию.

Зальтерио правильно разрешил вопрос о том, что Чукотский полуостров отделен от Аляски лишь узким проливом. Но это скорее всего какое-то отражение сведений об Америке, дошедших до Запада от русских из Сибири. Блеу же неправильно полагал, что Азию и Америку отделяет огромное расстояние. У него это получалось потому, что он считал неизвестным что-либо о северо-западной оконечности Североамериканского континента. У Блеу западной границей Новой Англии является пунктир, за которым белое пятно,— то ли материк, то ли вода.

Борьба двух географических версий имела огромное практическое значение. Алексей Чириков был одним из первых русских мореплавателей, который правильно указал местоположение теперь уже не «Большой земли», а Америки, и небольшое расстояние Аляски от Чукотского полуострова. Но ему было противопоставлен авторитет западноевропейской науки. Жозеф Никола Делиль дал заключение, что ближайший путь к Америке лежит на восток от Камчатки к Калифорнии. Неправильное решение вопроса Делилем, исходившее тоже, очевидно, в какой-то мере из данных атласа Блеу, могло быть подкреплено картой Северной

Карта Америки В. О. Киприянова. Оригинал в Географическом отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде

Америки, изданной на основе иностранных источников Василием Киприяновым в 1713 г.

История данных карт еще раз подтверждает мысль о том, что в развитии науки огромную роль играет не только накопление положительных знаний, но и преодоление тех неправильных, ложных концепций, которые неизбежно рождаются, когда нет настоящего, полноценного, научно обоснованного и проверенного знания. В этом отношении карты Василия Киприянова чрезвычайно интересны; они характеризуют одно из русел, по которому шли данные современной науки от европейских ученых. Эти данные оказались неполноценными, неверными. Европейская наука не могла решить тех задач, которые могли быть разрешены лишь путем организации экспедиций из России. Они и были организованы в результате огромных мероприятий государственного масштаба и местной инициативы промышленников, а также искусства, настойчивости и героизма русских мореплавателей. Только после ряда экспедиций, предпринятых из Восточной Сибири, были разрешены те географические проблемы, которые на картах западноевропейских ученых получали весьма далекое от истины решение.

-
- ¹ Фотокопии с этих карт были нам любезно подарены в Перми в марте 1946 г. профессором университета Сергеем Николаевичем Лаптевым, сородичем знаменитых мореплавателей Харитона и Димитрия Лаптевых — участником Северной группы Сибирско-тихоокеанской экспедиции. Скопированы они были в Иркутской семинарской библиотеке в 1926 г.
 - ² В Прибавлении к «Иркутским епархиальным ведомостям» за 1872 г. № 32, на стр. 402—404 имеется заметка «Географический атлас в библиотеке Иркутской духовной семинарии». Но в ней говорится о другом атласе, об атласе И. К. Кирилова.
 - ³ Данная надпись не современна самой карте. Сличение второй и третьей карт показывает, что надпись на второй карте сделана позднее, чем карта. Однако сопоставление легенды с текстом ее, приведенным П. Пекарским (*П. Пекарский*. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. Описание славяно-русских книг и типографии 1698—1725 гг. СПб., 1862), показывает, что текст данной надписи воспроизводит точно оригинал.
 - ⁴ Несовершенство карт не было тайной для их составителя или переводчика. На одной из карт Киприянов написал: «Молю... во еже бы милостивно и любезно сей труд первый предприятн, и пакн стократно молю и прошу, яже обрзается в сих картах прегрешения, исправити своєю дланью, мы же прощенья просим» (*П. Пекарский*. Указ. соч., т. II, стр. 655).
 - ⁵ *П. Пекарский*. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1860, стр. 272.
 - ⁶ Там же, т. II, стр. 653—656.
- Пекарский цитирует детальные заглавия карт Киприянова, точно совпадающие с заглавиями карт, полученных нами в Перми.
- ⁷ М. Т. Хмыров. О Василии Киприянове, библиотекаре Московской гражданской типографии при Петре Первом. «Русский архив», 1866, стр. 1299.

- ⁸ «Труды Института книги, документов и письменности», т. 5. М.—Л., 1936, стр. 53—111.
- ⁹ «Изв. Всесоюзного географического общества», 1939, № 1-2, стр. 196—204.
- ¹⁰ *Н. Лазарев*. Первые сведения русских о Новом свете. «Исторический журнал», 1943, № 1, стр. 75.
- ¹¹ На одной карте Киприяновым не показано никаких земель к северу или востоку от Азии, кроме Иедзо и острова южнее этой земли. На карте имеется надпись «Статен ланд», т. е. «Земля штатов». Эта надпись ведет от путешествия Мартина Геритса Фриза (де Фриз) в 1643 г. на корабле «Кастрикум» из Нагасаки. В зоне Курильских островов Фриз видел какие-то острова, которые ввиду плохой видимости из-за тумана он на карту точно не нанес, однако назвал виденные острова или землю «Землей штатов». На другой карте обозначены Гог и Магог: сведения об Азии являются более чем неопределенными. Более современные данные отражены на других картах. На одной из них указан мыс Мендосино как крайний северный известный пункт тихоокеанского побережья Северной Америки. Здесь отражены данные экспедиции Ф. Т. Дрейка, совершенной в 1579 г. На этой же карте нанесены с неопределенными начертаниями «Статен Ейланд» и земля «Компанин». Это также связано с путешествием Фриза. На карте не только даны те же названия в несколько другой транскрипции (Кампаниен ландт, Статен Ейландт), но и упомянуто имя Фриза. Можно утверждать, что одним из источников настоящей карты при ее составлении была карта португальского географа Тейшейра, который нанес на карту данные, сообщенные ему Фризом. Эта карта интересна тем, что она дает лишнее свидетельство абсолютной необследованности и неизвестности для тогдашних географов части Северной Америки от мыса Мендосино на тихоокеанском побережье до Новой Англии на американском востоке.
- ¹² Воспроизведена у Л. С. Берга («Открытие Камчатки и экспедиции Беринга». М.—Л., 1946, стр. 19). Остальные упомянутые карты опубликованы в кн.: *А. В. Ефимов*. Из истории великих русских географических открытий. М., 1950, гл. VII.

БОЛЬШОЙ КАМЧАТСКИЙ НАРЯД
И ПЛАВАНИЕ ЕВРЕИНОВА

Несомненно не без влияния сведений, полученных о «Большой земле» и об островах «Восточного океана», в 1716 г. была снаряжена новая и выдающаяся по тем временам экспедиция, так называемый Большой Камчатский наряд¹. А. П. Полонским эта экспедиция названа экспедицией «Елгина»². Ей он уделил в своей статье четыре строчки и сказал, что экспедиция не удалась.

В работах такого крупного знатока вопроса, как Л. С. Берг, об экспедиции Ельчина вообще ничего не упоминается. Между тем эта экспедиция является одним из тех звеньев, которое не может быть исключено при изучении цепи экспедиций, приведших к открытию Америки. Она была поворотным пунктом. Организованная как большое государственное предприятие, она явилась прототипом обеих экспедиций Беринга, дала некоторые результаты и послужила школой для мореходов, которые приняли участие в последующих экспедициях на Тихий океан.

Об этой экспедиции имеются материалы, архивные документы и забытая большинством современных исследователей статья А. Сгибнева «Большой Камчатский наряд (экспедиция Ельчина)».

Воевода полковник Яков Агеев сын Ельчин был вызван в Москву для дачи сведений о вновь приобретенных землях. Но так как он оказался не в состоянии ответить на предложенные вопросы, то было решено снарядить экспедицию во главе с тем же Ельчиным. В статье А. Сгибнева передано содержание инструкции Ельчину, подписанной сибирским губернатором кн. Гагариным 19 декабря 1716 г. при назначении Большого Камчатского наряда. Ельчину поручалось «исследовать Камчатку с землями чукочь, коряк, юкагир, иных туземцев, заведя с окрестными жителями торговлю». Это, так сказать, поручение домашнее, внутреннее, и здесь на первом месте были поставлены

интересы развития торговли. Но следующие пункты посвящены задачам открытия новых земель на море. Предлагалось: построить остроги и снарядить экспедиции к берегам морей «Северного» и «Восточного», а также по рекам Колыме, Камчатке, Пенжине, Чандону (Чалдону), Яме, Охоте, Уди и Тугуру для «проведывания» и покорения неизвестных земель, лежащих против устья этих рек.

В «Памятниках сибирской истории XVIII века» сообщается, что Ельчину предлагалось «ехать из Якутска» на морские острова, «которые видет с Якуцких берегов, для призыву немирных иноземцев под самодержавную великого государя высокую руку в ясашный платеж»³.

Ельчину предписывалось исследовать огромную территорию от Колымы до Тугура, т. е. до самого Амура,— побережья Ледовитого океана, Берингова и Охотского морей. Для этой экспедиции в Иркутске и Удинске было велено выбрать сто человек из детей боярских и служилых и отдать их под команду полковнику Ельчину, которому подчинили три Камчатские, Анадырский, Охотский, Тауйский и Удский остроги, а также ясачный сбор на Камчатке и в Охотском крае. Короче говоря, его фактически сделали начальником всего Северо-Восточного края. Мало того, учитывая, что многое будет зависеть от помощи Ельчину со стороны сибирских властей, его облекли громадными ревизорскими полномочиями в отношении всей сибирской администрации. Кроме ста дворянских детей и служилых людей, которых было приказано набрать в Иркутске и Удинске, Ельчину дали двести служилых из Москвы и Тобольска, капитанов Петра Абыштова и Петра Татаринова, пленного шведа-морехода поручика Амберна Молик (Molyk), двух чертежников, двести человек команды и отряд драгун из Анадырского острога. Как сообщает Сгибнев, Ельчину было предложено обойти «Камчатскую лопатку» для осмотра земель и островов и, в частности, узнать о земле (руде), которую берут с одного из Курильских островов. Здесь явно сказалось влияние сведений Козыревского. Участникам экспедиции выдали жалованье за три года вперед.

В 1717—1718 гг. Ельчин делал приготовления в Якутске, а в Охотске и Нижне-Камчатском остроге заготавливал лес для постройки судов. Но в 1718 г. он поссорился с якутским воеводой Ракитиным, был отдан по суд и вызван в Петербург. Начальство над экспедицией перешло к капитану Абыштову, который направился с частью людей из Якутска в Охотск, испытывая огромные трудности при продвижении по бездорожному, неосвоенному краю. В результате донесения Абыштова об этих трудностях экспедиции было решено ее прекратить, но приказ об этом пришел в Охотск уже после того, как Абыштов там в 1719 г. умер. Все же часть экспедиции осмотрела Шантарские острова и

добыла там огромное количество мехов. Экспедиции, посланные Ельчиным на северные реки, не дали результатов.

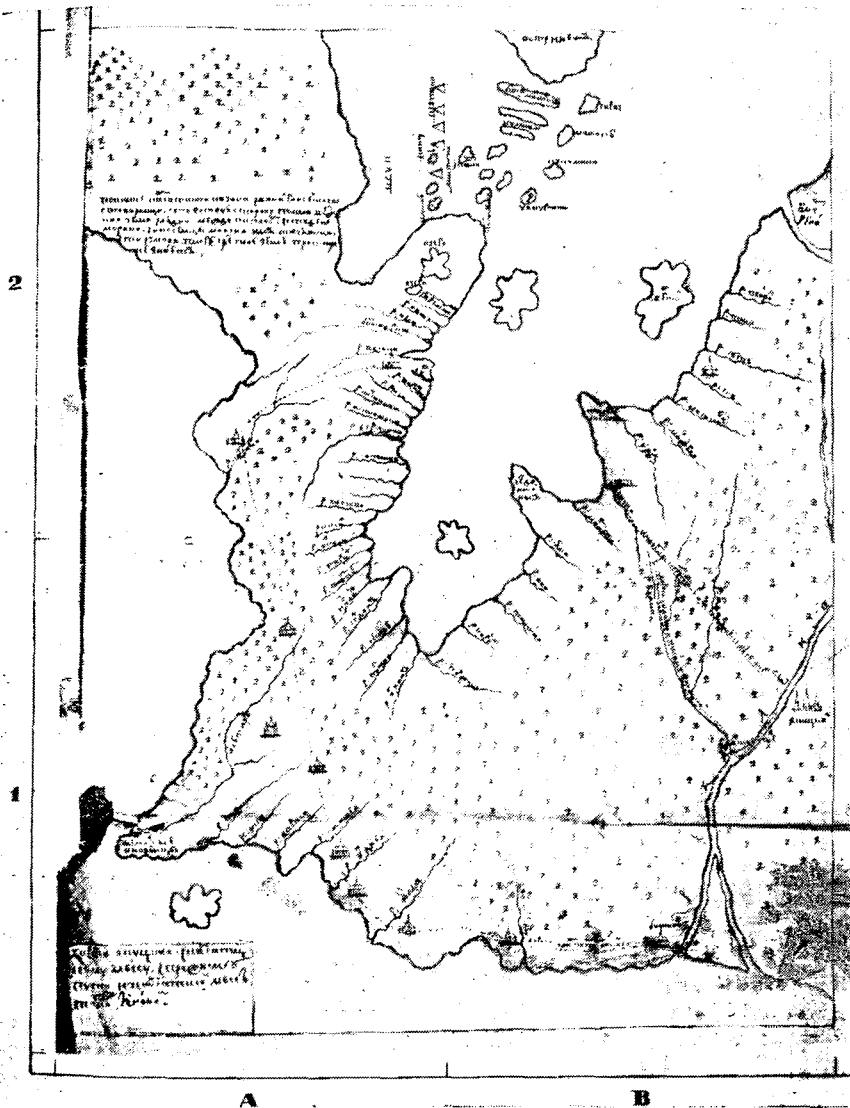
Представляют интерес сведения о некоторых участниках экспедиции Ельчина. Кроме полковника Ельчина, попа Ивана Васильева и иеромонаха Иосифа, в ней принимал участие мореход Буш, который затем возил Евреинова и Лужина на Курильские острова, мореход Мошков, который также участвовал в экспедиции Евреинова, затем в первой экспедиции Беринга и в экспедиции Федорова и Гвоздева, впервые достигших Америки. В походе Ельчина участвовали мореходы и кормщики Невейцын, Григорий Березин, Треска, Тарасов, Серебренников, Прокопий Нагибин и др.⁴

Как мы помним, Невейцын и Треска впервые открыли морской путь из Охотска на Камчатку. О Нагибине придется сказать в связи с тем, что он первый организовал экспедицию на «Большую землю», т. е. в Северную Америку, в 1720—1725 гг., начав ее подготовку еще до Беринга. Мореход Бутин в дальнейшем участвовал в первой экспедиции Беринга⁵.

Примерно к тому же периоду, к 1718 г., относится еще одно интересное сведение о ранних связях Азии с Америкой.

Миллер привел сведения, полученное от одного из чукчей. Этот чукча пришел в Анадырский острог и сообщил, что неподалеку от «Чукотского носа» есть остров без леса. От «Чукотского носа» «перегребают» до того острова (остров Ратманова) на байдарках с утра до обеда (что вообще возможно). От «того острова», показал чукча, «за морем есть земля большая, которую с помянутого острова (в ясный день) видеть можно». Америку действительно в ясный день можно видеть с острова Крузенштерна, но здесь два острова — Ратманова и Крузенштерна — фигурируют как один. «На сию землю перегребают чукчи в байдарках в тихую погоду с одного острова в один день». Это тоже возможно, хотя и очень трудно. А леса де там «великие», сообщил чукча. Против чукчей «людей там буде вдвое или втрое». Это подтверждает сообщение Попова, который полагал, что на Чукотском полуострове живет 2 тыс. чукчей и в прибрежной американской зоне — 6 тыс. Очень интересно сведение о взаимоотношениях чукчей с американскими эскимосами. «С сими людьми бывает у них частая война, а бой оных людей чукной»⁶.

Далее следуют сведения, которые Миллер считает фантастическими, и жалеет о некотором их баснословии, а именно: будто «во оной земле есть люди, которые подобно собакам хвосты имеют и говорят своим языком, а в прочем во всем с прочими народами сходны; да там же будто есть народ с вороньими ногами, которого-де язык также от всех прочих разнствует, но в сем баснословии,—резонно добавил Миллер,—диких чукчей извинить можно, ибо известия есть, что и сами наши

Чертеж Ивана Енисейского — Якова Агеевича Ельчина
(«Атлас», № 17)

путешествующие европейцы, когда они о чужих и неизвестных землях писали, в такие же прегрешения впадали». Миллер прав. Важнее другое: версия о собачьих хвостах только подтверждает, что сведения идут из Америки. Как известно, североамериканские эскимосы носят короткие куртки с меховыми фалдами, причем парадные «фраки» имеют особенно длинные меховые хвосты. Отсюда версия о собачьих хвостах⁷. Что же касается вороньих ног, то здесь можно гадать, хотя и с известной долей вероятности.

Облегчает дело конкретность указания. Если бы речь шла о людях с птичьими ногами, дело обстояло бы значительно хуже. Но в Америке действительно были люди, которых в известном смысле можно было назвать «людьми с вороньими ногами». Дело в том, что канадские индейцы ходят на «вороньих лапках», так называются нескользящие лыжи-ракетки, состоящие из обруча с натянутыми крест-накрест ремешками. Название этих лыж — вороньи лапки — является вполне общепринятым⁸.

Как видим, круг сведений об Америке хотя и медленно, но расширялся.

В январе 1719 г., когда Петр I отправил разведывательную экспедицию в составе геодезистов Ивана Евреинова и Федора Лукина, он дал им инструкцию, в которую собственноручно вписал задание решить вопрос, сходится ли Азия с Америкой.

Вот полный текст этой инструкции:

«Инструкция Ивану Евреинову, Федору Лукину. Ехать вам до Таболска и от Таболска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куда вам указано. И описать тамошние места (далее «где» зачеркнуто рукою Петра I), сошлася ль («ль» вставлено рукою Петра I) Америка (далее вместо зачеркнутого «с Европою» вставка на полях рукою Петра I) с Азией, что надлежит zelo тщательно сделать не только с юд и норд, но и ост и вест, и все на карту исправно поставить (конец вставки). А об отправлении вашем из Таболска и о даче подвод и провожатых и прочего, в чем вам будет нужда, Сибирской губернии к лантратом и прочим управителем указ послан 1719-го генваря 2-го дня»⁹.

В исторической литературе с самого начала (Г. Ф. Миллером) было высказано мнение о том, что к решению вопроса, соединяется ли Азия с Америкой, экспедиция Евреинова и Лукина не имела никакого отношения. Миллер полагал, что целью путешествия Евреинова и Лукина была разведка драгоценных металлов на Курильских островах. Известно, что, по утверждению Козыревского, японцы вывозили какую-то руду с шестого острова, а между тем еще в середине XVI в. испанцы и датчане сообщали об островах из золота и серебра примерно в тех же краях. Мнение Миллера особенно интересно потому, что он лично имел сведения от одного из пленных шведов, плававшего с геодезистами из Охотска в Большерецк. Миллеру возразил Пекарский, основ-

ваясь на пункте инструкции Петра I, где прямо поставлена задача — узнать, сошлась ли Америка с Азией¹⁰. Точку зрения Миллера разделял и обосновывал историк-моряк А. Сгибнев, который полагал, что задание узнать, сошлась ли Америка с Азией, было дано лишь для того, чтобы замаскировать подлинную цель экспедиции, посланной для исследования Курильских островов и собирания подробных сведений о Японии¹¹.

Об экспедиции двух геодезистов в диаметрально противоположном духе пишет С. М. Соловьев, который полагал, что ввиду того, что «Петр уделял много внимания переводу на русский язык книг по географии, но в вопросах русской географии иностранными книгами нельзя было довольствоваться», и возникла необходимость самим русским изучить и для себя, и для других, и что именно с этой целью — для выяснения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой,— и были посланы Евреинов и Лужин¹².

Таким образом, по одной версии Евреинов и Лужин должны были разрешить географическую задачу: сошлась ли Америка с Азией, а по другой — их путешествие не имело к решению этой задачи ровно никакого отношения.

В настоящее время, основываясь на Карте Ельчина и других материалах, В. И. Греков находит, что Петр I мог дать задание выяснить вопрос, соединяется ли мыс Камчатки с Америкой. Этой же версии, основываясь на большом документальном и картографическом материале, придерживается Б. П. Полевой. Нам представляется, что эта версия не исключена. Но скорее надо полагать, что Петр I не имел отчетливого представления о соотношении Азии и Америки и что вопрос о подлинных целях посылки Лужина и Евреинова остается открытым.

Между тем о ходе этой экспедиции известно очень немного. Известно, что геодезисты отправились в плавание из Большерецка на Камчатке в 1721 г. и посетили пять Курильских островов. Евреинов отказался дать сведения об экспедиции местным сибирским властям и явился с отчетом и с картой к Петру в Казань. Царь как будто бы остался доволен его отчетом¹³. Но ни отчет, ни карта не сохранились.

Конечно, было бы очень важно найти карту, составленную в результате путешествия Евреинова и Лужина. До последнего времени она оставалась неразысканной. Только в 1945 г., когда Центральный государственный архив древних актов готовил выставку к юбилею Академии наук, его научный сотрудник В. Н. Шумилов нашел считавшуюся утерянной подлинную карту Евреинова, им подписанную, в 66-й книге Кабинета Петра I. Мы имели возможность ознакомиться с подлинником этой карты. Анализ ее данных позволяет с бесспорностью утверждать, что Евреинов и Лужин не узнали, сошлась ли Америка с Азией. На карте азиатский берег выше Камчатки уходит под углом на северо-восток и в этом месте карта обрывается¹⁴. Таким образом, вопрос о со-

единении Азиатского континента с Американским отчетная карта Евреинова, представленная им в 1722 г. в Казани Петру, оставила открытым.

В 66-й книге Кабинета Петра I имеется приложенный к карте отчет Евреинова с собственноручной подписью автора.

Отчет позволяет судить о грандиозной работе, проделанной геодезистами. Они произвели астрономическое определение координат большого числа пунктов Сибири, нанесли их на карту в соответствии с вычисленными ординатами и продолжали эту работу на Курильских островах. Был выполнен труд большого научного и политического значения. Вполне можно поверить тому, что Петр остался доволен результатами экспедиции¹⁵.

В свое время карта Евреинова не осталась неизвестной современникам и вошла в научный оборот почти одновременно и в России и в Западной Европе. Так, эту карту использовал И. К. Кирилов в 1726 и 1734 гг. и Ж. Н. Делиль для своей карты 1732 г., составленной при отправлении Беринга во вторую экспедицию.

В том же 1732 г. французом д'Анвиллем с учетом материалов карты Евреинова была составлена карта, опубликованная в 4-м томе сочинений, изданных Дюгальдом в 1738 г.¹⁶

При изучении текста отчета Евреинова, подписанного, как и карта, им единолично, обращает на себя внимание то, что в целях конспирации Евреинов в отчете продолжал утверждать, что целью экспедиции, посланной Петром I, было узнать, сошлась ли Америка с Азией, хотя задачей ее было разведать Курильские острова и путь в Японию. Евреинов сам лично видел, и это установлено единогласным показанием документов, что никаких японцев на Курильских островах не было¹⁷.

До сих пор остается не вполне выясненным вопрос о двух кораблях, которые Петр I якобы послал из Архангельска с заданием найти морской путь в Индию и Китай и которым попутно предлагалось выяснить, соединяется ли Америка с Татарией. Кампредон, французский посол в Петербурге, в декабре 1721 г. сообщил о посылке Петром I экспедиции в устье Оби и Тазовскую губу. Сведения об этой северной экспедиции до сих пор не получили полного подтверждения. Возможно, что такая экспедиция была послана в 1721 г., есть сведения, что один корабль был остановлен льдами, а другой пропал без вести. Пока что мы не имеем бесспорного ответа на вопрос не только о судьбах этой экспедиции, но даже о том, была ли она начата, хотя вопрос о наличии подобного проекта во всяком случае не вызывает сомнений. Мы хотели бы только обратить внимание на следующее: если такая экспедиция действительно была отправлена, то пропавший без вести корабль мог достичь Аляски, а как мы увидим в дальнейшем, таких пропавших без вести кораблей, отправившихся в дальний путь кругом северо-восточной оконечности Азии, было немало¹⁸.

- ¹ «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 2. СПб., 1885, стр. 109 и сл.; *А. Сибнев*. Большой Камчатский наряд (экспедиция Ельчина). «Морской сборник», кн. 12, 1868; *А. П. Полонский*. Поход геодезиста М. Гвоздева в Берингов пролив. «Мосрокой йсборник», т. 4, кн. II, 1850, стр. 32.
- ² В имеющейся литературе встречается транскрипция Елчин. Однако, поскольку в подлинном архивном документе буква «л» пишется как выносной знак, то правильнее произносить, а следовательно и писать не «Елчин», а «Ельчин».
- ³ «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 2, стр. 109.
- ⁴ *А. Сибнев*. Большой Камчатский наряд, стр. 132.
- ⁵ *В. Берх*. Первое морское путешествие Россиян, предпринятое для решения задачи: соединятся ли Азия с Америкой и совершенное в 1727, 1728 и 1729 гг. под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. СПб. [Б. г.].
- ⁶ АВПР, ф. Сибирские дела, 1732 г., оп. 130/1, дело без номера, стлб. 52.
- ⁷ *Л. С. Берг*. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742 гг. М.—Л., 1946, стр. 54.
- ⁸ Л. С. Берг считает, что поводом к рассказу о «вороньих лапках» является распространенное среди аляскинских эскимосов почитание ворона и их обычай носить в колчане пару ног (лап) ворона. Но это объяснение, как мы полагаем, мало убедительно.
- ⁹ ИГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. I, кн. 56, л. 40. Напечатано в «Полном собрании законов Российской Империи», т. VI, № 3266.
- ¹⁰ *П. П. Пекарский*. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 348.
- ¹¹ *А. Сибнев*. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетия. «Морской сборник», кн. I, 1869, стр. 41.
- ¹² *С. М. Соловьев*. История России с древнейших времен, кн. 4, т. XVI, Изд. 2. СПб., [Б. г.], стр. 243.
- ¹³ Геодезисты посетили пятый и шестой из Курильских островов, лишились якорей вследствие каменистого дна и вернулись в Охотск (*П. Н. Пекарский*. Наука и литература при Петре Великом, т. I, стр. 348).
Голиков И. И. («Деяния Петра Великого». М., 1789, т. 9, стр. 129) пишет о Петре, что «он был тщаниями их весьма доволен и оказал высочайшее свое к трудам их благополепие».
- ¹⁴ Одновременно с отчетом Евреинова в Петербурге были получены новые сведения о Японии. 25 апреля 1722 г. Николай Хрисниц (на самом деле Николай Павлов Христианин), которого посылали в Китай для «усмотрения тамошнего купеческого обхождения», прислал реляцию, в которой было записано: «Известие о вещах японских, о которых я возмогу проведать».
«Пенинсула Корея под владением хинского хана даже до первых островов японских, которая в 700 верстах от России. А те острова платят дань хану хинскому, также и японцам, а от тех островов до Японии с 1000 верст.
Хиңцы никакова купечества с японцами не имеют, токмо подданные острова к обоим купечествуют морем в городах, именуемых Кангосияна и Фиранда, а те города изобильны золотом и серебром.
Вышеупомянутые города лежат на полудни, с которыми кроме галанцов никто не торгует; а товары их суть кожи сыромятные, которые провозятца из Батавин, за что они возвращают золотом и серебром, также и порцелинами.
Слышно, что галанцы проезжают в предьявленные города, тогда японцы принимают их суда и экипаж, а людей отвозят в Фортецию без ружья, держа их за караулом; а тех, которые пожелають иттить в город, принуждают повергнуть крест под ноги для верности, что между ними нет миссионе-

ров или посланных для проповеди веры, понеже в прошедшем веке все миссионеры побиты до смерти в Японии по бытности там. Галанцы через 3 или 4 месяца отпускаются с товарами, как скоро отданы им будут. Японцы позволяют токмо 4 или 5 галанским кораблям приходить в год для торгу. Японцы не лучше знают воинское дело, как хинцы, которые беспрестанную войну имеют, понеже у них даже до 6 кораблей обретаются, а в прошедшее время имели даже до 60 кораблей. Япония состоит во многих островах. Оные имеют малое число кораблей, и те невелики. Оные мало употребляют огневого оружия, но большую часть стрел» («Сведения о торговле русских в Китае и Японии: предмет торговли и цены им, пути сообщения и проч., 1722, после 17 мая». «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 2. Енисейск, кн. 5, акты 127—131, стр. 383—384).

¹⁵ Находка отчета Евреинова интересна и в том отношении, что этот отчет опровергает мнение академика А. Миддендорфа о том, что первыми определениями широты мы обязаны Мессершмидту, который, как известно, совершил путешествие по Сибири в 1719—1727 гг. (А. Миддендорф. Путешествие по Северу и Востоку Сибири. СПб., 1860, стр. 55).

¹⁶ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, стр. 90—91.

¹⁷ Нельзя, однако, пройти мимо еще одного возможного объяснения задания Петра I Евреиннову и Лужину. Не исключена возможность, что считали Америку лежащей недалеко от Японии. Может быть, была идея о том, что Азия, Япония и Америка имеют сухопутное сообщение. Но это лишь предположение. Данных для их подтверждения нет, исключая косвенные моменты, например, формулировки некоторых документов 30-х годов XVIII в. о поиске пути в Америку через Японию.

¹⁸ Документальные сведения по данному вопросу можно найти в «Сборнике Российского исторического общества», т. 40. СПб., 1884, стр. 422—423.

ПОХОДЫ НАГИБИНА И МЕЛЬНИКОВА.
К ВОПРОСУ О РАННИХ ПОСЕЛЕНИЯХ РУССКИХ
В АМЕРИКЕ

После экспедиции Евреинова и Лужина следует поход в Америку Прокопия Нагибина в 1720—1725 гг., но о нем имеется крайне мало сведений. В статье Сгибнева, написанной на основе по большей части уничтоженных давно пожарами материалов иркутского и камчатского архивов¹, сообщены интересные сведения о мореходе Прокопии Нагибине, который был первым инициатором экспедиции, имевшей единственную и совершенно определенную цель достижения, как указывает Сгибнев, Америки. Сгибнев сообщает об этом следующее: «Мореход Прокопий Нагибин, узнав в Анадырске о близости Америки от Анадырского мыса, просил в 1720 г. дать для исследования 200 человек команды и пряжи для сетей к заготовлению рыбы в морскую провизию, но не получил средств»².

К сожалению, Сгибнев не останавливается на вопросе, знали ли Нагибин, что «Большая земля» — это Америка, и хотел достичь именно Америки, или же этот мореход и промышленник стремился достичь «Большой земли», богатой лесами, соболями и обильно населенной. Слова Сгибнева о том, что Нагибин хотел достичь Америки, еще не дают гарантии в том, что Сгибнев изложил именно намерение самого Нагибина, а не свою интерпретацию этого намерения. Осторожнее и правильнее будет не пускаться в произвольные толкования заявления Сгибнева, а считать, что этот вопрос остается до находки новых документальных данных открытым. Интересно другое положение, являющееся совершенно бесспорным.

Мы видим, как протягивается нить от экспедиции Ельчина к экспедиции Беринга. Участник экспедиции Ельчина мореход Прокопий Нагибин в 1720 г. получил сведения о положении Америки — «Большой земли». Он составил проект большой экспедиции, специально предназначенной для достижения Америки со

стороны России от «Анадырского мыса». Очевидно, здесь «Анадырским мысом» назван мыс Дежнева, как в то время обычно его называли.

Сгибнев сообщил, что Нагибин, не получив просимых средств, соорудил судно для экспедиции в Америку на свои средства. Но на это судно в 1725 г. на р. Анадыре напали чукчи и убили Нагибина.

Так потерпела неудачу первая экспедиция, направившаяся непосредственно из России в Америку.

В октябре того же 1725 г. в Анадырск прибыл Афанасий Мельников, показание которого о «Большой земле» сохранилось и представляет огромный интерес.

Отметим, что Л. С. Берг, с исключительным тщанием собравший и систематизировавший ранние сведения об Америке, ни слова не сообщил о показании Афанасия Мельникова. А между тем это известие об Америке особенно важно, так как в сенатском указе от 1732 г., куда включено изложение этого показания³, сказано, что «ниного никакого известия не имеется, есть ли земли, острова между известных камчатских и американских берегов, или одно море, которого по учиненной профессором Делилем карте является от помянутого Чукотского носу около сорока пяти градусов до самой гишпанского владения провинции Мексиков»⁴. А тем паче нет другого известия о «Большой земле» — Северной Америке, сообщено там.

Этот документ официального происхождения и государственной важности устанавливает, что другие более ранние известия (Атласова, Петра Попова и др.) о «Большой земле», т. е. Северной Америке, правительством в данное время в расчет не принимались.

В Сенатской книге № 664 помещено показание служилого человека Афанасия Мельникова, бывшего на «Чукотском носу» в «малой партии» капитана Павлуцкого и отпущенного в 1725 г. «для сыскания и призыву в подданство и в ясак непокоренных иноземцев». Мельников объявил, что в апреле 1730 г. «в бытность его на Чукотском Носу пришли к носовым чукчам при нем, Мельникове, с морского острова два человека, кои вставляют к своим зубам моржовыя зубья (здесь передано неточно, моржовые кости вставлялись, как известно, эскимосами для украшения в кожу лица.— А. Е.), и сказывали ему, Мельникову, на словах до жилища-де их, на котором острове они жительство имеют, от Чукотского Большого носу день ходу, а от того острове вперед до другога острова, которая называется Большая земля, день же ходу, где имеется всякой зверь: соболи, лисицы, бобры решные, росмаки, рыси, дикой олень, также есть всякой лес и оленьих-де и пеших иноземцев довольно число»⁵.

Как видно отсюда, эти сведения относятся непосредственно к Северной Америке, а не к островам Диомиды, где нет леса и со-

болей. Хотя Л. С. Берг считает, что оленей эскимосы в Америке начали разводить только в 1891 г., однако сведения Мельникова, как и сведения Петра Попова с его товарищами — Толдиным и Терешкиным, упорно опровергают это мнение⁶. Остальные же точные и достоверные данные являются единственными известиями об Америке, содержащимися в этом весьма важном государственном документе. Приведя сведение, полученное от Мельникова, сенат записал в своем решении, что «хотя на таких словах утверждать невозможно», однако следует начать плавание от «Чюкоцкой земли» «и итти к тем островам по которые земли ежели подлинно, то на пути к Америке есть..., а потом следовать к Америке». Давая инструкцию Шестакову, сенат отметил, что неизвестно, есть ли между землей чукотского народа и Америкой острова и земли.

Интересные сведения о Мельникове сообщил А. Сгибнев в статье «Большой Камчатский наряд»⁷. Оказывается, Мельников, прибыв в Анадырск, поставил своей целью «обыскать» «Большую землю» против устья Анадыря. Для этого в 1728 г. он изготовил судно и вышел в море.

Таким образом, в 1728 г. в Америку отправились две экспедиции — экспедиция Беринга и экспедиция Мельникова, а не одна только экспедиция Беринга, как об этом принято думать. Экспедиция Мельникова потерпела крушение, так как в море его судно было разломано льдом, и только в 1729 г. команда добралась до Анадырского острога. Интересно, что Мельников, как и Беринг, не оставил мысли достичь Америки. 26 сентября 1729 г., раньше, чем Беринг, он предпринял новую попытку достичь Америки или хотя бы островов (т. е. островов Диомиды).

К 15 марта 1730 г. Мельников, «призывая» по пути чукчей в ясак, добрался до «Восточного мыса» и нашел там двух «зубатых» чукчей (т. е. эскимосов), которые ему сказали, что до их острова на байдарках можно доплыть за один день, а до второго острова — тоже за день. Очевидно, под вторым островом здесь имелась в виду «Большая земля». От «зубатых» людей Мельников получил 14 белых камешков, нанизанных на нитку (вероятно, жемчуг), а «носовые» чукчи дали ему пять кусков синего камня.

Мельников упорно добивался своей цели — посетить «Большую землю». Он уговаривал «зубатых» людей отвезти его на остров (по льду на санях). Но «зубатые» не взяли его под предлогом «недостатка кормов и собак»⁸.

Имеются документы, содержащие дополнительные сведения об экспедиции Мельникова и притом в довольно неожиданной связи. Ввиду большого интереса, который представляет эта экспедиция, мы остановимся на одном документе подробнее, из чего отнюдь не следует, что надо слепо доверять данному сообщению. Документ показывает, что в 1741—1743 гг. у чукчей Анадырского края была свежа память об экспедиции Мельникова. Документ

этот представляет собой несколько географических описаний, составленных переводчиком камчатской экспедиции Я. И. Линденау, бывшим в Охотском крае в 1741—1743 гг.⁹

В опубликованной А. И. Андреевым рукописи «Описание чукотской земли, где она имеется», есть интересное сообщение. У «Чукотского носа», к северу от него, есть один остров и к востоку — четыре острова. На тех островах живут чукчи. А в «недальнем от последнего острова расстоянии имеется в виду по их званию (т. е. как они называют.— А. Е.) «Большая земля». Это название дано чукчами потому, что «Большая земля» более их «Чукоцкой земли», сообщает источник; «они, чукчи, от своих жилищ на ту землю ходят байдарами и с той земли привозят посуду деревянную, подобна русской посуде. По словам тех чукоц имеется через русских людей известие заподлинно так, что якобы купецким людям двенадцатью кочами минувших лет за семьдесят или более (т. е. примерно в 1670 г. или ранее.— А. Е.) Колымскому среднему зимовью, где прежде ярмонга бывала, для торгу последних пошедших и от сильных морских погод друг от друга разошедшиеся! Иные в Камчатку проплыли, а иные к тому острову, который Большою землей называется, пристали...» Как известно, часть камчатской экспедиции Федота Алексеева — Семена Дежнева в 1648 г. (правда, состоявшая не из 12, а из 4 кочей) пропала неизвестно при каких обстоятельствах, а часть проплыла на Анадырь и, вероятно, на Камчатку. Чукчи в 1741—1743 гг. не приписывали этому событию обязательно семидесятилетнюю давность. Они допускали, что, может быть, с тех пор прошло не 70 лет, а больше. Однако это могла быть не экспедиция Дежнева, а какая-либо другая. Те русские, по словам чукчей, которые попали на «Большую землю», т. е. в Америку, обзавелись там семьями. Для отыскания этих людей, сообщают чукчи, было построено судно, которое за неимением гвоздей зашили (деревом) и законопатили мхом. «На том судне Афонасий Мельников и Василий Щипицын с прочими и тридцатью человеками служилыми из Анадырского острога пошли в свой вояж следовать до оные Большие земли», но, сообщает источник, вследствие «великой морской погоды» и течи в судне они вернулись обратно в устье Анадыря, а затем экипажу «с нуждою пеше» пришлось возвратиться в Анадырский острог.

Попутно сообщены некоторые подробности о «ярмонге», на которую ездили из Средне-Колымского зимовья. Эта «ярмонга» бывала осенью. Приезжали на санях, подбитых китовым усом, и, «переехав Большую речку», ездили «на юкагирскую ярмонгу, где доселе они, чукчи и юкагиры, мему имели, выменивая себе от них на лисицы и прочее копыя, китайские ножи, пальмы (т. е. широкие железные ножи) и котлы» (стр. 156, по рукописи л. 10).

Остановимся еще на информации чукчей относительно русских людей, попавших в Америку.

Интересное свидетельство о русском поселении в Америке относится к 1673 г. Мы почерпнули его из анализа рукописной карты полковника Плениснера (Пленистнера)¹⁰. Сама по себе эта карта принадлежит к числу уже известных. Она имеется в Центральном государственном архиве древних актов и опубликована Л. С. Бергом¹¹. История этой карты такова. Курляндский уроженец, полковник русской службы Плениснер с 1760 г. был главным начальником Анадырского острога. В 1763 г. он послал местного казака Николая Дауркина, чукчу, выросшего среди русских, чтобы собрать сведения об островах Диомиды и о «Большой земле». Дауркин выполнял данное ему поручение и составил карту, которую Плениснер приобщил к своему отчету, представленному в Академию наук и Екатерине II. Карта, находящаяся в рукописном отделе Библиотеки Академии наук в Ленинграде, называется «Карта северо-восточной Азии и северной Америки». Получена от полковника Плениснера (Портфели Миллера, 37, № 355/3562). На территории Америки надпись: «Люди живут, носят платье соболье, лисье и рысье. Разговор с чукчами не сходен. У них торг имеется на первом острову против Чукотской земли Инылине».

Хотя данная карта неоднократно публиковалась, однако обращение к оригиналу оказалось небесполезным. Дело в том, что ее репродукции не дают представления об одном чрезвычайно важном моменте: на карте нарисованы четыре нагих защитника крепости на американском берегу и пятый, высывающийся из-за ее стены сбоку, они имеют нежно-розовый цвет кожи, в отличие от двух эскимосов, изображенных несколько ниже, у которых цвет лица темный. Составитель карты хотел подчеркнуть, что среди защитников крепости на Аляске имелись русские. На каталожной карточке в библиотеке Академии наук имеется пометка: «Русская крепость».

У П. А. Словцова в его книге «Историческое обозрение Сибири» приведено показание старшины второго острова, т. е. острова Крузенштерна, уроженца американского берега, о древнем поселении русских на р. Хеврене, в острожке Кимговее. Он сообщил, что там живут люди бородатые, говорящие по-русски и читающие книги. Эти сведения сообщил сотник Кобелев, посланный из Гижигинской крепости в 1779 г., когда на «матером берегу Америки» еще не было постоянных поселений русских¹². Отметим попутно, что р. Хеврен, или Хевуврен, или Хевер, — это Юкон.

Интересные сведения, сообщенные Словцовым, получают подтверждение и дополнение в материалах фонда документов государственной важности, выделенных из материалов Коллегий и других фондов Центрального государственного архива древних актов. Так, имеются сообщения казачьего сотника Ивана Кобелева¹³. Кобелев был послан из Гижигинской крепости (у впадения р. Гижиги в Охотское море) в Чукотскую землю для сбора

сведений. Он посетил острова «Имагли» и «Игеллин», т. е. Ратманова и Крузенштерна. Находясь в острожке Ягогеинском (северная широта $65^{\circ}18'$ и долгота $206^{\circ}30'$), Кобелев слышал, что в 1778 г. туда приходили два английских судна — несомненно, корабли Кука. Англичане меняли бисер на лисьи шкуры. Жители острожка помнили появление в давних годах двух других судов, подобных английским, но они не знали, какого это народа были суда. Это сведение относится, несомненно, к экспедиции Беринга.

На острове «Игеллин» Кобелев беседовал с главным старшиной, которого звали Каигуню Момахунин. Этот главный старшина «объявил о себе, якобы он природою американец и родился в земле американской и лишь потом переселился на этот остров». «Между разговорами» старшина объявил, что на американской земле на р. Хеврене есть острожек, называемый Кымговей, а в нем «жительство имеют российские люди, разговор имеют по-русски ж, читают книги, пишут, поклоняются иконам», да и в остальных отношениях отличны от американцев, «ибо у американцев бороды редкие, да и те выщипывают, а у живущих-де там россиан бороды густые и большие». Кобелев умолял старшину отвезти его на американский берег к тем российским людям, но старшина категорически отказался сделать это. Ему это запретили российские ясачные чукчи, они боялись, что с Кобелевым в Америке что-нибудь случится, а с них взыщут. Однако старшина согласился послать от Кобелева в Америку к российским людям письмо с «верной оказией». Приведем лишь некоторые места из этого письма. Кобелев не знал, очевидно, как ему написать обращение, потому начал письмо так: «Прилюбезные мои по плоти братцы, жительствоющие на Большой почитаемой (в смысле считаемой, называемой.— А. Е.) американской земле». Кобелев спрашивал своих адресатов, греческой ли они веры, не потомки ли они той экспедиции, которая на семи кочах обогнула «Чукотский нос», причем четыре коча разнесло ветром и они пропали неизвестно куда? Иначе говоря, не потомки ли они участников экспедиции Семена Дежнева? Уже не в связи с этим письмом, а в виде отдельного сообщения Кобелев рассказал, что он слышал от пешего чукчи Ехипки Опухина, что тот был на американской земле «походом и для торгу разов до пяти и имел себе друга на острове Укипане» (возможно — Укивок).

Этот друг приходил с острова Укипана на Имаглин остров и привозил ему, Ехипке, письмо, написанное на одной стороне красным, на другой стороне «черным с вырезью», словами. Американский эскимос говорил, что послали это письмо бородатые люди, которые велели передать его российской команде в Анадырске. Эти русские люди сказали, что всего у них довольно, только железа нет, и очень просили прислать им железа. Американский эскимос показал, как эти русские люди крестятся перстами, и сказал, что они молятся, собираясь в одну большую хоромину. Вто-

рое сведение относится, очевидно, к кладбищу. «...Еще есть де у тех людей такое место на поле и ставят деревянные писанные дощечки, стоят противу оных прямо передом, мужеск пол большие, а за ними и прочие». Кобелев слышал и о том, что в этом месте был на американском берегу на боте «Санкт Гавриле» в 1730 г. геодезист Гвоздев, между северными широтами 85° и 66° (здесь ошибка: экспедиция Гвоздева — Федорова достигла Америки в 1732 г.).

Несмотря на некоторые мелкие неточности, следует признать, что сведения, полученные Кобелевым о русских людях в Америке в 1779 г., т. е. до того, как на Американском материке возникли первые известные поселения русских, представляют очень большой интерес. Целый ряд деталей — обычай молиться в одной комнате, кладбище с дощечками, письмо, написанное словами, жалобы русских на недостаток железа — представляет большой интерес, тем более, что имеются и другие сведения о том, что русские начали селиться на Аляске еще до первых известных поселений, возникших в 80-х годах XVIII в.

Данные, полученные в самые последние годы, позволяют, хотя бы в общих чертах, разрешить загадку о происхождении многочисленных версий о древних русских насельниках Аляски.

В научной литературе общепринятым является убеждение в том, что заселение Аляски русскими было начато компанией Шелихова в 1784—1786 гг. Однако имеются и другие датировки.

В октябрьской книжке американского журнала «Славянское и восточноевропейское обозрение» за 1944 г. помещена статья «Затерянная колония Новгорода на Аляске»¹⁴, в которой есть ссылка на опубликованное в 1934 г. в Америке письмо одного из первых миссионеров на Аляске Германа, посланное настоятелю Валаамского монастыря в 1794 г. Копия этого письма была найдена в архиве русской церкви в Нью-Йорке. Для того чтобы найти оригинал этого письма, мы попытались обратиться к фондам Валаамского монастыря. Но, несмотря на поиски, предпринятые нами при полном содействии Главного архивного управления и его ленинградского отделения, тот фонд, где могут быть письма Германа, в архиве Валаамского монастыря не обнаружен. Однако удалось найти другим путем подтверждение того, что письмо Германа настоятелю Валаамского монастыря существует. Это письмо было опубликовано в России в 1842 г. в издании Вадима Пассека «Очерки России» (кн. 5), а затем вторично в нескольких изданиях Валаамского монастыря 1894 и 1900 гг.¹⁵

В издании Валаамского монастыря 1894 и 1900 гг. письмо Германа процитировано не полностью и в нем имеются не обозначенные пропуски. В издании же Пассека 1842 г. письмо дано полностью, и, кроме того, там помещено еще второе письмо Германа по тому же вопросу.

Поскольку подлинник в данное время недоступен и даже неизвестно, сохранился ли он, приходится пользоваться публика-

циями, сделанными по архивным делам Валаамского монастыря. В имеющихся публикациях указано, что подлинники писем Германа хранились в архиве Валаамского монастыря, в фонде «Канцелярский архив» в деле 15. В изданиях Валаамского монастыря 1894 и 1900 гг. воспроизведено факсимиле подписи: «убогий Герман».

Самое содержание писем Германа, а также и главы миссии на Аляске Иоасафа (Болотова) не вызывает каких-либо сомнений в подлинности всей этой переписки. Таким образом, мы можем пользоваться имеющейся публикацией 1842 г. как достаточно надежным источником.

Обращение к данной публикации прежде всего позволяет установить, что оба письма Германа были написаны им не в 1794, а в 1795 г. Одно — 19 мая 1795 г. на имя настоятеля Валаамского монастыря Назария «со всею братиею», другое — в тот же адрес через три дня, 22 мая 1795 г.

Сообщаем некоторые биографические данные о Германе. Происходил он из серпуховских купцов. Настоящие его имя и фамилия неизвестны. По отзыву С. И. Яновского, знавшего Германа на Аляске, это был «простой необразованный монах», однако «начитан духовных отеческих книг» и «имел великий природный ум». 16 лет Герман пошел в монахи в Троицко-Сергиеву пустынь. Эта пустынь — филиал Троицко-Сергиевской лавры — находилась на Петергофской дороге, в 15 верстах от Петербурга. Через 5—6 лет Герман перешел в Валаамский монастырь, расположенный, как известно, на архипелаге островов Ладожского озера. Его хотели послать в Пекин, но он отказался и вошел в назначенную правительством духовную миссию на Аляску. В ней было восемь миссионеров, в большинстве из Валаамского монастыря, и, кроме того, двое служек. 19 мая 1795 г. «убогий Герман» писал с острова Кадьяка у берегов Аляски: «Мы американских пределов достигли благополучно все десять человек... в дороге находились почти круглый год» (фактически с 22 января по 24 сентября 1794 г.— А. Е.).

Ехали без приключений, разве что «...по Охотской дороге к верховой езде напали... медведи, а по океану встречали разных морских зверей: котов, касаток, свинок, сивучек и других».

В этом же письме Герман писал: «Есть на Куковских картах назначено к северу: по одной реке живут русские люди, а у нас об них разные слухи, о коих мы между собой разговаривали тогда напоминали, желая как бы с ними видеться. Отец Макарий начал говорить: «Я, по намерению своему, если Бог изволит, когда буду на Алеутских островах по пристойности же должен быть и на Аляске, куда меня аляскинцы уже и звали, и как к той стороне ближе те русские, то буду искать способа, как бы проведать достоверно о них». А отец Ювеналий, услышавши про Аляску, не давши от ревности более тому говорить, торопливостью духа ска-

зал: «Аляска по всему моей части подлежит»...» Герман восхищался «ревностью» своих собратьев-миссионеров.

Таким образом, в этом письме содержится глухое сведение относительно каких-то русских на Аляске, которых монахи хотели разыскивать. Значительно более подробные сведения по тому же вопросу содержатся в письме Германа от 22 мая 1795 г. Приведем полностью начало этого письма, относящееся к интересующему нас вопросу:

«Преподобный и пречестнейший, милостивый государь мой батюшка, отец Назарий, со всею любезною о Господе братиею радоваться вам желаю.

Писал я к вам одно письмо неясное, которое должно было отдать отцу Архимандриту (т. е. Иосафу.— *А. Е.*) для пересылки к вам через компаньонов (Лебедева и др.; очевидно, имеется в виду письмо Германа от 19 мая 1795 г.— *А. Е.*) и которое нельзя было ему не читать, для того и не мог я написать в оном, чтобы вы о нашем состоянии могли узнать чрез преосвященного, к которому я писал секретно о многих вещах, о чем изволите справиться; в том упомянул и о русских людях, но не сказал, как они зашли. Здесь слухи об них носят такие: что они новгородцы и во время царя Ивана Васильевича ушли в Сибирь и, по Лене спустившись, пришли на Колыму, сделали семь судов, называемых кочами, из Колымы перешли на Анадырь. Тут одно судно разбило, из коего люди вышли на берег; начали жить, сделали церковь, которой пол и по ныне цел, и сделан ныне тут город Анадырск, прочия же суда пошли в море и пристали 5 в Ижиге, в Якум, Танску, а шестой девался без вести, то и думают, что непременно то судно принесло в Америку, и живут тут, где ныне слышали, а при отправлении сего моего письмеца, когда я его до сего места тихохонько в своей маленькой кухоньке дописывал (Герман был «хлебником», т. е., очевидно, пекарем.— *А. Е.*), пошел в горницу, в коей братия живут и отправляется вместо церкви служба и всегда приходят люди,— услышал там от приехавших с матерого от Лебедевской компании, что те русские люди от них близко, и хотя они с ними еще не видались, но очень слышно и получили чрез других ножи большия с надписью точно тех русских; живут же они, как слышно, на большой реке, и рыба в ней сибирских рек, которой у нас на Кадьяке нет. Есть же у них и русская рыба щука и налим, и если бы, батюшка, какая-нибудь помощь со стороны царской, то весьма много можно добра получить, а с купцами очень неудобно приводить (очевидно, в подданство или в христианство.— *А. Е.*) здешний народ, потому что они только стараются о богатстве...»¹⁶

В этом письме содержатся сведения о каких-то новгородцах, которые, очевидно, в 1571 г., при наказании Новгорода за сношения с Литвой, бежали на кораблях на север Сибири. Это, конечно, не исключено, но возможно, что это сведение слилось с дру-

гими, а именно: с отголосками сведений о походе Семена Дежнева и Федота Алексеева. Обращает на себя внимание полное сходство маршрута — водою от устья Колымы до Анадырска. Число кочей то же, что и у Дежнева, — семь. Говорится, что данная экспедиция основала Анадырск, но ведь имеется версия, что Анадырский острог был основан Дежневым. Говорится также, что часть судов экспедиции прошла южнее Чукотского полуострова, но сейчас можно предполагать, что часть людей из экспедиции Дежнева попала на Камчатку. Один корабль пропал без вести и, как полагают, достиг Аляски. Но ведь имеется версия, что четыре коча Дежнева пропали без вести, и, наконец, возможно, что все они или хотя бы один из них достигли Аляски.

Герман прожил на Аляске до самой своей смерти в 1837 г. Он жил на острове Еловом.

Возможно, что Герман и получил какие-нибудь сведения о русских на Аляске. Но за позднейший период сохранилось лишь несколько его писем, относящихся к другим сюжетам, и ответить на этот вопрос нельзя.

Американский историк Фаррели пришел к выводу, что русские находились возможно, недалеко от поселения «Казилова», у устья р. «Казиловой», «Кассиловой», или, как мы полагаем, «Киселевой», в зоне Кенайского залива, так как в этом месте в 1791 г. были корабли компании Лебедева-Ласточкина.

Учтя, что в 1937 г. в той же местности были найдены остатки большого древнего русского поселения, он считает совершенно доказанным, что это поселение и было новгородской колонией. С таким выводом нельзя согласиться.

Версия о новгородской колонии на Аляске пока что остается лишь возможной версией. Может быть, она и соответствует истине, может быть, и нет. Что же касается древнего русского поселения на Аляске, то этот факт представляет исключительно большой интерес и на нем следует остановиться подробнее.

В справочнике, выпущенном под редакцией губернатора Аляски за 1939 г., сообщено, что в 1937 г. при производстве межевания на Аляске с целью распределения гомстедов обследователи неожиданно нашли в зоне Кенайского полуострова остатки древнего русского поселения. Служащие министерства внутренних дел Соединенных Штатов, производившие работы на Аляске, нашли и частью раскопали 31 хорошо сохранившийся дом, размером 15×22 фута и 14 футов высотой. Стены толщиной в 4 дюйма были сделаны из морской гальки, кирпичей и дерна. По заключению этнографов, размеры жилищ исключают возможность того, что они принадлежали эскимосам, а материалы, использованные для стен, исключают предположение, что там жили индейцы. Там могли жить только какие-либо европейцы, а из европейцев могли быть только русские. По мнению Фаррели, данный поселок насчитывает примерно 300-летнюю древность.

В обобщенных выше сведениях указывается, что стены были сделаны из морской гальки, кирпичей и дерна. Обычно в лесистой местности дома строились из дерева. Лес в этой местности имелся. Поскольку это так, можно предполагать, что галька была насыпана в вырытые ямы прямо на землю для укрепления фундамента. Из кирпичей обычно делают так называемые стулья, кирпичные столбы, на которые ставится деревянный сруб из бревен. Возможно, что кирпичи понадобились и для печей. Дерн мог быть использован для утепления стен.

Высота дома в 14 футов является нормальной высотой жилого дома. Определение древности данного поселения было сделано по остаткам древесной растительности и на основании анализа геологического покрова — детритуса.

Конечно, можно было бы предположить, что данный поселок — остаток домов Лебедевской компании, однако трудно думать, что домам, построенным компанией Лебедева не раньше последних лет XVIII в., т. е. имевшим в 1937 г. давность примерно в 150 лет, приписана давность в 300 лет. Однако С. Г. Федорова получила документ, в котором указывается, что, судя по распилу деревьев, росших в поселке на Кассиловой, он насчитывает не 300, а 200 лет¹⁷. Если это верно, то постройка, о которой идет речь, скорее является остатком склада Лебедева-Ласточкина. Без повторного обследования того, что осталось от этого русского поселения, и особенно без археологической раскопки, произведенной не любителями, а специалистами, трудно прийти к окончательному выводу о характере этого поселения. Особенно смущает то обстоятельство, что в одном случае возраст дерева определен в 300, а в другом — в 200 лет.

Подводя итог всему сказанному, можно считать возможным, что русское население появилось на Аляске примерно около 300 лет назад, в XVII в. Этот факт объясняет множество сведений, как теперь мы видим — не случайных, о том, что на Аляске имелось древнее русское население. Возможно, что речь идет о четырех кочах, отделившихся от экспедиции Алексеева и Дежнева в 1648 г. и «пропавших без вести».

Можно предположить, что на Аляске было не одно, а несколько или даже много древних русских поселений, подобно тому, как есть свидетельства о древних русских поселениях вдоль северного края Азиатского материка. Перед нами не отдельные походы русских крестьян, искавших лучшей доли, промышленных и служилых людей, а северное ответвление потока переселенцев, пробивавшихся на восток, в Сибирь.

Самое главное — что имеется не одно, а много сведений о древних русских поселениях на Аляске. Некоторые из них могут вызвать сомнение, но совокупность их убедительна.

- ¹ А. Сгибнев. Большой Камчатский наряд. «Морской сборник», 1868, № 12, стр. 139.
- ² Там же, стр. 138.
- ³ ЦГАДА, ф. сената, кн. 664, л. 135 об.—136.
- ⁴ Там же, л. 135.
- ⁵ ЦГАДА, ф. Дела Прав. сената, 1730—1732 гг., д. 664, л. 135.
- ⁶ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1725—1742. М.—Л., 1946, стр. 53. То, что в XIX в. почти до самого конца столетия американские эскимосы не разводили оленей, отнюдь не доказывает, что они не могли этим заниматься ранее. Так, Ф. Врангель сообщает интересный факт о юкагирах со слов одного старика и других аборигенов, с которыми он беседовал во время путешествия: «в древности кочевали они со своими оленями, но большая часть их от поветрий и других бедствий лишилась стад и ныне живет в бедности, питаясь рыбою по берегам рек. Немногие, сохранившие оленей, удалились с ними на прибрежные тундры Ледовитого моря» (Ф. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, ч. 2. СПб., 1841, стр. 67—68).
- ⁷ «Морской сборник», 1868, № 12, стр. 138.
- ⁸ А. Сгибнев. Большой Камчатский наряд, стр. 138.
- ⁹ Документ находится в архиве Академии наук СССР, опубликован в статье А. И. Андреева «Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVIII вв.» (Изв. Всесоюзного географического общества», т. 72, вып. 2, 1940, стр. 151—157). Рукопись Якова Линденау была частично опубликована Палласом (P. Pallas. Neue Nordische Beiträge, Bd. I. SPb. — Leipzig, 1781) вместе с трудом Плениснера о начале Анадырского острога.
- ¹⁰ Сам Плениснер в документах подписывался Plenisner. Однако его часто именуют Пленистнер, почему мы в скобках дали и эту транскрипцию.
- ¹¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л., 1935, на стр. 120.
- ¹² См. также сведения Никифора Малгина от 1710 г. об острове, который «значится против Камчатского и Колымского устья», т. е. об острове, который якобы протянулся от Колымы до Камчатки. Малгин, ссылаясь на Тараса Стадухина, показал, что против Пенжинского устья «есть остров и землю видеть, а на том острове есть люди бородатые, платье носят долгое, а русских людей называют братьями» («Памятники сибирской истории XVIII века», кн. 2. СПб., 1885, Якутск, кн. 24, стр. 500—501). Трудно думать, имея в виду весь рассказ Стадухина, что речь идет именно о Пенжине. Однако если это и не так, то очень трудно приурочить эти сведения к какому-либо определенному географическому пункту, тем более, что «бородатыми» людьми в данном случае могли оказаться не только русские, поселившиеся когда-то на Аляске, но скорее жители Курильских островов.
- ¹³ В VII разряде ЦГАДА в деле под № 2539 имеется экстракт (лл. 62—64 об.), выбранный из журнала Кобелева (некоторые выдержки из показаний Кобелева напечатаны в журнале «Северный архив» (№ 22 за 1825 г.), однако с пропусками и искажениями. Частично документ изложен публикатором своими словами. Источник, откуда был взят документ, в «Северном архиве» не указан).
- ¹⁴ «The Slavonic and East European Review», American series, III, 3, 1941. р. 33—39. Об этой статье упомянул в 1946 г. Л. С. Берг, но лишь в порядке библиографического указания.
- ¹⁵ «Миссионеры [валаамские] в Америке в конце XVIII столетия». СПб., 1900, с портретом Германа и его факсимиле и др.; «Очерки из истории американской православной духовной миссии (Кадьякской миссии 1794—1837 гг.)». СПб., 1894.
- ¹⁶ «Очерки России», кн. 5. М., 1842, стр. 251.
- ¹⁷ С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии, конец XVIII в.—1867 г. Дисс., 1969, стр. 366—370.

ЭКСПЕДИЦИИ ФЕДОРОВА — ГВОЗДЕВА
И БЕРИНГА — ЧИРИКОВА

Экспедиция Беринга и Чирикова — великая Сибирско-тихоокеанская экспедиция — явилась огромным не только научным, но и государственно-политическим предприятием. Экспедиция эта продолжалась свыше двадцати лет. Участвовало в ней несколько тысяч человек. Фактически это было несколько экспедиций, в состав которых входили пять морских экспедиций: две экспедиции Беринга и Чирикова — одна для исследования пролива между Азией и Америкой, другая непосредственно к берегам Северной Америки, южнее Алеутских островов; к тому же времени относится экспедиция Федорова и Гвоздева на острова Диомиды (это была морская часть экспедиции Шестакова), путешествие Шпанберга в Японию и целый комплекс работ экспедиций по изучению берегов Сибири от Вайгача до Анадыря и Камчатки.

В нашу задачу не входит изучение и описание снаряжения и хода первой экспедиции Беринга и Чирикова. Как раз эта сторона изучена довольно подробно рядом авторов (Соколов, Берг и др.). Отметим самое основное. Первая экспедиция продолжалась, считая от решения о ее посылке, с 1724 по 1728 г.

Некоторые члены Адмиралтейств-коллегии предложили послать первую экспедицию «кругосветным плаванием»¹. Но эта мысль была отвергнута. Беринг отправился с р. Камчатки 13 июля 1728 г. и прошел проливом, отделяющим Азию от Америки, но ни на континенте Северной Америки, ни на каком-либо из прилегающих к нему островов не был. Результаты его экспедиции в Петербурге в официальных кругах признали бесплодными, хотя на самом деле это было не так.

Первой экспедицией не только была доказана раздельность Азиатского и Американского континентов, но и по ряду признаков — например, найденное в воде дерево у Карагинского

острова, каких нет в Азии и на островах Диомиды, — была установлена близость (относительная, разумеется) Америки. Следует учесть трудности того времени. Если бы восточный край Сибири был освоен больше и если бы на Чукотском полуострове имелась база, откуда можно было бы начинать плавание в Америку, задача была бы довольно несложной, но до Анадыря и Чукотской земли надо было идти от Большерецка на Камчатке под парусами на боте в течение ряда дней, причем точно не было известно, что Америка так сравнительно недалеко от Чукотского полуострова.

Беринг и его люди могли бы видеть Америку с островов Диомиды, один из которых был ими открыт, но они не знали, как близки они к цели, а туман не позволил увидеть берега Аляски.

В 1729 г. Беринг предпринял плавание к востоку, но прошел небольшое расстояние от Камчатки, затем возвратился в Охотск, а оттуда сухим путем в Петербург².

Итоги первой экспедиции были подведены на карте Чаплина. Опубликованная Л. Багровым карта экспедиции Беринга датирована 1730 г. и воспроизведена так, что нельзя судить о ее подлинности³.

Мы публикуем впервые в этом издании найденную нами в 1962 г. в Центральном государственном военно-историческом архиве и в 1969 г. в Центральном государственном архиве древних актов подлинную подписанную карту Чаплина с итогами первого этапа экспедиции. Эта карта дала ценнейшие сведения о северо-восточной оконечности Сибири и легла в основу всех картографических работ, начиная с атласа Кирилова, оказав огромное влияние на европейскую картографию.

Карта первой экспедиции была опубликована в Париже в 1735 г. Жаном Баптистом Дюгальдом. Карта была составлена д'Анвиллем и датирована в 1732 г. Английское издание труда Дюгальда вышло в Лондоне в 1736 г., и копия карты Чаплина была в нем помещена. В 1734 г. наиболее полное и точное отражение данные первой Сибирско-тихоокеанской экспедиции нашли на карте Российской империи, составленной Иваном Кириловым.

Ход событий показал, что при решении научной задачи — определении местонахождения Америки и кратчайшего пути к ней — было крайне важно использовать сведения, имевшиеся в народной среде. Петр I с величайшим вниманием относился к тем данным, которые поступали с далекой сибирской окраины. Вопрос об учете народных сведений о местонахождении Америки был решен правильно Алексеем Ильичем Чириковым. Ему принадлежит огромная заслуга правильной оценки важности тех данных, которые сообщали чукчи. Чириков и перед первой и при снаряжении второй экспедиций, исходя из

Портрет Петра I — в форме командующего союзным русско-англо-голландским флотом.
работа Каравака

упомянутых сведений, правильно указал положение Америки и кратчайший путь к ней от Восточного мыса через острова Гвоздева — Дномиды.

Жозеф Николя Делиль, ученый консультант Беринга, для ориентировки экспедиции составил карту, на которую нанес мифические земли, якобы открытые моряками испанской службы греком Жуаном де Фука в 1592 г. и адмиралом де Фонте в 1640 г. На эту же карту попали и некоторые фантастические данные неграмотного Шестакова.

Как мы отметили, фактическая сторона экспедиций Беринга изучена основательно. Нельзя сказать того же об изучении

целей этой экспедиции, которые, как мы видим, еще и сейчас часто сводятся к чисто географическим или торговым задачам.

Материалы о проектах и приготовлениях к экспедиции России в Америку в первой половине XVII в. должны быть сопоставлены с содержанием инструкций Берингу и Скорнякову⁴, мнениями сената и Адмиралтейств-коллегии по данному вопросу⁵, а также с содержанием весьма важного проекта Кирилова⁶. Они позволяют сделать и выводы о целях и задачах экспедиции Беринга.

В проекте секретного указа 28 декабря 1732 г. в сенат⁷ говорится о приведении в подданство новых народов и о сборе ясака с них. Там же говорится, что против устья Колымы имеется «земля великая» и что там бывали от сибиряков люди и видели ее. О том Берингу с товарищами предложено проведать, а людей, не обижая, согласно инструкции, склонить к платежу ясака и к принятию в подданство. Если морем нельзя пройти к Камчатке, то следовать северным берегом сколько возможно, а с жителями поступать по инструкции. При этом предлагалось выведывать, далеко ли «на другой стороне земли Полуденное или Восточное море, а затем возвратиться в Ленское устье»⁸. Если пойдут северным берегом (земли, сошедшей с Азией), то поступить, как сказано в инструкции Берингу⁹.

«Ежели такого соединения американских земель не найдут, то отнюдь назад не возвращаться, но обходить угол и прийти до Камчатки, как выше объявлено».

Теперь второй план. Для «обыскания» американских берегов посылаются два судна (на случай несчастья с одним из них)¹⁰. «И в том следовании помянутых американских берегов или островов искать с крайнею прилежностью и старанием...»

Далее повторяются указания петровской инструкции 1725 г. «проведать» европейские владения или встретить европейский корабль и узнать через него о ближайших поселениях европейцев. Обрато идти другим путем, чтобы по возможности осмотреть и объяснить еще другие земли и острова¹¹ «и содержать себя во всякой опасности, чтобы не впасть как в руки иноземцев» «и не показать к себе пути, о котором они никогда не слышали»¹².

В промежутках между первой экспедицией Беринга, не давшей желательных результатов, и второй произошло весьма важное событие. Одновременно с первой экспедицией Беринга и параллельно ей была послана еще одна большая экспедиция и в Америку и в Японию. Эта экспедиция, связанная с именами Шестакова, Павлуцкого, Генса, Федорова и Гвоздева, впервые достигла Северной Америки со стороны России.

В продвижении русских на восток, к Америке, действовали силы как центрального государственного аппарата России — Петр I, сенат, Адмиралтейств-коллегия, Иркутская и Якутская

В. Беринг. Предполагаемый его портрет, найденный в 1945 г. у правнучки Беринга Е. А. Трегубовой

(Военно-морской архив, Ленинград)

канцелярии и воеводы, начальник Охотского порта и приказчики острогов, так и местных сибирских людей — казаков и промышленников. Сведения о «Большой земле» через ясачных чукчей и сибирские остроги доходили и раньше до Якутска и Петербурга. Одним из сибирских людей, инициаторов движения на восток, оказался якутский «казачья голова»¹³ Афанасий Шестаков, человек весьма энергичный, но ученьем не умудренный.

Экспедиция Шестакова была иного типа, чем экспедиция Беринга. Шестаков был казачьим головой якутского полка из 1500 человек. Этот полк составлял гарнизоны острогов Анадырского, трех Колымских, Удского, Охотского и др.

Когда в 20-х годах XVIII в. из Якутска были вытребованы в Тобольск для военного обучения недоросли-дворяне, подьячие и офицеры, то Афанасий Шестаков хотя и принужден был отправить 100 человек в Тобольск, но при этом послал письменный протест, сообщив, что если молодых людей будут вывозить из Якутска в Тобольск, то надо опасаться нападения «иноземцев» (как тогда говорили) на русские владения в Северо-Восточной Сибири, и что дальнейшие открытия и приобретения земель останутся вовсе. Шестаков предлагал прислать в Якутск несколько сотен семей служилых и мореходов, учредить там школу для обучения казачьих детей и обратить их «на отыскание и покорение новых земель, на службу, к которой они совершенно обычны»¹⁴.

Шестаков предлагал свои услуги для открытия «новых земель и приведения в подданство новых народов», а вслед за этим, но не сразу, а в 1726 г., сам отправился в Петербург, где пробыл 2 года. Будучи в Петербурге, он представил карту Северо-Восточной Сибири. Карта Шестакова имелась в нескольких вариантах. Карта во французском переводе, помещенная у Голдера, отлична от той, которую приводит Берг¹⁵. Некоторые ремарки, которые воспроизводит Сгибнев, отличаются своим содержанием от их французского перевода¹⁶.

На карте, приведенной Голдером, «Большая земля», которая якобы была открыта в 1723 г. шелагским князем, значится в Ледовитом океане, против устья Колымы. Между «Большой землей» и Азиатским материком обозначен остров, на котором якобы живут шелаги, зависящие только от своего князя по имени Копай. Против «Чукотского носа» к востоку на карту нанесен большой остров с такой характеристикой: «Остров против Анадырского носу: на нем многолюдно и всякого зверя довольно. Дань платят, живут своею областью»¹⁷.

Сведения о многолюдстве западной части Аляски соответствуют действительности, но они никак не могут относиться к маленьким островам Диомиды. Об этих островах на карте не упоминается, говорится только об одном большом острове к востоку от Анадыря. Сказано также, что на этом острове много соболей и других животных.

На месте островов Диомиды вместо трех обозначено 10 маленьких островов. Остров, обозначенный против устья Анадыря, может быть островом Лаврентия, но «Большая земля» переместилась в Ледовитый океан и отождествлена с Медвежьими островами. Таким образом, географические сведения данной карты отличались большой смутностью и значительно отставали от данных якутской карты 1710—1711 гг. и карты дворянина Ивана Львова.

18 января 1727 г. императрице было доложено мнение сената, основанное на донесениях из Сибири, о том, что около Камчатки имеются острова — одни пустынные, другие населенные, которые следует взять во владение.

В 1725 г. губернатор Сибири кн. Долгорукий доносил, что монах Игнатий Козыревский, который был на Камчатке, «о новых же землях и островах показывает». Сенат, исходя из того, «что те земли прилегли к ~~Российскому~~ владению и ни у кого не подвластные и к содержанию и владению под Российской державою нетрудны»¹⁸, учитывая, что «во время бытности губернатором князя Черкасского из одной Камчатки вышло соболей 383 сорока и 4 тысячи лисиц и другой мяжкой рухледи по якутской оценке на 55 613 руб.», и что «море теплое, а не ледовитое», и что «может впредь воспоследовать комерция с Японною или Китайскою Кореєю»¹⁹, подал мнение о посылке партии во главе с «казахья

Контурная карта Шештакова — Кириллова

(«Атлас», № 67)

головой» Шестаковым для сбора ясака. Указано сообщить Берингу, чтобы он и Шестаков взаимно помогали друг другу. Шестакову для заведения торговли по представлению сената было дано товару на 1000 руб.²⁰

Шестаков «выехал из Петербурга в июне 1727 г. в звании главного командира северо-восточного края»²¹.

Таким образом, экспедиция Шестакова была параллельной экспедиции Беринга, обе экспедиции были взаимно осведомлены и обязывались помогать друг другу. Экспедиция Шестакова имела очень широкие планы. Главной целью экспедиции Шестакова было обследование и приобретение новых земель в «Восточном океане». К экспедиции Шестакова присоединился известный Иван Козыревский, он же в монашестве Игнатий. В 1728 г. Козыревский построил в Якутске на свой счет небольшое судно «Эверс» и отправился в августе для разведывания земель против устья Лены. Вытащенное на берег 28 мая 1729 г. для зимовки судно было изломано льдом, и Козыревский возвратился в Якутск²².

В состав экспедиции Шестакова входили и морские суда.

Основная часть морской экспедиции имела в своем распоряжении несколько судов, в том числе суда «Гавриил» и «Фортуна» — боты, оставшиеся после первой экспедиции Беринга. Два новых судна — «Восточный Гавриил» и «Лев» — были построены Шестаковым. «Гавриил» был послан под командой племянника Шестакова Ивана (участника первой экспедиции Беринга) исследовать берег в районе устья Уди, Курильских островов и Нижней Камчатки, а если останется время, обследовать и «Большую землю». Ботом «Фортуна» командовал сын Шестакова Василий.

Сам Шестаков решил воспользоваться «Восточным Гавриилом» и держать курс к устью Пенжины, далее идти на север, покоряя коряков и чукчей. «Лев» должен был сопровождать «Восточного Гавриила». Во время этой экспедиции недалеко от р. Пенжины, на р. Эгаче, 14 марта 1730 г. Шестаков был убит. Оставшийся вместо него капитан Павлуцкий организовал морскую экспедицию на «Большую землю» первоначально во главе со штурманом Генсом²³.

Павлуцкий 11 января 1732 г. предписал подштурману Федорову и геодезисту Гвоздеву²⁴ идти на следующее лето из Большерецка на «Гаврииле» к устью Анадыря и от «Анадырского носа» к «Большой земле», «где проведать, сколько острогов, какие на них люди и вновь приискивать и в ясак брать, с коих сбору не бывало»²⁵.

Так как Генс почти ослеп, то он поручил экспедицию Федорову, который был болен цынгой, страдая от ран на ногах. По приказу Генса больного Федорова насильно перенесли на бот, и 23 июля 1732 г. «Гавриил» вышел в поход с Федоровым, Гвоздевым, тремя матросами, 32 служилыми людьми, мореходом Мошковым и новокрещенным толмачом²⁶.

В изложении дальнейшего хода экспедиции А. Сгибнев некритически объединил данные Гвоздева и Скурихина, игнорируя все противоречия в их документах. Возвратившись из похода 19 декабря 1732 г., Федоров и Гвоздев послали подробное донесение Павлуцкому в Анадырск. Только после смерти Федорова в 1733 г. Гвоздев послал краткое сообщение в Охотскую канцелярию, приобщив к нему и журнал. Как полагает Сгибнев, ни Павлуцкий, ни Охотская канцелярия никуда об этом не сообщили, не видя тут, вероятно, ничего интересного²⁷.

В 1741 г. ссыльный Илья Скурихин по какому-то случаю поднял дело в Охотской канцелярии. В апреле 1741 г. Гвоздев был допрошен в Охотске начальником порта Девьером (бывшим петербургским обер-полицмейстером, сосланным в Охотск) и дал свое показание. 27 октября 1741 г. Девьер донес об этом Иркутской провинциальной канцелярии. Он считал нужным предложить Берингу по окончании похода против немирных чукчей сделать на р. Анадыре, где, как он неправильно полагал, имеются леса, шитики и итди на «Большую землю». В ответ на это Иркутская канцелярия, не знавшая о смерти Беринга, переслала 6 июля 1742 г. в Охотск Берингу указ с поручением осмотреть острова и «Большую землю», подтвердив указ в марте 1743 г.

Получив этот указ, преемник Беринга Шпанберг²⁸ взял у Гвоздева новые показания и представил переписку в Адмиралтейств-коллегию. Но 26 сентября 1743 г. Камчатская экспедиция была приостановлена.

В исторической литературе сложилось прочное убеждение, что отчеты Гвоздева и Федорова, составленные в 1732—1733 гг., затерялись где-то в Охотской канцелярии и в личных бумагах Павлуцкого, не стали кому-либо известны и что только в 1741 г., когда этот вопрос возник по случайному поводу, стали собирать сведения о данной экспедиции. Однако еще Голдер ссылался на некоторые материалы, имеющиеся в рукописях де Лиля, в Морском архиве в Париже. Но Голдер, сославшись на эти материалы и даже воспроизведя на стр. 154 своего труда о русской экспедиции на Тихом океане²⁹ карту экспедиции, имеющуюся у Делиля, а в приложении Е — газетную заметку о путешествии Гвоздева, не обратился к анализу этих данных. Между тем они чрезвычайно интересны, так как свидетельствуют о том, что уже в 1738 г. в какой-то французской газете была помещена карта с трассой экспедиции Гвоздева и интервью с Федором Ивановичем Соймоновым об этой экспедиции. Трасса экспедиции вычерчена, по всей вероятности, Гийомом де Лилем (по своему характеру чертеж весьма похож на трассу путешествия Беринга, вычерченную собственноручно де Лилем на основании разговора с Берингом).

В сообщении, помещенном в газете, прямо указан его источник — интервью с Федором Ивановичем Соймоновым. В 1738 г.

Ф. И. Соймонов (1682—1780 гг.), навигатор и гидрограф, автор многих карт, близкий к кругам Адмиралтейств-коллегии и сената, дал информацию, на основе которой де Лиль мог составить в общем довольно верную карту экспедиции Федорова — Гвоздева. Однако эта карта является верной лишь в общем, потому что на ней вместо двух островов Диомида, посещенных экспедицией Федорова — Гвоздева, обозначен один остров. Далее, не показано движение экспедиции на север после ее приближения к американскому берегу.

На карту не нанесен остров Кинга (Укивок). Самое содержание газетной заметки свидетельствует, что она составлена не на основе отчета Гвоздева, а исходя из какой-то устной информации, возможно полученной из вторых рук. В самом сообщении содержится ряд неточностей. Остановимся на них.

Сообщение дано на французском языке и имеет заголовок: «Плавание и открытия, сделанные русскими в Восточном море в промежутке между двумя путешествиями капитана Беринга около 1731—1732 гг.». К этому названию придан подзаголовок: «Новые знания о восточных землях, данные господином Федором Ивановичем Соймоновым 1 марта 1738 г.».

Из содержания заметки можно вывести заключение, что сведения эти сообщил Соймонову сам Беринг. Начинается заметка с сообщения, что капитан-командор Беринг, вернувшись из первого путешествия, встретил 10 матросов, которые были посланы в «Восточное море» и которые погрузились на корабль, оставленный капитаном Берингом в Охотске. Далее сообщается, что экспедиция шла тем же путем, что и капитан Беринг, и говорится об одном острове, посещенном экспедицией в проливе (Беринговом). Интересно, что Беринг во время первой экспедиции видел один из островов Диомида, поэтому, передавая рассказ об экспедиции Гвоздева, он, основываясь на собственных воспоминаниях, мог упомянуть только об одном острове из группы Диомидовых.

Затем в заметке неточно сообщается, что «Большая земля» оказалась на расстоянии полдня плавания от Азиатского материка (расстояние от мыса Дежнева до мыса принца Уэльского при благоприятных условиях можно покрыть на байдарках в один день). Экспедиция же Гвоздева потратила на это вследствие неблагоприятного ветра значительно больше времени. Указано, что попытке высадки мешала сильная буря. На самом деле такой попытки не делалось, точнее было бы сказать: «намерению высадки» помешал сильный норд. Имеются и другие мелкие неточности.

В литературе уже отмечено³⁰, что Беринг не мог не быть в курсе экспедиции Гвоздева, так как почти все члены этой экспедиции, оставшиеся в живых, включая и самого М. С. Гвоздева, перешли потом на службу к Берингу, и Чириков пользовался

данными экспедиции Гвоздева. Кроме того, Беринг поддерживал деловые связи с Павлуцким. Как видим, укоренившаяся версия о том, что сведения об экспедиции Гвоздева оставались неизвестными в России до 1741 г., совершенно не соответствует действительности; она основана на незнании уже опубликованных документов и проистекает из того, что эти документы хотя и были в руках у исследователей, но не были подвергнуты ими анализу.

Можно считать, что ни историки, ни географы еще не подвергли критическому анализу и такие важнейшие документы об открытии Америки, как подлинные «репорты» Гвоздева и показание Скурихина³¹. Автор, подписавшийся инициалами А. П. (Полонский), в статье «Первый поход русских к Америке в 1732 г.», помещенной в 11-й книге 4-го тома «Морского сборника» в 1850 г., оперировал архивными документами, но некритически соединил в один, к тому же весьма краткий и сбивчивый, рассказ сведения Гвоздева и Скурихина, не обратившись вовсе к критике источников. Замечательный исследователь А. Соколов в данном случае пошел по неправильному пути. Обратившись к делам Адмиралтейств-коллегии, он взял за основу позднейший «репорт» Гвоздева, как более подробный и более, по мнению Соколова, достоверный. Между тем документ этот, хотя и более подробный, несомненно, является менее достоверным. Во-первых, после путешествия Гвоздева к тому времени прошло уже не 9, а 11 лет. Несомненно, что по истечении еще 2 лет Гвоздев не лучше, а хуже помнил детали путешествия. Во-вторых, второй свой «репорт» Гвоздев писал в состоянии сильного перепуга. Вопросом заинтересовались в Петербурге, от Гвоздева повторно потребовали объяснений, а давая их в первый раз, он успел нагрубить в Охотской канцелярии, возможно из-за отказа составить карту по лагбуху (Гвоздев ссылался на ее неточность и на то, что он не штурман, а геодезист, т. е. умеет составлять не морские, а сухопутные карты, но этот вопрос важен сам по себе и будет рассмотрен особо). Находясь в состоянии явного испуга, Гвоздев всячески старался оправдать себя от обоснованных или необоснованных обвинений и поэтому обогащал или заново переставлял свой первоначальный текст, что отнюдь не сделало его второй «репорт» более достоверным, чем первоначальный.

Что касается анализа многих несоответствий в самих текстах «репортов» Гвоздева и показания Скурихина, то Соколов, оказавшись перед большими трудностями, капитулировал перед ними и предложил заняться их преодолением кому-либо другому.

Вкратце коснувшись опубликованных данных об экспедиции Федорова и Гвоздева, Л. С. Берг в своем труде о камчатских экспедициях дал ценный материал и географический комментарий к нему. Но он не обратился к архивным материалам, не имел в руках самих документов. Ему пришлось брать материал из

чужих рук, пользоваться неточными, подвергнутыми литературной переработке материалами.

«Репорты» М. С. Гвоздева и показание И. Скурихина сохранились в делах Адмиралтейств-коллегии Центрального государственного архива Военно-Морского Флота. Донесение Гвоздева включено в «промеморию» (наставление, инструкция) майора Афанасия Зыбина из канцелярии Охотского порта — капитану Шпанбергу от 20 апреля 1743 г. В этом документе упоминается «репорт» Гвоздева Павлуцкому, полученный с Камчатки 23 декабря 1733 г., и «репорт» Гвоздева Павлуцкому 19 декабря 1732 г., а также и лагбух Федорова и Гвоздева, приложенный к этому последнему «репорту». Сюда же включено показание Скурихина и здесь же излагается содержание «репорта» Гвоздева в ответ на «ордер» (приказ), данный ему из канцелярии Охотского порта. На первой странице промемории начато цитирование донесения Гвоздева, датированного 1733 г., а на стр. 4 сказано, что упомянутый геодезист Гвоздев «на данный ему из канцелярии Охотского порта ордер» «репортом объявил...». Это решает вопрос о происхождении данного показания Гвоздева. Это не его донесение 1733 г., а ответ на запрос Охотского порта, обращенный к нему в 1741 г. (напомним, что в 1733 г. Гвоздев послал свой «репорт» по собственной инициативе, а не по приказу Охотского порта).

Позже, 1 сентября 1743 г., Гвоздев подписал собственноручно им написанный «репорт» капитану флота Мартыну Петровичу Шпанбергу, заменившему в то время умершего Беринга, ссылаясь на ордер № 381 и на «промеморию» из Охотской канцелярии. В этой промемории требовалось сообщить возможно более подробное известие об островах к северу от Камчатки и о «Большой земле» на основе морского путешествия 1732 г. Программа для ответа была намечена Охотской канцелярией. Она исходила из вопросов, поставленных еще Петром I, — на каком расстоянии эти острова и «Большая земля» от Камчатки, «Чукотского жилища» и Анадырского острога, под какими градусами они находятся, если это известно, какие леса, угодия и гавани там имеются, какие люди живут и сколь многолюдны, каких над собою «хотя и многих и разных владетелей» имеют, платят ли дань и т. д.

Задание состояло в том, чтобы идти кругом «Камчатского носа» к устью Анадыря и против «Анадырского носа» проведать «Большую землю» и острова, узнать, сколько на них людей, и «брать ясак с таких, с которых ясаку в сборе не бывали», и вообще «иметь крепкое старание к интересу е. и. в., пополняя по силе тех присланных ордеров» (документ № 2, стр. 2).

В ордере 1743 г. появился новый для подобных документов мотив. О жителях островов предлагалось узнать, «не имеют ли они какого-либо свойства и согласия с чукчами и не помогают

ли там чюкчам в походах и побитии подданных ее императорскому величеству российских людей и ясачных коряк также и за вышеписанною Большою землею нет ли каких земель и островов с жительствующими на них людьми, о которых здесь неизвестно», и т. п. Как видно из этого документа, вопросы политические поставлены весьма четко, и это не случайно, это имеет свою историю.

Обратимся к содержанию самих «репортов» Гвоздева.

Из устья Камчатки бот «Гавриил» вышел в «морской тракт» 23 июля (документ № 1, стр. 1; документ № 2, стр. 2), повернул назад 22 августа и вернулся обратно 27 сентября того же 1732 г. (документ № 1, стр. 1, 4 и 9). Дата 22 августа подтверждена трудно оспоримым документом — выпиской из лагбуха, который Федоров и Гвоздев вели совместно (документ № 1, стр. 2).

Скурихин же не дает точных дат. В морской поход, по его данным, отправились в 1732 г. летним временем, шли недели две до устья р. Анадырь, затем морем в восточную сторону дней с пять (всего дней с 19). Дошли до «Большой земли», шли дней пять, «повидели землю» «в левую сторону» (на самом деле в правую), затем в левую дней с пять — итого 29 дней; встретились с человеком нагим, приплывшим на пузырях (по лагбуху и показаниям Гвоздева этот период охватывает время с 23 июля по 22 августа, т. е. не 29, как у Скурихина, а 30 дней, т. е. имеется почти совпадение дат). Для показания, данного по памяти, через 9 лет, такое совпадение весьма убедительно.

Разобьем теперь весь период «морского вояжа» Федорова и Гвоздева на более мелкие этапы. По данным «репорта» Гвоздева очевидно, что, выйдя 23 июля 1741 г. из Большерецка, бот «Гавриил» 27 июля обошел «Камчатский нос», т. е. мыс Лопатку, к 3 августа пришел к «Анадырскому носу», от которого пошли «для взыскания островов».

В «репорте» от 1 сентября 1743 г. Гвоздев дает те же самые даты — 23 июля, 27 июля и 3 августа. В экспедиции был мореход Мошков, участвовавший в экспедиции Ельчина и в первой экспедиции Беринга. Основываясь на его показаниях, отправились на поиски виденного Берингом и Мошковым одного из островов Диомиды (какой именно остров видел Беринг — не установлено). То ли вместо острова, то ли как первый этап движения к этому острову, 5 августа пришли к «Чукотскому носу» (т. е. мысу Восточному — ныне Дежнева) с южной стороны и отдали якорь, так как был штиль. Хотя оба «репорта» Гвоздева и не совпадают текстуально в целом, но ряд выражений этих двух документов буквально повторяется. Очевидно, Гвоздев при составлении второго отчета имел перед глазами один из более ранних текстов или же копию лагбухы, или путевого журнала судна. На берегу Гвоздев видел чукчей, которых безуспешно «призывал» в ясак — от них не последовало никакого ответа. 7 августа он выезжал на

шлюпке туда, «откуда байдары чукчей ходили — из других падей (т. е. долин) для осмотра жилья чукчей». Осмотрел две старые и разбитые пустые юрты, сделанные из китовых костей (за отсутствием леса). Вспомним, что подобные сооружения Дежнев видел на мысу, названном затем его именем. Никаких переговоров с чукчами Гвоздеву завязать не удалось.

С 5 по 8 августа стояли на якоре, а 8-го в 4-м часу пополуночи пошли по показанию морехода Мошкова «для взыскания острова». Гвоздев все неудачи старается свалить на других, и если сразу не удалось найти острова, то Гвоздев не забывает упомянуть, что искали тот остров по указаниям Мошкова, а не его, Гвоздева.

Итак, с 5 до 8 августа бот «Гавриил» находился у берегов Чукотского полуострова. Следующая попытка найти остров тоже не увенчалась успехом. 8-го бот вышел в море, пробыл в плавании 5 дней, и снова пристал к прежнему месту. Попытка «призвать» чукчей к платежу ясака вызвала отказ с их стороны.

Описание этого этапа путешествия вызывает ряд вопросов. В своем «репорте» Гвоздев сообщил, что 9 августа Федоров прислал ему письмо, в котором заявил, что, по его мнению, до «Большой земли» и острова, указанных в порядке Павлуцкого, еще не дошли, так как находился он южнее Чукотского мыса в сторону Анадыря. Разыскивая же остров и «Большую землю» к югу на основании указания Мошкова Федоров почему-то написал об этом Гвоздеву и потребовал письменного мнения Гвоздева по этому вопросу. В первом варианте всей этой истории не было, во втором она появилась с очевидной целью обвинения Мошкова и неудаче поисков.

Может вызвать недоумение, почему с такими трудностями и с таким медленным успехом происходили поиски островов Диомиды, ведь Мошков около них уже был. Ответ нетруден. Как видно из сохранившихся документов, у Федорова и Гвоздева не было судовых журналов первой экспедиции Беринга. Искали в море остров, основываясь на воспоминаниях морехода Мошкова, а тому память изменила. Острова Диомиды лежат к востоку от мыса Дежнева, а Мошкову помнилось, что к югу, — отсюда несколько дней безуспешных поисков в море в неверном направлении. Что потом помогло экспедиции — прояснившаяся ли погода, которая позволила увидеть острова, расспросы ли чукчей, которые, несомненно, были непрочь отвести «ясачную грозу» на своих постоянных недругов — островных эскимосов, — сказать трудно.

9-го или между 9 и 11-м августа «Гавриил» прибыл на прежнее место (к разрытым юртам из моржовых костей), 11-го вышел в море и 13-го опять вернулся к Чукотскому полуострову, но уже к другому месту, где юрты (числом шесть) были из елового леса, т. е. из леса, доставленного из Америки или скорее всего принесенного морским течением и прибитого волнами. Гвоздев

послал служилого человека Пермякова (в документе Леонтия Петрова, а затем Петра Куклина) с толмачом потребовать ясак. Чукчи, стоявшие на камне, дали в качестве ясака кунью парку³², т. е. одежду (тоже американский товар), которая именно в качестве иноземного, редкого произведения могла играть роль всеобщего эквивалента.

Толмачу же чукча сказал, «какой-де с нас ясак просите, что у родников есть ясак большой» и что он этими родниками владеет. Он отказывался платить ясак, замахивался копьем на толмача, напомнил, что у них был бой с капитаном, т. е. с капитаном Павлуцким. Все эти данные с бесспорностью утверждают в том, что с 11 по 13 августа 1732 г. Федоров и Гвоздев были не у какого-либо из островов, а в каком-то пункте крайней восточной оконечности Азиатского континента.

15 августа в начале 11-го часа пополуночи при попутном ветре бот отчалил от берега, и 17-го числа пополуночи в 7-м часу был осмотрен остров, очевидно, первый из островов группы Диомида, остров Ратманова. То, что шли 1½ суток, не говорит о противоречии фактам — бот «Гавриил» шел не от мыса Дежнева, а от какого-то другого пункта Чукотского полуострова, к которому подошел после 2 дней плавания (по неизвестной трассе) от какого-то мыса, возможно Дежнева. Кроме того, когда бот подошел к острову, «ветер был противен» и пришлось лавировать. Затем бот опять вернулся к Чукотскому полуострову. Когда наступил штиль, спустили лодку. Гвоздев и матрос Петров еще с 10 служилыми людьми пригребли к утесу недалеко от юрт. К этому утесу отошли чукчи, а «чукчи-де поют согласно и один из них прыгает и скачет» — очевидно, шаман на камне заклинал появившееся наваждение. Завести разговор с чукчами не удалось, Гвоздев вернулся на бот, а вслед за ним, провожая его, появились две байдары, на которых было по 20 человек. Вот тут-то с байдар начали переговоры. Гвоздев спросил, какой народ живет на острове (т. е. на островах Диомида или в Америке); они на этот вопрос не ответили, а про себя сказали, что они «чукчи зубатые», а о земле (заметим, что не об острове, а о земле, очевидно, о чукотском полуострове), что это самый «Чукотский нос».

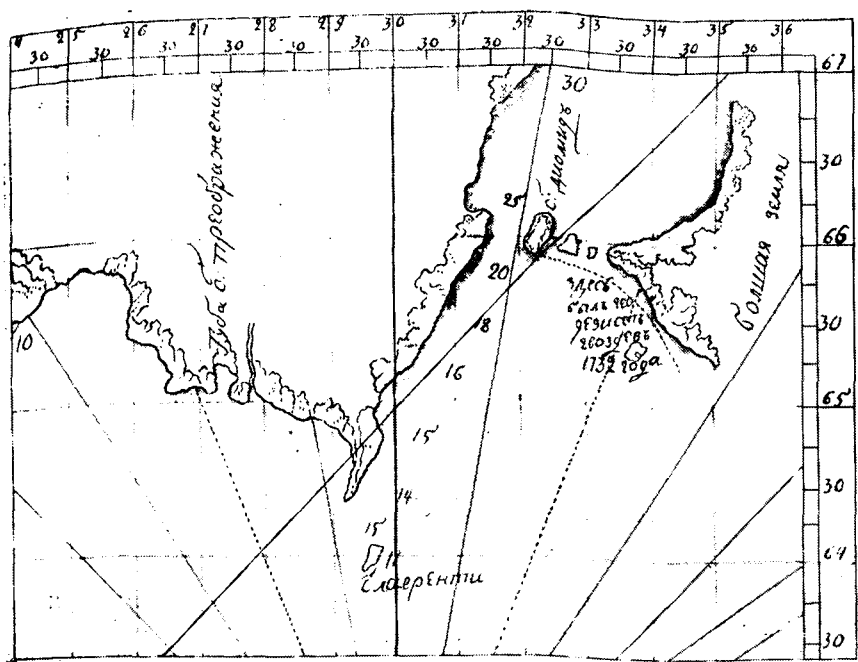
Все это было 17 августа. Затем бот опять пошел к первому острову. Когда матрос Петров и 10 человек команды подплыли на шлюпке к острову с северной стороны и увидели там юрты, то чукчи стали с утеса стрелять из луков. «Против их противления выстрелили из ружей». Толмач спросил, какой они народ, и они-де о себе сказали, что «чукчи». Гвоздев, как и другие, считал эскимосов особым племенем чукчей, называл их «зубатыми чукчами». Чукчи с острова сказали, что «родники их пошли с оленными чукчами против капитана биться и так-де всех побили». Это известие соответствует истине, так как среди

убитых отрядом Павлуцкого чукчей оказались двое «зубатых чукчей» (по другой версии — один)³³. С этого острова видели «Большую землю».

20 августа экспедиция посетила второй остров, ныне остров Крузенштерна. На следующий день, 21 августа, экспедиция подошла к Североамериканскому континенту в таком месте, где не было никакого жилья, и бот стал на якорь в четырех верстах от берега. Поскольку на оконечности мыса Принца Уэльского имеется эскимосское поселение, Л. С. Берг высказывает предположение, что бот «Гавриил» подошел к месту северо-восточнее мыса Принца Уэльского. Это предположение вероятно, так как далее говорится, что бот подошел к южному концу (очевидно, названного мыса). Затем бот пошел к югу вдоль побережья Североамериканского континента. В показании Скурихина небольшое продвижение на север ошибочно превращено в длительное плавание. На самом деле бот «Гавриил» шел к югу до острова Кинга или Укивока. Гвоздев назвал этот остров четвертым.

В документе № 1 процитирован лагбух, веденный совместно Федоровым и Гвоздевым. Там сказано: «... при том репорте (от 19 декабря 1732 г. на имя капитана Павлуцкого.— А. Е.) прислан лагбух, который-де писали Гвоздев и Федоров обще, а в том лагбухе написано: августа-де 22 числа по полуночи в 12-м часу с острова приезжал к ним иноземец чюкча (на самом деле эскимос.— А. Е.) в ветке, по их званию в кухне (байдаре.— А. Е.), и спрашивал-де оной Гвоздев у него через толмача ново-крещена Егора Буслаева, какой народ на большом острове живет, и оной же иноземец чюкча сказывал, что на оном острове живут чюкчи, что это самый-де Чюкотский нос, да спрашивал же де он у оного чюкчи через толмача, что на Большой острове имеется, какие звери и леса, и оной же чюкча сказал, что-де на оном острове лисицы и куницы и леса».

Это сведение имеет исключительно большое значение, так как взято из документа того времени, не вызывающего сомнения в достоверности и точности,— это единственный сохранившийся отрывок из недошедшего до нас судового журнала, которые вели Федоров и Гвоздев. Он устанавливает дату конечного поступательного движения экспедиции Федорова и Гвоздева, посещения ими острова Кинг и переговоров их с американским эскимосом. Этот отрывок окончательно разрешает вопрос, который являлся камнем преткновения для всех исследователей,— вопрос о четвертом острове, т. е. почему остров Кинг назван Гвоздевым четвертым островом. Первым был посещен остров Ратманова, второй — остров Крузенштерна. О посещении третьего острова нигде ничего не сообщается, говорится о приближении к «Большой земле», а после второго острова Гвоздев перескакивает сразу к четвертому, к острову Кинг. Данный отрывок характеризует

Деталь карты Федорова — Гвоздева — Шпанберга
(«Атлас», № 70)

представление Федорова и Гвоздева о «Большой земле» как о «Большом острове». Здесь прямо сказано — «Большой остров», причем в документе это название дано с прописной буквы, так же как и название «Большая земля». Повторяем, что это единственный известный отрывок из лагбуха Федорова и Гвоздева 1732 г.

Таким образом, окончательно разрешается вопрос о третьем острове. Так был назван Федоровым и Гвоздевым Североамериканский континент. Этому не приходится особенно удивляться, так как никаких точных данных о протяжении и очертаниях «Большой земли» в то время не было. Но если данный отрывок полностью разрешает одно недоумение, то он порождает два новых. Почему «иноземец чукча» сказал, что на «Большом острове» живут чукчи? На этот вопрос ответить сравнительно легко. При том уровне этнографических знаний, которые имелись у Федорова и Гвоздева, во всей их документации эскимосы не фигурируют. Местные жители Азиатского континента, островов Диомиды и Северной Америки ими всегда называются чукчами, но обычно проводится разница — азиатские чукчи называются просто чукчами, а эскимосы с островов Диомиды и Северной

Америки — «зубатыми чукчами». Гвоздев считал их особой разновидностью чукчей. К тому же в этом отрывке документа Федорова и Гвоздева сказано, что на кухне поддыхал не просто чукча, а «иноземец чукча», т. е. подчеркнуто, что это был какой-то другой чукча, а не азиатский.

Утверждение, что на «Большом острове» имеются «лисицы, куницы и леса», как мы знаем, вполне может быть отнесено к Североамериканскому континенту. Непонятным является упоминание о каком-то «Чукотском носе» на «Большом острове». Возможно, что именно этот пункт отчетов Гвоздева заставил одного исследователя назвать его отчеты бестолковыми и путанными и излить на него свою обиду исследователя, заявив, что и острова-то напрасно сначала были названы в честь Гвоздева — что было бы правильнее назвать их в честь Федорова (очевидно, хотя бы потому, что тот не писал таких бестолковых, путаных «репортов»).

А между тем Гвоздев лишь передал то, что он слышал от эскимосов. И то, что он слышал, неправдоподобием ничуть не страдает. Совершенно очевидно, что речь идет о каком-то мысе Североамериканского континента, который в данном, повторяем, достоверном документе, назван Чукотским носом. Речь идет отнюдь не о каком-либо мысе Азиатского континента, эта возможность исключена полностью. Американский житель назвал Чукотским носом какой-то мыс Североамериканского континента. В то время на Аляске никаких официальных лоций не существовало, там имелись свои местные географические названия. Здесь можно высказать только предположение, однако отнюдь не лишенное вероятности. Вполне естественно, что какой-либо мыс, обращенный в сторону полуострова, населенного чукчами, с которыми американские эскимосы постоянно воевали, был назван ими Чукотским носом.

Мы не останавливаемся на других деталях путешествия Федорова и Гвоздева, впервые подошедших к берегам Америки со стороны России и зафиксировавших это географическое открытие в официальном документе, в результате которого появилась карта. Разбор подлинных архивных документов бесспорно подтверждает факт достижения Северной Америки русскими мореплавателями Федоровым и Гвоздевым в 1732 г. Правда, они, по-видимому, не знали, что открыли с северо-запада Новый свет. Но ведь и Колумб (в отличие от Гвоздева, узнавшего через 9 лет, что он был в Америке), как уже упоминалось, не знал, что он открыл не Индию, а Америку.

Все исследователи до настоящего времени единодушно полагают, что судовой журнал Федорова и Гвоздева и карта, составленная на основании этого журнала, если не погибли, то во всяком случае до сих пор не найдены. Нам удалось найти лишь небольшой отрывок из судового журнала Федорова, представ-

ляющий огромный интерес, так как в нем описан момент первого достижения русскими мореплавателями Америки. Что же касается якобы отсутствия карт с трассой пути Федорова и Гвоздева, то от общепринятого мнения сейчас мы можем отказаться. Трудность заключается не в том, что нет карт с трассой пути Федорова и Гвоздева, а в том, чтобы выбрать из множества имеющихся географических изображений их пути достоверные, представляющие документальную ценность. Карты с изображением пути Федорова и Гвоздева можно разделить на следующие категории: 1) уже известные, но основательно забытые, 2) известные, опубликованные карты, на которых трасса пути Федорова и Гвоздева нанесена, но осталась незамеченной исследователями, 3) неизвестные карты и не опубликованные еще, но не представляющие документальной ценности и 4) неизвестные, неопубликованные карты, представляющие документальную ценность.

К первой группе опубликованных и забытых карт относится карта, найденная в рукописях Делиля в Национальном архиве в Париже и опубликованная Ф. А. Голдером в Америке в 1914 г.³⁴ Эта карта представляет собой схематический набросок, сделанный рукой Делиля, надо полагать, на основании его беседы с Берингом. Картой в собственном смысле этот чертеж не является и точность и ценность его весьма относительны. От этого наброска мы перейдем к опубликованной, но не замеченной исследователями, трассе пути Федорова и Гвоздева. Делиль, который имел в руках схему их пути, несомненно, мог отразить его на одной из своих карт. Так оно и было на самом деле. На печатной карте Делиля, изданной в 1752 г. в Париже и хорошо воспроизведенной, между прочим, в капитальном труде Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», нанесен обратный путь русских от Аляски к Камчатке в 1732 г. Что это за русские, которые проделали данный путь? Это могло относиться только к боту «Гавриил» с Федоровым и Гвоздевым. Ближайшее рассмотрение карты показывает, что имя Гвоздева на ней упомянуто и что путь от Камчатки к Чукотскому полуострову и Беринга в 1728 г., и Гвоздева в 1731 г. (на карте ошибка, надо 1732 г.) обозначен одной линией, без деления этих путей. Уже одно это обстоятельство показывает, что трасса пути была нанесена Делилем не по судовому журналу бота «Гавриила», а приблизительно, по описанию, в частности на основании описания Беринга, которое легло в основу первоначальной схемы, составленной Делилем. Таким образом, оригинала карты пути Федорова и Гвоздева у Делиля ни в первом случае, ни во втором мы не находим.

К числу обозначений трасс пути Федорова и Гвоздева относится карта «морского служителя» Филиппа Вертлюгова 1767 г., находящаяся в Центральном государственном архиве древних

актов (карты Иркутской губ., № 56). В легенде карты Филипп Вертлюгов сообщает, что путь Федорова и Гвоздева «нанесен им» по описанию, т. е. не по лагбуху и не по карте. Под описанием же, надо думать, подразумевается какой-либо из «репортов» Гвоздева, возможно учтены и показания Скурихина. Этот схематический набросок ни в какой мере не является достоверной картой похода Федорова и Гвоздева.

Зато несомненный интерес имеет карта, составленная премником Беринга Мартыном Шпанбергом на основании судового журнала Федорова, о чем указано в легенде. Первоначально она хранилась в Топографическом депо. На этой карте показан не весь путь бота «Гавриил», а лишь часть его от Чукотского полуострова к берегам Америки. Обращает на себя внимание, что карта не отразила, возможно, впрочем, и очень небольшого, первоначального движения экспедиции на север. Однако, во всяком случае, несмотря на некоторый схематизм, это единственная известная теперь карта похода Федорова и Гвоздева, составленная опытным навигатором на основании документальных данных — судового журнала Федорова.

Находка этой карты дает новое бесспорное документальное подтверждение достижения русскими мореплавателями Америки в 1732 г.³⁵

Как сообщается в статье «Первый поход русских к Америке в 1732 г.», автором которой является А. Соколов³⁶, Гвоздев оказался составить карту, ссылаясь на недостатки судового журнала, веденного им вместе с Федоровым и хранившегося тогда в Охотске. Но Шпанберг, найдя у себя другой журнал, веденный собственноручно Федоровым, «руки подштурмана Ивана Федорова» «для собственной своей памяти», неизвестно каким путем доставшийся Шпанбергу, «приказал своим штурманам вместе с геодезистом составить по нему карту, которая и была составлена», причем составитель отметил трудность сочинения карты по данному журналу. «Эта карта была доставлена Шпанбергом в оригинале в Иркутскую канцелярию в Адмиралтейств-коллегию, но до нас она не дошла,— пишет А. Соколов,— так же как и журналы». Сто лет назад эту карту не удалось найти А. Соколову. В 1946 г. Л. С. Берг в своей работе «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» подтвердил, что эту карту найти не удалось. Настоящая карта найдена нами в 1947 г. В связи с тем, что ни во время первой, ни во время второй экспедиции Беринга часть Аляски, находящаяся против Чукотского полуострова, этими экспедициями не была посещена, данные Федорова и Гвоздева и после второй экспедиции Беринга оставались единственным источником для суждения о части северо-западного побережья Аляски. Интересна оценка, которую дал карте Гвоздева академик Паллас в 1781 г.: «...достойно примечания,— заявил он,— что означенный на наших старых картах по открытиям

геодезиста Гвоздева берег матерой Американской земли против Чукотского носу нарочито сходствует положением длина и ширины с тем, какое определяет капитан Кук»³⁷.

*

Следующим этапом продвижения на восток явилась вторая экспедиция Беринга.

Проектируя эту попытку продолжить экспедицию, Беринг утверждал, что Америка или какая-либо другая прилегающая к ней земля находится недалеко от Камчатки, в 100—200 милях. Он это выводил из того, что с восточной стороны Камчатки волны меньше, чем на других морях, и что у Карагинского острова он нашел прибитые волнами большие еловые деревья, которых нет на Камчатке.

Во второй Сибирско-тихоокеанской экспедиции принимали участие в разное время профессора и студенты Российской Академии наук, так называемая «академическая команда»: Г. Ф. Миллер — историк, И. Г. Гмелин — натуралист, Г. В. Стеллер, И. Э. Фишер и студенты — в дальнейшем академики А. Д. Красильников, С. П. Крашенинников и др.

Снаряженная «для проводывания Америки» в 1732 г. вторая экспедиция под начальством Витуса (или, как его перекрестили в Сибири, «Витезя») Беринга имела результатом достижение острова Каяк у самого Североамериканского континента. Но Беринг даже не сошел на берег. Он был тяжело болен и вскоре, 8 декабря 1741 г., умер на острове, названном его именем, умер ужасной смертью, заживо засыпанный землей, в подобии могилы, куда лег, чтобы хоть немного согреться. Чириков, отделившийся от экспедиции Беринга, достиг другого острова у Североамериканского континента — под 55°31' северной широты.

Научные и политические результаты второй экспедиции Беринга следует признать огромными. Вопрос о том, «сошлась» ли Америка с Азией, по существу уже был разрешен еще до начала второй экспедиции, и не он явился основным. Основное состояло в том, чтобы установить, где находится Америка, на каком расстоянии от Азии. Эта задача и была выполнена; два пакетбота экспедиции — один под командой самого Беринга, другой Чирикова — порознь достигли Северной Америки и открыли ряд островов Алеутской гряды, а также островов, прилегающих к Североамериканскому и Азиатскому континентам.

Отдельный морской отряд Мартына Шпанберга нашел морской путь в Японию. Экспедиция Шпанберга состояла из трех судов: «Михаил», «Гавриил» и «Надежда». Нанеся на карты Курильские острова, Шпанберг вернулся в Большерецк.

В 1739 г. флотилия Шпанберга из четырех судов, пройдя в том месте, где ожидали встретить несуществующую «Землю

Гамы», посетила Японию. Шпанберг побывал в ряде пунктов Японии (северная часть острова Хондо) и вернулся мимо Мат-мая в Большерецк.

Вальтон, умышленно отделившийся от Шпанберга, 14 июня через 2 дня после Шпанберга, подошел к острову Хондо и поплыл вдоль него к югу, а затем повернул обратно, пройдя мимо многих мелких японских островов.

Второе плавание Шпанберга с целью достичь Японии было предпринято в 1742 г. на только что построенном пакетботе «Св. Иоанн», бригантине «Св. Михаил» и дубель-шлюпке «Надежда». В составе экспедиции были штурманы Хметевский, Верецагин, геодезисты Скобельцын и Гвоздев, морские командиры Ртищев и Шельтинг, ученики японского языка Шенаныгин и Фенев и др.

Дойдя до широты пролива Лаперуза, Шпанберг повернул назад.

В 1742 г. Чириков решил предпринять вторичный поход к Америке «для точнейшего исследования земли, виденной по частям в предшествующее плавание». В море Чириков вышел 25 мая из Авачинской губы. 8 июня он достиг острова Атту и назвал его островом Федора.

Противные ветры и туманы сделали невозможным дальнейшее исследование. Пройдя мимо острова Беринга, Чириков 1 июля вернулся на Камчатку, а в августе был уже в Охотске.

Картографические работы огромного значения на Камчатке и по берегу Охотского моря произвели участники экспедиции геодезист Усленев, мичман Хметевский, гардемарин Юрлов и в особенности штурман Елагин и геодезист Красильников, который определил многие пункты не только на Камчатке, но и в Сибири.

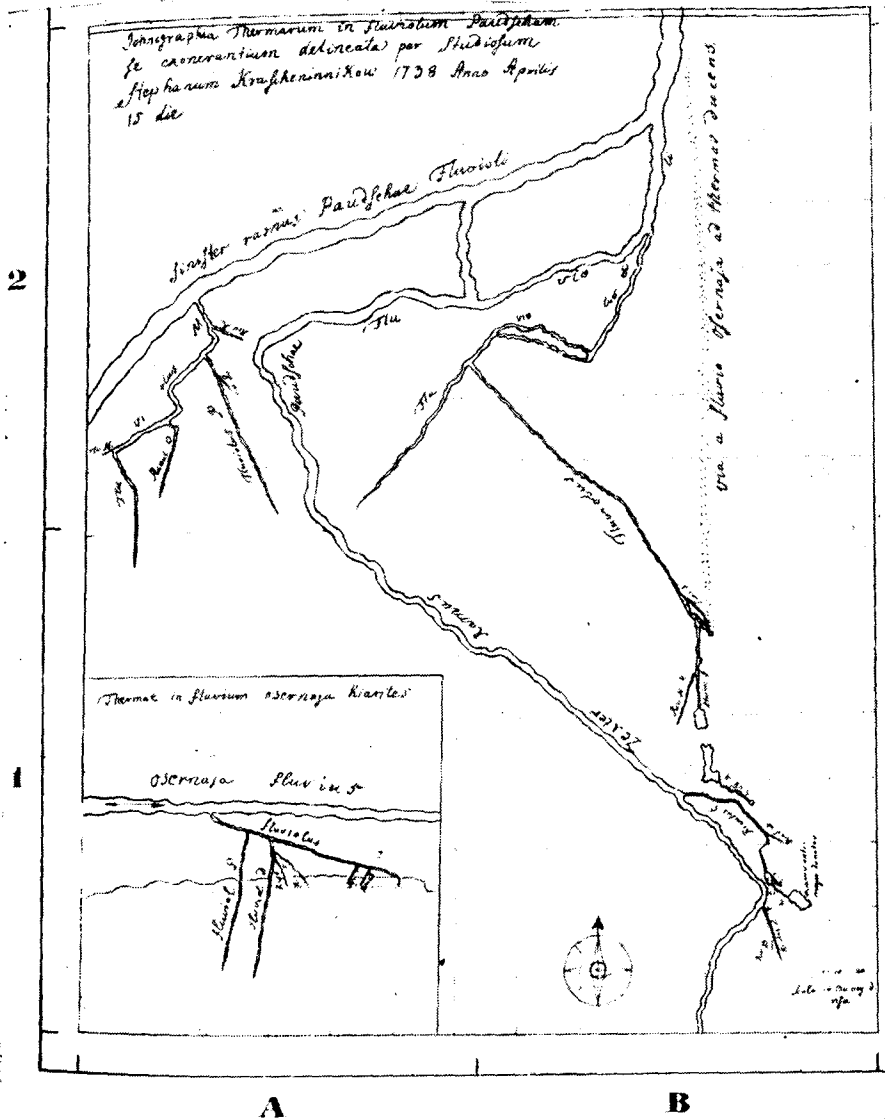
Геодезист Гвоздев и мичман Шельтинг на дубель-шлюпке «Надежда» описали западный берег Охотского моря до устья Амура.

Четыре северных отряда экспедиции обследовали побережье от Архангельска до Анадыря. Они действовали следующим образом.

С 1734 г., в течение 5 лет, лейтенанты Муравьев и Павлов и сменивший их в 1736 г. лейтенант Степан Гаврилович Малыгин, товарищ Чирикова по выпуску из Морской академии в 1721 г. (Малыгин написал книгу «Сокращенная навигация» по Картье-де-Редюксон), прошли путь от Архангельска до Оби, достигнув Березова в 1737 г. Лейтенант Скуратов доставил оба коча экспедиции обратно из Оби в Архангельск (к августу 1739 г.).

Карты района от Архангельска до Вайгача имелись и раньше, но район от Вайгача до Оби положила на карты данная экспедиция.

Участок Обь — Енисей поручили лейтенанту Дмитрию Леонтьевичу Овцыну, из штурманов (Д. Овцын служил еще с Берин-

Карта горячих ключей на р. Паужетке, составленная С. Крашенинниковым.
 В настоящее время на камчатской реке Паужетке строится первая в Советском Союзе термальна́я энергетическая станция

(«Атлас», № 113)

гом и Чириковым в первом плавании к Америке, в 1728 г.). Свой участок Овцын прошел в 1734—1738 гг. За дружбу с семьей сосланного кн. И. А. Долгорукова Овцына разжаловали в матросы. В дальнейшем, он участвовал в экспедиции Беринга — Чирикова и был близок к Чирикову. В 1741 г. Овцыну дали амнистию и вернули прежний чин.

В июне 1738 г. служивший ранее штурманом у Овцына Минин вместе с Стерлеговым вышел из Туруханска, чтобы, обогнув Таймыр, дойти до Хатанги. Стерлегов описал и снял берег от устья Енисея до мыса Фаддея на Таймырском полуострове; путь он прошел на собаках. Минин к 20 августа 1740 г. дошел морем до $75,15^{\circ}$ с. ш., но его остановили льды.

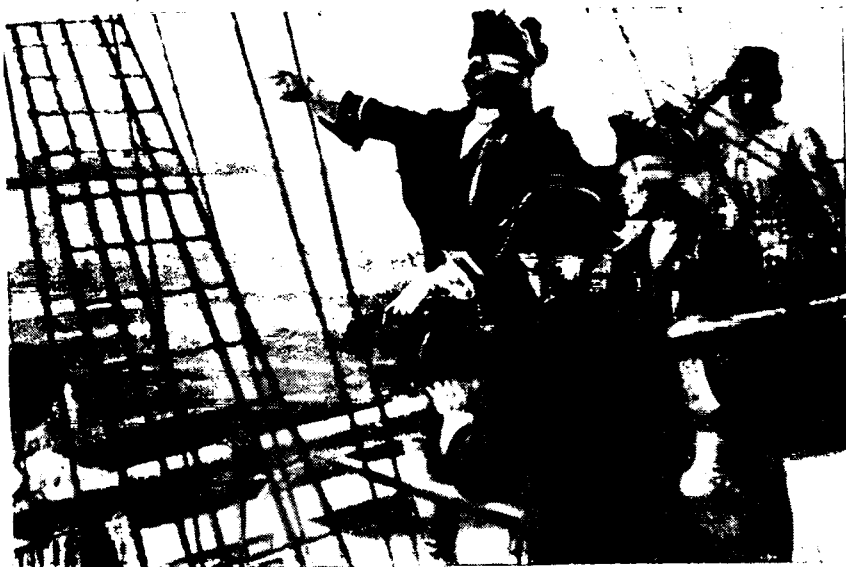
Экспедиции самоотверженно выполняли свои задания и в северных водах Сибири, неся тяжелые жертвы.

Партия Прончищева и Ласиниуса³⁸ построила два судна на Лене. Прончищеву поручили идти на запад до Енисея, а Ласиниусу на восток до Анадыря или даже до Камчатки. Оба судна вышли в поход 8 августа 1735 г. Прончищева в этом походе сопровождала жена. Прончищев умер, не выдержав лишения похода, 30 августа 1736 г. Вскоре после его смерти умерла и его жена. Их похоронили на берегах Оленека. Командование судном после смерти Прончищева принял штурман Челюскин, который в 1737 г. сделал новую и опять безуспешную попытку обойти Таймыр морем, но льды не пропустили судно. Вызванный в Петербург для объяснений, Челюскин получил от Адмиралтейств-коллегии предписание снова повторить попытку, а если таковая не удастся, то пройти Таймырский мыс на собаках и составить его описание и карты. Челюскину предложили вернуться к исполнению своих штурманских обязанностей, а командиром дубель-шлюпки назначили Харитона Лаптева. Лаптев дошел до Хатанги, но его судно зажали льды, и ему пришлось оставить корабль. Потеряв часть экипажа, он вернулся на Енисей, в Мангазею. После этого Лаптев произвел опись р. Енисея от Мангазен до Енисейска.

Трагичной оказалась судьба Ласиниуса, отправившегося на восток от Лены. Он зазимовал в 120 верстах от Лены в устье р. Хариулы, где и умер от цинги. Из 52 человек его команды в живых осталось лишь восемь, в том числе подштурман Ртищев. Вместо Ласиниуса командиром назначили лейтенанта Дмитрия Лаптева³⁹.

У мыса Святого льды остановили Лаптева. Но в 1739 г., в июле, Лаптев сделал новую попытку пройти из Лены морем на восток. 8 августа он дошел до мыса Борхая, 15-го прошел «Святой нос». Недалеко от устья Индигирки его судно остановили непроходимые льды. Команда зазимовала на берегу.

В июле 1740 г. неутомимый Дмитрий Лаптев, исправив повреждения, полученные ботом от льдов, опять двинулся к восто-

А. Чириков у берегов Аляски. Рисунок нашего времени
(Музей Военно-Морского Флота, Ленинград, Б1738)

ку и 4 августа дошел до Колымы. У Баранова камня 14 августа льды остановили бот, и Лаптеву пришлось вернуться на своем судне к Нижне-Колымскому острогу, где он и зазимовал.

В июле 1741 г. Д. Лаптев сделал новую попытку пробиться морем на восток, но ледовые условия сделали невозможным плавание, и ему пришлось вернуться в Нижне-Колымск.

Однако, желая во что бы то ни стало выполнить порученное задание, Д. Лаптев 27 октября 1741 г. опять взял курс на восток, но на этот раз уже не морем, а на собаках, через Чукотский хребет. Его отряд на 45 нартах, соблюдая строгий воинский порядок, благополучно достиг 17 ноября Анадырского острога. Здесь Лаптев построил две лодки и летом 1742 г. ходил вниз по Анадырю для описания этой реки. Осенью он вернулся в Анадырский острог, откуда через Нижне-Колымск направился в Якутск. Чириков командировал Д. Лаптева для донесения о своем путешествии в Петербург.

Заслуги участников отрядов северной экспедиции Прончищева, Челюскина, Малыгина, Дмитрия и Харитона Лаптевых, Ласинуса, Овцына, Минина, Стерлегова и других огромны.

Северные отряды экспедиции Беринга — Чирикова, начав работу в 1734 г., в течение 10 лет прошли от Архангельска до Анадыря и нанесли на карты все побережье Северного Ледовитого

океана, от Вайгача до Анадыря. Два участка пути эти отряды прошли не морем, а на собаках — у полуострова Таймыр между Енисеем и Леной и через Чукотский полуостров.

Но первый из названных двух участков прошли, как мы знаем, неизвестные русские мореходы в начале XVII в., а Чукотку обогнули кочи Дежнева и его спутников в 1648 г.

Таким образом, приоритет морского плавания вдоль всего побережья Северного Ледовитого океана от Архангельска до Камчатки твердо зафиксирован за русскими мореходами.

Тихоокеанские отряды экспедиции в те же годы установили соотношение между Азиатскими и Американским материками и открыли морской путь в Японию с севера, установив соотношение Японских островов и Азиатского материка.

За русскими исследователями остается приоритет и в области картографии. Вся зона от Архангельска к востоку, от Вайгача до Камчатки и Курильских островов нанесена на карты впервые русскими штурманами и геодезистами в XVIII в.

В середине прошлого столетия на страницах русской прессы велась дискуссия о том, чья роль значительнее в открытии Америки со стороны России — Беринга или Чирикова. Но этот вопрос правильно разрешил еще в XVIII в. великий Ломоносов, сказавший, что «Чириков был главным». И действительно, Чириков был главным. И не потому, что он достиг Америки на 1—1½ суток раньше, чем Беринг, но потому, что он еще до первой экспедиции правильно определил местонахождение Америки и указал кратчайший путь к ней. Алексей Чириков отстаивал эту правильную точку зрения и при организации второй части Сибирско-тихоокеанской экспедиции. Наконец, приняв фактическое руководство экспедицией после трагической смерти Беринга, Чириков довел до конца ее научное задание, руководя составлением замечательной карты морского похода обеих групп американской экспедиции (копия этой карты имеется в Центральном государственном архиве древних актов) и других карт. Он учел и результаты похода Федорова — Гвоздева, и данные западноевропейской географической науки, используя всемирный атлас нюрнбергского географа Иоганна Батиста Гомана⁴⁰, основные данные которого по Сибири, впрочем, почерпнуты из русских источников — из карт Ремезова, Ивана Львова и Ивана Кирилова, а также и других, и обогатил науку новыми достижениями. В частности, составленная Чириковым карта морского похода 1741 г. является первой в мире, где Северная Америка показана на основании конкретных данных не как «Большая земля» или «Большой остров», а именно как Северная Америка⁴¹.

Великие заслуги Чирикова не получили еще должного признания. А между тем в XVIII в. Ломоносов весьма высоко оценил их. В XIX в. выдающийся историк своего времени, изучавший историю русского флота, А. П. Соколов писал: «Назначен-

Дорогой вышнейший Гурь Маттиашин
Поступил в службу Гурь Уша. Вечно
набирал в школу Маттиашинно
на вышнейшей науке. Прошло
гину Маттиашинное науке вострая
Хелав

Все Маттиашинны Гурь перешел в школу
владетельства вли Гурь на сь вали
рабство. Какъ вали Готтиссид
Поттоса. Влишю Маттиашинно
на вышнейшей науке вострае

Влишю владетельства на вышнейшей раб
и доктори Маттиашинны сь Гуринно
Ландав. Какъ сь Гуринно Гуря
Вд Гуринно Гуря. Сь Гуринно Гуря
Гуринно Гуринно Гуринно Гуринно

Влишю Гуря
Поттоса

Многие темные головы и сь Маттиашин
на вышнейшей науке. Какъ Гуря

ный ему [Берингу] в товарищи плавания бывший младшим офицером в первой экспедиции, теперь капитан Алексей Ильич Чириков был лучшим офицером своего времени, краса и надежда флота. Умный, образованный, скромный и твердый человек»⁴².

Как показал советский историк В. А. Дивин в своей интересной книге, А. И. Чириков был не только замечательным мореплавателем, но и крупным ученым⁴³.

Оставленный при Морской академии после ее окончания в 1721 г., Чириков подготовил 140 морских офицеров различных специальностей. Он был одним из первых профессоров военноморских учебных заведений в России. О его выдающихся научных заслугах в экспедиции мы уже говорили.

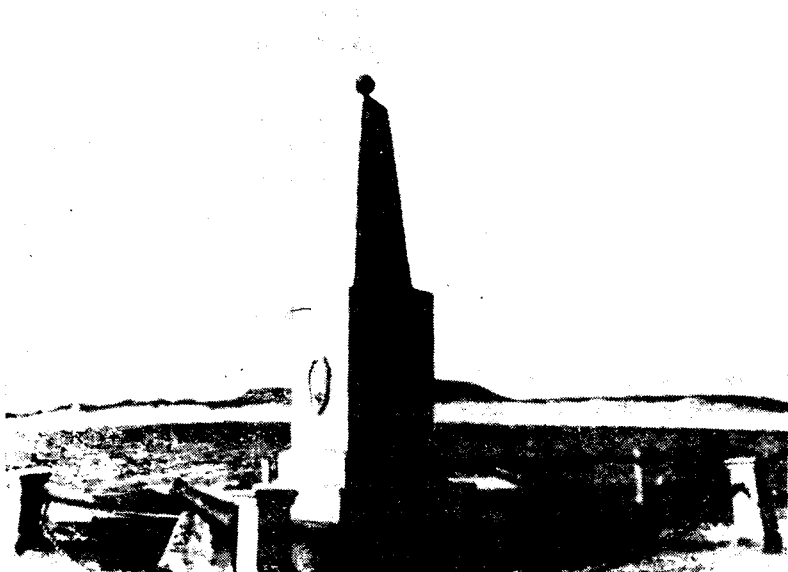
Человек выдающихся моральных качеств, преданный сын своей родины, передовой человек своего времени, всячески поддерживавший разжалованного по политическим причинам Овцына, А. И. Чириков пользовался общей любовью членов экспедиции. По окончании экспедиции Чириков до 1746 г., больной проживал в Енисейске. В 1746 г. он прибыл в Петербург. Сначала в апреле его определили присутствующим в академическую экспедицию, а в мае того же 1746 г. присутствующим в Москве в конторе Адмиралтейств-коллегии. Умер он в конце 1748 г. в Москве в чине капитана-командора от туберкулеза, полученного им во время трудных походов.

Жизнь и деятельность русского мореплавателя А. И. Чирикова должна быть освещена в специальном исследовании.

Насколько мало мы знаем о А. И. Чирикове, видно хотя бы из того, что до самого недавнего времени оставалась неизвестной даже дата его рождения. Нам удалось найти в Ленинграде архив Математико-навигационной школы и Морской Академии с личным делом А. И. Чирикова — ученика Математико-навигационной школы. Из документов видно, что Чириков родился в 1703 г., происходил из мелкопоместных дворян. Отец его служил в Киеве комендантом, а «дворами» владел в Московской, Тульской и других губерниях центральной России.

В архивах нам удалось найти и неизвестные ранее важные документы, освещающие научные заслуги Чирикова, а именно итоговые карты всех русских экспедиций в Сибири и на Тихом океане, составленные Чириковым в 1746 г. Подлинные журналы и карты Сибирско-тихоокеанской экспедиции были посланы в Якутск, а оттуда в Тобольск. Полагают, пишет А. П. Соколов, что эти документы были уничтожены в 1887 г. в Тобольске пожаром⁴⁴.

Нам удалось установить, что по крайней мере часть подлинных карт экспедиции Беринга — Чирикова находится в настоящее время в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве, в фонде «Военно-ученый архив».

Памятник на могиле Берига
(Музей Военно-Морского Флота, Ленинград, № 23039)

Памятник В. Бернгу в Петрозаводске
(Музей Военно-Морского Флота, Ленинград, № 7335)

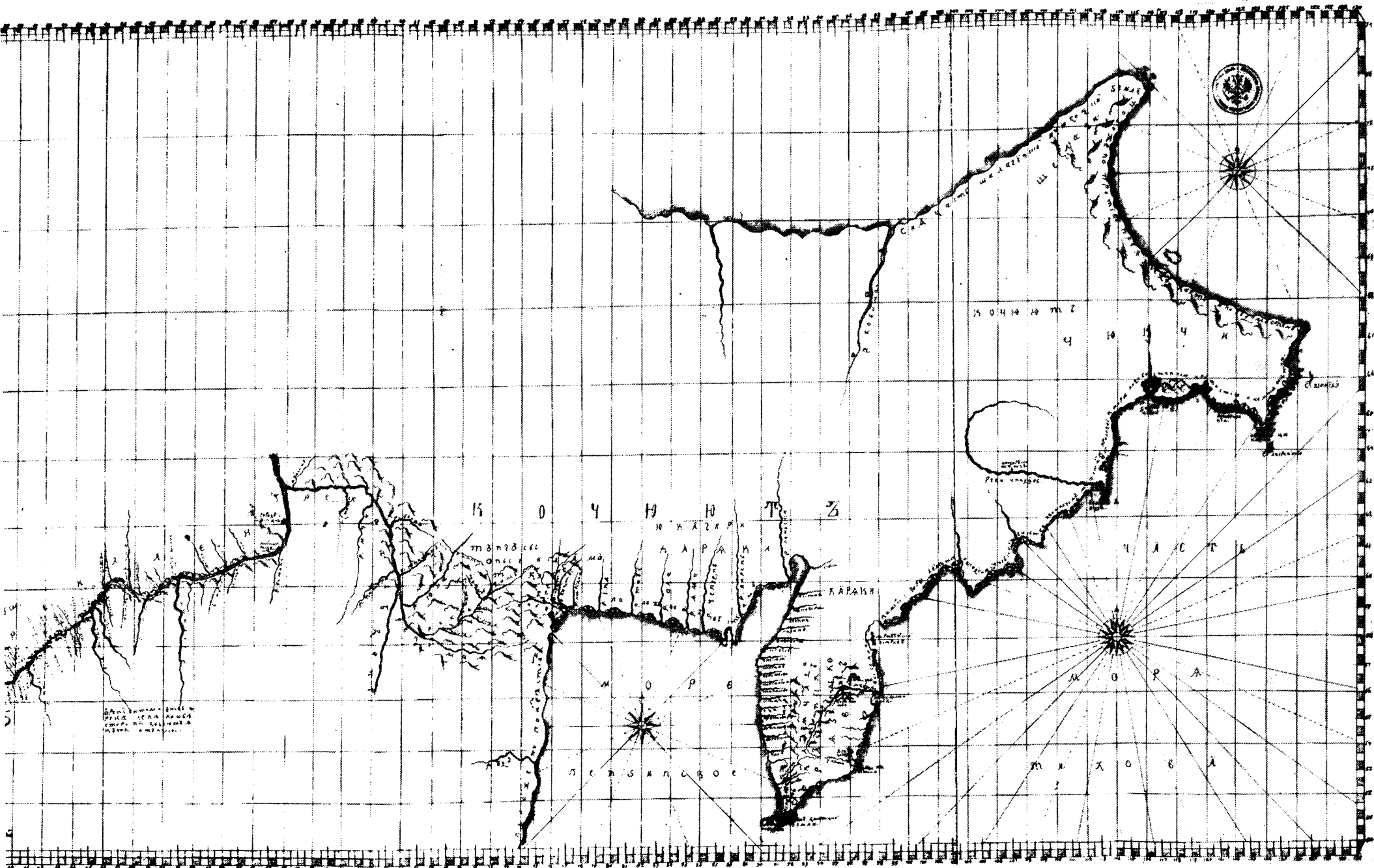

Бомба и граната, найденные при раскопках на острове Беринга
(Музей Военно-Морского Флота, Ленинград, Б2898)

Интересна неизвестная ранее исследователям карта Чирикова, которая относится примерно к 1746 г. На этой карте, прекрасно сохранившейся и хорошо иллюминированной, собственноручно подписанной флота капитаном Алексеем Чириковым, четко очерчены те области моря и суши, которые стали уже известны и были нанесены на карты, и те области, которые оставались еще неизвестными. Эта карта — драгоценный документ. На ней подытожены научные результаты всех русских экспедиций до второго этапа Сибирско-тихоокеанской экспедиции включительно. Из легенды карты видно, что она составлена почти исключительно на основании русских карт, являющихся результатами русских экспедиций на Тихом океане. Особенно интересна эта карта потому, что в свое время ее результаты не были известны ученым. Так, например, Г. Ф. Миллер, составляя свою итоговую карту русских открытий на Тихом океане в 1754 г., не имел доступа к этой карте и не мог ее использовать.

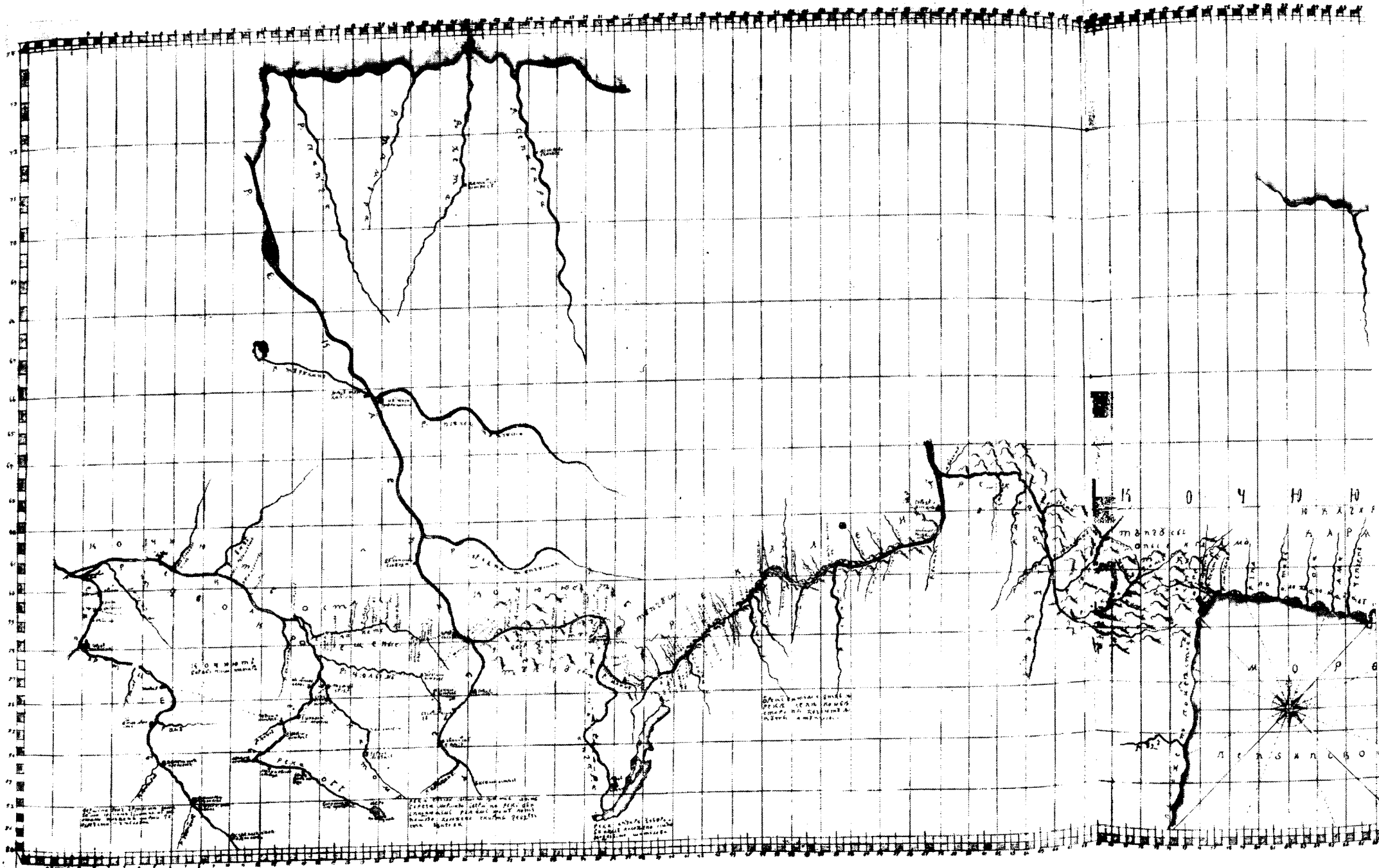
С этой картой тесно связана другая карта, составлявшаяся в Морской академии при непосредственном участии А. Чирикова и законченная в мае 1746 г. Она «положена» «на разделении меркаторском». В ней использованы: до Тобольска Атлас Российский, т. е. Атлас Российской Академии наук 1745 г., а к востоку от Тобольска карты первой и второй Камчатской экспедиции, карты Д. Лаптева, карта из атласа И. Б. Гомана (некоторая часть западного берега Америки) и Делиль де ла Кройера, карты Беринга, Чирикова, Вакселя и Хитрова, Шпанберга, Ртищева и Шельтинга и геодезиста Гвоздева. Сочинена эта карта «по определению Адмиралтейств-коллегии». Судя по характеру карты — это оригинальный рабочий экземпляр. Повреждение огнем, возможно, нанесено ей в Тобольске при пожаре архива в 1887 г.

Большой интерес представляет и то, что в карте использована считавшаяся ранее погибшей карта Федорова — Гвоздева —

Описи Северных берегов Сибири и кочевья остяков, тунгусов, якутов, юкагиров, каряков, камчадалов, разных языков и чукчей от Иртыша до части Шелагинской Чукотской земли. Подписано: П. Чаплин. Рукописный подлинник

(ЦГАДА. Карты Иркутской губ., № 7. Публикуется впервые)

Описи Северных берегов Сибири и кочевья остяков, тунгусов, якутов, юкагиров, каряков, камчадалов, разных языков и чукчей от Иртыша до части Шелагинской Чукотской земли. Подписано: П. Чаплин. Рукописный подлинник

(ЦГАДА. Карты Иркутской губ., № 7. Публикуется впервые)

Kabupaten
Uluwu
Sembur

Kawalangan
na naka jawa
Ampana

Uluwu

Kaya dijat

Karak

ikibnaga

Tara belina

Kitiga

Mijana

Wafka

Kaganin

Johor

Uluwu

Шпанберга. Сличение карт Чирикова, карт Морской академии, затем найденной нами карты Федорова — Гвоздева — Шпанберга указывает на полную идентичность данных этих карт.

Для датировки карт, составленных Чириковым, важно то, что он в 1746 г. писал в рапорте, поданном в Адмиралтейств-коллегию о том, что во время двух камчатских экспедиций «открылось на малой части земноводного глобуса много земель и островов, о которых до упомянутого времени не было известно, а ныне яственно показывает поданные Адмиралтейств-коллегии упоминаемой экспедиции от морских офицеров карты»⁴⁵.

Как установил В. А. Дивин, 6 марта 1744 г. Правительствующий сенат вызвал Чирикова в Петербург. 29 июня 1745 г. Чириков сдал дела и только 13 марта 1746 г. прибыл в столицу.

Таким образом, обе данные карты могут быть датированы только 1746 г., потому что Чириков в 1746 г. был произведен в капитан-командоры, а карта подписана им «флота капитан А. Чириков».

С экспедициями Беринга — Чирикова связано не только создание Атласа Российского 1745 г., но и карт этой Академии 1754—1758 гг., а также карт, приложенных к труду С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», изданному впервые Академией наук в 1755 г.

До недавнего времени исследователям не удалось использовать серию карт, составленных Российской Академией наук в 1754 г. и опубликованных с небольшими дополнениями к изданию 1756 г. в 1758 и в 1773 гг.

Эта серия карт 1754 г. отражает процесс подготовки итоговой карты о русских географических открытиях, составленной Академией наук для опубликования на русском и иностранных языках под руководством Г. Ф. Миллера. В картографическом фонде Академии наук эти карты 1754 г. вообще отсутствуют. Впервые они были обследованы нами, и было установлено, какие изменения внесены в карты между 1754 и 1758 гг. Изменения эти в общем незначительны, и обоим вариантам карт присуща общая черта: в них не были использованы данные сводных карт Чирикова и Адмиралтейств-коллегии, которые в то время были недоступны для Г. Ф. Миллера.

Чрезвычайно интересен корректурный оттиск карты 1754 г., на котором сделана правка рукой Миллера. В частности, на том участке карты, где он воспроизвел данные своей же карты, составленной на основании отписок Дежнева, Миллер внес в корректуру надпись (на французском языке): «Морской путь в давние времена, часто посещавшийся. Поход, сделанный морским путем в 1648 г. на трех судах, из которых одно дошло до Камчатки». Эта надпись подтверждает использование Миллером данных Дежнева, а самая карта показывает, как сведения Дежнева, на основании которых Миллер составил карту, помещенную нами

выше (с латинским текстом), были перенесены на карту, изданную Академией наук на русском и иностранных языках в 1758 г.

В 1745 г. вышел Атлас Российский из 14 карт с генеральной (помимо 14) картой Российской империи. В основу его легли карты, составленные русскими геодезистами. Работа над ними продолжалась 19 лет. По поводу данного атласа Эйлер в 1746 г. писал, что этим трудом география российская «приведена гораздо, в исправнейшее состояние нежели география немецкой земли»⁴⁶.

В другом месте Эйлер отмечал, что русский атлас лучше атласов, составленных во всех других странах, исключая Францию.

Остановимся теперь на картах, опубликованных в изданном Академией наук в 1755 г. классическом труде С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки».

Судя по характеру карты Камчатки, приложенной к первому изданию, и по содержанию книги и предисловия к ней, написанному, как известно, Г. Ф. Миллером, можно предположить, что автором карты является С. П. Крашенинников. Не исключено участие в ее составлении и Стеллера. Карта эта представляет большую ценность, так как дает детальный план течения р. Камчатки, разделенной на пять отрезков, данных параллельно, причем каждый следующий отрезок является продолжением предыдущего. На карту нанесены населенные пункты, притоки Камчатки, озера и т. п. Кроме того, отдельно даны планы горячих ключей, впадающих в камчатские реки.

Карты «Курильских островов с около лежащими местами» и «Земли Камчатки с около лежащими местами» хотя и были приложены к первому изданию труда Крашенинникова и весьма возможно сделаны с его участием, однако принадлежат не Крашенинникову. Это можно заключить из предисловия Г. Ф. Миллера к труду С. П. Крашенинникова. Сначала в этом предисловии говорится о смерти Крашенинникова 12 февраля 1755 г., после того как был отпечатан последний лист его книги, а затем сказано, что «для лучшего разумения» географических известий, находящихся в труде Крашенинникова, было решено приобщить к этому труду две ландкарты Земли Камчатки с окрестными странами. При этом Миллер замечает, что эти карты Камчатки и соседней части Сибири более полны и достоверны, чем карты, напечатанные раньше в Атласе Академии наук.

Далее сказано, что сочинитель этих карт намерен в будущем выступить с доказательством этого. Поскольку Крашенинников ко времени выхода книги уже умер, он не может являться автором данных двух карт.

Кто же автор этих двух карт? Во-первых, рассмотрение карт показывает, что это не две карты, а одна, разрезанная на две части. Во-вторых, обращает на себя внимание то, что автор предисловия Миллер хорошо осведомлен о дальнейших намерениях автора данной карты. Это позволяет предположить, что автором

или, во всяком случае, руководителем составления карты является сам же Г. Ф. Миллер. Это предположение получает полное подтверждение при сопоставлении карты с корректурными печатными оттисками и рукописными вариантами академической карты «Русских открытий на Тихом океане», составленной под руководством Г. Ф. Миллера в 1754 г. и опубликованной Академией наук с небольшими дополнениями в 1758 г.

Помещенная в труде Крашенинникова карта, состоящая из двух частей, является несколько переработанной деталью академической карты 1754—1758 гг. и в то же время некоторыми своими элементами могла повлиять на окончательную редакцию карты 1754—1758 гг.

Характерно, что в данной карте не использованы карты Чирикова и Морской академии, так же как они не были использованы в картах Академии наук.

Обращаясь к вопросу об источниках данной карты, приходится сделать заключение, исходя из замечаний Крашенинникова во вводной части его труда, что в ней использованы результаты, полученные академической командой на Камчатке и прежде всего самим Крашенинниковым, а также результаты двух экспедиций Беринга — Чирикова (во время второй экспедиции значительные картографические работы на Камчатке проделал штурман Иван Елагин).

Разумеется, были учтены результаты, полученные Евренновым, Козыревским и другими, но с существенным дополнением и уточнением их.

Только сопоставляя карты, приложенные к труду Крашенинникова, с предшествующими картографическими работами, можно оценить огромное научное значение картографической работы Крашенинникова и всей академической команды, входившей в состав Камчатской экспедиции.

Научно-политическое значение результатов русских тихоокеанских экспедиций первой половины XVIII в. было так велико, что иностранные правительства стремились выведать их всеми правдами и неправдами.

Немалое внимание уделило Камчатской экспедиции английское правительство.

Узнав о больших русских экспедициях по обследованию северо-восточного прохода и северной части Тихого океана, англичане стали посылать одну за другой экспедиции для открытия северо-западного прохода. В 1737 г. по поручению Гудзонской компании капитан Кристофор Мидльтон исследовал Гудзонский пролив. Однако он не нашел из него выхода на запад. В 1741 г. Мидльтон был послан во вторую экспедицию с этим же заданием, но вернулся с тем же неуспехом. Подобные неудачные попытки англичане продолжали до 1746 г., когда в этих поисках наступил значительный перерыв.

После второй русской Сибирско-тихоокеанской экспедиции в 1745 г., английский парламент назначил премию в 20 тыс. фунтов стерлингов за открытие северо-западного прохода вокруг Америки. В 1746 г. он послал с этой целью экспедицию, не имевшую, впрочем, успеха, как и все предыдущие. Но англичане применяли еще и другие методы. Об этом свидетельствует документ, который хранится в Лондоне, в английском правительственном архиве Public Record Office в фонде Россия, под № 54⁴⁷.

Этот документ оборван на самом интересном месте, но и то, что напечатано, заслуживает внимания. Сообщается, что лорд Джон Гиндфорд, британский чрезвычайный полномочный посол в Петербурге, писал в Лондон статс-секретарю по северным делам лорду Филиппу Дормер-Стенгопу Честерфилду, дипломату и в то же время известному писателю: «Во исполнение моих первых инструкций я постарался узнать, какие именно открытия сделало здешнее правительство в северо-восточной окраине России, и мне посчастливилось достать копию журнала и карту знаменитого капитана Беринга, который взял на себя исследование Камчатского берега и острова, лежащих по направлению Японии; я надеюсь быть в состоянии послать их Вашему сиятельству со следующим курьером; но это надо держать в секрете, ибо если Чернышев узнает об этом (речь идет о графе Петре Григорьевиче Чернышеве, чрезвычайном русском после в Лондоне.— А. Е.), весьма многие будут отправлены отсюда заканчивать свои дни в той стране...». Далее следует многоточие. В Англии сочли неудобным опубликование конца этого документа. Однако и то, что опубликовано, свидетельствует о том, что географические сведения, добытые русскими, просачивались в Западную Европу и через нелегальные каналы, как, например, в данном случае, когда карта Беринга была похищена английским послом подобно тому, как в свое время карта Годунова была похищена почти одновременно двумя шведскими шпионами.

В своем стремлении похитить русские карты и рукописи, относящиеся к новым русским географическим открытиям, с англичанами состязались французы, причем масштаб деятельности французских агентов был, как мы сейчас увидим, весьма значительным.

На этом надо остановиться подробнее в связи с деятельностью иностранного «ученого консультанта» второй беринговой экспедиции французского астронома и географа Жозефа Николя Делиля.

С враждебной деятельностью иностранных агентов связано и то, что замечательные русские географические открытия на Тихом океане в свое время замалчивались или извращались иностранцами. Так, Ж. Делиль без разрешения русского правительства опубликовал в Париже в 1752 г. карту с итогами русских экспедиций, в которой он даже вовсе не показал похода Беринга, а

все открытия на Тихом океане приписал мифическому адмиралу де Фонте и своему брату (от другой матери) Делилю де ла Кройеру, известному участникам Камчатской экспедиции как круглый невежда, спекулянт и пьяница. Лишь между прочим Ж. Делиль обмолвился о Чирикове. Ж. Делиль неверно указал направление экспедиции и на своей карте совершенно запутал ее результаты, он же упорно срывает порученную ему работу по составлению Атласа Российского.

В связи с особой ролью Ж. Н. Делиля придется упомянуть о четырех Делилях. Клод Делиль (отец — французский географ и историк, 1644—1720 гг.) издал в Париже в 1718 г. «Атлас исторический и генеалогический». Он же участвовал в написании всемирной истории до 1714 г. Его старший сын Гийом де Лиль, географ (1675—1726 гг.) издал всемирный атлас (в 1700—1714 гг.)⁴⁸, в котором впервые дал более верные пропорции, уменьшив ширину Средиземного моря и Азиатского материка. В 1718 г. он получил звание первого королевского географа. У Гийома де Лилиа был побочный сын Филипп Бюаш.

Жозеф Николя Делиль (1688—1768 гг.), французский астроном и географ, был братом Гийома. В 1710 г. Ж. Делиль устроил обсерваторию в Париже, в Люксембургском дворце. В 1714 г. он вступил во Французскую Академию наук. В 1724 г. путешествовал в Англии, а в 1726 г., по приглашению Екатерины I, отправился в Россию, где жил до 1748 г.

Луи Делиль де ла Кройер, сын Клода Делиля от первой жены, по имени ла Кройер, готовился к духовному званию, а затем провел 17 лет в качестве французского офицера в Канаде. Сейчас же после этого он направился в Россию. Тогда Ж. Делиль представил справку о том, что Делиль де ла Кройер был адъютантом Французской Академии наук. Этот Луи Делиль де ла Кройер, возможно, как-то был связан с французским морским министерством, потому что его рукописи до настоящего времени хранятся в Париже в Депо морского министерства.

8 апреля 1750 г. Ж. Н. Делиль, вернувшийся во Францию, прочитал в королевской Академии наук доклад о последних английских попытках найти северо-западный проход и об экспедиции де Фонте (с ее мнимыми открытиями).

Г. Р. Вагнер отметил, что для него остается загадкой, какие собственно отношения имели «открытия Фонте к русским открытиям»⁴⁹. По мнению Вагнера, карта, которая была приложена к рукописи Жозефа Делиля, была вычерчена Филиппом Бюашем. Эта карта была впервые опубликована Делилем в 1752 г. под названием «Карта новых открытий на севере Южного моря». Карта эта гравированная, размером 63,7×45,5 см, в сферической проекции, с пояснениями Делиля (в основном эти пояснения касались избранной проекции)⁵⁰.

В ноябре 1752 г. карта была переиздана с некоторыми измене-

ниями под заглавием «Генеральная карта открытий генерала де Фонте». Следующее ее издание относится к 1753 г.

В том же 1753 г. карту «открытий адмирала де Фонте» опубликовал Филипп Бюаш в «*Considérations géographiques*». Эта карта отличается, как указывает Вагнер, от карты, опубликованной Делилем. Она еще более фантастична, чем карта Делиля.

Как только карта Делиля появилась в печати, она подверглась нападкам со всех сторон, в частности со стороны Джона Грина в Лондоне в 1753 г., Бюриеля в Мадриде в 1757 г., Ж. Н. Боллена в Париже⁵¹. Как показала критика в XVIII в., карта Делиля даже не соответствовала мифическим данным де Фонте. На этой карте расхождение с данными де Фонте в одном случае составило 10°.

«Забавные абсурдности, допущенные обоими — Бюашем и Делилем,— составляют наиболее интересный эпизод в воображаемой географии северо-западного побережья Америки»⁵²; к такому выводу пришел в 1937 г. Генри Р. Вагнер.

Этот ученый оценил странные до нелепости экскурсы Жозефа Делиля как «забавные абсурдности». На самом деле махинации Делиля, производившиеся им под флагом науки, имеют другое объяснение.

Остановимся подробнее на карте Ж. Н. Делиля, опубликованной, как мы знаем, в 1752 г. в Париже без разрешения русского правительства. Делиль не по-хорошему расстался с Российской Академией наук, будучи отрешен от работы в ней, и потом написал дерзкое письмо из Парижа, окончательно порвав с Петербургом.

Название упомянутой выше карты Делиля таково (текст на французском языке): «Генеральная карта открытий адмирала де Фонте и других мореплавателей: испанских, английских и русских. Составил месье Делиль из королевской Академии наук, профессор математики в Королевском колледже. Париж, сентябрь 1752 г.»

Эта карта опубликована после экспедиции Беринга. Честь открытий, оказывается, принадлежит адмиралу де Фонте и лишь затем другим мореплавателям. Каким? Оказывается, испанским, английским и только на третьем месте — русским.

Во-первых, неслыханной фальсификацией истории является заглавие этой карты, как карты открытий французского адмирала де Фонте. «Эти «открытия» вообще не имеют права на такое название. Они нанесены на карту для того, чтобы заслонить этими мнимыми «открытиями» подлинные достижения русской науки.

Во-вторых, поражающим является то, что на карте не показана трасса пути Беринга, а показан лишь путь в Америку и обратно «капитана Чирикова и месье Делиль де ла Кройера» в июне и июле 1741 г.⁵³

Что касается восточного сектора карты, то на нем показано несуществующее море, якобы открытое Жуаном де Фука в 1592 г., со столь же несуществующим архипелагом островов на нем. Вместо того, чтобы показать архипелаг Алеутских островов, открытый экспедицией Чирикова — Беринга, Делиль нанес на карту фантастический архипелаг св. Лазаря, якобы открытый де Фонте на месте, где он не существует. Абсолютно фантастическим является громадное озеро капитана Бернарда, будто бы посланного де Фонте на север и открывшего это озеро. Показано фантастическое озеро де Фонте, через которые якобы можно при помощи рек и каналов попасть в Гудзонов залив и в Атлантический океан. Нанесен даже большой канал между озерами Бернарда и Красивым озером, неподалеку от озера де Фонте.

Вся эта галиматья понадобилась недостойно использовавшему науку Жозефу Делилю для того, чтобы попытаться отрицать приоритет русских великих географических открытий.

Дадим краткую справку о том, как появились на свет карты с мнимыми «открытиями» де Фука и де Фонте, рекламировавшем которых столь усердно занялся Жозеф Делиль.

В 1592 г. грек Жуан де Фука, находившийся на испанской службе, был якобы послан мексиканским вице-королем на маленьком судне для отыскания пути в Индию. Де Фука утверждал, что, пройдя мимо Калифорнии, он нашел на широте 47—48° глубокий залив большой ширины. 20 дней, по его сообщению, де Фука плыл по этому заливу между островами. Как известно, такого внутреннего моря в Америке не существует.

В научной литературе высказано мнение, что де Фука не только не сделал открытий, но что и вообще такой экспедиции не было. Генри Р. Вагнер находит, что вообще нет никаких данных о том, что испанцы посылали какую-либо экспедицию вдоль северо-западного берега Америки в 1592 г.

Через 50 лет, в 1640 г., перуанский и мексиканский вице-адмирал Бартоломей де Фонте получил от испанских властей задание отправиться к северо-западным берегам Америки и перехватить английские корабли, которые по полученным сведениям были отправлены из Бостона для открытия северо-западного пути в Индию. Выйдя 3 апреля 1640 г. из Лимы, вице-адмирал достиг южного мыса Калифорнии. Он послал один корабль проверить, остров ли Калифорния, а с двумя остальными отправился делать открытия на севере. Он якобы открыл большую реку Лос Рейс на широте 53°, а затем плавал какими-то внутренними морями, проливами, озерами, пройдя мимо множества островов.

Открыв будто бы большой архипелаг св. Лазаря и плывя далее по внутренним рекам и озерам Америки, де Фонте, поскольку ему было приказано встретить бостонский корабль, действительно встретил его, если только ему верить. Сомненно вызывает то обстоятельство, что бостонский корабль должен был прийти

навстречу де Фонте по суше, так как никакого внутреннего водного сообщения между Бостоном и Тихим океаном через центральную зону Североамериканского континента, как известно, не имеется. Один этот факт — встреча с бостонским кораблем, который совершил большое путешествие по суше, рисует, мягко выражаясь, некоторую склонность испанского вице-адмирала к преувеличениям. Такими же преувеличениями являются его географические «открытия», которые широко рекламировал Делиль.

В настоящее время даже некоторые буржуазные зарубежные историки полагают, что трактат об открытиях де Фонте был мистификацией, учиненной, по одной версии, редактором английского журнала «*Montly Miscellany*» Джеймсом Питалером, по другой — Джонатаном Свифтом или же Даниэлем Дефо⁵⁴.

Лжеоткрытия де Фуки и де Фонте были пущены в ход Жозефом Делилем в качестве враждебной диверсии в отношении подлинных географических открытий русских путешественников и мореплавателей. У этого факта имеется свое объяснение.

О Жозефе Николя Делиле много писалось и в дореволюционное, и в советское время, и иногда его деятельность подвергалась резкой критике, но должной оценки она в целом до недавнего времени не получила. Между тем еще в 1931 г. в одном советском издании, а именно в первой части изданных на украинском языке в Киеве материалов по истории Украины XVIII в., в капитальной работе известного географа и историка Вениамина Александровича Кордта⁵⁵, сообщены весьма примечательные сведения о Делиле, которые до недавнего времени еще не были общим достоянием науки, поскольку не нашли отражения в обобщающих работах.

Между тем факты, приведенные в тщательном исследовании Кордта, настолько красноречивы и значительны, что мимо них пройти нельзя.

В § 18 предисловия к картографической публикации, где изложена история составления Атласа Российской Академии наук, изданного в 1745 г., о Делиле рассказывается следующее:

В 1725 г. российский посол во Франции В. И. Куракин заключил соглашение с членом Парижской Академии наук Жозефом Николя Делилем, который был приглашен на 4 года на должность астронома при Академии наук в Петербурге, куда Делиль и прибыл 22 февраля (5 марта) 1726 г. Оборудовав обсерваторию, Делиль 16 февраля 1728 г. подал в Академию свой план составления карт России.

Работа Делиля шла крайне медленно. Он объяснял это тем, что ему приходится переводить на французский язык все без исключения посланные ему из сената карты. Делиль сумел получить 34 карты и из канцелярии главной артиллерии, в том числе большую генеральную карту России. Между тем Кирилов в 1734 г. издал свой атлас.

В октябре 1739 г. при Академии был основан Географический департамент под непосредственным наблюдением президента Академии наук Корфа. Департаментом заведовал Делиль. В частном письме к графу Остерману Корф пояснил, что одна из причин организации Географического департамента — это недоверие к Делилю, который, как выяснилось, делает для себя копии всех карт и, может быть, хочет использовать их для своих частных целей.

Корф приказал хранить карты особым лицам и выставил условие, чтобы в составлении карт принимали участие и русские геодезисты, как и раньше.

В 1740 г., воспользовавшись командировкой Делиля в Обдорск с заданием астрономического характера, Академия наук избавилась от Делиля в качестве заведующего Географическим департаментом. 31 июля в главе этого департамента поставили Эйлера, которого затем заменил Гейнзиус.

Вернувшись из Обдорска в начале 1741 г., Делиль потребовал, чтобы ему одному было поручено руководство всей географической работой в России. 1 июня 1741 г. он подал графу Остерману проект основания для этой цели географического бюро, непосредственно подчиненного только царскому кабинету. Но проекту Делиля не дали хода и самого Делиля к работе по составлению атласа в Географическом департаменте не допустили.

О том, как Делиль относился к порученному первоначально ему заданию, свидетельствует письмо Шумахера от 2 августа 1742 г. Там рассказывается, как президент Академии Блументрост в 1726 г. поручил Делилю сочинение генеральной карты России на основании собранных новых местных материалов. Делиль весьма охотно взял на себя это поручение и обязался сочинить генеральную карту. «Хотя ему к такому намерению и все дано было, чего он ни требовал, однако ж один год за другим проходил напрасно, а в самом деле ничего на свет не происходило. Иногда делал он такой, а в другое время иной прожект, для одного токмо продолжения времени и для получения корыстных своих намерений. Ибо хотя прожект о размеривании земли сам собой и не бесполезен, однако ж Делиль притом больше смотрел на требованное им двойное жалование и генерал-майорский ранг, нежели на исправление географии».

Как мы дальше увидим, Делиль получал на самом деле не двойное, а четверное жалование. Кроме двойного жалования в России, он получал еще двойное жалование и во Франции.

«Итак, когда ясно усмотрено было, что время и иждивение напрасно пропадают, притом и то в рассуждение принято, что профессор Академии наук Бернулли в публичной компании сказал, коим образом он удивляется, что с ланд-картами не осторожнее поступают: потому что профессор Делиль, снимая с них копии, посылает оные во Францию».

При этом Бернулли упомянул, что карта первого путешествия Беринга, кем-то похищенная, была напечатана во Франции и издана там через англичанина Дюгальда. Таким образом, карту Беринга украл не только английский посол в Петербурге, но одновременно и какой-то французский агент.

Барон Корф — президент Академии наук донес обо всем этом государыне, которая вынесла своеобразное решение: «Приказать, чтобы за Делилем крепко присматривать и при сочинении генеральной карты сделать такое учреждение, чтобы все подлоги пресечены, а самое бы дело с успехом произведено было».

В. А. Кордт документально установил, что Делиль пересылал в Париж карты целыми ящиками, причем, например, в марте 1743 г. он присыл полномочного министра, т. е. посла Франции в Петербурге графа Далиона, «надежным и секретным образом», использовав права дипломатической почты, отвезти три больших пакета с картами России и рукописями, также относящимися к России, в Стокгольм, французскому послу в Швеции, а через французского посла в Швеции переслать их де Мезельеру — морскому министру в Париже, а часть карт передать лично королевскому библиотекарю. Делиль посылал карты не обычным путем, а, использовав права дипломатического представителя, в качестве секретного материала. Это доказывает, что он не имел права этого делать и карты пересылались для нелегальных целей.

22 августа 1754 г. заведующий отделом рукописей королевской библиотеки сделал запись о том, что от Делиля получено 190 карт и рукописей и что они приняты в королевскую библиотеку. Другая же часть карт и рукописей Делиля хранилась в депо морских карт морского министерства Франции. Небезынтересно, что за все время пребывания в России Делиль числился в штате Депо морских карт в качестве астронома-географа французского флота, получал 3 тыс. франков в год и, кроме того, имел пожизненную ренту в 2 тыс. франков в год.

В географической секции Национальной библиотеки в Париже в настоящее время находится 150 рукописных карт, пересланных Делилем. Кордт привел список карт, относящихся к Украине. Как видно из перечня, карты эти имеют важное стратегическое значение. Например: карта границы Польши и России, карта границы Польши и Крыма, карта мест между Днепром и Днестром, карты расположения Сумского, Ахтырского, Харьковского, Изюмского полков, карта Азовского моря, а также Черного и Азовского морей, Карта Киевской губ., генеральная карта Украины, карта Крыма, карта Очакова (крепости) и его окрестностей, карта Днепровских порогов.

Приведенный перечень показывает, насколько ценные, с точки зрения французского военного ведомства, сведения доставлял Делиль в секретных пакетах во Францию и как он использовал свое положение ученого-консультанта в России.

Свою деятельность он, по-видимому, осуществлял не один. Его родной брат Луи Делиль де ла Кройер находился в составе Второй Камчатской экспедиции в качестве астронома и географа.

Заодно с Делилем несомненно действовал в то же время и Филипп Бюаш. Таким образом, можно назвать трех близких друг другу людей: Жозефа Николая Делиля и его братьев Луи Делиля де ла Кройера и Филиппа Бюаша, против которых боролся замечательный русский ученый и мореплаватель Алексей Ильич Чириков, отвергавший баснословные карты «ученого иностранца», консультировавшего экспедицию, которые послужили целям дезориентации экспедиции. На карте Делиля появились мнимые открытия де Фука и де Фонте, которых не было на составленных много раньше картах Гийома де Лилля. Жозеф Делиль предложил карту, ухудшавшую те результаты, которые получил его брат Гийом де Лиль в 1700—1714 гг.

Чириков со всей страстностью боролся против географических «концепций» Ж. Н. Делиля, что свидетельствует не только о блестящем научном предвидении замечательного русского ученого, но и о здоровом политическом чутье этого преданного сына своей Родины.

Что касается карты 1752 г., опубликованной Ж. Н. Делилем в Париже, то на нее нанесены многие новые данные, добытые русскими картографами. Вместе с тем она в целом — чудовищное искажение действительности. Карта издана одновременно и для использования данных, добытых русскими, и для подрыва приоритета русской науки. В результате блестящих открытий русских путешественников и мореплавателей, после грандиозной экспедиции Беринга появилась карта, составленная иностранным консультантом этой экспедиции, в которой мир оповещался о несуществующих открытиях адмирала де Фонте. Наряду с «великим открывателем» де Фонте назван Луи Делиль де ла Кройер, получивший столь же отрицательную, сколь и единодушную нелестную аттестацию со стороны участников экспедиции. И эта карта до наших дней публикуется в лучших зарубежных картографических изданиях, хотя и с некоторыми ироническими замечаниями, в то время как в тех же изданиях продолжают замалчиваться русские географические открытия. Такое положение особенно обязывает нас полным голосом сказать о великих географических открытиях русских путешественников, мореплавателей и ученых.

¹ А. П. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг. «Записки гидрографического департамента Морского министерства», ч. IX. СПб., 1851, стр. 206.

² «О плавании российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея; также и от города Архангельска к Востоку по Ледовитому океану с 1734 по 1742 г.» «Записки, изданные государственным Адмиралтейским департаментом». СПб., 1820, стр. 308—309.

- ³ Л. Багров. Карты Азиатской России, 1914.
- ⁴ Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич родился во второй половине XVII в., умер после 1745 г. Писатель, директор Морской академии в Петербурге, обер-прокурор сената. С 1723 г. в немилости по обвинению в участии в заговоре против кн. Меншикова, был наказан кнутом и сослан в Сибирь. С 1731 до 1740 г. — начальник Охотского порта («Полное собрание законов Российской империи», 1731 г., июля 30, № 5813).
- ⁵ Там же, 1732 г., № 6042; 1732 г., № 6043 и др.
- ⁶ ЦГАДА, Портфели Миллера № 512, 21, все дело.
- ⁷ ЦГАДА, ф. Сенат, дела по приказному столу, кн. 664, лл. 130—144.
- ⁸ Там же, л. 124.
- ⁹ Там же, л. 134.
- ¹⁰ Там же, л. 135.
- ¹¹ Там же, л. 136.
- ¹² Там же. Вопрос о целях экспедиции освещен и в сенатском указе 2 мая 1732 г. В нем говорится о торговле с Америкой и островами между ней и Камчаткой и о приведении их жителей в подданство, о наложении на них ясака и о разведке границ владения европейских государей в Америке, а в Азии — Китайского богдыхана и Японского хана («Полное собрание законов Российской империи», 1749 г., № 6042, стр. 774—775; 1723—1727 гг., № 5049, стр. 770—772. Указ об экспедиции Шестакова).
- ¹³ Т. е. помощник воеводы по финансовой части. Голова ведал сбором податей и ясака и в известной мере контролировал действия воеводы.
- ¹⁴ А. Сгибнев. Экспедиции Шестакова. «Морской сборник», 1869, № 2, стр. 2.
- ¹⁵ Карта Шестакова, относящаяся примерно к 1726 г., имеется в рукописном отделе библиотеки Академии наук в двух редакциях — латинской и французской (№ 342/3634 и 350/3636). На карте с латинским текстом имеется упоминание об использовании данных геодезистов Ивана Евренова и Федора Лужина, а также китайской карты, составленной во время миссии от императора Канг-хи к Петру I. На этих картах уже сказались влияние карт Траурнихта — Ремезова, возможно и Львова.
- ¹⁶ Впрочем, Делилю и Бюашу, вероятно, трудно было перевести на французский язык такие, например, слова: «бой имеют камнем из шибалок».
- ¹⁷ Г. Ф. Миллер. Известия о путешествиях и открытиях в Северном Ледовитом океане, с Российской стороны учиненных. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». СПб., 1758, стр. 195.
- ¹⁸ Там же, л. 7 и об. 23 марта 1727 г. в связи с экспедицией Шестакова последовал именной указ Верховного Тайного Совета (там же, лл. 17—20; «Полное собрание законов Российской империи», т. VII, № 5049): «На Шантарския острова русских иноземцев охотников для промыслу отпустить с таким объявлением, дабы они о тех островах достоверно уведомились, какия на тех островах народы живут и какой зверь на оных промышляется и другия какия удовольствия имеют...»
- ¹⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, л. 23 (Приговор сената от 3 мая 1727 г. на основании именного указа от 23 марта — лл. 21—25 об.).
- ²⁰ Там же, л. 8 об.
- ²¹ А. Сгибнев. Материалы по истории Камчатки. Экспедиция Шестакова. «Морской сборник», 1869, № 2, стр. 8.
- ²² Там же, стр. 9.
- ²³ Судно «Лев» с пятидесятником Лебедевым в сентябре 1729 г. вышло из Охотска, заимовало у устья р. Ямы. Рассказывая об экспедиции Шестакова, Голдер спутал реки Яну и Яму, и таким образом «Лев» у него потерпел крушение не в Охотском море, а в Ледовитом океане. Сын головы, Василий Шестаков, на «Фортуне» посетил первые пять Курильских островов, на которых вновь объяснил 20 человек «через доброе признание».
- Бот «Гавриил» после ряда рейсов по Охотскому морю прибыл 5 сентября 1730 г. в Охотск. 9 сентября его принял Генс для похода в Анадырск. На судне осталось 15 матросов, мореход Мошков, один гренадер и 29 казачков.

В апреле 1730 г. в Тауйск пришло известие об убийстве Шестакова (Афанасия). Генс и Федоров написали в Якутск, прося назначить в партию военного командира. Поскольку Павлуцкий отправился в Анадырск, Генсу, Федорову, Спешневу и Гвоздеву было приказано следовать тоже в Анадырск (в 1727 г. Генс был послан из Петербурга вместе с Шестаковым).

Однако судно пошло из Тауйска в Охотск, так как команда была не укомплектована. 8 июля 1730 г. оно дошло до устья Охоты. В команде была неурядица. Генса начальником не признали. В Охотске бот «Гавриил» под командой Генса и «Восточный Гавриил» во главе с подштурманом Федоровым были изготовлены к походу. 18 сентября 1730 г. оба судна вышли в море. «Восточный Гавриил» у Камчатки разбился 8 октября, в 30 верстах от устья р. Большой, а «Гавриил» благополучно достиг Большерецка.

Зиму 1730/31 г. обе команды провели в Большерецке. Весной 1731 г. Генс дошел до Нижней Камчатки, но возмущение камчадалов и болезнь Генса заставили отложить поход.

²⁴ Гвоздев Михаил Спиридонович учился с 1716 г. в морской навигацкой школе в Петербурге, с 1719 г. — в классе геодезии Морской академии. 1721—1725 гг. работал в Новгороде, в 1727 г. экзаменовался в геодезисты. В 1734 г. был учителем в Московском корпусе. Когда умер — неизвестно.

²⁵ А. Сибнев. Экспедиция Шестакова. «Морской сборник», 1869, № 2, стр. 25.

²⁶ Там же, стр. 26. В донесении 1732 г. Гвоздев сообщил, что для разговоров с толмачом был взят из новокрещеных один человек. Как видно из дальнейшего, толмач этот был Егор Буслаев.

²⁷ Там же, стр. 26.

²⁸ Шпанберг считался первым заместителем В. Беринга. После его смерти он формально принял руководство экспедицией. Фактически же руководящая роль в экспедиции при жизни Беринга и после его смерти принадлежала А. И. Чирикову.

²⁹ F. A. Golder. Russian Expansion on the Pacific, 1641—1850. Cleveland, 1914.

³⁰ А. А. Покровский. Экспедиция Беринга. М., 1941, стр. 14.

³¹ Из использованных нами документов по данному вопросу (ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 216, оп. 1, д. 53, лл. 722—732 об.) основными являются: «Промемория № 356 из канцелярии Охотского порта высокоблагородному господину морского флота капитану Шпанбергу за подписью майора Афан. Зыбина от 20 апреля 1743 г.» (в дальнейшем называется документ № 1) и «Репорт геодезиста Михаила Гвоздева капитану Мартыну Петровичу Шпанбергу, полученной последним 1 сентября 1743 г.» (в дальнейшем называется документ № 2) (ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 216, оп. 1, д. 53, лл. 722—733 об.). Эти документы частично были опубликованы А. Соколовым в «Записках Гидрографического департамента Морского министерства» (ч. IX, 1851, стр. 88—107), но без соблюдения элементарных археографических требований. Соколов пометил показание 1743 г., пополнив его словами, поставленными в скобки, из донесений 1741 г. Отчет Гвоздева, датированный сентябрем 1743 г., в сокращенном виде опубликован Голдером (F. A. Golder. Russian Expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland, 1914, p. 160—162).

При пользовании этими и другими документами XVIII в. следует учесть, что в XVIII в. моряки считали началом суток не 12 часов ночи, а 12 часов предшествующего дня. Мы везде сохраняем датировку документов.

³² Парка — меховая рубашка без разреза и без «куколя», т. е. капюшона, надеваемая через голову.

³³ Однако пленные чукчи пояснили, что «зубатые люди» пришли не драться вместе с ними против Павлуцкого, а в качестве наблюдателей — разведчиков.

³⁴ F. A. Golder. Russian Expansion on the Pacific, 1641—1850, p. 155.

³⁵ Карта Федорова — Гвоздева — Шпанберга 1743 г. (копия). «Карта Мелкогорская (т. е. меркаторская, составленная в проекции Меркатора.— А. Е.) от Охотка до Лопатки и до Чукотского носу положена прежним описанием 1725 г. (описка 1728 г.— А. Е.) на боту Гаврииле под команду бывшего

- господина капитана командира Беринга, а приобщенные острова, и часть того носу по журналу бывшего подштурмана Ивана Федорова в 1732 г. на том же боту, а между рекой Камчаткой и Лопаткой к востоку до длины 35—00 приобщенное с карты, сочиненной на пакетботе с. Петра под командою помянутого господина капитан-командора видимы места 1741-м году подленной за рукою капитана Шпанберга». Карта находится в Центральном государственном военно-историческом архиве в фонде Военно-ученого архива в отделе 10-м — сведения гидрографические, Тихий океан, под № 23431. Карта эта относится к 1743 г. Она составлена после смерти Беринга (1741 г.), когда начальником Камчатской экспедиции сделался капитан Мартын Шпанберг, и вряд ли позже 1743 г., так как в этом году экспедиция была прекращена, а как раз в 1743 г. Шпанберг посылал ответ на запрос об экспедиции Федорова и Гвоздева. Как указано в легенде, трасса пути Федорова и Гвоздева, достигших впервые в 1732 г. Северной Америки со стороны России, нанесена по журналу подштурмана Ивана Федорова. Карта рукописная. Опубликовано впервые в монографии А. В. Ефимова «Из истории русских экспедиций на Тихом океане» (М., 1948).
- ⁸⁶ «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», ч. 9. СПб., 1851, стр. 84—85.
- ⁸⁷ П. Паллас. О российских открытиях в морях между Азией и Америкой. «Месяцеслов исторический и географический на 1781 г.» СПб., стр. 142.
- ⁸⁸ Лейтенант Ласиниус, датчанин, незадолго до экспедиции был принят на русскую службу.
- ⁸⁹ Харитон Прокофьевич и Дмитрий Яковлевич Лаптевы были двоюродными братьями. Харитон Лаптев оставил записки о своем путешествии.
- ⁴⁰ Об этом имеется упоминание в легенде карты похода 1741 г., составленной штурманом Елагиным под наблюдением А. Чирикова (ЦГАДА по реестру библиотеки Главного архива МИД, карта Иркутской губ., № 30).
- ⁴¹ Карта Чирикова 1741 г. опубликована А. П. Соколовым в «Записках Гидрографического департамента Морского министерства» (ч. 9, 1851).
- ⁴² А. П. Соколов. Северная экспедиция 1733—1743 гг. «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», ч. 9, 1851, стр. 210.
- ⁴³ В. А. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1949.
- ⁴⁴ А. П. Соколов. Северная экспедиция 1733—1743 гг. «Записки Гидрографического департамента Морского министерства», ч. 9, 1851, стр. 468.
- ⁴⁵ Там же, стр. 453.
- ⁴⁶ К. А. Салищев. Основы картоведения. М., стр. 152.
- ⁴⁷ «Сборник Российского исторического общества», т. 103. СПб., 1897. Донесения и другие бумаги английских посланников и резидентов при русском дворе с 4 января 1746 г. по 24 мая 1748 г., стр. 448 (английский текст и русский перевод).
- ⁴⁸ Guillaume de L'Isle. Cartes géographiques des s. De L'Isle. P. I. Paris, 1700—1714.
- ⁴⁹ H. R. Wagner. The Cartography of the Northwest Coast of America to the Year 1800, vol. I. Berkeley, California, 1937, p. 159.
- ⁵⁰ Там же, т. II, стр. 333, 334.
- ⁵¹ Там же, т. I, стр. 162.
- ⁵² Там же, стр. 281.
- ⁵³ Обращает на себя внимание то, что на этой карте нанесен без упоминания имен поход Федорова и Гвоздева 1732 г., показанный с ошибками, а также трасса пути Дежнева и тоже без названия. На карте нанесена фантастическая земля Гамы и несуществующий колоссальный остров против Командорских островов.
- ⁵⁴ H. R. Wagner. Op. cit., vol. I, p. 22
- ⁵⁵ В. А. Кордт. Материалы по истории картографии Украины. Киев, 1931.

ПЛАНЫ РОССИИ О ЗАВЕДЕНИИ ПОСЕЛЕНИЙ
В АМЕРИКЕ И ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

До сих пор мы изучали ход освоения восточной части Сибири и историю экспедиций, предпринятых на острова и земли Охотского моря и Тихого океана, не обращаясь к проектам колонизации Америки, которые составлялись в первой половине XVIII в. Между тем поиски в архивах и изучение опубликованных уже ранее, но в другой связи, документов показало, что таких проектов уже в первой половине XVIII в. было множество. Конечно, проект проекту рознь. В то время как о реализации одних проектов нет никаких сведений, вокруг других поднималась борьба с целью их реализации или противодействия ей. Удалось найти материалы о подготовке реализации некоторых проектов. Однако даже в тех случаях, когда сохранился только проект и нет никаких данных о его судьбе, такой проект может быть интересен как показатель той или иной тенденции — экономической или политической.

Разумеется, возникновение тех или других проектов колонизации Америки, как и назначение экспедиций на Восток, было связано с общей исторической обстановкой и с превращением России в морскую державу, с созданием ею военного флота. Но еще в 1651—1652 гг. некто Ян де Грон, доктор богословия, предлагал строить в России по 100 кораблей в год и торговать с Канарскими островами и с Америкой, а именно с Бразилией, а также с Индией¹.

После полтавской «преславной виктории» для всего мира стала очевидной огромная сила России и возникло много проектов расширения ее торговли и границ государства. Они шли с запада из Англии от купцов Руперта Бека и Д'Акоста, из Голландии, Швеции, Испании, а также составлялись русскими авторами — Ф. С. Салтыковым, сенатором Иваном Кириловым, М. Г. Головкиным и др. Но все эти проекты были разрозненными звеньями,

они лишь учитывались Петром при составлении его совершенно самостоятельного плана, при разработке им своих смело задуманных мероприятий по исследованию и охране границ России.

Одним из ранних проектов является проект Ф. С. Салтыкова. Федор Степанович Салтыков, решительный сторонник реформ в России, в январе 1697 г. в числе других стольников был отправлен в Голландию и Англию. В 1713 г. Салтыков написал «пропозиции», в которых советовал Петру строить корабли в разных пунктах от Архангельска до устья Амура для того, чтобы «кругом сибирского берега проведать, не возможно ли найти таких островов, которыми б можно овладеть», и предлагал «купечествовать в Китай и другие острова»².

Вопрос об Америке в «Изъявлениях прибыточных государству» 1714 г. у Салтыкова не занимает особого места.

В Центральном государственном архиве древних актов имеется проект английского купца Руперта Бека «Об учреждении в Западной Индии коммерции». Этот проект, как видно из пометки на обороте обложки архивного дела, был подан в Лондоне в 1711 г. 21 января. Судя по почерку, эта пометка сделана кн. Куракиным, российским полномочным министром (т. е. послом) в Лондоне. Проект был предназначен «к доношению на высочайшее имя».

Руперт Бек предлагал России послать в Америку экспедицию для завладения островом Тобаго. Этот остров, самый южный из Антильских островов, имеет 12 миль в длину и 2 мили в ширину. Бек сообщает, что с этого острова караибы удалились, «курляндцы, отправленные Курляндским князем на большом военном корабле для новых открытий, сошли на этом острове и основали на нем колонии; больше 20 лет тому назад французы захватили их гарнизон и губернатора», но «так как этот остров принадлежал князю Курляндскому, то несколько лет тому назад несколько англичан купили его у него за 10 000 фунтов стерлингов...» Эта сумма, однако, не была выплачена, сделка не состоялась и, по мнению Руперта Бека, положение на острове такое же, как было тогда, когда он еще не был занят европейцами. Впрочем, Бек полагает, что Петр мог бы и купить его у герцога Курляндского, как он найдет удобным³.

Сведения Руперта Бека о том, что остров Тобаго принадлежал ранее Курляндии, вполне соответствуют действительности. Как явствует из источников, приведенных у Шлецера и Гебгарди в их работе «История Литвы, Курляндии и Лифляндии»⁴, Тобаго был занят курляндскими колонистами при герцоге Якове, который в связи со значительным развитием торговли Курляндии и ростом ее коммерческого и военного флота учредил сначала колонии в Гвинее, в Африке. Затем, для более выгодного использования рабов-негров, захваченных в Гвинее, Яков колонизовал Тобаго, основав там г. Якобштадт.

Сделано это было после переговоров с английским королем Карлом I, который якобы подарил Тобаго своему крестному, курляндскому герцогу Якову⁵. Поскольку в 1710 г. Курляндия вслед за Лифляндией и Эстляндией была занята русскими войсками, а тогдашний курляндский герцог Фридрих-Вильгельм в этом году посватался к одной из племянниц царя⁶, то понятно, почему в 1711 г. возник проект о колонизации острова Тобаго Россией.

В проекте Руперта Бека говорится о возможности учреждения компании Западной Индии, о превращении острова в базу для овладения торговлей на Американском континенте и об основании колоний (в смысле поселений, факторий) в Америке среди индейцев, а также о возможности выгодной торговли с французами, англичанами и испанцами, которые имеют там колонии и, кроме того, «с аругами, калибами, караибами и другими индейскими народностями»⁷.

В проекте содержится описание богатых даров природы, которыми изобилует остров. Между прочим, упоминается о сырном и железном дереве. Говорится и о редком овоще — картофеле, похожем по вкусу на каштан, о сахарном тростнике, о черепахах, рыбах, ценных породах птиц. В описании остров выглядит весьма привлекательно.

Однако нет никаких данных о реализации этого проекта. Приходится учитывать и то обстоятельство, что притязания французов и англичан на остров не способствовали принятию проекта. Но этот проект интересен не только сам по себе, а и тем, что он был лишь одним из многих проектов первой половины XVIII в. о колонизации Америки Россией.

Представляет также интерес проект, опубликованный в январе 1851 г. в 1-й книжке журнала «Москвитянин» (стр. 121—124) известным историком Забелиным. О происхождении этого документа И. Е. Забелин сообщает только, что он случайно встретился ему в числе разных бумаг XVIII столетия (стр. 124), что он подан был Петру I и что его неизвестный автор, по-видимому, голландец, так как оригинал написан на голландском языке (документ помещен в переводе того времени, сделанном Петром Ларионовым, и не имеет даты). Забелин полагает, что проект был подан в 20-х годах, «а может быть незадолго до кончины» Петра I. В заголовке документа стоит: «Проект о завоевании его цесарскому величеству Великороссийскому зело великих и богатых земель с почтением за секрет предлагаемый».

Проект состоит из четырех частей: «Известие», «Способы», «Прибыль» и «Заключение».

В разделе «Известие» сообщается, что в западной стороне Америки имеются свыше 80 «королевств, княжеств и провинций и народов, которые по се число ни от какого европейского короля не завоеваны, но волны. Эти земли — в Магеллании, Урагвои, Гваире, Паране, в средние Бразилии и Амазонах с Гвианою».

Земли там плодородные, воздух «здравый», металлов много. Там много драгоценных товаров, «яко сахар, кока, кошине́ль (канцелярии семя), индиго (краска крутик), табак, кожи, шерсть, лен, шелк и пенька; тако же медь, железо, свинец, олово, селитра. Особливо находятся богатые мины, золотые и серебряные в преизобилии, також золотой песок в земле». Не забывает проектер упомянуть и о жемчужной ловле.

В проекте сказано, что его автор в молодости в тех землях «многие лета был», что он видел, что там «крепостей нет, преизобилие пищи... и многие жители зело склонны под владение сильного европейского короля быть и совершенно поддадуца, коль скоро надлежашая европейская армейка туда прибудет...». При этом рекомендуется не занимать близко лежащих испанских и португальских мест.

«Способами» для осуществления проекта признаются: 12 тыс. солдат с 4 тыс. драгун, 60 больших транспортных кораблей и 30 меньших для рек, 10 военных кораблей, ружей на 40 тыс. человек, провнанту на 8—9 месяцев — хотя скорее он понадобится на 3 месяца. Наличных денег надо взять 400 тыс. гульденов, кроме того не забыть об учителях, офицерах, купцах, инженерах, плотниках и прочих. На доставку туда войск понадобится 3—4 месяца, а на завоевание колонии значительно больший срок — 2—3 года (хотя непонятно, зачем завоевывать, раз жители «европейской армейке сами поддадуца»).

Наиболее детально и красочно изложен раздел «Прибыли». Доходы от предприятия, оказывается, будут так велики, что на них можно будет содержать 60 или 80 тыс. солдат, рейтаров, в той земле и 40 или 50 военных кораблей, которые смогут пригодиться и в Европе. Кроме того, можно вывезти из тех земель 80 или 100 тыс. солдат в Европу и в Азию «против турков или персиян» для завоевания многих земель и городов и для освобождения из неволи многих тысяч христиан. Многие миллионы гульденов дадут золотые и серебряные мины (копи). С индейцев можно взять, оказывается, по ефимку ежегодно с каждого, но так как индейцев много, то это даст тоже несколько миллионов гульденов. Далее рекомендуется брать деньги и с земли по $\frac{1}{2}$ гульдена с каждой четверти и вывозить железо, шерсть, селитру и други товары, нужные для русского войска в Лифляндии. Учредив монополию на торговлю для коммерц-коллегии в Пегербурге, можно будет вывозить из Америки много сырья, отправлять все это в Петербург в «дело», а вывозить «мануфактуры», сделанные в России.

Далее предлагается заключить договор с Испанией и Португалией для торговли с Перу и Бразилией. Не забыта и идеологическая сторона предприятия: «Можно там 2-х или 3-х патриархов держать и вице-роев, дабы духовная польза тех народов произведена была». Польза получится еще и от того, что увеличится

число хороших матросов и кораблей (видимо, составитель учитывал потребности русского флота).

Осуществление проекта в целом должно было в худшем случае дать в год 40 млн. гульденов, а в лучшем—80. В худшем случае можно было рассчитывать вывезти из Америки 80 тыс. солдат-индейцев, а в лучшем — 100 тыс.

Одна из самых соблазнительных, по мнению составителя, выгод проекта открыта в заключении. Ведь можно будет раздавать многие богатые губернии, в частности 12 российским господам можно будет дать в графство за погодную подать землю «толь великая, как Голландия», «и еще 12 другим господам, которые советом и делом сию экспедицию произвести вспомогать будут» (можно думать, что прожектер тут имел в виду и себя).

Наконец, каждый новый южноамериканский граф обязывался сверх уплаты податей цесарю и в коммерц-коллегию построить в Петербурге дворец (палаты) и сто дворов⁸.

В этом документе наглядно выступает в качестве одной из важнейших задача распространения феодально-крепостнического способа производства на новые территории.

В том же 1732 г., когда Федоров и Гвоздев достигли Америки с запада, российский резидент в Лондоне Антиох Кантемир отправил в Петербург Анне Иоанновне при секретной реляции проект одного англичанина, имени которого Кантемир «для безопасности» не счел возможным объявить⁹.

В результате изучения архивных дел и сопоставления содержащихся в них данных со статьей Ф. Мартенса в IX—X тт. «Собраний трактатов и конвенций» (СПб., 1892, стр. 66) мы можем утверждать, что автором проекта является англичанин Вильям Эльтон¹⁰. В 1733 г. Эльтон приехал в Россию и поступил на государственную службу. В 1736 г. он участвовал в экспедиции на Урал, откуда доставил ряд образцов руд и минералов. Как раз в 1732 г. в ноябре английская Полуденная (южная) купеческая компания решила прекратить китобойный промысел и начала распродавать корабли и оборудование. В очевидной связи с этим находится предложение Эльтона¹¹. Проект этот называется: «О изыскании корабельного холу от Архангельского города около Новой Земли, в Японию, Китай, Индию и в Америку и в протчие». «Действительно доказывается,— пишет Эльтон,— что имеется море, которое ведет от Архангельска в названные выше страны и части света, что этим путем на кораблях ходить можно безопасно и с успехом, что «вероимнее» от Европы дойти до самых nordостовых берегов России и Тартарии с вящим успехом и с меньшими проторими водою, нежели сухим путем». Предлагается совершить такую экспедицию, «послать колонии в те земли, которые тамо найдутся». Вслед за Салтыковым и другими своими предшественниками Эльтон выдвинул идею великого северного морского пути. Рекомендую организовать морскую

торговлю кругом Сибири с Японией, Китаем, Индией и Америкой, Эльтон утверждал еще, что «можно с превеликим авантажем ходить из Архангельского города на китовую ловлю»¹².

Имеются и другие проекты такого рода. Некто Бенедикт Кнебель 23 мая 1732 г. в Петербурге подал проект вице-канцлеру Остерману (вторично — в первый раз он обращался к Петру II) о прибыльном промысле китов и тюленей и о заведении на севере новых промыслов — охоты на так называемых морских собак. Он предлагал организовать промыслы около Колы и в Гренландии и учредить акционерную компанию для китобойного промысла, а также для развития в России настоящей непосредственной (директной) испанской, португальской и французской торговли. «Испания нуждается в таких российских товарах, как пенька, гончарные изделия, мачты и другие лесные материалы,— писал он.— Россия в свою очередь получит свою долю от американского серебра, ежегодно привозимого в Кадикс, которое другие морские державы получают вместе с другими товарами за наличный расчет»¹³.

Автор проекта исходит из господствовавшей в его время теории меркантилизма, по которой государство должно было стремиться иметь как можно больше золота (или серебра), так как на валюту можно было нанять солдат, а то государство, которое было богаче деньгами, считалось более сильным¹⁴.

Кнебель предлагал организовать акционерную компанию, построить свыше 100 судов, получив для них от государства 500 рекрутов-матросов. Остерман обещал оказать Кнебелю содействие, но о реализации этого проекта данных нет.

В 924-й сенатской книге имеется неопубликованное дело «О производстве коммерции и населении земли против острова Дапага, который и по ныне ни под чьим владением» (стр. 876а—929). Начато это дело 9 сентября 1736 г. и доведено до 27 марта 1737 г. Некто Симон Аброгам 29 июля 1736 г. сообщил в сенат, что он, Аброгам, находясь на нидерландской службе, дважды был в Америке для отыскания минералов. Там он нашел против острова Дапага, землю, где и по настоящее время нет главы государства, «под чьим защищением спокойно жить». В более подробном мемориале Аброгам сообщил, упоминая о себе в третьем лице, что «вельмочные господа» соединенных штатов Нидерландов отправили его в Америку для «освидетельствования» там минералов. В 1732 г. он был отправлен в Америку вторично из Амстердама, куда и возвратился. Нашел он там землю против острова Дабаго (в первый раз Дапаго; как видно из других данных — несомненно, Тобаго), имеющую по морскому берегу 40 немецких миль, вглубь же, как он думает, около 180 немецких миль и более; правит ею принц Юпитер Таривари, который имеет под своей властью малых владельцев. На той земле европейских народов нет, а по сторонам поселились испанцы и голланд-

цы, а именно, против реки Орноко (Ориноко) — испанцы, где Новая Испания начинается. Недалеко небольшая голландская колония Изекеп (очевидно, Эссекибо в Голландской Гвиане).

Аброгам полагал, что европейские державы, поскольку там их владений не имеется, протестовать против русской колонизации не будут, а испанцам даже «зело приятно будет, что такая великая монархия в такой дикой пустыне с ними в соседстве будет». Аброгам, как он сообщал, был в Америке на корабле с товарами. Он поднялся по р. Поримо вверх на 12 немецких миль. Эта река шире и глубже других рек. Там он нашел принца Юпитера, у которого оставался 3 недели. «Принц» приглашал европейцев поселиться в его местах. Жители в той земле «ходят нагишем,— упомянул Аброгам.— ... А землю не пашут и хлеба не имеют, да и за тамошними великими жарами хлеб родиться не может... едят некой корень имянуемый корсава от древа того же звания» (очевидно, маниоки). «Торги они не имеют, и иметь не с кем было». Оттуда можно вывезти сахар, пряности, кофейные бобы и какао, драгоценные краски, «в лекарстве способны материалы», хлопчатую бумагу, а вместо балласта — серебряную руду, с золотой смешанную. Тут же говорится о плодах — цитронах, померанцах, а также о попугаях и прочих «драгоценных» птицах, и «все тамо без денег достать можно» — соблазняет Аброгам. Воздух здоровый, вода свежая, жители долго живут, «также и приезжающие туда европейцы благополучно обрываютца ж»¹⁵.

Сенат решил представить дело в кабинет. Собственноручная резолюция императрицы была такова: «Сие дело надлежало было Сенату нашему наперед рассмотреть и потом представить со мнением, как о возможности произведения оногo, так и о пользе, которая от оногo государству нашему произойти может, и для того оное при сем в Сенат посылается. Анна» (декабря 20 дня 1736 г.).

В связи с этим сенат заслушал сообщение о том, что действительно Симон Аброгам прибыл в Швецию и по представлению Аброгама из Швеции был послан корабль с товарами в Америку.

9 апреля сенат высказался за то, чтобы «отправить для пробы из России в показанное место один фрегат с пристойным числом морских служителей, а для нагрузки того фрегата товарами могли бы сыскаться компании и купцы». При этом рекомендовалось послать Аброгама, дав ему некоторое награждение. Даже «если и никакой пользы не воспоследует», так говорилось во мнении сената, то «морские служители в таком долгом вояже могут себя практиковать». Кабинет, заслушав решение сената, предложил запросить Коллегию иностранных дел, не вызовет ли эта экспедиция каких-либо международных осложнений¹⁶. 23 мая 1737 г. запрос в Коллегию иностранных дел был послан,

но там не был принят, и дело на этом оборвалось. Почему это случилось, из самого дела не видно, но ответ дают дела других фондов и архивов, в том числе фонды: Сношения России с Англией и с Испанией, равно как и материалы по данному вопросу лондонских архивов, опубликованные в сериях Российского исторического общества (т. 76 и 80). В частности, в опубликованных материалах лондонских архивов можно найти ответ на вопрос о том, почему это произошло. Оказывается, это было связано с дипломатическим конфликтом, возникшим при обсуждении другого проекта колонизации тех же примерно мест в Америке.

В 1735 г., когда давно уже был решен вопрос о второй экспедиции Беринга и когда в Петербурге волновались, видя, как медленно подготавливается эта экспедиция, из Лондона пришла реляция от русского посла Антиоха Кантемира. Дипломатические отношения с Англией, прерванные в 1722 г., были восстановлены в 1731 г. В Кабинете Петра I имеется замечательный документ от 29 января 1721 г.— собственноручное объявление Петра I Английской компании¹⁷. В нем говорится: «...всем ведомо есть, каким наглым и напрасным образом» был отослан российский резидент от английского двора, «чем нанесена... тяжкая и чувственная обида, за которую по обычаю всех надлежала б репресалию учинить». Но, заявил Петр, «что то все чиница не для Англии, но для интересу гоноверского (т. е. ганноверской династии.— А. Е.), для которого господа министры аглинские не токмо посторонних держав пренебрегают дружбу, но и своего отечества не щадят... Того ради,— заключил Петр,— принуждены мы ту репресалию против народа англинского оставить, яко непричасна оной неправды, чего ради были б сим обнаружены и комерцию свою отправлятли без опасения». Но разрыв все же произошел, и дипломатические отношения возобновились только через 10 лет. Резидентом в Лондон был послан Антиох Кантемир.

Один из первых питомцев Академии наук¹⁸, сын молдавского господаря Дмитрия Кантемира, вышедшего по приглашению Петра из Молдавии в Россию с 10 тыс. своих сторонников, Антиох Кантемир, широко образованный, прогрессивный человек своего времени был сначала на посту резидента, а затем полномочным министром, т. е. послом, в Лондоне. Многие его предложения в Петербурге отвергались, и поэтому он с большой осторожностью брался за поддержку какого-либо проекта. Однако 22 августа 1735 г. он обратился с секретнейшей реляцией к императрице Анне Иоанновне, чтобы изложить один проект, касавшийся Америки, в духе явного сочувствия этому проекту. Оказывается, специально для этого образованная компания лондонских знатных купцов во главе с неким португальцем по имени Д'Аоста представила в Тайный совет «проект о поселении но-

вой слободы в Америке между областями, подвласными Гишпанской и Португальской корон, требуя его королевского величества протекции для начатия того дела»¹⁹.

Проект этот был передан на заключение адмиралу Вагеру, который сообщил о полезности основания новой колонии как в торговом отношении, так и в надежде добывать там золотые и серебряные руды. Но Тайный совет даже при наличии этого мнения адмирала не решил вопроса в положительном смысле, возможно не желая подать повод к недовольству испанскому или португальскому двору. Вместе с тем Тайный совет не решился отказать просителям, чтобы ему не было вменено упущение таких «авантажей», которые представлял проект, и «волочил просителей слишком 6 месяцев, убегая последнюю резолюцию». Тогда некоторые лондонские купцы обратились к Кантемиру, представив проект организации колонии в Америке и прося протекции Российского правительства. Кантемир пишет, что он счастлив донести о настоящем проекте, что дело солидное, купцы для начала подписались на 300 тыс. фунтов стерлингов, что брат португальца Д'Акоста был сам в Америке на том месте, где «имеет завестись» новая слобода, и привел другие аргументы в пользу предприятия, предоставляя решение этого вопроса «проницательности» императрицы.

Сущность проекта Д'Акосты такова²⁰: в Америке имеется земля на 300 миль в длину, изобильная всеми благами. Там живут индейцы, и никто из европейских государей или государств их никогда не покорял и ими не владел. Есть там большой и удобный порт (гавань) и место, зело удобное к поселению. «Тамо имеются изобильно богатые товары, а именно: золото, серебро, хлопчатая бумага, кожи, шерсть, сахар, табак и разные деревья на краски». Место это для большего успеха предприятия пока точно не называется²¹. Прожектер просит дать ему жалованную грамоту от российской короны с обещанием протекции компании, с предоставлением Д'Акосте с товарищами в вечную собственность всех приобретенных земель, островов, морей, рек, устьев и заливов, не занятых европейскими державами. Д'Акосте и совету при нем должно быть предоставлено право управлять этими землями и назначать командиров и офицеров армии и флота колонии. Прожектер просит дать ему два военных корабля, один в 50 пушек, другой в 20, с людьми и провиантом, и сам обязуется перевезти еще 500 человек сухопутного войска на своем жалованье, снабженных довольствием и военными припасами. Зато Д'Акоста с товарищами обязался платить по 10% со всего количества золота, серебра и драгоценных камней, которые найдутся в поселении, а сверх того по 50% с привоза и отпуска товаров и вещей, а также по 50% с продажи земель. Для контроля за этими сборами императрица может назначить одного человека или более, которые могут жить в колонии.

Главный интерес представляет не содержание проекта, списанного с некоторыми изменениями с жалованных грамот Стюартов. Настоящий проект важен тем, что вокруг него и, разумеется, в прямой связи с сибирскими экспедициями возник международный конфликт, о котором имеются совершенно точные документальные данные²².

14 ноября 1735 г. Кантемир в секретнейшей реляции донес императрице, что в Лондоне уже была собрана компания из сорока с лишним человек из «самых знатнейших купцов из здешних дворян и господ, которые все по обыкновению здешнему субскрипцию было учинили, то есть: всякой писмянно обязался некакую известную сумму на сие предвосприятие от себя дать».

19 декабря 1735 г. Кантемир сообщил, что он завербовал на службу в русском флоте капитана английского флота Обриема в ранге контр-адмирала, который на днях вернулся из плавания из Америки. Этот Обрием во время «ирландского бунта» командовал эскадрой из четырех кораблей. В 1718 г. он участвовал при Сидилской баталии, а в 1725 г. при осаде Гибралтара и, кроме того, участвовал в разных «вояжах» в Медитеранском и Балтийском морях, а также и в Америке. Репутация у него — человека в морских делах искусного и в том достаточного, но «толко гораздо мало словесен и потому кажется, что советов для исправления и учреждения во флот ожидать от него не должно: напротив, угоден бы был экспедициям в Индии западных и потому не мало бы пользовал (т. е. был бы полезным.— А. Е.) в деле нового поселения в Америке»²³, писал Кантемир.

Обрием — его настоящая фамилия О'Брайен (O'Brien), — действительно прибыл в Петербург и был зачислен во флот, правда не с чином адмирала, а в качестве капитана русского флота. В дальнейшем он был командиром кронштадтского порта. Интересно, что Кантемир, приглашая О'Брайена, считался с практической возможностью использовать его при основании Россией поселения в Америке.

23 декабря 1735 г. Кантемир сообщил, что 30 из 40 лондонских купцов, будущих акционеров колонии, согласились «производить дело под российской протекцией». Что же касается заключения адвокатов, то, по их мнению, «аглицкой подданной не может способствовать чужестранному государю в приобретении новых областей, но что не запрещено англичанам производить торг под протекциею чужестранного государя, на месте, которое уже в действительной посессии того государя»: потому они намерены были отправить в начале малый корабль с немногими людьми, «которые бы под именем вашего императорского величества засели в новообретенное в Америке место и потом, взяв от вашего императорского величества грамоту, заводить поселения и торг»²⁴.

На вопрос Кантемира о том, не будет ли в этом случае претендовать на колонию английское правительство, Д'Акоста ответил, что во избежание этого лучше было бы послать с экспедицией и русский фрегат или вообще русский корабль. Таким образом, дело вступило в другую фазу. В связи с затруднениями, возникшими в Англии, Д'Акоста по существу выдвинул совершенно новое предложение — об организации колонии в Америке не компанией английских купцов, а российским правительством, которое послало бы туда свой военный корабль. Д'Акоста выражал готовность приехать в Петербург для переговоров. В этом духе была составлена им докладная записка императрице²⁵.

7 ноября 1735 г. Кантемир в секретнейшей реляции донес, что, получив рескрипт от 11 октября, он тотчас повидался с Д'Акоста «и, следуя оному вашего императорского величества указу, обнадежил ево о вашего величества, милостивой протекции к их восприятию и при том пространно ему изъяснил оные три пункта, на которые ваше императорское величество желает иметь пространное толкование, и те три пункта вкратце ему на письме сообщил». «А сегодня он (Дакост) прислал мне ответ на оные три пункта, которой при сем прилагаю»²⁶.

Первый вопрос: в чем состоит вспоможение и протекция, которые требует компания, кроме двух военных кораблей? Ответ: вспоможение понадобится только в том случае, если какая-либо из европейских держав искать будет оное поселение разогнать.

Второй вопрос: если понадобится помощь, то как можно ее оказать на таком большом расстоянии? Ответ: имеется гавань, удобная для приема любого количества кораблей.

Третий вопрос особенно интересен, приводим его полностью: «Не можно ли сыскать способ, чтоб оное вспоможение от сибирских берегов чинить, где надлежащие приуготовления учинены быть могут?». Этот вопрос был поставлен, разумеется, в прямой связи со второй экспедицией Беринга в Америку и Японию. Ответ: «Предлагаетца оное поселение учинить от стороны оста по сухому пути Америки зюйдской между градусами 25 и 55 латитуды, а тако берега сибирские никоим образом не способны к сей навигации, но оная может довольно способно от города Архангелского или проходя Зунт произведена быть»²⁷.

Иначе говоря, здесь наполовину уже раскрыт секрет экспедиции: предполагалось послать колонию на восточный берег Южной Америки (правда, градусы указаны очень приблизительно от 25 до 55). При таком положении колонии помощь России могла быть оказана через Зунд, т. е. через Атлантический океан. Возможно, что если бы помощь могла быть оказана из Сибири, то морская часть экспедиции Беринга получила бы третью группу с третьим назначением. Кроме североамериканской группы Беринга и Чирикова и японской — Шпанберга могла бы появиться южноамериканская, возможно во главе с

О'Брайеном, которого Кантемир прислал в Петербург в надежде использования его при экспедиции в Америку. Однако, как показало дальнейшее, кроме трудностей географического порядка, перед экспедицией возникли трудности иные, еще более значительные, а именно: препятствия дипломатические.

2 марта 1736 г. Кантемиру был отправлен рескрипт с предложением добиться приезда Д'Акоста в Петербург для личных переговоров. Сам Д'Акоста в Петербург не поехал, но послал туда капитана Спидвелла, который получил на это имя паспорт от Кантемира (паспорт имеется в деле), и торгового агента Каньони. Фамилия Спидвелл звучит несколько по-оперному, Speedwell — это название корабля, который вместе со знаменитым «Майским цветком» (Mayflower) вышел из Саутгемптона в 1619 г., потерпел аварию и вернулся. «Майский цветок» доставил «отцов-пилигриммов» на пустынное американское побережье, где и возникло поселение на берегу бухты Код, положившее начало Новой Англии²⁸.

Изучение архивных дел показало, что фамилия Спидвелл на самом деле вымышленная — это был агент Д'Акосты капитан Оупи (Opie). Он совместно с Каньони вступил в переговоры с Остерманом. Имеется запись предложенных вопросов и ответов на них; трудно предположить, что эти переговоры шли с кем-либо другим, кроме Оупи и Каньони.

Первый вопрос: близко ли испанцы или португальцы. Авторы проекта отмечают, что много есть в истории примеров, когда колонии разных держав находятся близко друг от друга, и что данное место в 110—120 милях от всех европейских народов. Из новейших колониальных крайне доходных предприятий авторы проекта упоминают занятие англичанами Багамских островов, зейландцами — Рио-Эссехебы, Георгии англичанами, которые только 4 года назад получили ее во владение.

Второй вопрос: на чем основана надежда найти золотую и серебряную руду. Антонио Д'Акоста ответил, что опытный в этих делах и достойный доверия человек, лично бывший в этих местах, подтверждает это на основе своих «обсерваций». Капитан Оупи имел 16 походов около тех берегов и был в Кастиллосе, в 50 милях от известного места (т. е. будущей колонии) и в других соседних местах, и подтверждает, что по соседству имеются богатые мины.

Третий вопрос: не начнут ли Испания и Португалия войну в колонии и на морях? На это прожектеры ответили, что скорее испанцы и португальцы завяжут мирную торговлю и пошлют свои корабли в Кронштадт, нежели начнут войну. А ежели понадобится, можно отразить нападение силой.

Возражение о возможной заинтересованности английского правительства в этих колониях было отвергнуто представителями компании²⁹.

О дальнейшем развитии дела можно узнать из переписки между Кантемиром и двором. Секретнейшая реляция от 30 января 1736 г. приоткрывает завесу и показывает те силы, которые начали борьбу против возможного распространения русского влияния на Южную Америку. Во главе их был герцог Бриджутерский. «А между тем дюк Бричеватер с некоторыми из той компании отменили свое намерение, да и прочим внушили, что аглицкому подданному неприлично и весьма бесчестно своими денгами умножать силу такой державы, которая и без распространения своей комерции уже немало всей Европе страшна; что естли сие новое поселение вашему императорскому величеству принесет хотя половину богатства, которое Португалия из своих получает, то аглицкому двору и купечеству возрастание вашего императорского величества сил будет предосудитель-но...»³⁰

13 апреля 1736 г. Д'Акоста сообщил Кантемиру, что прежние его компанейщики, как он уверял, без его ведома отправили в Америку один корабль с 18 пушками восьмифунтовыми и шлюпками, чтобы основать там колонию. Всего на обоих судах имелся экипаж в 70 человек, в их числе один инженер и минцмейстер (горный инженер).

Д'Акоста надеялся, что из-за трудности навигации корабль не найдет известного места в Америке. Но «если бы по несчастью им в том удалось,— писал Кантемир,— то ему кажется, что ваше величество право имеет их с места сбить, понеже оное засели яко морские пираты без никакого ауторитету европейской державы»³¹.

Д'Акоста рекомендовал послать корабли большей силы, чем английские, и с большим экипажем, дабы успешнее выбить из колонии англичан.

Стоило лишь посланцам Д'Акосты появиться в России, как английский посол Клавдий Рондо сейчас же сообщил в Лондон, что в Петербурге появились два подозрительных англичанина: Спидвелл и Кантони (здесь Рондо допустил ошибку, неверно назвав имя Кантони и неправильно считая его англичанином, а не итальянцем). В то же время один из директоров Ост-Индской компании Джозиснас Уордсворт написал к торгующим в Петербурге английским купцам Шефнеру и Вольфу, что некто капитан Оупи, «первый капитан, проведший корабль из Остенде и в Ост-Индию», намеревается проехать в Петербург и предложить русскому правительству отправку кораблей в Китай. 24 сентября 1731 г. лорд Вильям Гаррингтон, статс-секретарь Георга II, написал Клавдию Рондо о том, что представитель Испании при Петербургском дворе Джеральдино вручил ему записку «о намерении русского правительства учредить поселение в части Америки, по мнению мадридского двора, принадлежащей его католическому величеству».

Дело дошло до Георга II, по приказанию которого лорд Гаррингтон препроводил Рондо копию представления, сделанного Джеральдино. «Король желает,— писал Гаррингтон,— якобы вы осведомились, насколько тут правды, а если действительно Россия замышляет занять страну или местность, испанской короне принадлежащую, вам, ввиду того, что неприкосновенность всех испанских владений гарантирована е. в. м. должно, опираясь на добрые отношения короля к царице, приложить все усилия, дабы отклонить ее в-во от такого замысла». При этом предлагалось повести представления в возможно дружеском и любезном тоне, «дабы в них не проскользнуло чего-либо похожего на угрозы»³².

13 октября 1737 г. Клавдий Рондо сделал представление Бирону и Остерману. И герцог и вице-канцлер А. И. Остерман, член верховного совета (кабинет-министр), заверили, что императрица никогда не имела намерения устроить поселение где-либо в Америке. Рондо готов был поверить тому, что Бирон не увлекался подобного рода планами, но сомневался в искренности Остермана, так как Оупи и Каньони делали подобные предложения Остерману, который разговаривал с ними не раз, обнадеживая их, и даже дал им денег в возмещение некоторых расходов.

2 декабря 1737 г. Кантемир, донося о беседе с Гаррингтоном по поводу проекта о заведении русского поселения в Южной Америке, сообщил, что если бы такой план существовал, то северный континент для этого более подходил бы, тем более, «что от сибирских берегов через Япон туды дорогу сыскать бы можно»³³.

Большая осторожность, проявленная в отношении американских владений Испании и в инструкциях на имя Беринга в 1732—1733 гг., вполне может быть объяснена нежеланием создавать какие-либо осложнения в отношениях с Англией как раз тогда, когда только что были восстановлены с нею дипломатические отношения, в то время как Англия находилась в союзных отношениях с Испанией. В октябре-ноябре 1737 г. дело об учреждении Россией колонии в Южной Америке пришло к развязке. В ответ на новые демарши английского правительства Кантемир сообщил, что намерения колонизовать Южную Америку у его правительства не было. Теперь мы знаем, почему были прекращены и приготовления к экспедиции, о которой хлопотал Симон Аброгам.

- ¹ ЦГАДА, ф. Дела о выездах иностранцев в Россию, 1651 г., № 12, лл. 22—36, перевод с французского; см. также: *Ф. Ф. Веселаго. Очерк Русской морской истории*, ч. I. СПб., 1875, стр. 69 (у Веселаго де Грон ошибочно назван Верроном, а 1652 г. превратился в 1672 г.).
- ² *Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого*. СПб., 1897, стр. 44.
- ³ ЦГАДА, Письма и прошения разных лиц на иностранных языках, 1711 г., № 21, л. 2. На французском языке.
- ⁴ *A. Z. Schlozer, Z. A. Gebhardi. Geschichte von Litanen, Curland und Lifland*, Bd. II. Halle, 1785; об этом же см.: *R. W. Cruse. Curland unter den Herzogen*. Bd. I. Mitau, 1833, S. 147.
- ⁵ Тобаго был открыт Колумбом в 1498 г., а затем побывал в руках испанцев, голландцев и англичан. С 1699 г. этот остров был продан английской купеческой компании.
- ⁶ *С. М. Соловьев. История России с древнейших времен*, т. IV. СПб. [Б. г.], стр. 39.
- ⁷ ЦГАДА, Письма и прошения разных лиц на иностранных языках, 1711 г., № 21, лл. 2—5. На французском языке. Проект любезно представлен нам для использования С. В. Бахрушиным.
- ⁸ АВВР, ф. Сношения России с Англией, 1732, оп. 35/1, д. 545, лл. 253—254.
- ⁹ Там же, лл. 255, 256, перевод с английского, XVIII в. Приложение к реляции Кантемира от 29 декабря 1732 г. Проект этот не был опубликован. Содержание его изложено в примечании к публикации: «Реляции князя Антонио Кантемира», под ред. В. Н. Александренко, т. I, стр. 63. «Чтения Общества истории и древностей российских» за 1903 г.
- ¹⁰ Об Эльтоне имеется упоминание в издании «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», под ред. М. П. Алексеева, ч. II. Иркутск, 1936, стр. 66—67. Интересно, что о проекте Эльтона вспомнили в 1813 г., 26 мая того же года этот проект переслан государственному канцлеру.
- ¹¹ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд XIX, № 244, лл. 57—59. На немецком языке.
- ¹² В более раннем недатированном проекте петровского инженера Любераса об увеличении доходов России, относящемся примерно к 1716—1717 гг., автор в связи с затруднениями с плаванием по Балтийскому морю советовал захватить гавань Калдин в 100 милях от Шпицбергена и организовать компанию для ловли китов.
- ¹³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 924, лл. 885—894, перевод с голландского; подлинник на лл. 880—887.
- ¹⁴ Там же, см. журнал Сената от 20 мая 1737 г.
- ¹⁵ АВВР, ф. Сношения России с Англией, 1735, оп. 35/1, д. 585, ч. II, лл. 400—401 об. Реляция 22 августа 1735 г., в которой сообщалось о проекте экспедиции в Америку из Англии под российским покровительством.
- ¹⁶ АВВР, ф. Сношения России с Англией, 1735, оп. 35/1, д. 585, ч. II, л. 400.
- ¹⁷ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. I, кн. 56, л. 55 — автограф Петра I, черновик; отпуск на л. 56.
- ¹⁸ Там же, лл. 402—403. Проект на французском языке. Русский перевод того времени там же, лл. 405—408.
- ¹⁹ Несколько предвзято изложение, укажем, что место основания русской колонии в Америке, не названное проектером, — это зона на стыке португальской Бразилии, Новой Испании и Голландской Гвианы.
- ²⁰ Часть этих материалов была опубликована в сборниках Общества истории и древностей российских под ред. В. Н. Александренко, но не в связи с экспедициями из России на Восток, а в плане публикации материалов по русско-английским отношениям.
- ²¹ АВВР, ф. Сношения России с Англией, 1735, оп. 35/1, д. 585, ч. II, лл. 511—514.
- ²² Там же, лл. 565—567 об.

- ²³ Там же, лл. 574—576 об.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же, лл. 497—500 об. В деле имеется документ за подписью Жана Д'Акоста.
- ²⁶ Там же, лл. 500, 500 об.
- ²⁷ Упомянем еще, что в 1676 г. английский моряк Д. Вуд (Wood), совершивший уже путешествие в Америку, в Чили, подал королю Карлу II проект о снаряжении экспедиции к берегам Новой Земли «для открытия пути в Ост-Индию через северо-восток, плывя к Новой Земле и Татарии и Японии». Предложение Вуда было принято, и в его распоряжение поступили два корабля «Speedwell» и «Prosperous». 29 июня 1676 г. «Speedwell» разбился на подводных рифах у Новой Земли, команда его едва спаслась, второе судно экспедиции подошло к месту аварии через десять дней (см.: «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», т. 1, вып. 2. Иркутск, 1936, стр. 65).
- ²⁸ АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1736, оп. 35/1, д. 596, лл. 12—19.
- ²⁹ Там же, д. 594, лл. 55—57 об.
- ³⁰ Там же, лл. 139—141.
- ³¹ «Сб. Российского исторического общества», 80. СПб., 1892, стр. 204.
- ³² АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1737, оп. 35/1, д. 604, лл. 286—288.
- ³³ В рескрипте Кантемиру от 15 октября 1737 г. сообщено, что лорд Гренард сделал представление Кантемиру против заведения Россией поселения в Южной Америке, упоминая при этом имя капитана Оупи, а пребывающий в Петербурге резидент Рондо «о сем же деле здесь отозвался и при том сообщил приложенное при сем от гишпанского двора будто о том учиненное с немалого горячностью представление, на что ему, резиденту, кратко ответствовано, что хотя мы гишпанскому двору в своих делах ответствовать и не должны, однако ж его королевскому величеству английскому по имеющей между обоими дворами конфиденции объявить можем, что все то, что в помянутом гишпанском представлении затеяно (т. е. нарочито выдуманно.— А. Е.) и не можем довольно удивляться, откуда такие неосновательные подозрения взяты, понеже у нас никакого намерения к тому делу никогда не было и все, что о тех ангажементах написано, ложно и вымышлено» (АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1737 г. оп. 35/1, д. 603, лл. 84—86).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ С АМЕРИКОЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Нельзя сказать, чтобы вопрос об экономических и внешнеполитических проектах времен Петра не изучался. Есть специальная работа Павлова-Сильванского о проектах петровских времен и много работ о сибирских экспедициях при Петре и Анне Иоанновне. Однако Павлов-Сильванский не использовал проектов, касающихся Америки, за исключением «пропозиций» Федора Салтыкова. Все авторы работ об экспедициях не в курсе проектов того времени о поселениях в Америке. Этот разрыв весьма неблагоприятно отразился на общих результатах исследований об открытии Америки со стороны России.

Приведенные выше факты доказывают, что Америка уже заняла известное место во внешней политике России еще в первой половине XVIII в. Нас не удивят свидетельства о том, что и в области экономической в тот же период, в первой половине XVIII в., уже завязывались реальные отношения между Россией и Америкой (хотя естественно, что в этот период эти связи возникали лишь спорадически). Некоторый материал о ранних экономических взаимоотношениях России с Америкой имеется в неопубликованных архивных документах, а также в русских и зарубежных документальных публикациях.

Одним из первых экономических видов взаимосвязи России и Америки была торговля табаком, который поступал на русский рынок через английских купцов и шел под названием виргинского, очевидно, потому, что больше всего табака поступало из Виргинии или продавалось через виргинских купцов. О торговле виргинским табаком упоминается в ранних документах.

В 1714 г. упоминавшийся уже Федор Салтыков писал в своих «пропозициях», что англичане получают большую прибыль, «размножая свои плантации табачные в Вирджинии, и что надо завести такие плантации в России. А продавать табак можно и в

России, и в ...соседственных землях»¹. От этого можно иметь великую прибыль, настаивал Федор Салтыков.

Вопрос об экономических взаимоотношениях России и Америки интересовал и Кантемира.

2 сентября 1737 г. Кантемир сообщил в Петербург свой план, по которому следовало добиваться, чтобы те товары и мануфактуры, которые могут поступать в Англию из России, не производились в английских колониях в Америке и не поступали в Англию оттуда. В этих видах он предлагал вести определенную и энергичную политику в вопросе о пошлинах на английские товары, ввозимые в Россию.

31 мая 1737 г. вице-канцлер Андрей Остерман и Алексей Черкасский передали Кантемиру рескрипт, которым ему предлагалось внимательнейшим образом изучить вопрос «о деле американского железа и что впрочем до нашего интереса касающееся тамо происходит»².

Уже упоминалось о планах непосредственной торговли с Северной Америкой через Сибирь. Нам знакомы проекты Салтыкова, Эльтона, Афанасия Шестакова, Витуса Беринга и др. Есть еще интересный проект о торговле с «великими и многолюдными» землями за Камчаткой, который мог относиться и к Америке.

3 августа 1733 г. сенатор, тайный советник, граф Михаил Гаврилович Головкин подал в сенат проект³, касавшийся ряда хозяйственных вопросов, связанных с экспедицией Беринга. В этом проекте говорилось о малом развитии торговли в Восточной Сибири в связи с ее отдаленностью и малолюдством; предлагалось дать купцам льготы и ставилась задача найти путь к островам в «Восточном океане» и к Японии. «Два человека японцев сказывают,— говорилось в этом проекте,— что к ним из китайского города Нанжина много таких товаров привозят, которые в Китай из России отпускаютца, так же и на немецких (т. е. европейских.— Е. А.) караблях особливия немецкия товары привозят же. Еще ж за Камчаткою, как скызывают, земли великия и многолюдныя. Когда к ним ходить и торговать станут, то прибавки росходу на руские товары надетца можно ж»⁴.

Это мнение Головкина было одобрено сенатом и сообщено в Сибирский приказ, сибирскому губернатору, Берингу и Писареву⁵.

Интересные данные о некоторых экономических связях американских колоний с Россией в первой половине XVIII в. из архивов Нью-Джерси хранятся в Лондонском Национальном государственном архиве.

Имеется документ, опубликованный в Регистре государственных бумаг колониальной серии «Америка и Вест-Индия, 1732» под редакцией Сесиль Хедлам и Артура П. Ньютона⁶. В нем помещено донесение капитана Томаса Корам (Thomas Coram) в Совет по торговле и плантациям от 17 января 1732 г., написан-

ное в Лондоне. Корам был доверенным лицом колонии Джорджия. Он писал, что из российских владений ежегодно ввозится в королевство от 5 до 8 тыс. тонн пеньки, помимо того, что ввозится из Польши, что надо должным образом поощрить возвращение пеньки в американских колониях, в частности в Каролине, что туда для этой цели нужно ввезти побольше протестантов из разных стран⁷.

В этой же серии опубликован документ другого характера, где говорится, что надо пригласить двух или трех мастеров из Польши и России для обучения производства поташа и дать им такое вознаграждение, которое побудило бы их сюда переехать, и тогда можно будет посылать достаточно этого товара из колоний и таким образом сберегать те деньги, которые уходят за границу за покупки поташа.

Этот второй документ датирован 11 марта 1732 г., написан во Фредериксporte. Автор его — главный надсмотрщик за королевскими лесами в Америке, в то же время вице-губернатор (лейтенант-губернатор) Нью-Гэмпшира — Денбар (Dunbar). Письмо это адресовано секретарю Совета по торговле и плантациям Попль Эльюреду (Pople Alured)⁸.

Отметим еще, что в 1724 г. испанский статс-секретарь переслал русскому послу в Мадриде кн. Сергею Голицыну проект купца Франциска Перрата с предложением о реализации этого проекта, если в России будет найдено возможным. Детально разработанный проект Франциска Перраты начинается с указания на то, что Москва или Великая Россия пространна и повседневно расширяется новыми владениями, особенно по ту сторону великих рек Оби и Лены в Сибири. В проекте говорится, что восточные границы России нынешними географами еще не исследованы. Отмечая огромное возвышение России и высокий авторитет Петра I и упоминая о создании большого флота, автор проекта предлагает установить «директную» торговлю России с Испанией и указывает, что таким путем может быть основана торговля продуктами, которые производятся в Московском государстве и в Испании, а также и в обеих Америках. В частности, Испании требуется для отправления в обе Америки большое количество воска, льна, годного к тканью холстов и всяких полотен, преогромное количество пеньки. Из Америки для обмена с Россией могут быть доставлены пряности, красивые вещества. Для Америки нужно железо.

В 1723 г. Сергей Голицын в двух донесениях от 15 и 16 декабря сообщил о товарах, которые могут быть вывозимы или продаваемы из России в Испанию и из Испании в Россию. В первом пункте этого перечня указано, что воск, который приходит в Испанию в Кадис на различных кораблях, расходуется не столько в Испании, сколько в «Индии Гишпанские», причем отмечено, что воск, приходящий с севера, почитается за лучший. Голицын со-

обшил, что юфть, которая продается в Кадисе в тюках, «расходится не только во все здешние государства, но и в Индии немалое число». Ряд других товаров, как, например, полотна всякие, тоже «нужны не так в Гишпании, как в Индии». Голицын составил ведомость испанским товарам, «расходящимся во всю Европу», причем на первое место поставил товары американские, золото и серебро — пистолы из Мексики и Перу, ефимки, в Индии деланные, и слитки из Мексики и Перу. На второе место поставлены драгоценные камни: жемчуг и изумруд. Далее следует шерсть и «де-вигонь называемая, которая употребляется для дела», т. е. для изготовления шляп, а также красящие вещества кошениль, или семя канцелярское, употребляемое в краску, кармазин и дерево, называемое «декампеш», для употребления в черные краски, и индиго. Затем следуют «какоу» и «ванил», употребляемые для дела, т. е. изготовления «шекулата», табак, а также «кожи телятныя неделанные — для обуви простого народа и другого». Кроме того, Америка доставляет вещи «надлежащие в аптеки и лекарства». В числе испанских товаров Голицыным названа кора одного дерева, называемого «лиеж», и сделана пометка: «употребляется в затычки бутылочные». Возможно, что в данном случае речь шла тоже об одном из американских товаров⁹.

Эти отрывочные и, надо думать, неполные данные о ранних экономических связях между Россией и Америкой интересны в том отношении, что ставят ряд вопросов, которые неоднократно поднимались позже, начиная с 60-х годов XVIII в., особенно в донесении посла России в Лондоне Мусина-Пушкина. Наличие ранних экономических связей с Америкой в какой-то мере помогает нам объяснить тот интерес к географическим проблемам Америки, который имел место в России.

Однако экономические связи с Америкой в первой половине XVIII в. были слабыми и эпизодическими. Основной проблемой в отношении России к Америке был вопрос о территориальных границах России на Востоке и об их безопасности.

В 1737 г. российское правительство, подчеркивая эту вторую задачу, выдвинуло в одном документе такое положение: «Едино толко нам и границам нашим на предбудущие времена необходимо потребную безопасность ищем и получить желаем, дабы не принужденным быть впредь на всякий час паки к оружию притекать, когда сим нашим безпокойным соседям охота придет на наши границы нападения чинить»¹⁰.

Этот документ — частица истории. Его можно подвергнуть критическому рассмотрению, оспаривать его искренность. Но на сегодняшний день он получил новое, реальное жизненное содержание. Если Петр I мечтал не только о том, чтобы расширить границы, но и о том, чтобы утвердить безопасность границ, дать новую славу России научными открытиями, то народы нашей

страны, показавшие на деле непреклонную решимость и умение отстаивать свою независимость и социалистический строй, горячо стремятся к завоеваниям, но только на поприще культуры; они стремятся к завоеваниям в области науки и к культурному сближению с другими народами.

- ¹ *Н. Павлов-Сильванский*. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897, разд. II, стр. 25.
- ² АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1737, оп. 35/1, д. 603, л. 38.
- ³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 664, лл. 292—310.
- ⁴ Там же, л. 305.
- ⁵ Там же, лл. 311—312 об.
- ⁶ Public Record Office, Calendar of State Papers, Colonial Series, America and West Indies, 1732. London, 1939.
- ⁷ *Ibid.*, p. 89—92.
- ⁸ *Ibid.*, p. 85.
- ⁹ АВПР, ф. Сношения России с Испанией, 1724, оп. 58/1, д. 79, лл. 70—74, 62—65.
- ¹⁰ Там же, 1737, оп. 35/1, д. 602, лл. 37—43.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свете собранных и подвергнутых анализу материалов можно поставить вопрос об этапах русских открытий на Тихом океане в XVII — первой половине XVIII в.

Еще в XI в. новгородцы плавали по Северному Ледовитому океану, в западной его части. С начала XVII в. началось движение от Енисея на восток. В 1648 г. Дежнев и его спутники совершили первый поход кругом северо-востока Азии и сделали свои замечательные географические открытия. Почти одновременно и даже несколько раньше (около 1639 г.) другое ответвление переселенческого потока в Сибири достигло Тихого океана в районе Охотского моря (Москвитин). Период с 1696 по 1709—1711 гг. — это время освоения Камчатки и отдельных разведок в «Чукотской земле». В этот период были получены сведения от Атласова о «Большой земле» и собраны им новые сведения о Японии (1700 г.). В связи с победами над Швецией и выходом в Прибалтику, основанием Петербурга, занятием русскими войсками Курляндии и окончанием в основном создания русской регулярной армии в России, ставшей весьма сильной державой и притом державой морской, очень возрос интерес к освоению Восточной Сибири и островов и земель «Восточного океана».

К этому же времени, а именно к 1711 г., относится проект английского купца Руперта Бека о заведении поселения России в Америке, а именно на острове Тобаго, принадлежавшего ранее герцогу Курляндскому.

Меры, принимавшиеся к заселению и освоению Восточной Сибири в первое десятилетие XVIII в., еще не носили массового характера и не были эффективными.

Второй этап охватывает 1711—1725 гг. Важнейшие события этого периода — первое путешествие Ивана Козыревского на Курильские острова в 1711 г. и его походы в 1712 и 1713 гг. В 1713—1714 гг. были обследованы Шантарские острова в Охотском море. В 1714—1716 гг. был открыт морской путь на Камчатку из Охотска.

В этот же период были получены новые сведения о «Большой земле» (Америке) от Попова, от чукчи Макачкина и других чукчей и назначена экспедиция воеводы, полковника Якова Агеевича Ельчина на острова и земли Ледовитого и «Восточного» океанов от Колымы до Камчатки (Большой Камчатский наряд).

В 1719—1722 гг. состоялась экспедиция геодезистов Евреинова и Лужина на Курильские острова.

Неоднократные экспедиции на Курильские острова выяснили, что острова не были заняты японцами. «В полуденную же сторону (т. е. южную сторону.— А. Е.) все острова до самой Японии подлинно никому не подвластны и уже 4 острова от команды Павлуцкого в подданство приняты»,— писал, например, И. К. Кирилов в своей записке об организации экспедиций на Восток, относящейся примерно к 1733 г.¹ Острова были приведены в российское подданство.

В 1720—1725 гг. состоялась первая морская экспедиция специально на «Большую землю» морехода и промышленника Нагибина.

К этому же периоду относятся карты якутского сына боярского Ивана Львова (1711—1714 гг.), карты Козыревского (1711, 1712 и 1713 гг.), карта полковника Якова Агеевича Ельчина (1718 г.), карта Евреинова (1722 г.) и др.

Завершение этого периода совпадает с окончательной победой над Швецией и Ништадтским миром и вместе с тем разрывом дипломатических отношений с Англией.

Еще примерно с XVII в., как отметил В. И. Ленин, начался «новый период русской истории»², который характеризовался концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок и «действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое»³. Эти важнейшие внутренние процессы развития России сказались и в реформах начала XVIII в. и подготовили изменение ее положения в системе других государств.

Особенностью рассматриваемого периода, первой четверти XVIII в., было существенное изменение исторической обстановки. В данной работе, казалось бы, нет нужды останавливаться на значении этого периода в развитии России. Поскольку историческое исследование обязательно требует установления связи частных фактов с общей исторической обстановкой и ее тенденциями, мы позволим себе сделать небольшой экскурс для определения исторического места русских экспедиций на Восток.

За два десятка лет, от поражения под Нарвой 1700 г. до победоносного Ништадтского мира 1721 г., петровская Россия, превратившаяся в 1721 г. из царства в империю, прошла значительный путь.

Реорганизованная русская армия, впервые в Европе созданная на основе воинской повинности, стала одной из сильнейших в мире. В России был построен мощный военно-морской флот, который победил первоклассные шведские морские силы у Гангута в 1714 г. и у острова Гренгама в 1720 г.

Имея сильнейший флот, русские в 1719—1721 гг. высаживали десанты на шведском побережье, и это заставило шведов поспешить с миром, о котором уже давно тянулись переговоры.

Россия вернула утерянные в начале XVII в. выходы к Балтийскому морю, значительно расширив их. Балтийское море перестало быть «шведским озером». При Петре Россия стала морской державой. Западноевропейские державы стали зависеть от России в отношении снабжения их некоторыми морскими припасами.

Русский флот бороздил Балтийское и Белое, Каспийское и Охотское моря, но задачу получения выхода на Азовское и Черное моря в то время еще разрешить не удалось.

Застав при вступлении на престол не более чем два десятка мануфактур, Петр оставил 240 заводов. Армия и флот получили свои пушки, свои ружья, свою промышленность, свои верфи. Была реорганизована администрация вплоть до высших органов управления. Перед каждым сенатором поставили песочные часы, чтобы он не «волочил» решений; если через полчаса сенатор не записывал своего мнения, наблюдавший за ним обер-секретарь сената должен был, «все покинув, бежать к царю, где бы он ни был».

Доступ даже к высшим должностям был открыт и не для именитых людей, хотя скорее в порядке исключения. Родословные книги теперь иногда значили меньше, чем «табель о рангах».

При Петре Россия в меньшей степени отставала от передовых стран Запада, но не смогла вырваться из положения отстающей страны. На Западе, в Нидерландах и в Англии, уже произошли буржуазные революции. Особенно усилилась в результате революции Англия. Бег ее истории заметно ускорился. Для того чтобы догнать Запад, Петр должен был бы стать Кромвелем, но для этого в России не было еще исторических предпосылок. Кромвель участвовал в борьбе за победу в Англии буржуазных, капиталистических, отношений и в экономике и в политике. Петр I был прогрессивным деятелем, но он действовал в рамках крепостного строя.

Петр был крепостник, он не разрушал, а укреплял крепостнические устои в России. История России и после Петра шла еще долгое время в условиях развития и укрепления крепостнического хозяйства и государства. Это не исключает того, что в какой-то мере Петр I был представителем прогрессивных буржуазных тенденций своего времени.

Отличие Петра от Кромвеля заключалось в том, что Кромвель стремился обеспечить победу буржуазных отношений (этому отнюдь не противоречит то, что он подавил народное движение, когда массы выступили со своими требованиями), Петр I же в российских условиях ставил себе совершенно иную цель. Он стремился не к победе буржуазных отношений, а к тому, чтобы поставить их на службу крепостническому государству с целью его укрепления и усиления.

Петр развивал промышленность и торговлю с целью создания сильной армии и флота крепостнического государства. Его меркантилизм преследовал ту же цель.

Известно, что развитие капитализма в различных странах происходило различными путями, например, были «прусский» и «американский» пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Разложение феодальных отношений и победа капиталистических происходили по-своему и по-разному в Англии и в России, в этих странах развитие аграрных отношений имело свои особые черты.

В Англии с XIV в. прекратилось крепостное состояние крестьянства. Из двух основных видов феодальной эксплуатации — барщины и оброка — первая перестала существовать совсем, вторая стала переходным этапом к наемному труду лично свободного рабочего. В XVIII в. в Англии исчезло и собственническое крестьянство (йомены).

В России разложение феодальных отношений пошло по другому пути — через ослабление оброка и усиление барщины, через этап временного укрепления крепостнических отношений, и уже в этих условиях здесь происходило вызревание капиталистического уклада, вызревание более медленное, чем в Англии⁴. Это развитие крепостничества и было причиной относительного отставания России на известном историческом этапе. Стать передовой страной Европы Россия могла, только приобщившись к самым передовым формам экономики, политики, военного дела, культуры. История показала, что единственным возможным способом для России ликвидировать свою вековую отсталость оказалась Великая Октябрьская социалистическая революция, обновившая, переродившая и усилившая страну в невиданно короткий исторический срок. Вернемся, однако, к тому этапу развития, через который Россия пошла в XVIII в.

Несмотря на многие морские походы русских, начиная с IX в., и на отдельные, не доведенные до конца попытки создать русский флот по новейшим образцам того времени, до времени Петра Россия не имела такого флота, какой имели в то время Голландия и Англия. Дело не в том, что в России до Петра не совершалось морских походов. Морские походы были. Но морское дело в России к концу XVII в., значительно отставшее к тому времени от передовых стран Запада, при Петре I было поднято на новую ступень, на уровень самых передовых стран, а в ряде отношений военное дело в России стояло выше, чем на Западе. В этом смысле Петр I является основателем русского флота, вот почему и можно говорить о превращении России при Петре I в морскую державу.

Одна из характерных черт гения Петра заключалась в том, что он хорошо учитывал и использовал те возможности, которые уже сложились в ходе национальной истории России. В России с ее огромной речной сетью и развитым речным судоходством выработалась такая созданная народной историей система: в глубинных районах страны — на Днестре, на Дону, на Волге строи-

лись в большом числе суда, но потом на этих судах спускались по рекам и выходили на морские просторы. Петр применил эту же тактику и даже построил на ней ряд стратегических моментов. Он строил флот в Воронеже для Азовского моря, в Казани для Каспийского и для Балтийского, и строил суда в большом количестве, как это показывают документы, опубликованные в IV т. «Материалов для истории русского флота». Стратегический замысел в отношении «Восточного океана», реализованный после Петра, заключался в создании мощного Охотского порта как базы тихоокеанского русского флота.

Заботы Петра о создании передового флота своего времени сказывались и в создании русских национальных кадров военных моряков, для чего были открыты Математико-навигационная школа и Морская академия. Развивалось и картографическое дело.

Создавая одну из самых передовых армий своего времени, Петр создавал и передовой флот, говоря при этом, что тот, у кого есть армия, имеет одну руку, что только тот, кто имеет армию и флот, имеет две руки.

Третий период движения на Восток открывается в новых условиях XVIII в. большой организованной государством первой экспедицией Беринга — Чирикова, назначенной Петром I в 1724—1725 гг. и осуществленной уже после его смерти при Екатерине I и Анне Иоанновне. Морской поход для решения вопроса, сошлась ли Америка с Азией, состоялся в 1728 г.

Параллельно с этой экспедицией действовала экспедиция Афанасия Шестакова. Во время ее Шестаков был убит, и руководство перешло к капитану Павлуцкому. Морская часть экспедиции под руководством подштурмана Федорова и геодезиста Гвоздева в 1732 г. достигла берегов «Большой земли», причем ни руководители экспедиции, ни Ф. И. Соимонов, давший о ней в 1738 г. информацию для печати в Петербурге, не ассоциировали нового открытия с Америкой. Это было сделано позже Чириковым.

На 1730 г. падает попытка Мельникова проникнуть в Америку сперва на судне, затем по льду на собаках. Наконец, в 1732 г. организуется грандиозный второй этап экспедиции для открытия пути в Америку и Японию и для обследования северных берегов Сибири.

На 30-е годы XVIII в. падают проекты колонизации Россией огромных областей в Южной Америке. Это — проекты Симона Аброгама и Жана Д'Акоста. Проекты эти встретили сочувственное отношение в правительственных кругах России, но реализация их была приостановлена противодействием английской дипломатии и выяснившейся возможностью колонизации Россией Северной Америки при условии большего освоения Восточной Сибири.

Попробуем теперь в свете полученных нами новых данных подвергнуть критическому анализу текст известной инструкции Петра I Берингу. Петр, несомненно, учитывал возможность двух ответов на его вопрос — сошлась ли Америка с Азией? Предположим, что был бы получен ответ, что Америка с Азией сошлась. Тогда, в этот бурный период колонизации Америки европейскими державами, встал бы вопрос и о колонизации Россией Северо-Западной Америки. Вместе с тем в этом случае в ту историческую эпоху нужно было считаться с опасностью экспансии европейцев, прежде всего испанцев, из Америки в Азию. Недаром, поставив вопрос об Америке, Петр в разговоре с Нартовым как раз перед этим говорил о безопасности России.

Допустим теперь, что Петр получил бы ответ, что Азия и Америка не сошлись. Тогда все те же вопросы отодвигались, но не снимались. Вставал вопрос, далеко ли Америка от российских владений, что представляет ее северо-западная часть, далеко ли от побережья до владений испанцев, голландцев, португальцев, англичан и французов?

Когда речь идет о том, что Иван Грозный или Петр I разрешали иной раз успешно те или другие национальные задачи русской истории, и это было прогрессивным, то мы помним о том, что прогресс в классовом обществе идет через развитие антагонистических противоречий и внутренних и международных, что и Иван Грозный и Петр I содействовали укреплению крепостнических отношений, подавляли крестьянские движения. Прогресс в классовом, эксплуататорском обществе происходит в условиях угнетения масс, путем усиления их эксплуатации. Мы никогда не можем ставить знака равенства между осуществлением общенародных задач в нашей социалистической стране и в обществах с антагонистическими классами.

Классовый характер носили русские экспедиции на «Восточный океан». При этом имело место столкновение экспансий многих государств.

Петр I, о котором современники говорили, подчеркивая огромный размах и темпы его деятельности, что он не ходил, а бегал, проложил доступ для России к Балтийскому морю, приобрел для России владения на Каспийском море. Неслучайно, когда его поздравляли с приобретением новых провинций на Каспийском море, он ответил: «Вы в заблуждении, если думаете, что я стремлюсь к завоеванию новых земель. У меня их слишком много. Мне надобно только побольше воды»⁵.

В 1714 г. Петр послал Бековича-Черкасского в Астрахань, оттуда в Туркмению и Хиву, в следующем году — Волинского к персидскому двору, и затем начал создавать большую торговую базу в устье Куры для сношений с Тифлисом, Рештом и через Среднюю Азию с Индией. Петр направлял посольства в Бухару, неоднократно — в Китай и Индию и снаряжал экспедицию на Ма-

дагаскар во главе с адмиралом Вильстером, который в то же время имел письмо к Великому Моголу о завязывании торговли между Россией и Индией⁶.

Сохранилось известие о том, что в 1722 г. Ф. Соймонов в толь-ко что завоеванном Дербенте предложил открыть мореплавание от Камчатки к Японским и Филиппинским островам до самой Америки. Петр I на это быстро и кратко ответил: «Слушай, я то все знаю, да не ныне, да то далеко»⁷. Как видно из приведенного, Петр I откликнулся на предложение Соймонова отнюдь не как на нечто новое, но тогда еще не настало время, чтобы поставить тихоокеанскую проблему во весь рост.

Задача экспедиций, посылаемых на Восток — в Америку и Японию,— сама по себе была уже политической. Они должны были разрешить вопрос о государственных границах России на Востоке, об их безопасности.

Мы интересуемся и значением этого этапа истории в целом, его ролью в общем ходе исторического развития. А поскольку это так, то ход исследования проблемы заставляет нас поставить вопрос о большом всемирно-историческом значении освоения Восточной Сибири, островов Тихого океана и «Большой земли». Это не захолустье мировой истории, а один из ее важнейших участков. Вся эпопея должна быть изучена как цепь событий большой важности для развития всей мировой системы государств, как важные этапы предыстории и истории капитализма.

Архивные документы говорят о том, что при продвижении России на Восток в рассматриваемый период были приняты меры для предотвращения столкновений с крупными восточными государствами и европейскими колониями в Америке.

В указе сената от 2 мая 1732 г. об отправлении капитаномандора Беринга на морских судах для «проведывания» новых земель, лежащих между Америкой и Камчаткой, имеется такой пункт: «Токмо того накрепко остерегаться, стобы в американские и азиатские такие места не зайтить, где уже владение европейских государей или китайского богдыхана и японского хана, чтоб не войтить в подозрение и не открыть бы камчатским берегам своим приездом пути, о котором они поныне неизвестны, а наипаче при нынешнем тамошнем малолюдстве через ту причину не заняли нужных пристаней»⁸.

16 февраля 1733 г. в журнале Адмиралтейств-коллегии записано ее мнение о том, что «ныне чинить похода до европейских владений», как было указано в инструкции Петра I от 1725 г. «и в указе по именному е. и. в. повелению из Сената от 31 декабря 1732 г.», «за полезно не признавается», во-первых, потому, что путь в Америку еще неизвестен и неизвестна длина его. Если после «обыскания» американских берегов следовать еще до европейских владений, то в одно лето уже нельзя будет возвратиться к камчатским берегам. Расстояние до европейской провинции

в Америке — по карте Делиля и по рассуждению Беринга и Чирикова — не менее 6 тыс. верст... «ближе той провинции европейского владения (т. е. Мексики.— А. Е.) в Америке о городах известия нет». Те места уже известны и на карту нанесены. Испанскими кораблями американские города осмотрены до 40° и выше. «...Паче же состоит опасность, дабы не впасть при сильном или противном случае в какое несчастье от тамошнего европейского владения мест, ибо оные состоят под протекцией Испании и как через гистории и другие ведомости не безызвестно, что тамошние того владения народы без позволительного от королевского величества Испанского указа ни с кем коммерции не имеют, и кто туда приходит, тех противными поставляют».

Мнение коллегии — не требовать, чтобы экспедиция дошла до европейских владений, чтобы не связывать ей руки и «дабы оный вояж не учинился такой бесплодный, как первый»⁹.

На первый взгляд может показаться, что все восточные экспедиции первой половины XVIII в. не дали политических результатов. Но такое заключение было бы поверхностным и неправильным. Два основных обстоятельства привели к тому, что в 30-х и начале 40-х годов заселение Америки было отложено. Во-первых, напряженная международная обстановка — резкое обострение отношений с Францией в 1733 г. из-за польских дел, война с Турцией в 1735—1739 гг. На 1739 г. приходится Ставучаны и Хотин и Белградский мир. С 1741 по 1743 г. шла война со Швецией. Отношения с Англией были в этот период крайне напряжены. Все эти моменты отвлекали внимание к западным делам и к западной границе. Другим обстоятельством была недостаточная освоенность Восточной Сибири, в частности Чукотской земли и Анадырского края. В 1731 г. капитан Павлуцкий о Чукотском крае отзывался так: «Чукотия, вокруг Анадырского носу, самая малая (в смысле нестоящая.— А. Е.) и пустая земля; нет ни лесов, ни других угодий, рыбных и звериных промыслов никаких, а довольно каменных гор и шерлобов, да воды, а больше гор и воды ничего не имеется в той земле»¹⁰.

Пока восточная оконечность Сибири была неизученной, неосвоенной, не было базы для продвижения на Аляску. Условия для этого создались несколько позже.

Подводя итоги, можно констатировать следующие основные положения.

1. Версия об исключительно научном, географическом значении экспедиций в Америку в первой половине XVIII в. отпадает, как противоречащая фактам.

2. Столь же противоречит фактам объяснение экспедиции главным образом стремлением развить торговлю с Востоком и с Америкой (С. М. Соловьев, А. А. Покровский).

3. Америка была включена в сферу русской внешней политики не в 1809 г., когда были установлены формальные дипломатические сношения с США, и не в период войны за независимость, а значительно раньше, после того как Петр I сокрушил могущество Швеции, и Россия, став сильнейшей державой мира, широко включилась в мировую политику того времени.

4. До настоящего времени история русских экспедиций на Тихом океане в первой половине XVIII в. изучалась главным образом в географическом, этнографическом или источниковедческом планах. Попытка изучения экспедиций как части и притом немаловажной, целостного исторического процесса, как важной части нашей отечественной истории, попытка исторического подхода и привлечение новых материалов, как документальных, так и картографических, дали возможность прийти к новым выводам, позволяющим внести некоторые уточнения в наши представления об общем ходе истории в XVIII в.

Наличие большого числа планов колонизации островов и земель Тихого океана, в частности Америки, и посылка множества экспедиций на Тихий океан в первой половине XVIII в. являются не случайными, а закономерными явлениями. Создание регулярного военного флота в России при Петре I—флота, не только применившего новейшие достижения морской техники и военного дела Запада, но и внесшего в военное дело много нового для своего времени,—имело последствием активное вступление России в большую мировую политику.

В сферу ее активной, а в других случаях потенциальной деятельности был включен и Тихий океан. В силу этого изучение экспедиций на Тихом океане первой половины XVIII в. и планов колонизации Россией Америки позволяет уточнить некоторые моменты, освещающие вступление России в мировую колониальную политику, начало участия России в мировой политике в целом, а следовательно, и некоторые моменты наших представлений об определенном этапе исторического развития России.

5. Историк и географ одни и те же события могут рассматривать в различных планах, и на один и тот же вопрос географ и историк могут дать различные и даже противоположные ответы. Если географ на вопрос Петра, поставленный в 1719—1725 гг.,—сошлись ли Америка с Азией, естественно, дает ответ отрицательный, то историк, изучающий вопрос о развитии сношений России и Америки, ответит, что в первой половине XVIII в. Америка с Азией уже сошлись.

К этому же выводу приводят и данные об экономических связях между Россией и Америкой, относящиеся к первой половине XVIII в.

6. Изучение истории русских экспедиций в Сибири и на Тихом океане приводит к новому взгляду на вопрос об их научном значении. Существовавшая ранее антиисторическая концеп-

ция великих географических открытий в корне неверна и должна быть отвергнута. Великие географические открытия были сделаны не только на Западе, но и на Востоке. Русские путешественники и мореплаватели исследовали, описали и нанесли на карты Сибирь, установили очертания северной и северо-восточной части Азиатского материка и северной части Америки со стороны Тихого океана. Русские установили раздельность Азиатского и Американского материков и их соотношение, установили соотношение между Азиатским материком и Японскими островами, открыли Америку со стороны России и начали заселение Аляски. В XIX в. русские открыли Антарктиду.

Все это дает полное основание говорить о великих русских географических открытиях.

7. В замечательных открытиях в Азии и в Америке активное участие принимали и местные жители Сибири — якуты, чукчи, юкагиры, коряки, ительмены, эскимосы и др. В источниках содержится много сведений о том, как местные жители сообщали ценные сведения Дежневу, Стадухину, Исаю Игнатьеву, Атласову, Львову, Чирикову и др. Большое участие местных жителей Сибири в великих географических открытиях, сделанных русскими путешественниками и мореплавателями, — это важная черта этих открытий.

В 1966 г. вышло ценное исследование по этой теме С. Е. Мос- тахова ¹¹.

8. Развитие географической науки в России отнюдь не происходило в полной изоляции, в отрыве от западноевропейского научного знания. Замечательные достижения русских путешественников, мореплавателей и географов оказали, как мы видели, огромное влияние на развитие географической науки в странах Западной Европы и Востока. Не приходится отрицать и другой линии научных связей с зарубежными странами, а именно: в отношении картографической техники. Русская картография в некоторых отношениях была образцом для картографии восточных и многих западных стран. До XVII в. она частично использовала более передовую технику составления карт на Западе, а в XVII в. выработала свои приемы картографии. В XVIII в. русская картография продолжала совершенствоваться и достигла исключительно высокой степени развития, свидетельством чего является издание в 1745 г. Академией наук «Атласа Российского», который по общему признанию был лучшим в мире. Она использовала в то же время новейшие достижения и западной картографической техники, особенно голландской географической науки.

В заключение остановимся на вопросе о главных «виновниках» открытия Америки со стороны России. Конечно, как уже отмечалось, в известном смысле будет правильным считать, что

Колумб открыл Америку. Но если стремиться к точности, то, как тоже уже отмечалось, правильнее сказать, что Колумб начал открытие Америки, начал дело, завершить которое одному человеку было не под силу.

Для того чтобы открыть Америку, нужны были подвиги еще многих исследователей, и среди них смелые русские путешественники-исследователи занимают видное место. Громадные пространства северо-запада Америки были открыты, обследованы и описаны русскими мореплавателями, и только ими, а затем — по праву первооткрытия — Аляска была присоединена к России. В деле открытия, изучения и заселения северо-западной Америки Россия сыграла огромную роль.

Глубоко неправильно было бы думать, что кто-либо из авторов многочисленных проектов экспедиций в Америку и ее колонизации (которые составлялись и в России, и за рубежом, и при Петре, и при Анне Иоанновне) является инициатором этих экспедиций. Инициатива принадлежала не кому-либо одному из этих авторов, например Лейбницу, или парижскому академику Гийому де Лилю, или Федору Салтыкову, или Федору Соймонову.

Если говорить о проектах Лейбница, то у нас нет до сих пор твердой уверенности в том, что они дошли до Петра. В бумагах Петра I письма Лейбница по данному вопросу до сих пор еще не обнаружены, хотя вероятно, что какой-либо из проектов Лейбница дошел до Петра или что Лейбниц мог об этом говорить с Петром во время свиданий с ним.

Как мы теперь уже знаем, проектов экспедиций в Америку было так много (они шли с самых разных сторон), что трудно считать восточные экспедиции результатом какого-либо одного из этих проектов. Хотя Петр I, несомненно, интересовался представленными ему проектами, но ни один из них не равноценен той широкой и разносторонней системе его мероприятий, в которой экспедиции в Америку были всего лишь одним, хотя и немаловажным, звеном.

Имелся ряд иностранных проектов экспедиции в Америку: английские — Руперта Бека (1711 г.), Эльтона (1733 г.), лондонского купца-предпринимателя португальца Жана Д'Аоста, выходяца из Голландии, торгового служащего Симона Аброгама, анонимный голландский проект, поданный Петру I, и ряд других. С другой стороны, имелось еще большее число русских проектов экспедиций в Америку: самого Петра I, Федора Салтыкова, Нагибина, Мельникова, Шестакова, Беринга, Чирикова, Ивана Кирилова, Соймонова, Антиоха Кантемира.

Сведения об Америке получались через чукчей, коряков и американских эскимосов сибирскими промышленниками и служилыми людьми — Дежневым, Алексеевым-Поповым, Мельниковым, Атласовым, Ельчиным, Шестаковым, Гвоздевым, побывавшими в Америке в 1732 г., и через других.

Освоение Россией огромных территорий Дальнего Востока, а затем и Северной Америки имело прогрессивное историческое значение.

Следует учесть и прогрессивное значение распространения на огромные пространства Сибири и отчасти Аляски из России значительно более совершенных форм земледелия. Даже в тяжелых условиях царской России народы ее окраин вовлекались в сферу влияния культуры русского народа и приобретали в его лице надежного союзника в борьбе за свое освобождение от угнетения и отсталости.

Открытие Америки со стороны России было не только результатом правительственной политики, но и результатом народных усилий. Теперь мы можем назвать имена тех, кто больше всех сделал для разрешения этой грандиозной научной, экономической и политической задачи: в XVII в.— это Семен Дежнев и его спутники, в XVIII— это Петр I, Прокопий Нагибин, Афанасий Мельников, Иван Федоров, Михаил Гвоздев, Алексей Чириков и Витус Беринг.

Имеются все основания для вывода о том, что исследованием северной части Тихого океана русские «землепроходцы», мореплаватели и географы сделали огромный вклад в науку. И вклад этот так велик, что мы с полным основанием можем говорить о великих русских географических открытиях.

¹ ЦГАДА, Портфель Миллера, № 5121, все дело.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 153.

³ Там же, стр. 153—154.

⁴ Когда говорят о мануфактурной стадии капитализма, надо учесть, что капитализм на этой стадии своего развития имел существенные отличия в разных странах. Одно дело — капитализм в мануфактурной стадии в Англии, где капиталистическая мануфактура развивалась с конца XIV в. при отсутствии крепостничества и при побеждавших в сельском хозяйстве капиталистических отношениях. Если же капиталистическая мануфактура развивалась при наличии крепостнических отношений в сельском хозяйстве, то в конечном счете результат был тот же — развитие шло путем смены феодальных отношений капиталистическими, но развитие это шло медленнее и в других формах.

⁵ К. Бэр. Заслуги Петра Великого в распространении географических знаний. «Изв. Русского географического общества», 1852, стр. 278.

⁶ Этот вопрос освещен в работе А. Заозерского «Экспедиция на Мадагаскар» (сб. «Россия и Запад», Пг., 1923, стр. 91—102) и в публикации В. В. Альтмана «Экспедиция Петра I на Мадагаскар» («Наука и жизнь», 1937, № 6).

⁷ С. Знаменский. В поисках Японии. Благовещенск, 1929, стр. 74—75.

⁸ «Полное собрание законов Российской империи», т. VII, № 5042, лл. 774—776.

⁹ «Материалы для истории русского флота», ч. VII. СПб., 1879, стр. 524.

¹⁰ А. Сгибнев. Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова. «Морской сборник», 1869, № 2, стр. 30.

¹¹ С. Е. Мостахов. Сподвижники путешественников и исследователей. Якутск, 1966.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакай** 77
Аброгам С. 264, 265, 272, 284, 290
Абульфид И. 50
Абыштов П. 196
Авриль 121, 122, 142
Агнезе Б. (Аньезе) 52, 55, 57, 58, 72
Агранат Г. А. 7, 25, 41
Адамс Дж. К. 29
Аларкон 60
Александр I 28, 42
Александренко В. Н. 273
Алексеев А. И. 7
Алексеев М. П. 46, 56, 63, 66, 71, 273
Алексеев Т. 88, 89
Алексеев Ф. (Попов) 81, 82, 84—86, 96, 99, 110, 113, 114, 123, 206, 212, 213, 290
Алексей, царевич 187
Алексей Михайлович, царь 78, 83, 85, 117, 121
Амундсен Р. 60
Анабара 178
д'Анвилль 200, 216
Андреев А. И. 3, 4, 37, 45, 46, 75, 112, 126, 128, 129, 131, 141, 142, 148, 154, 168, 169, 178, 179, 206, 214
Анкидинов Г. 84, 98
Анна Иоанновна, императрица российская 39, 261, 266, 275, 284, 290
Анохин Г. И. 19
Анучин Д. Н. 52, 71
Анфилатов К. А. 42
Анчифоров Д. 137—139, 150, 152
Аньезе 54
Апраскин Ф. М. 35
Аршин А. 94
Атласов В. 76, 77, 123—125, 128—131, 133, 136—139, 142, 143, 150—152, 169, 174, 178, 204, 280, 289, 290
Афанасьев П. 100
Бабин А. В. 20
Багров Л. 8, 71, 72, 216, 256
Базанов В. 41
Бальбоа В. Н. 21, 85
Баранчиков (Мишель Николаев) В. 31, 43
Баренц В. 65, 66, 68
Барятинский И. С. 29, 30, 42
Барятинский И. П. 145
Баскин С. И. 7, 75
Баттон Т. 43, 59
Баффин 43, 59
Бахрушин С. В. 7, 46, 75, 82, 111, 115, 273
Бегайм М. 54
Бейтон Ф. 154, 164
Бек Р. 259—261, 280, 290
Бекетов 79
Бекович-Черкасский 285
Беллинггаузен Ф. Ф. 25
Белобородько В. Л. 41
Белов М. И. 5—8, 10, 22, 41, 46, 75—77, 112, 115, 123, 179
Белокуров С. 121
Бельский М. 181, 182
Берг Л. С. 3, 35, 44, 46, 72, 75, 90, 113, 114, 134, 138, 165, 179, 185, 193, 194, 201, 202, 204, 205, 207, 214, 215, 220, 225, 230, 233, 234
Берд Дж. 11
Береговая Н. 32
Березин Г. 197
Беринг В. 9, 23, 33—39, 44, 97, 108, 111, 125, 134, 138, 159, 162, 164, 172, 194, 197, 200, 203, 205, 215—219, 222—225, 227, 233—235, 238—240, 242, 244, 245, 247, 248, 251, 254, 257, 258, 269, 272, 276, 284—287, 290, 291
Бернулли 253, 254
Берро С. 68
Берх В. Н. 36, 44, 114, 201
Бечевин Ив. 27, 172
Бирси 272
Бичурин Н. 20
Блавий (Блеу) 71, 128, 136, 143, 188, 189

Блументрост 253
Боас Фр. 43, 44
Богомолов Т. 102
Богораз В. Т. 177, 180
Боднарский М. С. 22, 24, 72
Боллен Ж. Н. 250
Болховитинов Н. Н. 29
Бородин А. В. 188
Брайен А. М. 32
Брандт А. 141
Бребнер Д. Б. 9, 10
Брендане 14
Бриллиант В. А. 188
Брюс Я. В. 140, 142, 159, 162, 168,
169, 187, 188
Бугор В. 93—95, 97—99, 102
Буза Е. 88—90
Булдаков 87, 98, 114
Буслаев Е. 230, 257
Бутин 197
Буш А. 147, 197
Быков 178
Бычков И. А. 128
Бэкон Р. 51
Бэнкрофт Г. X. 26, 41, 111
Бэр К. М. 37, 45, 52, 291
Бюаш Ф. 169, 249, 250, 255, 256
Бюрриель 250

Вавилов С. И. 75
Вагер 267
Вагнер Г. Р. 25, 40, 46, 52, 71, 72,
249—251, 258
Ваксель Св. 36, 39, 44, 244
Валло К. 25, 41
Вальдземиллер М. 52
Вальтон 236
Варений Б. 184
Вареп Э. Ф. 7, 159, 168
Варшавский С. Р. 20
Василий Иванович, князь 54, 56, 79
Васильев И. 197
Васильев Л. (Сиверов) 82
Васко да Гама 18, 21, 22
Вахромеев Г. 94
Вебер Ф. X. 134, 140, 143
Великий Могол 285
Верещагин 236
Вернадский Г. 112
Веррацано 59
Вертлюгов Ф. 233, 234
Веселаго Ф. Ф. 273
Веспуцей 182
Виванте А. 20
Вид А. 62, 63, 72
Видер Ф. 46, 71
Визе В. Ю. 9, 20, 46, 72, 75, 120, 141
Вильстер 286

Виллюй В. 94
Винниус А. А. 117, 120, 128, 164
Винсгейм X. H., де 111, 168
Витсен Н. 117, 118, 120, 134, 141
Власов В. 24
Власьев В. 83, 90, 91, 95
Волынский 285
Вольф 271
Воронцов А. Р. 27
Воротынский И. А. 117
Ворыпаев Н. 99, 101
Врангель 134
Вуд Д. 274
Вьетор А. 19

Гаврило 68
Гагарин В. И. 144, 152
Гагарин М. П. 146, 147, 152, 194
Гама Ж., де 136
Ганс Г. 62
Гаррингтон В. 271, 272
Гаррис Л. 29
Гастальди 54, 68, 71, 189
Гвоздев М. С. 23, 197, 209, 215, 218,
222—235, 236, 244, 245, 257, 258,
263, 284, 290, 291
Гегель Г. В. Ф. 17
Генрих V 62
Генрих VIII 58
Генс 218, 222, 256, 257
Георг II 271, 272
Георг III 29
Герасимов Дм. 24, 54—56, 58, 62, 72
72
Герберштейн С. 24, 62, 63, 72
Гергарди 260
Герман 77, 209—212, 214
Германус Г. М. 19
Геродот 47
Герритс Г. 66, 141
Гиддингс 20
Гиндфорд Д. 248
Глебов М. Б. 92, 113
Гмелин И. Г. 36, 45, 235
Гнучева В. Ф. 165, 179
Годунов Борис, царь 62, 75, 76
Годунов П. И. 75, 116—118, 126, 128,
141, 248
Голдер Ф. А. 9, 10, 29, 35, 42, 44, 45,
74, 113, 121, 142, 220, 233, 256, 257
Голенищев-Кутузов И. Ф. 78, 101
Голиков И. И. 201
Голицын С. Д. 45, 277, 278
Головачев С. 93, 94
Головин П. П. 88, 89, 92—94, 113
Головин Ф. А. 120
Головкин М. Г. 259, 265, 276

- Голыгин И. 151
 Гольденберг Л. А. 6, 10, 131, 143
 Гоман И. Б. 158—162, 164, 165, 168—170, 240, 244
 Гонднй 128
 Горелый А. 88, 113
 Готье Ю. В. 116, 141
 Грек М. 54, 181
 Греков В. И. 5, 6, 10, 46, 161, 179, 199
 Гренард 274
 Григорьев Л. 89
 Григорьев П. 94
 Гримен 20
 Грин Д. 250
 Грон Я., де 259, 273
 Гудзон Г. 43, 59
 Гусельников В. 81, 83, 113

 Дагиляр М. 135
 Д'Акоста Ж. 259, 266, 267, 269, 271, 274, 284, 290
 Далион 254
 Дауркин Н. 179, 207
 Девьер 223
 Дежнев С. 9, 23, 25, 74—78, 80—86, 88, 89, 92, 94—105, 107, 108, 110, 111, 113—115, 117, 119, 123, 130, 134, 152, 155, 176, 206, 212, 213, 240, 245, 258, 280, 289—291
 Дейне Фр. 29
 Делиль де ла Кройер Л. 244, 249, 255
 Делиль Ж. Н. 189, 200, 204, 217, 223, 233, 248—256, 287
 Делиль К. 249
 Дементьев 28
 Денбар 31, 277
 Денбей (Гавриил) 124, 125, 136, 142
 Дефо Д. 252
 Дженкинсон 62
 Джеральдино 271, 272
 Джефферсон Т. 28, 42
 Джильберт Г. 59
 Джонс Г. 19, 20
 Джонсон Р. 62, 63
 Джоунз Гв. 13
 Диас Б. 18
 Дивин В. А. 7, 242, 245, 258
 Диков Н. Н. 7
 Диодор Сицилийский 181
 Добржанов И. 179
 Добросмыслов А. И. 37
 Долгих Б. О. 7
 Долгорукий кн., губернатор 220
 Долгоруков И. А. 238
 Дрейк Ф. Т. 135, 193
 Дэвис 59
 Дэдерлейн А. 159
 Дюгальд Ж. Б. 216

 Евдокимов Савва 114
 Евдокимов Стенька 83
 Евреиннов И. 134, 160, 175, 180, 197—200, 202, 203, 247, 256, 281
 Евтеев О. А. 7
 Едемский 114
 Екатерина I 39, 249, 284
 Екатерина II 29, 41, 207
 Елагин 236, 258
 Ельчин Я. А. 127, 147, 148, 155, 159, 160, 174, 175, 179, 180, 194—197, 199, 203, 227, 280, 290
 Енисейский И. 146, 148, 160, 169, 174, 175, 195
 Ерастов И. 80, 85, 88, 89, 91, 97
 Ершов Л. В. 131
 Ермак Тимофеевич (Ермак Тимофеев) 23, 73, 78, 79
 Ефимов А. В. 9, 10, 49, 161, 164, 175, 178, 193, 258

 Жербильтон 121
 Жуйков Г. 20

 Забелин И. Е. 261
 Заварицкий А. И. 178
 Зальтерио (Зальтьери) 61, 71, 189
 Замысловский Е. 112
 Замятин Г. А. 42
 Заозерский А. 291
 Захаров 102
 Зено Н. 13
 Знаменский С. 291
 Зубов Н. Н. 75, 77
 Зыбин А. 226, 257
 Зыбин Г. 142

 Иван Васильевич, князь 182, 211
 Иван II Иванович 76
 Иван III Васильевич 24, 78, 79
 Иван IV Грозный 68, 73, 74, 76, 77, 79, 285
 Иванов И. 77
 Иванов К. 80, 92, 101, 102, 112
 Иванов (Постник) 88
 Иванов С. 84
 Иванов Ш. 93, 94
 Игнатий, монах 180
 Игнатьев И. 85, 90, 289
 Игнатьев М. 100
 Идес Э. И. 117, 118, 126, 141
 Идриси 14
 Иелбуга 100
 Ильин Т. 83
 Ильях 28
 Имбеллони Дж. 20
 Ингстад Х. 11—14, 19

- Индикоплев К. (Индоплаватель) 48
 Иннокентий IV 50
 Иовий Новакомский П. 54—56, 58, 72
 Иосаф (Болотов) 210, 211
 Иосиф, иеромонах 197
 Истома Г. 24, 56

 Каан Г. 46, 71, 165
 Кабот Дж. (Кабото Дж.) 18, 51, 85
 Кабрилло, де 60
 Кадек М. Г. 75
 Кайданов 42
 Калиба 90
 Каманин Л. П. 7
 Кампредон 200
 Канг-хи 256
 Кантемир А. 261, 266, 268—274, 276, 290
 Кантемир Д. 266
 Каньони 270—272
 Каравак 217
 Каргополь И. 180
 Каржавин Ф. В. 31
 Карл I 261
 Карл II 274
 Картерет 18
 Картье Ж. 59
 Кац Б. Д. 115
 Кашеваров 41
 Киприянов В. О. 187—190, 192, 193
 Кириллов И. К. 37, 134, 159, 160, 168, 180, 192, 200, 216, 220, 240, 252, 259, 281, 290
 Киселев Я. 93—95
 Климент VII 54
 Кличка Ф. Н. 29
 Клюр М. 60
 Кнебель Б. 264
 Кнут Э. 13
 Княжецкая Е. А. 7
 Кобелев И. 207—209, 214
 Кобелев Т. 136, 143, 151
 Коган М. А. 19
 Кожевин И. Е. 111
 Козанцов Л. 102
 Козыревский И. 76, 137, 138, 144, 150, 152, 174, 175, 180, 198, 220, 222, 247, 280
 Коино П. 54
 Кокоулин П. 93—95
 Колесов В. 136, 152
 Колесов И. 139
 Коллинз Г. 11
 Колумб Х. 11—14, 17, 18, 21, 33, 51, 85, 183, 232, 290
 Кондырев Ж. В. 79
 Копылов Дм. 80, 123
 Корам Т. 276, 277

 Кордт В. А. 46, 52, 71, 72, 252, 254, 258
 Кордые А. 14
 Коронадо 60
 Кортес 15, 51, 52, 60, 85
 Корф О. 253, 254
 Коткин К. 83, 114
 Крамп Ф. Г. 71
 Красильников А. Д. 168, 235, 236
 Крачковский И. Ю. 14, 22, 50
 Крашенинников С. П. 5, 10, 36, 38, 39, 45, 86, 114, 154, 235, 237, 245—247
 Кремер В. 9, 10
 Креницын П. К. 27
 Крестьянников 178
 Кречетов Ф. В. 31
 Кретчмэр К. 18, 72
 Кромвель 282
 Кронман Ф. 117
 Кроха И. Г. 83
 Крэмп Ф. Г. 46
 Ксентонж А., де 59
 Кубасов, см. Атласов
 Кудрявцев Ф. А. 7
 Кузаков Г. 146, 147
 Кузьмин П. 89
 Кук Дж. 30, 31, 160, 208
 Куракин 260
 Курбский 78
 Куркин Н. 87
 Курсов Е. 99
 Курц Б. Г. 109, 115
 Кушнарев Е. Г. 164

 Лавренцова Т. Д. 115
 Ладыгин Дм. 31
 Лазарев Н. 25, 185, 193
 Лазарев П. 88—90
 Ла Кортэ 16
 Ламаев 136
 Ланни Р. М. 68—70
 Лапуцкий С. А. 117
 Лаптев Д. Я. 192, 238, 239, 244, 258
 Лаптев С. Н. 192
 Лаптев Х. П. 192, 238, 258
 Ласинус 238, 239
 Лебедев Д. М. 7, 22, 46, 75, 80, 112, 141
 Лебедев-Ласточкин П. 27, 212, 213, 256
 Лев X 56
 Левашов 27
 Лейбниц 290
 Лензен Дж. 8
 Ленин В. И. 281, 291
 Леонардо да Винчи 52, 55
 Леонтьев Ф. 31
 Лесков Н. С. 41
 Ливингстон 23

- Лидиард 31
 Лиль Г., де 70, 134, 223, 224, 244, 255, 290
 Линденау Я. И. 27, 206, 214
 Липин О. 137
 Лобанов-Ростовский И. И. 103
 Логан Д. 63
 Лодыженский М. С. 100
 Ломоносов М. В. 240
 Лошак 68
 Лошаков К. 90
 Лужин Ф. 160, 175, 197—199, 202, 203, 256, 281
 Лыков В. 185
 Львов И. 128, 130, 144, 145, 148, 155, 157, 158, 160—165, 168, 169, 178, 179, 220, 240, 256, 281, 289
 Людовик IX 51
 Ляцкий И. 62
- Магеллан 21, 23
 Магидович И. П. 7, 112
 Мадарьяга С., де 12
 Майков 44
 Майолло В., де 54
 Макарий 210
 Макарова Р. В. 6, 10
 Макачкин 176, 177, 280
 Максимилиан 72
 Малейн А. И. 56
 Малгин Н. 5, 145, 146, 152, 214
 Мальгин С. Г. 236, 239
 Маржид ибн Ахмад 22
 Марков С. Н. 44, 50, 75, 111, 112
 Маркс К. 23, 24, 40, 76
 Мартенс Ф. 263
 Мартынов Ф. 93, 94
 Масса И. 66, 72, 141
 Меггерс Б. 14—16, 20
 Медушевская О. М. 5, 6, 10
 Мезельер 254
 Мезенцев А. Н. 141
 Мельников А. 203—206, 284, 290, 291
 Меньшиков 256
 Мессершмидт Д. Г. 10, 142, 164, 202
 Меркатор Г. 56, 62, 71, 127, 183
 Миддендорф А. 47, 71, 202
 Мидльтон К. 247
 Микитин И. 93
 Миллер Г. Ф. 36, 44, 74, 84, 97, 105, 107, 108, 111, 115, 137, 138, 143, 145, 146, 148, 154, 155, 158, 160—163, 169, 177—179, 197—199, 235, 244—247, 256
 Милюков П. Н. 148
 Мпнин 238, 239
 Михаил Федорович, царь 62, 84
- Михайлов Дм. (Зырян Ярило) 80, 85, 89
 Михов Х. Д. 72
 Могилев И. 152, 154
 Мокрошубов П. 101
 Молик А. 196
 Молль Г. 143
 Момахунни К. 208
 Монтадон Ж. 20
 Морозко Л. 123, 142, 143, 174
 Морозов А. 183
 Москвитин 23, 80, 96, 123, 280
 Мостахов С. Е. 7, 289, 291
 Мотора С. 87, 88, 94—96, 98, 99, 102, 123
 Мочанов Ю. А. 7
 Мошков 197, 222, 227, 228, 256
 Муравьев 236
 Мусин-Пушкин А. 31, 122, 123, 278
 Мусманно М. А. 16
 Мушерон Б. 66
 Мюнстер С. 71, 72, 189
- Наврот М. И. 7
 Нагибин П. 27, 197, 203, 204, 290, 291
 Нартов А. А. 44
 Нартов А. К. 35, 44, 285
 Наседкин М. 145, 146, 152
 Невейцын Я. 147, 197
 Нестеров А. 31
 Нестор 68
 Никитин Аничка 88
 Никитин Афанасий 56
 Ноара Н. 20
 Новиков-Даурский 7
 Новлянская М. Г. 7, 162, 164, 179
 Новоселов П. 90, 102, 103
 Норденшельд А. Э. 71, 79, 117, 141
 Ньютон А. П. 276
 Нягилба 88
- Обер (Гюбер) 59
 О'Брайен (Обрием) 268, 270
 Овцын Дм. Л. 236, 238, 239, 241
 Оглоблин Н. Н. 74
 Огрызко И. И. 7
 Окладников А. П. 7, 8, 46, 112
 Окунь С. Б. 7, 38, 45
 Онтонов Г. 94
 Опухин Е. 208
 Орехов О. И. 44
 Орлов Б. П. 75
 Орлова Н. С. 10
 Ортелий 69, 71, 128
 Осипов А. 100
 Остерман А. И. 264, 272, 276
 Островский Б. Г. 38, 45
 Оупи, см. Спидвелл

- Павлов Е. 93, 94, 97, 98, 100, 102
 Павлов С. М. 236
 Павлов-Сильванский Н. 273, 275, 279
 Павлуцкий 204, 218, 222, 223, 225,
 226, 228—230, 257, 281, 284, 287
 Пален Ф. П. 28
 Паллас П. 120, 142, 214, 234, 258
 Пальмквист Э. 116—118
 Панин Н. И. 29, 30, 42, 44
 Пасецкий В. М. 7
 Пассек В. 209
 Певцов 23
 Пекарский П. П. 187, 192, 198, 201
 Пенега И. 94
 Пермьяков 229
 Перрата Фр. 45, 277
 Перри Дж. 37, 45, 143
 Персон Я. 68
 Перфирьев И. 80, 85
 Перфирьев Н. 100
 Перчас 68
 Петерман А. 72
 Петр I 31, 34—40, 43—45, 74, 120, 124,
 125, 139, 144, 158—160, 162, 164,
 165, 168, 169, 174, 175, 183, 186, 187,
 198—200, 202, 216—218, 256, 260,
 261, 266, 275, 277, 278, 282—286, 288,
 290, 291
 Петр II 264
 Петриловский 139
 Петров А. 146, 161
 Питалер Дж. 252
 Плано Карпини Дж., дель 50
 Платон 181
 Плениснер 87, 207, 214
 Плишке Х. 20
 Плоских К. 147
 Покровский А. А. 37, 38, 257, 288
 Полевой Б. П. 6, 112, 115, 120, 127,
 131, 141—143, 154, 160, 164, 178,
 179, 199
 Поло Марко 51—53
 Полонский А. П. 194, 201, 225
 Попов 74, 280, 289
 Попов А. 185
 Попов П. 111, 155, 160, 162, 164, 175—
 177, 204, 205
 Попов Ф., см. Алексеев Ф.
 Поротой А. 151, 152
 Потанин 23
 Потапов И. 102
 Поярков В. Д. 80, 93, 123
 Преснецов Р. 148, 152, 154
 Пржевальский Н. М. 23
 Приск 48
 Прончищев 238, 239
 Прютч К. И. 117
 Птолемей Клавдий 10, 47—49, 52, 55,
 71
- Пуляев И. 93—95
 Пушкарев И. 94
 Пушкин В. Н. 83, 91, 92, 94, 113
 Рабинович В. Н. 43
 Радищев А. Н. 30
 Ракитин 196
 Рамузий 50, 72
 Ребров 80, 95, 90
 Рейни Фр. 14
 Ремезов И. 131
 Ремезов Л. 131
 Ремезов С. (младший) 131
 Ремезов С. У. 8, 10, 75, 118, 126—131,
 134, 138, 139, 144, 152, 153, 158, 160,
 162, 164, 169, 240, 256
 Рено Ф. П. 42
 Реткин И. 90, 93, 94, 96, 97, 100
 Риве П. 20
 Роберваль 59
 Робертсон Л. Р. А. 42
 Рогович Г. 68
 Рожков А. Н. 7
 Родес И., де 108—110
 Рондо К. 271, 272, 274
 Рос Л. С. 41, 46, 71
 Ротчев 41
 Ртищев 236, 244
 Рубец И. 101
 Рубрук Г., де (Рубруквис) 51
 Руденко С. И. 7, 43
 Румянцев Н. И. 42
 Рычков П. И. 168
 Рюйш Н. 52
 Рябов И. 114
- Савостьянов 136
 Салищев К. А. 168, 179, 258
 Салтыков Ф. С. 259, 260, 263, 275,
 276, 290
 Салтыков-Травнин 78
 Салтыков-Шедрин Н. Е. 41
 Самойлов В. А. 75, 81, 113, 115
 Санима 139, 175
 Свифт Дж. 252
 Сгибнев А. 114, 125, 137, 138, 142,
 194, 196, 199, 201, 203, 205, 214, 220,
 223, 256, 257, 291
 Седов Т. 152
 Селиверстов Ю. 81, 96, 98—100, 102,
 110
 Семенников А. 45
 Семенов Л. 83
 Семенов М. 93, 94
 Семенов Н. 99, 100, 105
 Сербина К. Н. 141
 Сердербург 13
 Серебренников 197
 Сидери Г. (Каллапода) 54, 71

- Скелтон Р. А. 12, 19
 Скобельцын 236
 Скорняков-Писарев Г. Г. 218, 256, 276
 Скребыкин М. 144, 175
 Скуратов 236
 Скурихин И. 223, 225—227, 230, 234
 Словцов П. А. 74, 108, 113, 207
 Смердов Т. 154
 Смит Т. 43, 63
 Соймонов Ф. И. 162, 163, 223, 224, 284, 285, 290
 Соколов А. П. 36, 44, 120, 121, 215, 225, 234, 240, 242, 255, 257, 258
 Соколов К. 147
 Солдат Ф., см. Федотов О.
 Соловьев С. М. 36, 45, 199, 201, 273, 288
 Сопиков В. 187
 Сорокоумов И. 144, 146, 147
 Софронов Ф. Г. 7
 Спасский Г. 87, 95, 96, 98, 114
 Спасский Н. 185
 Спафарий Н. 121, 125
 Спешнев 257
 Спидвелл (Оупи) 270—272, 274
 Стадухин М. 80, 85, 87, 88, 90, 94—99, 102, 114, 123, 289
 Стадухин Т. 96, 145, 146, 214
 Старостин Н. Н. 141
 Стеллер Г. В. 36, 45, 235
 Стенли 23
 Стеншин П. Г. 83, 91
 Степанов А. А. 7, 88
 Степанов О. 97
 Стерлигов 238, 239
 Стефанссон В. 18, 20
 Страбон 47, 54
 Страленберг Ф. И. 111, 130, 139, 162, 164, 179, 180
 Стрешнев Р. М. 78
 Струков Д. П. 142
 Супонев К. О. 83, 91, 92, 94, 113
 Стюарты 268
- Табберт, см. Страленберг
 Тарасов 197
 Таривари Ю. 264
 Татаринов И. 145, 147, 151, 152
 Татаринов П. 152, 161, 196
 Тейлор Э. 12, 13, 19
 Тейшейра 136
 Тен Т. Л., де 13
 Теплов Г. И. 31
 Те Ранги Хироа (Бак П.) 20
 Терешкин И. 175, 205
 Титов А. 79, 112, 118, 120, 141
 Тихомиров Г. С. 7
 Товтыгин Ф. 62
 Толдин Е. 175, 205
- Толстоухов И. 120
 Томас Б. П. 42
 Торстенссон Б. 12
 Тотменин М. 94
 Траурнихт Д. А. 120, 129, 131, 139, 144, 145, 151, 152, 164, 176, 256
 Трегубова Е. А. 219
 Треска (Тряска Н.) 147, 197
 Трешников А. Ф. 9
 Ту Ли-шен 71
 Туманский Ф. 119, 141
- Уиллоуби 62
 Уоллис 18
 Уордсворт Дж. 271
 Усленев 236
 Усов А. 81, 82
 Усов В. 82, 85
 Уэльв Ал. С., де 13
 Уянда 88
- Фадлан Ибн 48
 Фанфани А. 12
 Фармаковский М. В. 7
 Фаррели 212, 213
 Федор Иванович, царь 76
 Федоров В. 147
 Федоров И. 23, 197, 209, 215, 218, 222—234, 240, 244, 249, 257, 258, 284, 291
 Федоров И. (Катаев) 101
 Федорова С. Г. 7, 213, 214
 Федотов А. (Гусельников) 83, 113
 Федотов В., см. Гусельников В.
 Федотов О. 93—95
 Федчина В. Н. 7
 Фель С. Е. 7
 Фенев 236
 Фер, де 66
 Фердинанд, король 182, 183
 Ферри Г. 12
 Филатов Е. 92
 Филлипс Р. А. 25, 41
 Финч 72
 Фишер И. Э. 235
 Фишер Р. Х. 25
 Флетчер Д. 50, 71
 Фокс Л. 59
 Фонте, де 217, 249—252, 255
 Фонте Б., де 251
 Фрадкин С. Г. 7
 Франклин Б. 60
 Франклин Дж. 29, 30
 Францбеков Дм. 81, 97, 109—111, 123
 Францбеков И. 109
 Франциск I 59
 Фридрих-Вильгельм, герцог 261
 Фриз М. Г., де 135, 193
 Фризиус Л. 54
 Фриис Г. Р. 9

- Фролов Г. 94
Фука Ж., де 217, 251, 252, 255
- Кабаров Я. 80, 110, 123
Харитонов С. 180
Хедлам С. 276
Хейердал Т. 16
Хехгигит 87
Хитров 244
Хметевский 172, 236
Хмыров М. Т. 187, 192
Хрисниц Н. 201
Христиан VII 43
Христина, королева 109
- Чанслер Р. 24, 62
Чаплин 216
Чекчей 100, 115
Чели М. Г. 14
Челюскин 238, 239
Ченокал В. Н. 7
Чентурионе П. 56
Черкасский А. 276
Черкасский М. Я. 128, 220
Черный 78
Чернышев П. Г. 248
Черри Ф. 63
Честерфилд Ф. Д.-С. 248
Чирвинский П. Н. 178
Чириков А. И. 23, 28, 39, 172, 189,
215, 216, 224, 236, 238—242, 244, 245,
247, 249—251, 255, 257, 258, 269, 284,
287, 289—291
Чиченев 41
Чичин 88
Чюкичев Ф. 88, 89
Чюркин 83
- Шамаев И. 146, 151
Шаховский И. 31, 79
Шаховский М. М. 79
Шаховский Т. 31
- Шенаныгин 236
Шестаков А. 134, 143, 159, 160, 163,
180, 205, 215, 217—222, 256, 257,
276, 284, 290
Шестаков В. 222, 256
Шестаков И. 222
Шелихов Г. 27, 28, 42, 76, 209
Шельтинг 236, 244
Шефнер 271
Шёнер И. 52
Шиганов Ф. А. 7
Шишкин П. 161, 162, 167, 169
Шлецер 260
Шпанберг М. П. 215, 223, 226, 231,
234—236, 244, 245, 257, 258, 269
Штаден Г. 62
Шумахер 253
Шумилов В. Н. 199
Шунков В. И. 46
- Щипицын В. 206
Щукин В. 94
- Эванс К. 14—16, 20
Эйлер 246, 253
Эльтон В. 263, 273, 276, 290
Эльюрд П. 277
Энгельс Ф. 40
Эрастосфен 47
Эриксон Л. 12, 13, 19
Эстрада Э. 14, 15
- Ювеналий 210
Южак И. 94
Юрлов 236
- Яков Курляндский 260, 261, 280
Яковлев А. 173
Яковлев И. 94
Яновский С. И. 210
Ярмолинский А. 185
Яцунский В. К. 46

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Предисловие	3
Глава	I Вопрос об открытии Америки	11
Глава	II Постановка проблемы и историография вопроса	21
Глава	III Географические концепции античного мира и средневековья о северо-восточной части Азии	46
Глава	IV Великое географическое открытие Семена Дежнева и его спутников	73
Глава	V Заслуги русских землепроходцев и мореплавателей в расширении географических знаний во второй половине XVII — начале XVIII в.	116
Глава	VI Походы русских мореплавателей в начале XVIII в. и первые карты Чукотского полуострова, Камчатки и части Северной Америки	144
Глава	VII Сведения об Америке, приходившие в Россию с Запада	181
Глава	VIII Карты Василия Киприянова	186
Глава	IX Большой Камчатский наряд и плавание Евреннова	194
Глава	X Походы Нагибина и Мельникова. К вопросу о ранних поселениях русских в Америке	203
Глава	XI Экспедиция Федорова — Гвоздева и Беринга — Чирикова	215
Глава	XII Планы России о заведении поселений в Америке и подготовка экспедиций в первой половине XVIII в.	259
Глава	XIII Экономические связи России с Америкой в первой половине XVIII в.	275
	Заключение	280
	Указатель имен	292

Алексей Владимирович Ефимов

Из истории великих русских географических открытий

Утверждено к печати Отделением истории Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. П. Прохоров*, Художник *А. В. Коврижкин*

Технический редактор *Ф. М. Хенос*

Слано в набор 22/XII 1970 г. Подписано к печати 26/IV 1971 г.

Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 18,75+1 вкл. Уч.-изд. л. 20,3

Тираж 11 700. Бумага № 1. Тип. зак. 4429. Т-06475

Цена в переплете 1 р. 51 к., в обложке 1 р. 28 к.

Издательство «Наука», Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука» Москва, Г-99, Шубинский пер., 10